Одесский альманах

№94

III / 2023

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↑ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

УДК

Литературно-художественное издание

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (94), 2023
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга, Михаил Пойзнер, Алена Яворская
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Не периодическое издание
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук» Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 100 экз.
Заказ № _____

ISBN

Літературно-художнє видання

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (94), 2023
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ»
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Михайло Пойзнер, Олена Яворська
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Не періодичне видання
Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 100 прим.
Замовлення № _____

© «Дерибасовская – Ришельевская», 2023

Под звуки воздушной тревоги

Наши читатели наверняка заметили, что подборка материалов под этим заголовком обычно стоит не до, а после традиционного обращения «От редакции». Что же нынче повлияло на привычный сценарий нашего общения? Уже двадцать три года третий, осенний, номер выходит к началу сентября – месяца, когда мы отмечаем День города. Обычно в нем преобладают материалы, посвященные знаменательным событиям в истории Одессы, ярким личностям, чьи имена прославили Отечество и нашу малую родину. Есть они и в девяносто четвертом номере, который вы сейчас читаете, но все же главной темой и идеей номера стала война.

Она присутствует не только в произведениях членов литературного клуба «Зеленая лампа», как всегда, объединенных девизом «Под звуки воздушной тревоги», но и поэтов, и писателей, чьи стихи и проза опубликованы в традиционных разделах. Высокий пафос и темперамент Таи Найденко соседствует со сдержанным мастерством Алексея Кабанова, лаконичный трагизм Людмилы Шарги – с трогательной фантастической лирикой Виктории Коритнянской…

Вы, может быть, удивитесь, но в Одессе и сегодня пишут романы. Мы публикуем главу из нового произведения Анны Михалевской «Дети Трещины» и ждем его выхода в свет.

Одесса – традиционно веселый морской город. В сегодняшнем номере бывалый капитан Вячеслав Вольф делится с нами забавными историями, которые случаются в дальних рейсах.

Наша редакционная работа – тех, кто планировал, готовил к выпуску в свет этот номер, – проходила если не в тревожной,

то в обстановке, насыщенной чувством особой ответственности, что особенно обострилось в последние дни июля. Когда пишутся эти строки, минуло менее суток с самой жестокой и массированной атаки российских ракет и дронов на город, готовящийся встретить воскресение. Был разрушен Свято-Преображенский собор, на грани гибели оказался Дом ученых. Несколькими днями раннее серьезные повреждения получили литературный, археологический, художественный музеи… Центр Одессы, лишь недавно получивший статус мирового культурного наследия ЮНЕСКО и находящийся под защитой европейского сообщества, практически утратил здания и локации, с которыми неразрывно связан высокий уникальный образ Одессы – достояние мировой культуры и искусства. В наших музеях и библиотеках оказались потревожены раритеты, связанные с древней историей Причерноморья (об исторических реликвиях пишет в номере профессор Андрей Добролюбский), рукописи Исаака Бабеля и Корнея Чуковского (об этих авторах-одесситах рассказывают Анна Голубовская и Наталья Панасенко), архитектурные памятники (статья Сергея Котелко), полотна известных одесских художников, среди которых Лев Межберг (о его творчестве пишет Тамара Михайличенко).

Война раскрыла новые черты личности наших земляков – и воинов, сражающихся на фронте, и тех, кто в почтенном возрасте мог бы спокойно жить в кругу семьи: такова Маргарита Пекарь – в раннем детстве узница гетто, в зрелом энергичная успешная одесситка, добившаяся признания в США, но вернувшаяся на родину, чтобы стать волонтером нашего главного госпиталя на Пироговской, – ушла из жизни в годовщину войны, оставив по себе добрую память у медиков и излеченных бойцов (статья «Волонтер Пекарь»).

В дни тяжелых испытаний ярко проявляются черты одесского характера, присущего общности представителей разных этносов, национальностей, религий. Уже много лет рассказывает об этом Евгений Голубовский. На сей раз его статья посвящена одесским голландцам, и в первую очередь – выдающемуся инженеру, первостроителю города Францу Деволану.

Под звуки воздушной тревоги отправился в типографию этот номер нашего альманаха. Его судьба решалась на всем пути от рукописей – к типографскому файлу. Не пристало нам, журналистам, сетовать

У входа в порушенный храм. Фото Анны Голубовской

на трудности в дни, когда суровые испытания и тревожные вызовы возникают перед каждым нашим соотечественником и земляком. И все же, если вы читаете эти строки не с экрана компьютера, а перелистывая страницы, значит, и мы можем передохнуть, прежде чем приступать к очередному номеру. Он будет юбилейным, девяносто пятым. Не сотым, но все же.

От редакции: до встречи.

P. S. И о привычном и неизменном. Номер открывается произведениями наших друзей, классиков одесской литературы: монологами Михаила Жванецкого и Юрия Михайлика. Читайте и размышляйте.

Отвечаю на стандартный вопрос: «Что у вас нового, Феликс?»

У меня – ничего нового.

Я все уже пережил.

В 41-м рыжим младенцем в ту июльскую ночь я спал на балконе родном, марсельским укрыт полотенцем. Тогда мне хватило сил. Хватило молитв моей маме, хватило и бабушке Песе. Мы жили тогда в осаде в бомбимой горящей Одессе. Сегодняшней ночью* увидел воочью тот детский заплаканный сон. Вновь крики ворон, голубей хлопотанье, качается пол, содрогается зданье, протяжные крики сирен…

И Таня из кухни несет табуретку, и мы выбираем: какие же наши из стен. Как бабушка Песя (мой возраст известен), молюсь за Одессу, за Город, собор, за дома и музей, за улицы наши, за парк, Ланжерон и людей.

И сил маловато – не то, что когда-то, но мы остаемся и в море когда-нибудь точно скупнемся. Без этого – не обойдемся. Примета такая: кошка родная сидит, не моргая глядит из окошка. А Город качает, но Чаузи этого не замечает, ведь черные кошки – колдуньи немножко; и все про что будет, с большой вероятностью знает.

Феликс Кохрихт

* Ночь на 23 июля 1941-2023.

Михаил Жванецкий

Молчание – знак несогласия

Сегодня честный и принципиальный человек совсем другой.

Он не говорит, не возражает.

Он соглашается, но делает по-своему.

Он не знает ничего утомительнее и бесполезнее возражения, спора, убеждения, уговоров, речей.

На что силы тратить?

На подсвечивание себя в темноте?

Кого вы сумеете убедить?

Того, кто прекрасно вас понимает и поступает, как раньше.

Он выбрал такой путь.

За это ему платят – деньгами, должностью, мигалкой.

Он согласится и не изменится.

Как и вы.

Только путь его нечестен.

Ваш, по крайней мере, честнее.

Ему не верят, но подчиняются.

Вам не подчиняются, но верят.

Вы не можете, как он.

Он не может, как вы.

Вдруг катаклизм какой-то – садится в тюрьму либо такой, как он, либо такой, как вы, в зависимости от того, кто победит.

Вы оба живете, как того хотите.

У него лозунг, у вас жизнь.

Он придумывает старым вещам новые имена.

Вы называете вещи своими именами.

Его поддерживает большинство.

Вас – друзья.

Вы живете свой жизнью.

Он – чужой.

Вы выбирать друзей можете.

Он – нет.

Каждому каждое.

А говоря грубо, еще в советское время стало ясно: молчание – знак несогласия.

Юрий Михайлик

А она жива

* * *

Что ни ночь – до умопомрачения –
зыбкий свет и приглушенный звук –
бьется жилка на пересечении,
на сплетеньи, на смятеньи рук.
Дальнее морское колыхание,
звезд мерцанье, ветра тихий звон
и твое спокойное дыхание
в этот ритм плывут со всех сторон.
Исчезая, мучаясь, пульсируя –
чья она – моя или твоя? –
бьется жилка, тонкая, счастливая,
горестная жилка бытия.
Как прозрачно утреннее зрение,
как трезвы полдневные слова…
Но она жива в стихотворении.
Нас не будет. А она жива.

* * *

Пение намного старше чтения –
прежде слов, еще до языка
звуки страсти, гнева, нетерпения
клокотали в горле, как река.
Золотыми лиственными грудами
на изгибах рвущейся реки
малыми случайными запрудами
возникали смысла узелки.

Наводненьем, гибельным течением
никого не чая уберечь,
темной тайны внутренним свечением
эти реки создавали речь.
Над бичевником во влажной полночи
гаснут эхом в тишине ночной
краткий крик любви, мольба о помощи,
плотогона выговор хмельной.
В этом плеске, блеске, колыхании
все полно значенья, каждый знак –
то, что возвращает нам дыхание,
пушкин, тютчев, блок и пастернак.
Но плывут над миром междометия,
ритм жесток и музыка громка
на дороге в прошлые столетия.
Прежде слов. Еще до языка.

* * *

У кого-то смерть – забота,
а у нас и жизнь не в счет,
коль из нашего болота
только ненависть течет.
Солона ее вода,
в каждой горсточке – беда,
кто хлебнет ее однажды,
не избудет никогда.

* * *

Эти птицы обычно ходят попарно, А здесь их три.
И одной не хватает. Но все это долго длится.
Оглянись, пожалуйста, и внимательно посмотри –
где четвертая птица?

Эти, черные с белым, раскрашенные, как жизнь,
изучают пеньки – кто там прячется под корою? –
и глядят осторожно. Четвертая, покажись.
Но здесь почему-то трое.

Миллионы лет как грохнул метеорит,
все летел во мраке и вдруг решил приземлиться.
Динозавры погибли. Земля все еще горит.
Может, эти выживут. Где четвертая птица?

Где четвертая нежность, деликатность и тишина,
любопытный взгляд округлого глаза?
Где четвертая птица? Кому мешала она?
Под каким колесом? И потом или сразу?

Там, где в мире нет одного из нас,
огорчитесь, поплачете, поскорбите…
А ведь это чудовищный дисбаланс
на планете Земля, на ее орбите.

На зеленой поляне слегка крыло приподнять,
подойти поближе, приглядеться и удивиться,
почему человечество никак не может понять –
где четвертая, черт нас всех побери, где четвертая птица?

* * *

Туманный голос осени. Звезда
внезапно возникает – как чужая,
окутаны туманом, города
плывут над морем, тонут, исчезая
и выплывая в памяти моей
по берегам исчезнувших морей.
Большефонтанский мыс. Протяжный стон,
чуть приглушенный мякотью тумана –
еще звучащий сквозь нездешний сон,
еще предупреждающий – и странно,
причал, баркас, невидимый для глаз,
уйдут в туман на этот раз без нас.
Туманный голос осени. Волна
других широт, других времен и бедствий,
и мягкая густая белизна
чужого сна. Его причин и следствий

в тумане не найти, не обрести…
Стена тумана. И песок в горсти.

* * *

Небольшой аэропорт. Внутренние линии.
Невысокий горизонт в тучах грозовых.
Очереди сдать багаж длинные-предлинные,
слишком много багажа у еще живых.
На коротенький шажок очередь подвинется,
я шагну и окажусь там, в сорок втором,
в теплом августе, в лесу, в городке под Винницей,
где еще стоит мой дед над песчаным рвом,
там, где бабушка моя, птаха невесомая,
нарушая свой черед самый первый раз,
обручальное кольцо полицаю всовывает,
чтоб не после, не потом, а вдвоем, сейчас…
Духота и маята в тесном помещении,
через несколько минут сдашь свой чемодан…
Ты бессилен, милый мой, не бывает мщения
сотням лет, десяткам лет и любым годам.
Эта очередь бедой в жизнь твою продавлена,
где б ты ни был, за тобой эти боль и страх,
слишком ровные бугры на лесных прогалинах,
слишком сочная трава на лесных буграх.
Невеликий самолет – внутренняя линия.
Вот и капли на стекле – началась гроза.
Под тобой качнется степь, горькая, полынная,
над тобой сомкнется мглы злая полоса.
Это просто жизнь твоя – тьма, гроза и очередь.
Убывая навсегда в дальние края,
напоследок прошепчу, улыбнувшись дочери:
– Я – последний. Ты за мной. Очередь твоя.

ДЕРИБАСОВСКАЯ ✠ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Под звуки воздушной тревоги

Из ленты Фейсбука

14 **Людмила Шарга**
Мечты говорят о многом

16 **Виктория Коритнянская**
Ангелы с нами

19 **Тая Найденко**
В моем переводе

Людмила Шарга

Мечты говорят о многом

Одно из свойств войны: проявление сущности каждого. Где бы ни был. Что бы ни говорил. Сдирание масок. С кожей. С тем, что казалось лицом, а оказалось личиной.

В придыхания «ах, Одесса» и «ах, Одессочка» всегда верилось с трудом, а теперь не верится ни единому слову. У любвеобильных воздыхателей ни намека на сочувствие. Только ахи и вздохи.

Добавить к новостям сегодняшней ночи в Одессе нечего.

Разве что это: кремлевский кровавый уродец, конечно, отвратителен, когда рассказывает о смыслах и бессмыслице. Цитата: «Зачем противник бьет по жилым кварталам, я никак не могу понять. Ради чего, зачем, в чем смысл? И по явно гуманитарным объектам – это удивительно просто. Ведь смысла нет никакого. Какой смысл в этом? Военного смысла нет никакого, [он] нулевой».

Менее чем через сутки оккупанты нанесли удар по пятиэтажке в Кривом Роге. Двенадцать погибших. Около сорока раненых.

А перед этим расстрел людей, пытающихся спастись с левого берега. Оттуда эвакуируют только с российскими паспортами.

Расстрел в спину. Мужчина закрыл собой женщину. Она выжила.

А в это время страна… как называть эту проклятую страну, не знаю. Страна-убийца, страна-оккупант… празднует свой день.

Но еще более отвратительны те, кто слушает его, стоя рядом, сидя у экранов и мониторов. Кто верит и поддерживает. Кто принимает награды из окровавленных рук. Те, у кого по-прежнему «все неоднозначно».

Певица… одна из любимых, поет Цоя на «днероссии».

Квартирник у бывшего музыканта, бывшего человеком.

Гитара в подарок оккупантам от бывшего… человека, бывшего музыканта.

Не обязательно называть фамилии. Они узнаваемы.

Они омерзительны.

У кремлядского упырька пляшет лицо. Остатки лица.

Но хватит о них… Это все мертвечина.

Вчера спустилась к морю. Больно видеть. Но надо. Смотреть и запоминать.

Вспомнился еще один… бывший поэт, бывший человеком.

Не так давно его мечта сбылась: помыл ноги в Азовском море.

Нормальная мечта для существа, бывшего когда-то человеком.

Кто-то мечтает увидеть море. Погладить. Поцеловать. Окунуться…

Мечты говорят о многом.

Вот… ноги помыть – тоже из «мечт нелюди».

И я эту «мечту» запомню.

Как и сегодняшнюю ночь в Одессе.

К ночным обстрелам привыкли. Вспышки от сегодняшних взрывов и сейчас перед глазами.

Спасают сообщения от друзей… Настоящих. Ночные и утренние. Ночные звонки.

Их я тоже запомню.

Как каждый из четырехсот семидесяти шести дней войны, как каждую из четырехсот семидесяти шести ночей.

Виктория Коритнянская

Ангелы с нами

Необыкновенное происшествие в марте, или Почему однажды рассвет на земле наступил раньше, чем обычно…

Бог открыл глаза. Кто-то громко и настойчиво стучал в дверь Его опочивальни.

– Что за?.. – глянув в окно, пробурчал Всевышний.

Вылезать из-под одеяла не хотелось, но стук повторился. Усилием воли Бог открыл двери, и в опочивальню тут же ворвался ангел.

– Беда! Беда! – закричал он, заламывая руки.

– Что за беда?

– У солнца облако пропало! Его некому везти! День на земле… Он не наступит!

– Так… – сел на кровати Бог. – Давай по порядку. Как это пропало? Куда?

– Ну как? – нетерпеливо затрепетал крыльями ангел. – Сейчас март! Оно загуляло!

– А таблетки? Говорил же – давайте ему таблетки!

На этом месте у читателя вполне справедливо возникнет вопрос: «Зачем облаку в марте давать таблетки?». Что ж, с радостью на него отвечу. Дело в том, что облака гуляют в марте на небе точно так же, как и наши земные коты. Они отправляются на поиски тучи, а найдя свою любовь, надолго уединяются с ней в самых темных уголках неба. Чтобы облака

не сбегали, Бог сотворил специальные таблетки, но солнце, видимо, забыло их дать…

– Оно забыло их дать! – подтвердил догадку ангел.

– Искали?

– Все небо перерыли!

– Пошли! – скомандовал Господь и, не теряя ни секунды, полетел с ангелом к солнцу.

– День не наступит… День не наступит… – шептало, заикаясь, опухшее от слез солнце, лежа на кровати.

Ангелы молча стояли рядом. Затаив дыхание, они с тревогой следили за стрелками часов, которые медленно, но неумолимо приближались к красной отметке «конец утренних сумерек».

– Оно сбежало! Мы не можем его найти! Что делать?! – закричали они, увидев входящего Бога.

– Спокойно! Сейчас разберемся! Ты как? – пробираясь сквозь толпу ангелов, подошел к солнцу Всевышний.

Солнце лишь тяжело вздохнуло.

– Значит так, слушайте сюда! – обратился Господь к ангелам. – Сейчас, как только стрелки часов достигнут отметки конца утренних сумерек, вы все зависнете в воздухе друг за дружкой, а солнце… Ты слышишь? – толкнул Он солнце. – Начнет подниматься по вашим спинам, как по лестнице, пока я не найду облако-колесницу.

В это время часы издали тревожный звук – утренние сумерки подходили к концу.

– Начали! – взмахнул рукой Господь, и ангелы взлетели в воздух. Они застыли в темном небе друг за дружкой, а солнце сначала несмело, а потом все увереннее и увереннее – стало шагать по их спинам.

– Ой! Ай! Горячо! – вскрикивали ангелы каждый раз, когда солнце касалось стопами их спин. И солнце испуганно отдергивало ноги-лучи и, стараясь не обжечь, спешило, поэтому рассвет наступил на земле раньше, чем обычно.

«А облако?» – спросит читатель.

Подгоняемое Богом, оно вернулось домой к обеду и, выпив специальную таблетку, отправилось к солнцу, возить его по небу…

Живи и кричи!

– У меня внутри пустота, – проговорил вошедший ангел.

Бог не удивился и не стал назначать МРТ. Сотни ангелов с начала войны в Украине уже приходили к Нему с этими словами.

– Лети в Бахмут, – просто сказал Он.

Ангел развернулся, чтобы уйти. Бог молча перекрестил его в спину.

Дым плотной завесой скрывал разрушенный город. Где-то трещали пулеметы и автоматы, метались вокруг ангелы.

– Что мне делать? – бросился ангел к одному из них.

– Ищи одиноких! – крикнул тот, заглушаемый грохотом орудий. – Пусть они кричат!

– Одиноких?

– Да! Тех, чьи раненные хранители уже эвакуированы…

«А зачем им кричать?» – хотел еще спросить ангел, но мощный взрыв отбросил его далеко в сторону.

Проскочив через пустырь, ангел влетел в узкий проход между разрушенными домами. На земле у забора лежали люди. Пиксель на их форме местами был красным от крови.

– Раненые! Раненые! – звал ангел, перелетая от одного бойца к другому… – Слава Богу! – уловил наконец он слабое биение сердца одного из солдат. – Очнись! – дернул ангел. – Очнись, слышишь? Кричи! – бил он по щекам. – Пожалуйста, кричи… – плакал над телом.

И слезы ангела сотворили чудо – боец зашевелился… И застонал… Сначала тихо, а потом все громче и громче…

– Кричи! Живи и кричи! – умолял ангел.

И раненый кричал.

Вскоре за ним приполз парамедик.

А ангел?

– Кричи! Живи и кричи! – раздавалось в посадке и над полем, слышалось в переулках и долетало из подвала… Это ангел, забыв о себе, спасал защитников уже мертвого города под названием Бахмут…

Тая Найденко

В моем переводе

Так как вокруг одни товарищи по несчастью, сплошь святые или как минимум измученные люди, нахамить тут буквально некому.

Приходится разговаривать с телевизором, как говорится.

Вот кто-нибудь крякает с экрана моего ноута про «наших западных партнеров», а я в ответ сразу:

– Врешь, козлина! Теперь это *наши* западные партнеры.

Или какой-нибудь роспропаг начинает сокрушаться:

– Очень сложно стало планировать на будущее…

А я ему в ответ радостно:

– И правильно! Нет ведь у вас никакого будущего, сволочь ты эдакая. А похороны свои планировать неохота, да?

Недавно один вонючка в экране договорился до того, что он, мол, не за Россию и не за Украину, а за суд в Гааге. И там, значит, суд справедливо разберет каждый случай: россиян накажет за обстрелы гражданских в Украине, а украинцев – за все попадания по гражданским в РФ. Так, поясняет важный вонючка, всегда у нас в Гааге делается.

Я чуть свой ноут звуковыми волнами не расплющила, умоляя в экран:

– Уж ты скажи, родненький, сколько там точно людей наказано было в Гааге по поводу уничтожения города Дрездена, по факту бомбежек Берлина? Бог с ними, ты про ошибочно обстрелянную союзниками Прагу расскажи! Может, там в Гааге хоть извиниться кого-то заставили?..

Молчит вонючка, не отвечает.

Так что зря некоторые переживают, что я совсем необщительная стала. Общаюсь я много, все свободное время почти. Но только

с экраном, потому что ножек, чтобы встать и уйти, у него нет, так что никуда ему от такого общения не деться.

Впрочем, жажда доброго и светлого тоже никуда не делась. Поэтому подсаживаюсь иногда к дочерям, у которых на экранах чаще всего сериалы заморские сентиментальные. Минут пять посмотрю молча, а потом опять накатывает, прорывает – и я начинаю эти сериалы поверх дубляжа в голос дублировать.

Например, на днях мальчик маленький говорит своему сериальному папе:

– Пап, а я больше не хочу, чтобы ты был пожарным! Ты же можешь погибнуть! Бросай ты эту работу…

А папка у него такой красавец двухметровый, улыбчивый, слащавый до невозможности. Гладит сына по голове, умиляется и вещает пафосно:

– Понимаешь, сынок… Есть такие люди, как мы, пожарные, которые должны делать мир безопасным для людей. Мы приходим, чтобы спасать, спасать жизни, дома, города, ведь кто-то же должен это делать! Мы приходим туда, где нас ждут, где люди зовут нас со слезами… И я горд быть таким!

Мальчик рыдает. Папа едва не рыдает.

А у меня сам собой дубляж включается:

– Понимаешь, сынок… Я ведь – русский солдат! А мы должны делать мир опасным для людей. Мы приходим, чтобы уничтожать. Уничтожать и разрушать – жизни людей, их дома, целые города… И пусть нас не ждут, пусть люди прогоняют нас со слезами… Я горд быть таким!

Как на мой вкус, так сериал очень выиграл от такой озвучки. Но дальше было еще лучше.

Потому что дочь попросила меня перестать кривляться голосом русского солдата и дать послушать сериал. А там мальчик без всякой моей помощи сказал:

– Ох, пап, я когда вырасту, тоже хочу быть таким!

А папа снова погладил его по голове и объяснил гордо:

– А ты уже такой!

И они оба заплакали.

Гениальный сериал, если в правильном переводе.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

22 **Евгений Голубовский**
Голландский след

27 **Андрей Добролюбский**
«Хаджибейские» казаки и «рыбаки» из Монкастро

38 **Сергей Котелко**
Первый дом Анатра в Одессе

63 **Анна Голубовская**
Татары шли вверх по Дальницкой

73 **Тамара Каганович**
Из тех, кто помнит мой город…

81 **Наталья Панасенко**
Одесское окружение Корнея Чуковского: одноклассники

99 **Павел Козленко**
Фронтовой джаз

106 **Феликс Кохрихт**
Волонтер Пекарь

Евгений Голубовский

Голландский след

Продолжу, как и обещал, знакомить с национальными диаспорами, рассказывать о связях Одессы с большим миром.

Мы все учились понемногу… Для Российской империи обучение это начиналось с Голландии, с Петра Великого, ставшего там и мореплавателем, и плотником. Прошли еще десятилетия, и Екатерина Вторая призвала на русскую службу строителей, инженеров из Голландии.

Вот и Одесса начиналась не с голландского сыра или голландской нити, а с генплана.

Среди первостроителей был и Франс де Волан (в России чаще писали – Деволан), создатель планов нашего города, человек, на столетия определивший дух, размах, соразмерность Одессы. Я начал рассказ об этносах, диаспорах из Греции, так как дух Эллады витал и витает над этими местами. Продолжить хотелось бы рассказом о голландцах (кстати, именно на Деволановском спуске открыли как-то в Одессе «Амстердам»), ставших не завоевателями этих земель, а устроителями.

Без преувеличения можно утверждать, что первое имя, вписанное в историю строительства Одессы, – имя голландского военного инженера, естественно, на русской службе, Франса Деволана (1753-1818). Он приехал в Россию, уже будучи опытным мастером фортификации, в 1787 году и сразу же стал помощником, а затем близким другом Суворова.

Даже трудно представить, насколько это был профессиональный человек. И главное – трудоголик. Укрепление Кинбурна и Тирасполя, Овидиополя, эллингов в Николаеве, составление генеральных планов Вознесенска, Симферополя, Перекопа и Феодосии, наконец – создание обороны черноморского побережья…

Но для нас, одесситов, конечно же, навсегда останется в памяти, что с 1792 года Франс Деволан заинтересовался разрушенной турецкой крепостью Хаджибей, создал ряд генеральных планов Одессы, до сих пор поражающих четкостью регулярного решения. Как бы сквозь века увидел Деволан не только военную гавань, не только торговый город, но и общественный центр, о котором мечтали древние греки.

Пожалуй, только Петербург из всех городов России планировался столь же осмысленно. Суворов, ознакомившись с планировкой Одессы, писал вице-адмиралу Иосифу де Рибасу: «Ваш план устройства новой первоклассной гавани очень хорош. Вы там начальник и хозяин, а я вам помощник».

План Деволана его преемники осуществили, что, надо сказать, большая редкость и удача. А вот жизнь мастера сложилась трудно. Любимцев Екатерины Павел I ненавидел. Опала. Затем вновь приближение к власти. После Одессы Деволан попал в Мариуполь. И в 1818 году забытый Деволан умер. Деньги на похороны вдова вынуждена была взять в долг, но император, а это уже был Александр, за нее вернул долги.

Инженер-гидротехник голландец Берк фон дер Флис (в России его звали Борис Васильевич Фандерфлис) приехал в Хаджибей под руководство Ф. Деволана в 1794 году. Уже шло грандиозное по тем временам и меркам строительство. Специалистов, как всегда, не хватало. Фандерфлис, родившийся в 1762 году в Нипорте (Голландия), на родине успел стать образцовым инженером-гидротехтом, как тогда называли специальность, в которую входило строительство портов. В Одессе под руководством Ф.П. Деволана Б.В. Фандерфлис разработал проекты молов для гавани. И 2 сентября 1794 года, в день, который мы сегодня отмечаем как день рождения Одессы, произошла забивка первых свай. Проекты обрели реальность. Буквально под взглядами, под руками Деволана и Фандерфлиса рождался европейский город.

Пришлось Б.В. Фандерфлису заниматься в Одессе и работой «не по специальности». Он не был архитектором, но Дерибас приказал – и он запроектировал, а в 1796 году построил адмиралтейство для флотилии черноморских казаков.

У Фандерфлиса на юге было немало забот и поручений – то его отправляли в Кинбурн для ремонта крепости и шлюзов, то переводили на Днепровские пороги, где он проектирует шлюзы. А в 1819 году его назначили гидротехтом всех черноморских портов.

И чем бы он ни занимался – а это было то проектирование эллингов для строительства ста пушечных фрегатов в Севастополе, то возведение в Николаеве крупнейшей в России астронавигационной обсерватории, – он не забывал об Одессе. С 1828 года он окончательно возвращается в наш город.

Пожилой человек – другие давно бы ушли на покой – он взвалил на себя руководство всеми работами в порту. Более того, в 1829 году он запроектировал устройство набережной внизу Приморского бульвара, у основания Потемкинской (тогда – Гигантской) лестницы.

Фандерфлис разработал расширение и реконструкцию Военной и Карантинной гаваней, строительство деревянной Платоновской и Андросовской пристаней, эллингов Мортона в северо-западной части гавани, первых купален на Куяльницком лимане (начало 1840-х годов).

Голландский инженер Берк фон дер Флис умер далеко от Голландии, в Одессе, в марте 1846 года, оставив городу его нестареющее сердце – порт.

Говоря о диаспорах, из которых сложился наш город, можно назвать имена архитекторов, строивших Одессу: итальянца А. Бернардацци, француза Л. Оттона, мог бы назвать чеха В. Прохазку, поляка В. Домбровского, еврея С. Ландесмана, серба Коловича, австрийца Круги, русского И. Козлова, не говоря уже об украинцах Ф. Нестурхе, Ю. Дмитренко, И. Яценко… Но сейчас, когда рассказ ведется о голландцах, как не вспомнить о мастере, вобравшем культуру «страны ветряных мельниц» и бережно вписавшем ее в Средиземноморье?

В 1788 году в войсках при светлейшем князе Потемкине появился голландский архитектор, инженер-капитан Викентий Ванрезант. И сразу же ответственнейшее задание – строить Богоявленск, будущий Николаев, в устье Буга. Это ему принадлежит и генеральный план Богоявленска, и проект дворца Потемкина, и церкви Григория Великая Армения.

А потом Ванрезанта переводят в Одессу. Уже стало ясно, что центром южного региона станет не Николаев, не Херсон, а юная Одесса. Его работа – самые первые постройки: дом Ф. Дерибаса на Дерибасовской, 24, возведенный в 1797 году, перестроенный, расширенный Ф. Фраполли в 1807 году, дом Ришелье на углу Ланжероновской и Ришельевской.

По проектам В.А. Ванрезанта началось строительство церкви на Соборной площади. Вскоре замысел вырос в Преображенский кафедральный собор, планировка которого во многом повторяла схему Ванрезанта. Годом раньше по его же проекту была заложена каменная Екатерининская церковь. И этому детищу архитектора не повезло – в 1817 году при разбивке Приморского бульвара она была разобрана. А со смертью императрицы закатилась и звезда В. Ванрезанта – блестящий архитектор оказался в опале у Павла I.

Можно сказать, что строений Ванрезанта сегодня в Одессе не существует. Но он дал жизнь самобытному творчеству южнорусского ампира начала XIX века, который питал своими идеями архитекторов многих поколений.

Назову еще одно имя голландского офицера, которое и сегодня не забыто в Одессе. Это Иван Бларамберг. Его помнят как создателя Одесского археологического музея в 1825 году, как хлебосольного хозяина, в доме которого бывал Пушкин, посвящал стихи его прелестным дочерям. Современники запомнили такой экспромт поэта:

Вы перед всеми взяли верх,
Пред вами преклоню колена.
О, величавая Елена,
О, Зинаида Бларамберг.

Но начинал свою карьеру Бларамберг как солдат в четырнадцать лет во Фландрии, там же стал офицером, участвовал во многих сражениях, прежде чем перешел в российское подданство. В 1808 году он прислан в Одессу прокурором коммерческого суда. Через четыре года назначен начальником таможенного округа. За тринадцать лет в этой должности он объездил наш край вдоль и поперек. И где бы ни был, интересовался археологическими раскопками. Собрал богатейшую коллекцию, которую показывал у себя дома, на Канатной, 2. А потом подарил всю коллекцию городу, создал первый городской музей и сам его возглавил.

Ирония судьбы. Через почти два века другой одессит, Николай Иванович Харджиев, с женой одесситкой Лидией Васильевной Чагой, дочерью известного одесского капитана, убегут из Советского Союза в Голландию, захватив с собой фантастический архив и коллекцию

авангардистов. Так в Голландии возникнет музей-коллекция Харджиева, где есть и Малевич, и Филонов, и рукописи Хлебникова.

А если еще вспоминать об одесситах в Голландии, как не назвать Татьяну Филипповну Фоогд-Стоянову. Я не раз писал о Николае Алексеевиче Полторацком и его жене Наталье Филипповне Полторацкой. Наташа и Таня – родные сестры, падчерицы известного поэта, друга Александра Блока – Владимира Пяста. И Наташа, и Таня оставались в Одессе в оккупации. И вот в оккупированной Одессе старшая из сестер Татьяна влюбилась в голландского инженера, присланного сюда на год. А потом через всю Европу добиралась к нему в Голландию. Обвенчались. Десятки лет проработала Татьяна Филипповна в университете Амстердама, воспитала плеяду славистов, написала замечательные воспоминания. Это она сохранила в Амстердаме рукописи поэм Пяста, которые сейчас изданы мужем Анны Полторацкой Анатолием Катчуком в Одессе.

Понимаю, что эта тема неисчерпаема.

Надеюсь, что мои читатели продолжат ее.

Могу подсказать: в одном из интервью Олег Губарь назвал среди одесских голландцев садовода Аргузена, доктора Энно, награжденного золотой медалью «За прекращение чумы в Одессе в 1837 году». Я о них не собирал материалы. Может быть, вы?

А какая славная коллекция голландской живописи в нашем Музее западного и восточного искусства! Это ведь все было реквизировано из домов одесситов в 1920-м. А может, и сейчас тихо живут в наших домах «малые голландцы»?

Андрей Добролюбский

«Хаджибейские» казаки и «рыбаки» из Монкастро*

«…казитган эр, – человек,
который никому не подчиняется».
Махмуд Кашгари

В XIV веке Ябу-городок, он же ставка эмира Хаджибея, периодически размещался близ генуэзского замка Лериче (Илличе), у слияния Бугского лимана с Днепровским. Такое расположение давало возможность контролировать торговые пути по обеим рекам – Бугу и Днепру, что было особенно удобно в те времена, когда ширина лиманов была значительно меньшей, чем в наши дни.** Здесь же была обустроена переправа на маршруте «Татарского шляха», которая осуществлялась через Днепровский лиман от Кинбургской косы до реки Аджигол.*** Именно это самое место указал на своей карте историк Станислав Сарницкий как «Качибей порт».****

* Продолжение. Начало см.: Добролюбский А. «Я попал в какой-то другой мир» // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. – № 82, с. 28-42; № 83, с. 32-44. Ibidem. «Будь счастлив!» – № 85, с. 59-73; № 86, с. 36-50; Ibidem. «Хан Абдаллах, да продлится его правление». – № 89, с. 34-45; Ibidem. «Жезл гнева». – № 92, с. 27-39; Ibidem. «Я так пожалован!» – № 93, с. 26-36.

** Буйських С.Б. Ієвлев М.М. Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у X-XIII ст. // Археологія. – 1991, № 4, с. 89-104.

*** Gulevicius V. Guillebert de Lannoy Voyages et ambassades (1421 m.): žinių apie Lietuvos Didžiąją Kunigaikštystę kritinė analizė // Lituanistica, 2023, ap. 69, Nr. 1 (131), p. 1-32.

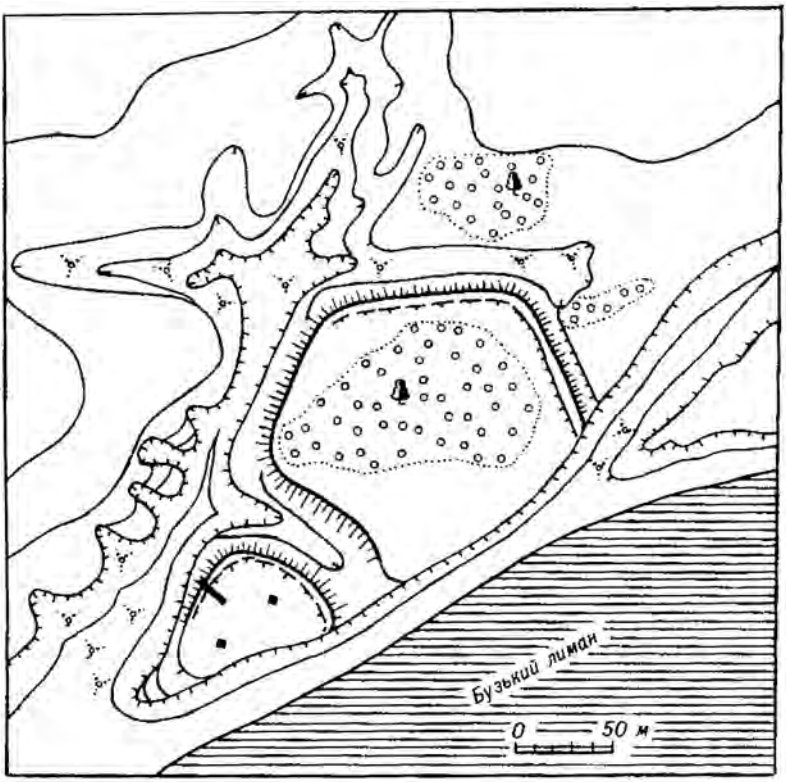
**** Добролюбский А. «Хан Абдаллах, да продлится правление его» // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. – № 89. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2022, с. 47 https://odessitclub.org/old/publications/almanac/alm_89/alm_89-034.pdf

В.Н. Гошкевич

Здесь же, в двух километрах к юго-западу от села Сары-Камиши (ныне Днепровское Очаковского района) расположены остатки городища. В начале XX в. оно было описано и охарактеризовано создателем херсонского музея В.И. Гошкевичем. «Городище состоит из двух неправильной формы частей, каждая из которых отдельно обнесена валом, – писал он. – Вероятно, ограждения возведены были в разные времена, что подтверждается двумя типами керамических изделий, обломки которых встречаются на площади всего городища в большом количестве. Наряду с фрагментами греческой посуды *очень много обломков* (курсив наш. – **А. Д.**) посуды XIV-XV вв., покрытых поливой разного цвета…».*

Ныне это городище в археологической номенклатуре фигурирует как поселение Днепровское-2. Обе его части – собственно «замок» и «посад», по наблюдениям археологов в середине прошлого столетия, были обнесены со стороны степи двумя валами. Валы эти на протяжении второй половины XIX – XX вв. разрушались местными жителями для добычи камня и практически не сохранились до наших дней. Сам «замок» занимал юго-западную часть городища (0,75 га), а Ябу-городок – «посад», то есть его северо-восточную часть (2 га). Этот достаточно обширный «посад», или «палисад», был обнесен валом, который, судя по всему, был укреплен частоколом – стеной из ряда столбов высотой в несколько метров. Здесь в 1950-80-х гг. были найдены остатки

* Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. – Киев: Изд-во АН УССР, 1951. – 128, [2] с., [12] л. фото : ил.



План поселения Днепровское-2

жилищ из камня, сырца, глины и тростника с земляными полами, обмазанными глиной, а также множество обломков поливной керамики и железных изделий XIV-XV вв.** Все эти находки позволяют полагать, что перед нами остатки укрепленного поселения, которое по своим археологическим характеристикам сопоставимо

** Буйських С.Б. Вказ. твір, с. 93, мал. 2; Господаренко О. Про генуезьку присутність на території Миколаївської області: історико-географічні й археологічні зауваження // Емінак: науковий щоквартальник. – 2015, № 3 (11) (липень-вересень), с. 54-59.

Махмуд аль Кашгари

с типичной казацкой сечью*. Подобная сечь – Берладская – известна еще в XII в. на Нижнем Дунае.** А в XVII-XVIII вв. на Днепре и Днестре так было обустроено множество казацких паланок (тур.: *palanka* – форт, редут, палисадное укрепление).

Это неудивительно. В XV в. Ябу-городок представлял собой «татарское» стойбище, которое перемещалось по своим маршрутам, контролируя работорговлю и в поисках иных способов пропитания. В условиях почти непрекращающегося голода многие из «татар» были вынуждены заниматься грабежами и разбоем. Так в окружении Хаджибеевой орды появлялись отбивавшиеся от нее казаки. Их, в частности, могли нанимать генуэзцы для обеспечения охраны замка Лериче-Илличи – это было обычной практикой латинян в Причерноморье.

Слово «казак», по всей видимости, происходит от тюркского глагола *казмак*, «отбиваться от группы, скитаться, бродить» (однокоренными являются татарские глагол *казыну*, «отставать», и существительное *казгак,* «лошадь, отбивающаяся от табуна»). По источникам это улавливается еще с XI в. Так, в словаре Махму-

* Сѣчъ – от «сѣкти», «высѣкать». Слово связано с окружающим поселение частоколом, у которого были высеченные острые края. Иногда такой частокол (или палисад) возводили как временное полевое укрепление вокруг крепостей и замков до построения каменных стен.

** Добролюбський А.О., Вегерчук С.М. Берладська Січ на Дунаї // Історіосфера. Матеріали Четвертої конференції молодих вчених історико-філологічного факультету ПНПУ ім. К.Д. Ушинського. – Одеса: ПНПУ, 6-9 квітня 2009, с. 78-82.

да аль Кашгари, знаменитого тюркского филолога (1074 г.) имеется производное выражение с корнем *каз-*: *казитган эр*, «человек, который никому не подчиняется». Позднее, в словаре половецкого языка «Codex Cumanicus» (1303 г.) выражение *ghasal cosac* употребляется в значении «страж» («*guayta i. e. excubiae, vigil*»), – у тюркских кочевых народов сторожевую службу несли бессемейные и «бездомовые» воины.***

Ян Длугош

В начале XIV в. термин «казаки» был известен также в значении «люди, промышляющие грабежом и разбоем». Так, в пометке к «Сугдейскому синаксарю»**** под 17 мая 1308 г. указывается, что «…в тот же день скончался раб Божий Альмальчу, сын Самака, увы, молодой человек, заколотый *казаками* (καζακον)». Значит, какие-то казацкие группы имелись в Крыму уже тогда. Видимо, это первое конкретное упоминание о казаках в Северном Причерноморье. Значит, они обитали в этих краях со времен хана Токты (1291-1312 гг.). А возможно, и ранее.

Позднее, во времена «Великой Замятни» в степях появляются группы казаков, которые не признавали власти ни одного из бесконечно сменяющихся и враждующих между собой ханов. Еще позднее, в XV в., это слово появляется в источниках применительно к разным районам Золотой Орды и с разным населением

*** Талах В. Полдень и сумерки Великого Края. – Киев, 2018. https://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Sci/History/UlugUlus/OkonchatelnyjRaspad/Usobicy1438-1443.html

**** «Синаксарь Сугдейский» – греческая рукописная религиозная книга, хранившаяся в Средние века в одном из христианских монастырей Сугдеи. На протяжении многих десятилетий монахи делали на полях «Синаксаря» пометки о важных, с их точки зрения, событиях.

без особых пояснений – как если бы речь шла о явлении, достаточно укоренившемся. Применительно к украинским землям, в частности, сообщается, что весной 1445 года «царь Махметъ и сынъ его Мамутякъ послали въ Черкасы по люди, и прииде къ нимъ две тысячи *казаковъ*, и шедше, взяша Лухъ безъ слова царева, и приведоша полону много и богатьства». А историк Ян Длугош, описывая татарское войско, вторгшееся в 1469 г. на Волынь, указывает, что оно состояло из «множества татар, собранных из беглецов, грабителей и изгоев, которых они на своем языке называют *козаками*».

Здесь не лишним будет заметить, что Жильбер де Ланнуа, бургундский рыцарь-путешественник, хоть и был посланником самого князя Витовта к «императору Солхата», крымскому хану Бек-Суфи (весна-осень 1421 г.), был ограблен «разбойниками» в самом Монкастро или близ него.* Это обстоятельство, видимо, могло задержать посланника, и, пока он двигался к месту назначения, Бек-Суфи, так и не дождавшись его, скончался,

А кастильский путешественник Перо Тафур, побывавший в Каффе во второй половине 1430-х годов, сообщает, что не смог покинуть Крым, так как ему «посоветовали этого не делать, потому что дорога небезопасна из-за людей, которые шатаются по дорогам, не повинуясь своим господам»**.

Описанный «посад», по всей видимости, вполне мог служить обителью и сечевым пристанищем «хаджибеевых»*** казаков. И, как можно видеть, непосредственно примыкал к генуэзскому замку. По мнению специалистов, именно на этом месте (поселение Днепровское-2) находился город Олешье, который упоминается в летописях с конца XI до первой четверти XIII вв. В середине XII в. в других источниках он именуется Мулиса или Улиски, а в итальянских лоциях конца XIII – XIV вв. – как Элексе или Илличе.

Здесь же, как, впрочем, и повсюду в районе Кинбурнской косы, отмечаются многочисленные находки разных джучидских монет. Впрочем, большинство монетных находок на территории «поса-

* Gulevicius V. Op. cit., p. 1-32.

** Талах В. Там же.

*** Топоним «Хаджибей» («Качибей») сохранялся несколько столетий после смерти своего эпонима – эмира Хаджибея. И продолжает сохраняться в топонимике Одессы.

да», который археологически толком не изучался, таятся в частных коллекциях. Предполагается, что здесь найдено от 200 до 400 средневековых монет, но осмотрено лишь 70-80 экземпляров. Из них 30-40 – чеканки разных крымских ханов, 15-20 – чеканки Кафы, а также разных джучидских монет.**** Это в совокупности с упомянутым множеством керамических обломков может указывать на существование здесь торжища, или «базара».

Монета Орду-Базар

При последних, сравнительно недавних археологических осмотрах замка (2012-13 гг.) были найдены четыре серебряные монеты – три монеты Золотой Орды и одна монета Трапезундской империи. Трапезундская монета чеканена при императоре Иоанне IV (1429-1460 гг.). Из трех золотоордынских монет две принадлежат хану Кичи-Мухамеду (1430-1444 гг.) и одна – хану Саид Ахмаду (1445-1459 гг.). Все они снабжены надписью «чекан Орда-Базар».*****

Монета Орду-Базар

Об истории замка Илличе известно не так уж много. И все же некоторые отрывочные сведения имеются. В них нет ничего

**** Руссев Н.Д. Олешье, или Илличе, – белое пятно на фоне темных веков // Libra: Збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та Середніх віків / Під ред. І.В. Нємченко. – Одеса: ФЛП «Фридман А.С.», 2014, с. 70-81.

***** Господаренко О.В., Олейниченко Е.В. К проблеме локализации замка Лериче-Илличе в свете новых нумизматических находок // Древнее Причерноморье. Вып. X. – Одесса: ОНУ, 2013, с. 186-187.

Монета Менгли-Гирея Орду-Базар

необычного. Впервые Илличе упомянут в одном нотариальных актов Антонио ди Понцо – в мае 1361 г. некий генуэзец Элиано Дентуто собирался отправиться на своем корабле из дунайской Килии в Илличе за солью. Эту еще не привезенную соль он заранее продал двум соотечественникам по цене 9 соммов за 100 модиев. Причалившее в Илличе судно взяло на борт около 400 модиев (112,6 т) проса, за которые было заплачено 70 соммов. Тогда же отсюда в Каффу прибыл посланник с письмами из Ликостомо на Дунае.

Следующие по времени сведения о Лериче-Илличе содержатся в массарии Каффы 1374 г.* Там указан не названный consul de Illice и несколько раз – некий местный житель Nicolaus de Illice. Значит, тогда в Илличе проживало какое-то количество итальянцев и даже был генуэзский консул. Позднее, в 1381 г., город являлся владением некоего ордынца Акбоги (Белый Бык. – **А. Д.**), с которым заключили договор о поставке проса в Каффу. По поручению коммуны к нему был отправлен некто Паоло дела Торре, который в дороге был ограблен «разбойниками» (казаками?). Сам Акбога, по всей видимости, был как-то подчинен улусбеку Хаджибею. Не исключено, что его люди этого посланца и ограбили.

В 1386-1387 и 1390 гг. в документах снова отмечается пребывание генуэзцев из Илличе в Каффе и Пере. А начале XV в. генуэзская семья Сенарега выкупила этот замок у татар.

Следующие известия относятся к 1440 г. Тогда некие Лука Бальби, Бруно Сальваго та Симоне ди Леванто построили укрепления в замке. Вскоре из Генуи во Каффу пришло предписание о покупке Лериче в собственность коммуны. До мая 1441 г. от имени коммуны замком управлял Джулиано ди Гвизальди. После этого через несколько месяцев правительство Генуи запрети-

* Древнейшая счетная книга на территории Северного Причерноморья.

ло частным лицам строить, перестраивать и укреплять по своей инициативе какое-либо поселение на Черном море.

В 1454-1455 гг. замок продолжал находиться в ведении братьев Сенарега, которые еще полвека тому купили его у «татар». В Леричи (Илличе) они, по всей видимости, представляли коммуну Каффы. При этом в самом замке они содержали купленных у тех же татар христианских пленников. В их числе оказались 14 жителей Монкастро (Белгорода на Днестре). Соотечественники хотели их выкупить. Но братья запросили за их свободу 3400 дукатов. Эта сумма в 50-250 раз превышала рыночную цену такой партии рабов, которых обычно продавали по 4-10 флоринов за невольника. Поэтому возмущенные жадностью братьев Сенарега шесть десятков монкастровцев под видом рыбаков захватили и сожгли Илличе. Пленников освободили. Одни генуэзцы были убиты, другие – пленены и отправлены в Сучаву. Попытки Сенарега получить компенсацию (ущерб оценили в 10 тысяч дукатов) и вернуть замок ни к чему не привели. Граждане Монкастро при поддержке молдавского господаря Петра III Арона (1452-1457 гг.) восстановили Илличе и вовсе не собирались возвращать его итальянцам.**

Иных деталей мы не знаем. Однако, не пытаясь умалить мужество «рыбаков» из Монкастро, заметим, что вряд ли сами они смогли бы так легко справиться с генуэзцами. Нетрудно себе представить, они легко договорились с охраной замка – казаками-хаджибеевцами, а проще говоря, их перекупили. Чтобы не вмешивались. И тогда изгнание небольшого генуэзского гарнизона «рыбакам» оказалось вполне по силам. Ведь молдавскому господарю Петру Арону тогда было явно не до них – он трижды утрачивал престол и в результате сбежал в Польшу. Не до них было и тогдашнему хану Саид-Ахмату – он сидел в литовском плену. Правда, в почетном.

Кажется очевидным, что «хаджибеевцам», охранявшим упомянутые торговые пути «…через Днестр морским берегом до Крыма» или же «другой дорогой через Днестр до Очакова»***, были крайне выгодны добрые отношения с Монкастро и молдавским

** Руссев Н.Д. Указ соч., с. 77-79.
*** Добролюбский А. Указ. соч., с. 42-45.

господарем. И портить эти отношения из-за непомерной жадности братьев Сенерега им было совсем ни к чему.

Поскольку генуэзцы не сразу смирились с таким унижением и поражением, они выслали из Каффы в Лериче военную галеру с целью высадить десант и попытаться вернуть замок. Но обнаружили, что его стены вновь укреплены, теперь «от имени воеводы Петра и Монкастро». Как бы там ни было, к осени 1455 г. дело о возвращении Илличе законным владельцам зашло в тупик, поскольку новые власти не собирались уступать, а Генуя и Каффа, рассчитывая на поставки хлеба из Поднестровья, не желали рвать прежние партнерские отношения. Поэтому в марте 1456 г. правительство республики рекомендовало каффинцам не портить отношений с «воеводой Петром и Монкастро». «Лучше притвориться и ожидать, пока не настанут лучшие времена, которые позволят вернуться к мысли о возврате поселения Илличе».

Однако лучшие времена для генуэзцев так и не наступили. Известно лишь, что после взятия османами Константинополя правительство Генуи передало в ноябре 1453 г. все черноморские колонии Банку Св. Георгия. Сама Каффа пребывала в упадке – город выглядел «пустым и вымершим». Продолжительная засуха, естественно, обернулась голодом. И толпы бедняков, пребывавшие «в большом брожении», в надежде на «более сносную жизнь» в 1455 г. уходили «по направлению к Монкастро».*

Трудно сказать, продолжалось ли властвование «воеводы Петра» и его преемников в замке сколько-нибудь долго, например, до 1475 или 1484 гг. – времен захвата турками этой территории. Впрочем, даже если это так, то ясно, что после 1455 г. значение Илличе быстро сходило на нет. Занятие Османской империей Северного Причерноморья сопровождалось активизацией действий ее союзника и вассала – Крымского ханства. Хан Менгли-Гирей в 1492 г. построил близ днепровского устья крепость на месте литовской крепости Дашев. И отказался вывести из нее свой гарнизон, хотя Литва предложила хану компенсировать строительные затраты деньгами. Тогда литовцы разрушили эти укрепления. Но это не помешало хану снова отстроить крепостные сооруже-

* Руссев Н.Д. Указ. соч., с. 78-79.

ния будущего Очакова. К этому времени замка Илличе, очевидно, уже не стало.

Зато жизнь в Ябу-городке продолжалась. Видимо, оказавшись под властью Менгли-Гирея, это стойбище после построения Очаковской крепости перестало быть здесь полезным хану. И оно вновь переместилось к Хаджибейскому лиману, где и было обозначено морейцем Ильясом на своей карте как значимый стратегический объект. Очевидно, здесь же он и пребывал к 1509 г., когда был отмечен Менгли-Гиреем в своем ярлыке.** При этом урочище Хаджибей (Качибей) в «местности, занимаемой Одессой» (выражение Ф.К. Бруна), продолжало так именоваться еще несколько столетий. И соль тут добывалась местными «хаджибеевцами» регулярно, хотя и периодически, в зависимости от ситуации.

** Добролюбський А., Смирнов І. (2022). До питання локалізації Ябу-городка // Старожитності Лукомор'я, (4), 7-28. http://www.lukomor.mosk.mksat.net/index.php/lukomor/article/view/163/156

Сергей Котелко

Первый дом Анатра в Одессе

Моя книга* посвящена последнему дому, построенному членом семьи Анатра в Одессе. Но нельзя не рассказать немного и о первом собственном доме семьи, ведь это – несомненный показатель успеха. О самом первом жилище семьи Анатра в Одессе известно со слов Александра Михайловича де-Рибаса: «Семейство Анатра жило тогда в собственном доме в Карантине».** Его мы можем найти на карте одесского порта 1870 года, где под №18 обозначен небольшой «Дом иностранца Анатра».

Установить, в каком именно году он был выстроен, пока не удалось. Имеющиеся документы говорят нам только о 1874 годе, но речь идет не о жилом доме:

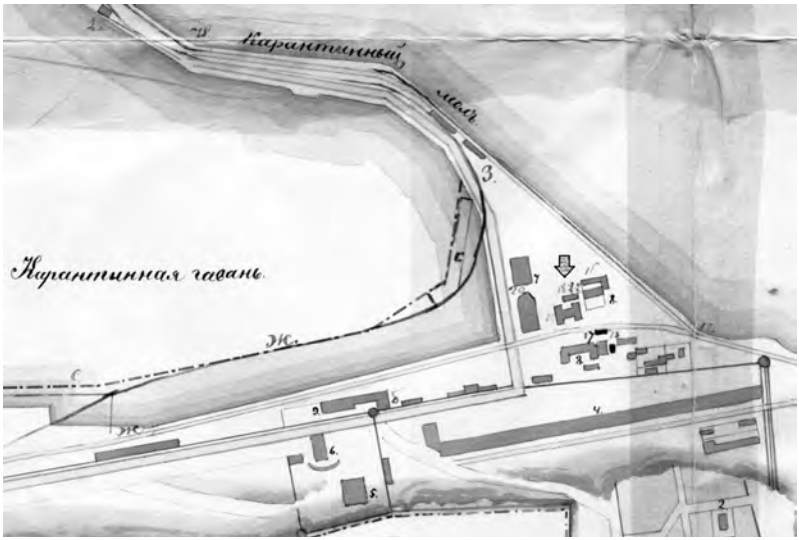
«…въ 1874 году съ разрѣшенія исправлявшаго должность Одесскаго Градоначальника Митькова былъ отведенъ боцману Анатро на Карантинной территоріи участокъ земли для постройки каменнаго сарая для склада канатовъ и прочихъ спасательныхъ средствъ, при чемъ было взято съ Анатро обязательство снести разрѣшенную ему постройку и очистить занимаемое ею мѣсто по первому требованію Капитана изъ Портоваго Начальства».***

Кроме этого, увы, пока ничего о том строении найти не удалось, кроме того, что, скорее всего, дом был деревянным. А вот о первом собственном каменном доме в черте города, на Успенской, копить на который Анатра пришлось долгих шестнадцать

* С. Котелко, «Анатра. История особняка на Французском бульваре, 28, а также семейств Анатра и Драго». – Одесса, 2022.

** Одесский листок. № 63, 18.03.1910 г., с. 3. Александр де-Рибас. Страничка старой Одессы. Анжело Анатра.

*** ГАОО, ф. 2, оп. 3, д. 1307 «О занятии земли на портовой территории купцом Анатро», 1885 г.



Фрагмент «Плана Одесского порта Карантинного и Практического». 1870 г.
Дом Анатра указан стрелкой

лет, удалось много чего раскопать. Вопрос о точном местоположении первого городского самостоятельно выстроенного дома семьи Анатра объяснился в одном из дел, хранящихся в одесском областном архиве. Дело за 1841 год. Очень своеобразное, такое себе «одесское»… Рассмотрим сии документы.**** Начинается дело с бравого прошения некоего коллежского асессора Николая Хрусталева в Строительный комитет (главную организацию города по строительству) о разрешении ему застроить два, по его словам, пустопорожних места. Речь шла о местах № 42 и 43 по Успенской улице (это не номера домов, а номера участков согласно старой городской системе разделения участков для постройки домов) – то есть проситель утверждал, что оба эти участка вообще пусты. Но Строительный комитет учинил разбирательство, обратившись

**** ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2569. Прошение коллежского асессора Николая Хрусталева об отводе ему места во 2-й части, о покупке оного неаполитанско-поддан. Николаем и Иосифом Талимо и об оставлении за родственницею им Терезою Анатра.

к военному губернатору, а тот – в городскую полицию, дабы разобрались, что там на самом деле. Полиция, найдя документы, прислала рапорт, из которого выходило, что место № 42 было отдано одесскому жителю Николаю Фоши (?), но в связи с незастроением им оного 28 июня 1815 место было передано итальянцу Сальвадору Талеми, а место № 43 по определению от 24 июня 1812 года было передано одесскому жителю, тосканскоподданному Луиджи Тирони. Дополнительно комитет отправил на место исполняющего должность городского архитектора г-на Камбиаджио, чтобы разузнать на месте, в каком положении находятся эти участки. А Камбиаджио увидел там совсем не «пустопорожнее место»: на нем ни много ни мало стояло целых три флигеля! Правда, небольших. Он доложил Строительному комитету, что по состоянию на 16 июля 1841 года на участке 42 стоял построенным один флигель под деревянной крышей и с четырьмя комнатами, а на месте 43 – два маленьких флигеля, один с двумя, а другой с одной комнатой, оба также под деревянной крышей. Правда, все эти три строения находились не по фасадной линии, а во дворе. Видимо, выглядело это невзрачно. Но почему же Хрусталев указал, что это место пустопорожнее? Наверное, потому что знал законы, по которым отводимое место должно было быть застроено типовым домом по фасадной линии в указанный срок (обычно два-три года с момента получения документа), о чем следовало доложить в Строительный комитет, который после осмотра построенного дома выдавал «на спокойное владение» соответствующий документ – «данную». А дома, построенные Талимо (в таком варианте эта фамилия фигурирует в деле дальше) и Торино были не типовыми и не по фасадной линии, и в Строительном комитете о них ничего не знали. А значит, с бюрократической точки зрения их и не было. В объяснительной наследники Сальвадора Талимо, Николай и Иосиф, пишут следующее:

«Во время бывшей въ городѣ Одессѣ въ 1812 годѣ чумной заразы по распоряженію Начальства сжигаемы были дома жителей Одессы въ томъ числѣ и отца нашего сожженъ домикъ и вмѣсто онаго отведено для постройки другого дома мѣсто состоящее во 2-й части въ 3 кварталѣ. Но какъ отецъ нашъ былъ старыхъ лѣтъ и по разнымъ несчастнымъ случаямъ не могъ за жизни своей

выстроить по плану дома кромѣ жилыхъ построекъ во дворѣ для жилья два флигеля и заготовить часть матеріала для постройки плановаго дома, мы же будучи малолѣтними не могли ему дѣлать никакой помощи. Напослѣдокъ отецъ нашъ умеръ…»

Они просили о еще одной отсрочке, на три года. Увы, больше ждать Строительный комитет не стал, и потому были назначены открытые торги, которые, собрав все возможные средства, выиграли Николай и Иосиф Талимо, «наследники покойного Талимо». Они выкупили собственное место за № 42, отдав за него по 7½ копейки серебром за квадратную сажень. Общая сумма сделки составила таким образом аж 15 рублей серебром, которую они внесли в городскую казну 7 ноября 1841 года. 15 рублей за участок в 670 кв. метров в центре города, пусть и серебром? Такие цены были тогда в Одессе пыльной… Но и эти деньги, согласно архивному делу, им пришлось одолжить у своей тетки. И, видимо, на этом Николай и Иосиф Талимо иссякли окончательно, ибо следующее предписание Строительного комитета – о постройке здания на приобретенном участке по фасадной линии – они выполнить уже не смогли, хотя им давался на это едва ли не самый большой возможный срок: пять лет вместо обычных двух. Уже в марте следующего года они подали новое прошение в Управление новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Самого прошения Талимо к генерал-губернатору в деле нет, но есть реакция на него. Это два письма, от 7 марта 1842 года – в Строительный комитет с просьбой разобраться и доложить, и от 11 апреля 1842 года, в котором генерал-губернатор граф Михаил Семенович Воронцов подробно описывает положение господ Талимо:

«…они пожелали переуступить означенное мѣсто ихъ родственницѣ, обязывающейся произвести на ономъ положенную постройку по той причинѣ, что сами они не надѣются сдѣлать таковую постройку въ 5-ти лѣтній срокъ, опредѣленный во временномъ ихъ свидѣтельствѣ, а также отъ опасенія потерять мѣсто по минованію срока, если оно останется незастроеннымъ; при этомъ и купили они это мѣсто съ денежнымъ пособіемъ отъ ихъ родственницы».

И далее Воронцов предлагает решение: «…я полагалъ бы возможнымъ удовлетворить просьбу…»

Эта самая родственница – не кто иная, как Терезия Анатра, урожденная Ладацци, жена Анжело Анатра, родоначальника всех одесских Анатра. Ей муж доверил заниматься делами недвижимости. В документах по отношению к Талимо она фигурирует как тетка, и получается, что Николай и Иосиф – племянники Терезии Анатра. Это первое сохранившееся документальное свидетельство об отношении Терезии Анатра, а значит, и семьи Анатра к этому месту.

Граф Воронцов утвердил прошение. Так место перешло во владение семьи Анатра, и это первый известный мне их городской адрес. Ныне это дом № 25 по Успенской улице.

28 апреля 1842 года уже сама Терезия Анатра подала прошение, как и положено, на гербовой бумаге, в Одесский строительный комитет:

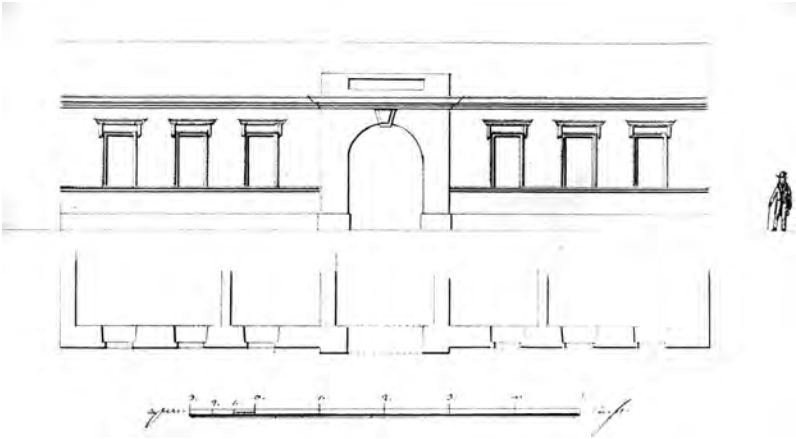
«Неаполитанско-Подданной Терезіи Анатра
Прошеніе.

Честь имѣю представить при семъ въ 3-х экземплярахъ фасадъ составленный Архитекторомъ Комбіаджіо, на постройку дома на мѣстѣ моемъ, состоящемъ въ III-м кварталѣ, подъ № 42. Покорнѣйше прошу Строительный Комитетъ сдѣлать распоряженіе о засвидѣтельствованіи таковыхъ, и возвращеніи мнѣ для преступленія къ постройкѣ дома.

Тереза Анатра
Апрѣля 28-го дня 1842 год»

И тут нам повезло. Самая обычная практика, если никаких упомянутых фасадов домов в подобных делах нет – наверное, в 90% случаев. Но тут – есть. Мы с вами можем видеть, как выглядел первый дом семьи Анатра в нашем городе!

Дом был построен очень быстро. Проект Камбиаджио датирован 18 апреля, 28 апреля было прошение Терезии в Строительный комитет, а уже 13 августа того же 1842 года Тереза Анатра просит Строительный комитет освидетельствовать построенный ею дом:



Проект фасада дома Терезии Анатра, архитектор Камбиаджио, 1842 г.*

«Окончивъ постройку плановаго дома на отведенномъ мнѣ мѣстѣ, состоящемъ во 2-й части, по Успенской улицѣ, въ III-ѣмъ кварталѣ подъ № 42, я возвращая при семъ временное свидѣтельство онаго Комитета, покорнѣйше прошу на владѣніе онымъ мѣстомъ со строеніемъ, снабдить меня установленною Данное» (*так*).

Ниже написано по-итальянски «Croce † di Teresa Anatra ileterata» – «Крест (начертанный) Терезой Анатра, неграмотной». В первоначальном прошении на постройку за Терезу тоже расписался некий господин, возможно – сеньор Револьтано: плохо читается подпись. Вот такие милые подробности. В просьбе о выдаче данной собственноручное нанесение креста Терезой Анатра заверяют двое других итальянцев – Леопольд Эдвардс (написано «Эдвардц») и Марко Бинович.

Дальше – забавно. Как мы помним, архитектором постройки, возведенной Терезой Анатра, был тоже итальянец, Камбиаджио, но он также был и исправляющим должность городского архитектора, поэтому Строительный комитет, куда он входил, отправил

* Там же, л. 30.

его обследовать, построил ли он там что-нибудь и как он находит эту постройку. Не знаю, сходил ли в действительности г-н Камбиаджио, или написал по памяти следующее: «...дѣйствительно, на упомянутомъ мѣстѣ построенъ домъ по плану Комитетомъ утвержденному; и что мѣсто сіе шириною по улицѣ въ 10 сажень, а длинною во дворѣ 20 сажень заключаетъ въ себѣ 200 квадратныхъ сажень».

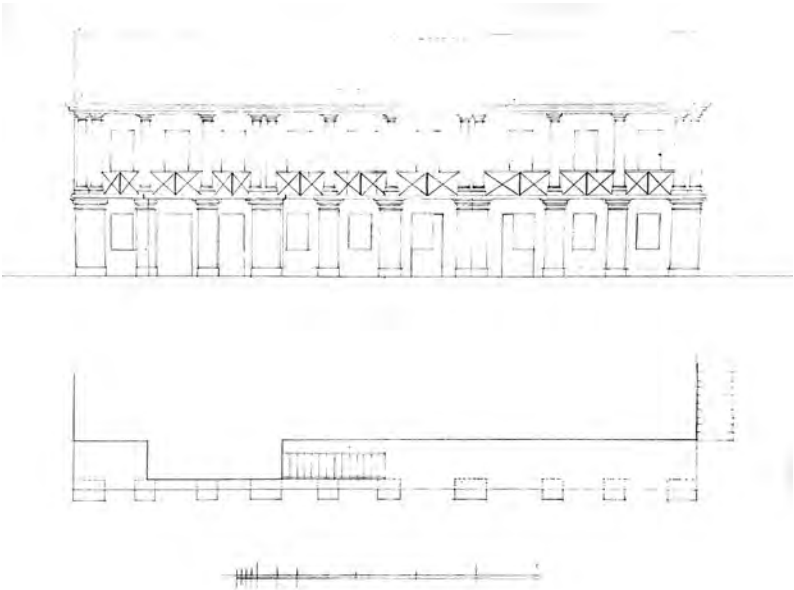
11 сентября 1842 года Терезии Анатра была выдана данная за № 4791 – свидетельство на право собственности, на владение домом и участком земли под ним. Согласно налоговой ведомости, дом был довольно дешевым, он стоил всего-то 1562 рубля.* Впрочем, если посмотреть на соседние дома в этой же ведомости, то вполне на уровне: Панаиота Диалегмено – 1558 рублей, два дома Марии Мокко – 1750 и 1920, Константина Спиранда – 1400, Авдотьи Деноелевой – 1366 рублей. Вот только дома статского советника Антона Гофмана да купца Ивана Гогоци были оценены поболее – в 3116 и 3267 рублей соответственно.**

Уже через шесть лет, в 1848 году, построенного по красной линии одноэтажного дома семье Анатра стало мало – решили построить во дворе флигель. Как и положено, обратились в Строительный комитет за разрешением. Интересно, что прошение от 23 августа 1848 года было одобрено на следующий же день – то ли работы у господ не было, то ли не все так плохо было с царской бюрократией. Как бы там ни было, разрешение получено. Но для нас оно ценно не скоростью принятия решения, а тем, что и в этом деле сохранился архитектурный чертеж фасада здания!*** И здание очень интересно. Оно двухэтажное, или даже трех-, потому что имеет высокий чердак. Первый этаж разделен четырьмя широкими пилястрами тосканского ордера, пространство между ними в свою очередь регулярно разделено пилястрами поуже того же ордера. Второй этаж решен, как и положено, более легким – он имеет открытую галерею, разделенную колоннами.

* Список домам и прочим строениям для платежа полупроцентного сбора с 1848 года. С. 15.

** Там же.

*** ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 1248, «По прошению неаполитанск.-подданной Терезии Анатра об утверждении фасада на постройку флигеля во дворе». 23.08.1848.



Фасад дворового флигеля Терезии Анатра на Успенской, 23

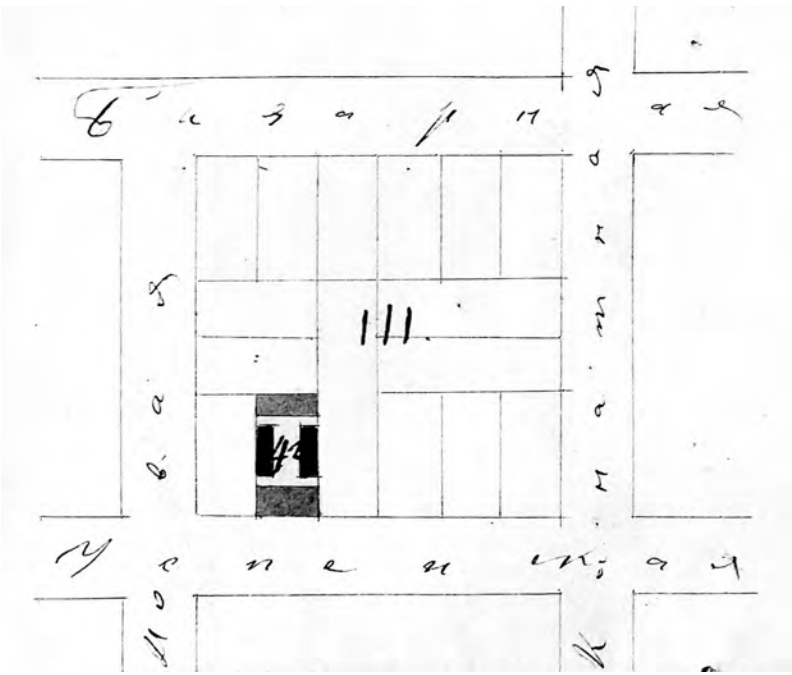
Они соединены оградой в виде косых крестов. Внизу есть широкая и узкая двери. Сверху, над тосканскими колоннами галереи, довольно сильно выступающий карниз, над которым высится едва ли не той же высоты, что и второй этаж, глухая стена чердачного помещения.

Жаль, что нет в документе указания, кто архитектор этого здания. Есть указание на то, что проект одобрен «техническим членом комитета генерал-майором Морозовым», и приписка внизу: «Исполняющий должность городского архитектора Ф. Моранди». Можно, конечно, предположить, что он и есть автор этого здания, но он в любом случае должен был ставить свою подпись под эскизом для одобрения оного. Могло быть и то и другое – сам нарисовал, сам и одобрил. На имеющемся там же плане местности обозначены два одинаковых в плане флигеля друг напротив друга, стоящих поперек фасадной линии по Успенской. Раз фасад

представлен всего один, это может обозначать, что предполагалось выстроить два одинаковых дома.

Другая милая подробность документа – Терезия была попрежнему неграмотна! Вместо нее теперь расписался «Сардинскоподданный Яков Мичиати».

Дела семьи шли в гору, и на рубеже 1860-х годов ей стал принадлежать и соседний угловой дом, ныне Маразлиевская, 60. Датировка относительная – точной даты покупки пока не найдено. В архивном деле Строительного комитета об утверждении фасада упоминается, что уже в июле 1862 года Анатра принадлежали оба участка – и угловой 41, и известный нам уже 42. В «Раскладочных ведомостях» от 1863 года по Успенской Анатра указаны владеющими одним домом, а по Новому переулку (участок от Мараз-



План III квартала по Успенской с участком Анатра № 42. Выделены два предполагаемых к постройке дома

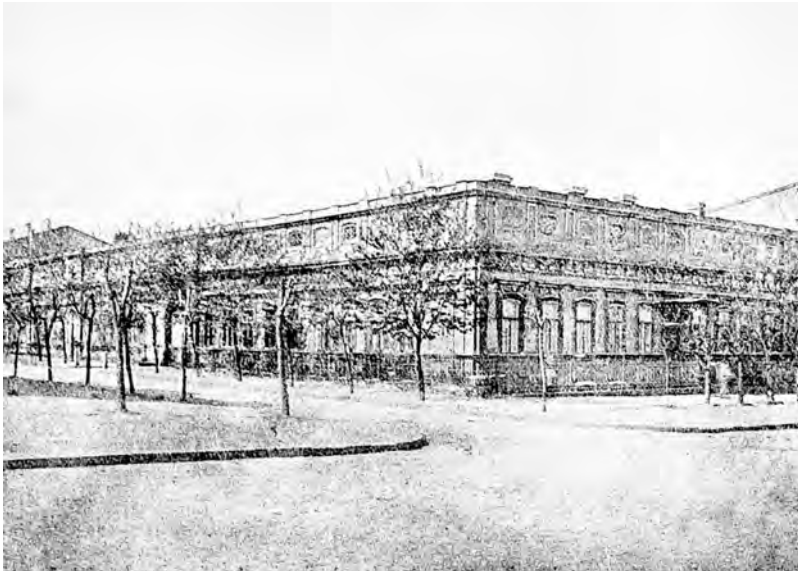
лиевской) еще одним. В 1875-м году в справочнике Висковского эти два дома носили номера 19 и 21 по Успенской, сейчас это 23 и 25. В упомянутом деле Строительного комитета № 3511 за 1862 год читаем прошение:

«Иностранки Терезіи Анатра
Прошеніе

Предположивъ построить двухъэтажный домъ, и надстроить на существующемъ домѣ моемъ второй этажъ на принадлежащихъ мнѣ мѣстахъ, состоящихъ во второй части г. Одессы, въ III кварталѣ подъ №№ 41 и 42, по Успенской и Новой улицамъ, согласно предоставленнымъ при семъ въ 2-х экземплярахъ чертежамъ; имѣю честь покорнѣйше просить Строительный Комитетъ по разсмотрѣнію оныхъ и утвержденію, одинъ экземпляръ возвратить мнѣ для произведенія постройки…»*

Подписано внизу – «Сардинско подданная Терезия Анатра», причем по-русски. Кто за нее расписался на этот раз, непонятно. Внизу была приписочка, что Терезия Анатра жительствует в г. Одессе в собственном доме. Увы, на этот раз эскиза дома не сохранилось. А ведь дом, предложенный Терезией Анатра на утверждение Строительному комитету, был несколько необычным и не подпадал под определение утвержденных типовых построек. Для рассмотрения постройки даже пришлось собирать «стол», как тогда назывались отделы ведомств, который, памятуя о том, что, «предоставив Комитету право утверждать фасады на частные строения, которые хотя и отступают от изданных образцовых чертежей, но в прочих отношениях будут правильными», составил «мнение», по которому «представленный Анатра фасад» нашли «не противным правилам архитектуры». (Полный текст прошения и ответа на него вы найдете в моей книге «Анатра», в приложении Документы, № 1.) Что такого необычного нашли уважаемые члены Строительного комитета (под разрешением – целых шесть подписей), с нынешней точки зрения гадать

* ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 3511, «Об утверждении фасадов на производство частных построек». 1862 г.



Дом на углу Успенской и Маразлиевской. Фотография предположительно 1898 года. Это самое ранее известное мне изображение этого дома, но сделано оно уже во времена, когда в нем размещалась лечебница Воллернера*

даже не нужно, на самом деле это просто не соответствовало утвержденным типовым проектам. Угловой участок был значительно больше, чем изначальный участок Терезы. На нем Анатра построили очень протяженный дом, выходивший фасадом и на Успенскую, и на Маразлиевскую, тогда – Новый переулок, затем одноименную улицу. Кстати, дом на самом деле трехэтажный: та часть, что выходит на Успенскую, и небольшая часть по Маразлиевской имеют глубокий приямок и подвал с окнами в полный рост.

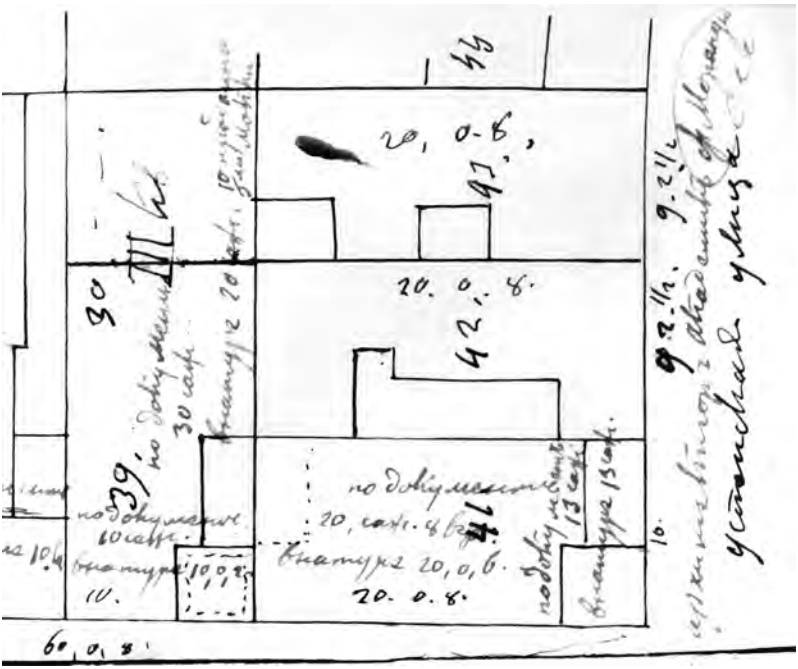
Таким образом, мы установили, когда Терезия выстроила этот дом: 1862 год. Хотя встречается информация, что дом якобы построен Анатра в 1848 или в 1850 гг., и называют имя архитектора – Моранди. Но подтверждений этому я не нашел. Скорее всего,

* Фотография из газеты «Одесский листок», третий лист к № 92, 20 мая 1898 г., с. 12

просто произошла путаница – в 1840-х Терезия построила соседний дом, а Моранди утверждал проекты, будучи городским архитектором. В ГАОО (Государственном архиве Одесской области) есть упоминание также о деле «О прирезке земли к месту итальянско-подданной Анатра», датированное 8 марта 1868 года, но само дело, увы, утрачено. Однако мне удалось найти, видимо, его «зеркало» – в другом фонде, № 4, Одесской распорядительной думы. Оно начато в тот же день, что и утраченное, – 8 марта 1868 года, но называется более витиевато: «Об учинении надписи на данной итальянско-подданной вдовы Терезы Анатра о добавочном месте к дому ея II части, III квартале № 41».** Что за надпись такая? По порядку. Терезия Анатра – или, как тогда говорили, Анатро, – пишет прошение в управу о том, что «по высочайше утвержденному в 1847 году плану гор. Одессы» предполагалось улицу Новую (ныне это часть Маразлиевской от Успенской) сузить с 15 до 9 саженей, в связи с чем и дома, на ней построенные, могли бы на три сажени с каждой стороны улицы стать шире. Исходя из этого, Терезия Анатра просит: «Распорядительную думу об отдаче мне сказанной части добавочной земли и назначить законную плату за оную; которую я согласна внести немедленно по отводе оной и выдаче мне временного свидетельства для застройки плановой постройкою, которую я намерена произвести в нынешнем же году». Письмо по доверенности Терезии написал «сын ея Антон» – отец будущего авиационного промышленника Артура Антоновича Анатра. Отправленный Думой на место архитектор Моранди сообщил, что по улице Новой «означенное место с прибавочным имеет меры: …длиною 20 саж. 8 вершк., шириною 13 саж.», а затем на двух страницах расписывает, как хорошо было бы место это отдать домовладельцам, и вот почему: он тоже упоминает высочайше утвержденный план, где улицу Новую предполагалось сузить, а затем пишет, что Новая улица уже «начата быть сужаема», упоминая дома Лоского и Колопова, которые выступили на три сажени, и еще три дома, где даже превышена эта цифра. Правда, хитрый итальянец пишет о той части улицы, которую разделил Канатный завод, – о том, что сейчас называется

** ГАОО, ф. 4, оп. 44, д. 279, «Об учинении надписи на данной итальянско-подданной вдовы Терезы Анатра о добавочном месте к дому ее II части, III квартале, № 41», 8 листов. 8.03.-26.04.1868 г.

улицей Черновола. Но затем он приводит вполне солидный аргумент: «ширина Новой улицы в 9 саж., назначенная по высочайше утвержденному плану, – весьма достаточна для такой местности, где эта улица существует; чему служит примером Канатная улица, имеющая в длину 12 кварталов и гораздо более «проездимая» (*так*), чем Новая улица, в которой ширина тоже 9 сажень». И хотя на той части Новой улицы, где жила Терезия Анатра, никто еще вперед не выехал (на что, кстати, справедливо обращено внимание исполняющего должность градоначальника в письме, имеющемся в том же деле), Терезии Анатра добавили эти 3 сажени по длине ее участка в 20 саженей, назначив по одному серебряному рублю за каждую квадратную сажень. И решено было на данной, то есть



План местности пересечения Новой (внизу, с цифрами 60.0.8.) и Успенской улиц. Дом Анатра – 41 и 42. 1868 г.

на документе о праве собственности, «учинить надпись» об этой самой прибавке к месту. Таким образом, именно Терезия Анатра положила начало установлению нынешней ширины Маразлиевской улицы от Успенской до Базарной… Но этот документ, помимо прочего, ценен еще тем, что содержит целых три плана местности, что тоже большая редкость для подобного рода документов. Один особо ценен тем, что показывает планы построек Анатра.

В ГАОО есть еще одно упоминание об утраченном деле «О выдаче Т. Анатра данной на прибавленную к дворовому месту ея земли» от 12 октября 1872 года, но понять только из сохранившегося названия его, о чем именно там шла речь, увы, сложно. Зато сохранилось нудное дело Распорядительной думы за № 376 «По жалобе жены отставного унтер-офицера Ивана Шевцова Гликерии на Анатро о захвате последней у первой промежутка земли именно 8 вершков». Даже название нудное. В деле речь идет о той самой прирезке полоски земли «шириною до трех сажень». Состоит оно из жалобы соседки Терезии Анатра на то, что та у нее захватила кусок земли, из разных справок от Думы, переписки столоначальников и даже городского головы, из бесконечных замеров этих самых «захваченных» восьми вершков там и сям. Но зато заканчивается все миром: «Шевцова и Анатра возникшие между ними недоразумения о промежуточной земле прекратили миролюбно, в чем дали друг другу подписки». И еще мы узнаём, что Терезия Анатра так и оставалась неграмотной, о чем в деле пишет ее сын Антон: «вместо ее, неграмотной, по ее рукоданной (*так*) просьбе подписал родной сын ея одесский купец Антон Анатра».*

В 1873 году дом Анатра по Успенской уже был оценен для выплаты налога в 17772 рубля, а угловой дом – в 14250 рублей, итого недвижимость более чем на 32 тысячи: сравните с недавними полутора тысячами – солидно!** Это не только рост благосостояния Анатра, это показывает, насколько выросли цены на недвижимость

* ГАОО, ф. 4, оп. 44, д. 376, «По жалобе жены отставного унтер-офицера Ивана Шевцова Гликерии на Анатро о захвате последней у первой промежутка земли именно 8 вершков».

** Раскладочная ведомость Херсонской губернии города Одессы о государственном налоге и земском в пользу казны и земства сбор определенных на недвижимые имущества на 1873 год. Листы 5 и 8.

Михаил Михайлович Кожевников

за 25 лет – практически один и тот же дом вырос в цене более чем в десять раз.

19 марта 1874 года «итальянско подданная, вдова Терезия Анатра» пишет прошение «на пристройку вновь дома под № 39 к существующему уже дому под № 41… на принадлежащем мне месте, состоящем во 2-й части в III квартале под № 39». На рисунке виден этот участок № 39, он по Новой улице, примыкает к участку 41. В пояснении городского архитектора Моранди говорится что «прибавочную пристройку по вновь прибавленной линии» построить можно. Увы, в прошении вовсе не упомянут архитектор.* Возможно, речь идет о строительстве как раз на месте, прибавленном согласно утраченному делу 1872 года. В следующем, 1875 году, в делах строительного отделения Городской управы есть упоминание о постройке одноэтажного дома по Новой ул., участок № 39, под наблюдением архитектора Моранди. Возможно, речь идет о постройке внутридворового флигеля.**

Почти 40 лет дом принадлежал Терезии Анатра, затем, после ее смерти 26 сентября 1880 года, он перешел в собственность ее сына, Анжело Анжеловича. Анжело Анжелович тогда уже поселился в своеобразной вотчине семьи Анатра, квартале на Пушкинской от Жуковского до Еврейской, поэтому родительский дом он сдавал внаем. Так, известно, что в 1884-88 годах здесь проживал Михаил Михайлович Кожевников, гласный Городской думы,

* ГАОО, ф. 16, оп. 50, д. 9, 1874 г., «Утверждение планов на частные здания, разрешения на постройки и перестройки».

** ГАОО, ф. 16, оп. 124, д. 17693, 1875 г., «Журнал на записку таблиц, выдав. гг. домовладельцам, на постройку домов по планам, утв. Стр. отд. Од. гор. управы на 1875 г.

член Одесского комитета торговли и мануфактур и директор правления Одесского учетного банка.*** К обеим организациям семья Анатра также имела непосредственное отношение – позднее Анжело Анжелович возглавит этот комитет, а его брат Варфоломей – Учетный банк.

Возможно, с подачи Михаила Кожевникова в 1887 году Анжело Анжелович решил переделать кое-что в доме, причем Кожевников продолжал там проживать во время ремонта, то есть переделывалась часть дома.

Анжело Анжелович Анатра

«Одесскаго первой гильдіи Купца Анжело Анжеловича Анатра, жительствующего въ г. Одессѣ на углу Успенской и Новой улицъ въ собственномъ домѣ подъ № 41

Заявленіе

Представляя при семъ планъ въ двухъ экземплярахъ своего дома для производства въ ономъ ремонта и перестройки, честь имѣю покорнѣйше просить Городскую Управу утвердить таковой. Подачу и полученіе утвержденнаго плана довѣряю Гражданскому инженеру Василію Александровичу г-ну Сгибневу.

Апрѣля 3-го дня 1887
Анжело Анжеловичъ Анатра»

*** Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1885 г., с. 61, 136, 140; и 1889, с. 59.

25 апреля 1887 года архитектор Сгибнев получил в управе утвержденный план за № 3897 и разрешение за № 146. Из резолюции к нему городского архитектора, которым по-прежнему был Франц Осипович Моранди, мы узнаем некоторые детали сего плана: «Произвести ремонт в существующем одноэтажном доме и пристроить к нему одну комнату и ворота по Новой улице». Интересно, что в записке архитектора Сгибнева о согласии на выполнение им работ говорится также о втором доме – на участке № 42, по Успенской –

«Въ Строительный Отдѣлъ Одесской Городской Управы
Гражданскаго инженера Василія Александровича Сгибнева

Подписка

Даю настоящую подписку Стр. Отд. Одъ. ГУ въ томъ, что имѣющаяся производится перестройка въ домѣ Од. I-й Гильдіи купца Анжело Анжеловича Анатра, состоящаго въ Одессѣ, Александровского пол. уч., по Успенской и Новой улицамъ подъ № 41 и 42 согласно утвержденному плану, беру подъ свое техническое наблюденіе, съ отвѣтственностью, опредѣленной въ строительномъ уставѣ. Въ чемъ и подписываюсь Апрѣля 9 дня, 1887.

*Гр. Инж. ...»**

Но уже через два года Анжело Анжелович продал это семейное владение, перевернув страницу владения семьей Анатра этим домом. Началась новая страница его истории, некоторые детали которой мы проследим. Самой яркой, конечно же, было разместившееся здесь одно из самых модных заведений тех лет – шикарная водолечебница доктора Абрама Борисовича Воллернера. С мрамором, электричеством и теплыми дорожками!

Но прежде нужно сказать, что не ясным до конца пока что является вопрос, кто именно купил у Анатра это владение. Например, согласно хранящемуся в Одесском краеведческом музее

* ГАОО, ф. 16, оп. 63, д. 245, «Об утверждении планов и выдаче разрешений на постройку». Часть II. 1887 г.

чертеже под названием «Проект водолечебного отделения при частной лечебнице врача А.П. Воллернера в доме Коган-Бернштейна на Новой ул. № 28 в г. Одессе. 1889 г.» получается, что покупателем был Коган-Бернштейн, а Воллернер – арендатором.** Почему в прошении говорится только о № 28, понятно – водолечебная часть заведения Воллернера была именно в этой части общего владения. Но купил ли Коган-Бернштейн всё владение Анатра? В 1895 году бывшее владение Анатра принадлежит М. Кацнельсону, а в 1898 – тому самому Воллернеру. Вопросов остается много, поиск ответов на них очень затруднен тем, что все документы о разрешениях на строительство или переделку за 1889 год утрачены. Но мне, возможно, удалось найти ответ: дело в том, что загадочная фамилия Кацнельсон, а также Воллернер и Коган – родственные. Марк Кацнельсон – отец Юлии и Каролины, бывших замужем соответственно за Коганом и Воллернером. Вот только остается вопрос во второй части двойной фамилии, -Бернштейн, из документа. Семья Коган-Бернштейн хорошо известна историкам Одессы, знаменитые Когановские учреждения были устроены Овсеем Коганом, которому наследовал его сын Адольф, которому как раз и наследовал его родственник Бернштейн, получивший право именоваться Коган-Бернштейном. Возможно, в данном случае речь идет о чем-то подобном. Здесь поможет более подробное изучение генеалогии.

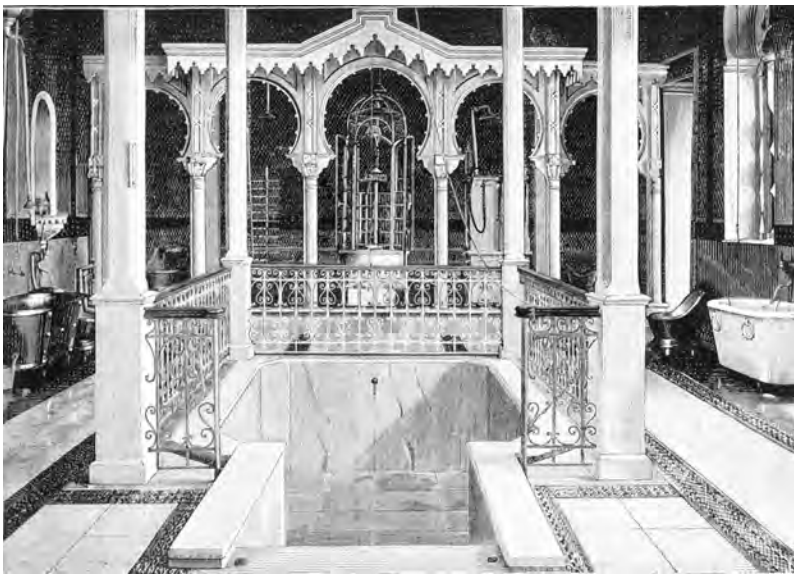
Абрам Борисович Воллернер

** Одесский историко-краеведческий музей (ОИКМ), К-314, «Проект водолечебного отделения при частной лечебнице врача А.П. Воллернера в доме Коган-Бернштейна на Новой ул., № 28, в г. Одессе. 1889 г. План.

Воллернер открыл здесь целый медицинский центр, в который входили лечебница, в том числе и для нервнобольных, и модное тогда гидропатическое заведение. По-видимому, работы по переделке дома проводились в 1889 году.

Заведение состояло из трех отдельных зданий с двумя небольшими дворами между ними. В двух зданиях помещались мужское и женское отделения лечебницы, в третьем – гидропатическое заведение. «Двор, находящийся между мужским и женским отделениями, представляет собой цветник с фонтаном для освежения воздуха; здесь находятся также беседка, окруженная растительностью, где больные летом пьют чай или обедают». Переделанная из добротного частного особняка, лечебница представляла собой «хорошую семейную квартиру и устроена даже с некоторым комфортом». Поступающие сюда больные «пользовались квартирой, постельным бельем, прислугой, уходом, столом, лечением и врачебным советом. За пользование в лечебнице взимается 150-300 руб. в месяц». Интересно описание местоположения лечебницы (1901): «Она находится на окраине, в лучшей чистой части города, вблизи Александровского парка и вблизи дач». Гидропатическое заведение при лечебнице было самостоятельным учреждением со своим входом с Маразлиевской и было отдельной гордостью создателей. Причем его основательно переделали спустя примерно десять лет после открытия, когда устроили отделение для дам. Оба отделения имели пропускную способность в четыреста-пятьсот человек в день! При этом оборудовано и устроено все было по высшему разряду. Здесь находились электротерапевтический кабинет и два водолечебных зала с кабинами – в мужской части их было двенадцать. Зал отделали в мавританском стиле, со стеклянным витражным потолком, мраморным полом, который пересекался рядами узорчатых чугунных дорожек, под дорожками проложили паровое отопление. В центре зала – большой мраморный бассейн, за ним на мраморном возвышении – колоннада в мавританском вкусе, где были установлены трибуны с душами «подвижными, восходящими, нисходящими и колоннами».* Громадные мавританские окна и цветной фонарь давали обилие мягкого света. После обновления в 1899 году здесь появились

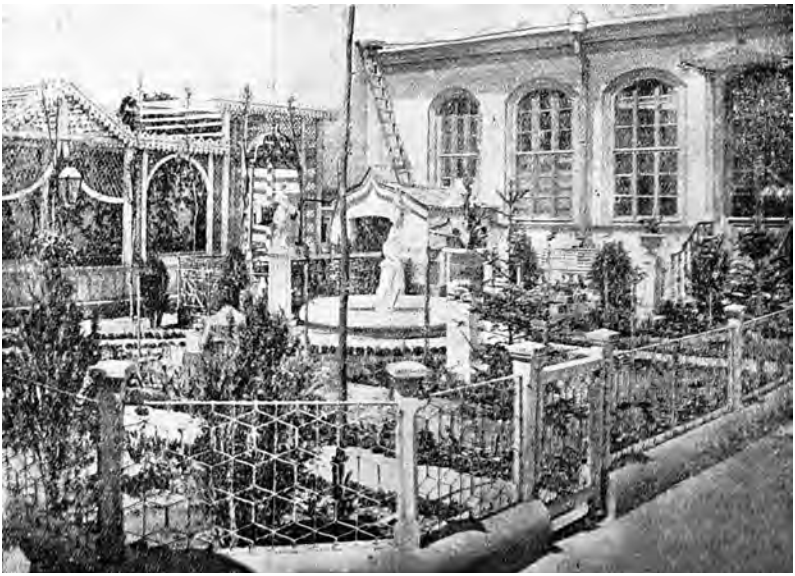
* Путеводитель по Одессе и окрестностям Г. Каранта. С. 169-172.



Зал водолечебницы Воллернера, 1892 г. Хорошо видны мраморные и медные ванны по бокам, в том числе сидячая

«электросветовые ванны, углекислые ванны, совмещающие собой нарзан и Nauheim, суховоздушные ванны, качающиеся ванны (Schaukel Bad) и т. д.». Был здесь аппарат с нитевидным душем, работавший под давлением в десять атмосфер. Установлены сидячие ванны со спинными и круговыми душами, а по обеим сторонам зала – медные и мраморные ванны. Чтобы все это водное великолепие надежно работало, при лечебнице устроили собственный колодец, дававший достаточное количество воды, чтобы не зависеть от капризов одесского водопровода. И было также нечто для меня загадочное: в смежной с залом комнате установили «электрогальванические и электрофарадические ванны и… электрические души…». Мне кажется, последнее послужило одной из причин того, что грандиозное предприятие Воллернера в конце концов закрылось.

Открытие Воллернером лечебницы широко освещалось в одесской прессе и, к счастью, иллюстрировалось довольно большим



Внутренний двор лечебницы Воллернера

количеством фотографий. Конечно, они касаются в основном водолечебницы как самого востребованного тогда вида медицинских учреждений, но мне наиболее интересны три фотографии, одну из которых я приводил выше, – общий вид дома, и две другие – внутренний двор и некий интерьер. Он без особого медицинского налета, за исключением каких-то чаш на столиках, но, по всей видимости, здесь показано внутреннее убранство, сохранившееся еще со времен Анатра. А во внутреннем дворе интересно здание с арочными окнами, характерное для построек Одессы середины XIX века. Возможно, это что-то из первоначальных построек Анатра. Известно, что сам Воллернер кроме переделки-приспособления дома под нужды лечебницы построил здесь «отделение для дам».* При этом по части владения этим местом вопрос до конца не ясен: скорее всего, часть участка и минимум

* «Одесский листок» № 92, 20.05.1899 г., «Третий лист Одесского листка», «Гидропатическое заведение (водолечебница) д-ра Воллернера в Одессе», с. 12.

Интерьер водолечебницы Воллернера. Возможно, декор стен еще времен Анатра**

одно здание принадлежало семье Кацнельсон – родственникам Воллернеров.

В «Сенатских объявлениях» есть упоминание о сделке от декабря 1902 года, где говорится, что доктор А.Б. Воллернер продал коллежскому ассесору П.И. Дулову «двор в Одессе, 2 часть, по Успенской улице, 43, и по Маразлиевской, 43, за 29000 рублей». Не совсем понятно, о чем речь, потому что номером указан 43, причем по обеим улицам, что явная ошибка. Дулову действительно принадлежал дом на Успенской, но это нынешний дом 27, то есть через дом по Успенской от лечебницы. Но суть в том, что дела, видимо, шли не очень, и Воллернер, нуждаясь в деньгах, продал доходный дом, что само по себе интересно, так как это

** Фотографии из газеты «Одесский листок», № 92, 20.05. 1899 г. «Третий лист Одесского листка», с. 12.

В 1982 году по этому адресу размещался детский комбинат № 230 «Тополек»

был один из самых прибыльных бизнесов тогдашней Одессы. В 1906 году водолечебница доктора Воллернера еще упоминается в справочнике «Вся Одесса». Из новенького – там предлагали некое «подвешивание» за 15 р. в месяц. А позже дома, где располагалась лечебница, были проданы. Они стали собственностью семьи Гаузнер – сначала Бенциона Израилевича, а затем Сары-Фримы Кельм-Гаузнер, проживавшей здесь же, видимо, с мужем, указанным как Ср. Иохим. Гаузнер (1912 и далее). Вместо лечебницы с ее красивыми интерьерами в 1913 году тут появляется частная гимназия В.Н. Масловой и М.Н. Градской.* И гимназия эта стала на короткое время одним из культурных центров города, здесь даже проводились литературные вечера. На одном из таких, состоявшемся в 1918 году, с чтением своих рассказов выступил граф Алексей Толстой.

До наших дней дом этот сохранился, хотя, конечно, изменившимся – в послевоенное время второй этаж приобрел совсем другой вид. Его современный адрес – Маразлиевская, 60, угол

* «Одесские новости», № 9173, 04.11.1913 г.

Дом на Успенской, 25. Фотография проекта «Архитектура Одессы»

Успенской, 23. В советское время гимназию сменил детский сад № 27, подведомственный отделу соцвоса – социального воспитания. После войны здесь была школа № 83. Поврежденное здание восстанавливало ОСМУ-1 Черномортехстроя (1946). Затем за школой в качестве шефов были закреплены завод им. Кирова, Жилремснаб, артель «Бумпром» и Витаминный завод.** В 1975 г. ее снова сменил детский сад, а в 1996 году в доме разместилась городская еврейская школа № 94.

Что же касается того дома, с которого мы начали, самого первого дома семьи Анатра (Успенская, 25), то после смерти Анжело Анжеловича в 1910-м году дом был перестроен в четырехэтажный доходный, существующий до сих пор. Апреля двадцать пятого

** ГАОО, р. 1234-7-745, 1949, л. 53. Постановления исполкома горсовета.

дня 1911 г. Александра Александровна, вдова Анжело Анжеловича, подала в Строительный отдел Городской управы прошение:

«Имѣю честь просить о выдачѣ мнѣ разрѣшенія на сломку существующаго 2-хъ этажнаго фасаднаго зданія и такъ же флигелей на мѣстѣ моемъ состоящемъ по Успенской ул. подъ № 25. Разрѣшеніе довѣряю получить Архитектору Ю.М. Дмитренко. Сломка будетъ производиться подъ наблюденіемъ Архитектора Ю.М. Дмитренко, подписку котораго при семъ прилагаю.

Александра Анатра».

На прошении в левом нижнем углу стоит приписка карандашом: «Покорнейше прошу г. Дмитренко сделать фотографию с существующего дома», – и подписана она, видимо, выдававшим разрешение архитектором. Сделано ли это было по собственной его инициативе, или по просьбе кого-то из Анатра, дабы сохранить память о первом доме семьи, увы, неизвестно. К постройке дома Александра Александровна привлекла архитектора Юрия Дмитренко. Строительство было в основном закончено к осени того же 1911 года. Именно Дмитренко через два года построит для сына Александры Александровны Владимира Анжеловича прекрасную романтическую усадьбу на Французском бульваре, 28, – можно сказать, основного героя моей книги «Анатра».

Вам не кажется, что первый этаж этого дома – это слегка измененный, ушедший в землю, но все тот же первый дом Терезии Анатра 1841 года?..

Анна Голубовская

Татары шли вверх по Дальницкой

Читайте «Одесские рассказы», это лучший способ быть на стороне прекрасного города, подвергающегося нападению.

Адриано Софри, предисловие для публикации в журнале «Il Foglio Review», июнь 2023

Исаак Эммануилович Бабель родился в Одессе в 1894 г., умер в Москве в январе 1940 года. Точнее: умер в Бутырской тюрьме после официального признания – «шпионаж», – выбитого пытками.

Известно, что его расстреляли, стало через много лет, многие его рукописи были изъяты и утеряны. Еврей, писатель и журналист, он в 1920 году участвовал в походе конной армии знаменитого военачальника Семена Михайловича Буденного, о чем рассказал в своем самом известном произведении.

Ему удалось избежать многих фатальных угроз: пережить погром 1905 г. (там погиб его дед), Гражданскую войну, продержаться первые годы сталинских репрессий, в том числе и благодаря заступничеству Максима Горького.

Между 1923 и 1932 годами он написал цикл «Одесские рассказы» (всего четыре рассказа), впервые изданных книжкой в 1931 году. События разворачиваются на Молдаванке, в еврейском районе Одессы, и он описал его пестрых жителей, налетчиков, жуликов, воров с их дерзкими выступлениями против властей и однозначно против антисемитов. Главный герой, «Король», Беня Крик, прототип которого – Мишка Япончик, урожденный Моисей Вольфович Винницкий (1891-1919), рабочий-электрик, одесский гангстер, боевик еврейской самообороны, каторжник и глава полка красноармейцев.

Но прежде всего эти рассказы знамениты бабелевским неповторимым стилем. «Вышла огромная ошибка, тетя Песя. Но разве со стороны бога не было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучились, как в аду? И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы? Ошибаются все, даже бог».

Если вы не читали «Одесские рассказы» – пора, это ко времени. Или перечитайте их.

Что лучше, чем быть на стороне прекрасного города, жемчужины, обстрелянной ракетами и беспилотниками, с его Черным морем, которое должно быть синим, но стало черным от потока тел людей, погибших в Херсоне?

Дополнительный совет: найдите в сети реконструированный немой фильм «Беня Крик» 1927 года режиссера Владимира Вильнера по сценарию Бабеля с Юрием Шумским в роли Короля.

Крымские татары – отдельный народ, со своим языком и судьбой: коренные жители полуострова, до того, как Екатерина II аннексировала его в 1783 г., вызвав большую эмиграцию и создание большой диаспоры в Турции. В 1944 году Сталин депортировал татар в Казахстан.

Крымчане, которые выжили, смогли вернуться только после 1989 г. Претензия России, что Крым российский, а особенно «русский», значит, что полуостров каждый раз становился русским, после того что его татарское население было уничтожено, выселено и подменено.

История одесских татар другая.

Татарский город-крепость, прародитель, Хаджибей, был так назван в честь первого владельца в 1382 г. В 1789 г. крепость была завоевана для Екатерины гренадерами неаполитанца каталонского происхождения Хосе Дерибаса. В начале XIX века большая часть мусульман жила в Одессе на правах иностранных гостей (или пленных), чаще всего подданных Турции. Для ассимиляции требовался переход в православие, чего татары избегали. С 1819 года приток татар значительно вырос. Одна из причин – порто-франко. В город стали приезжать татары из Пензы, Казани, Астрахани и Башкирии. Вторая причина – удобство одесского порта для паломничества в Мекку. Из-за большого количества паломников росла и численность постоялых дворов в предместьях Одессы.

Это уже очень близко к рассказу Бабеля.

С установлением в Одессе советской власти мечеть была закрыта и разрушена, мусульманское кладбище сравняли с землей. Мусульмане тайно собирались на квартире на Молдаванке, чтобы читать Коран, обязанности муллы исполняли друг за другом несколько старейшин. Последним в 1970-е годы был старый пекарь Абдулла Каипов, в юности работавший в той самой пекарне на Дальницкой, 26.

Посвящается A. S.

Кто из нас не читал «Одесские рассказы» Бабеля?

Мне всегда казалось, что и об одесских адресах Бабеля, и о местах, где поселил он героев рассказов, известно все. После отъезда Исаака Эммануиловича в Москву его квартира на Ришельевской, 17, досталась Льву Флауменбауму, сотруднику одной из одесских редакций, от него сыну Борису, известному ученому, а потом уже его дочери Люде с мужем Костей Силиным, художником. В детстве я провела множество вечеров в комнате с камином, оставшимся от семьи писателя. В этот дом мои родители приводили Лиду, дочку Исаака Бабеля, внука писателя Андрея. Они хотели увидеть комнату и, прежде всего, камин Бабеля.

Бывала на Тираспольской, 12, где в квартире тетки Бабеля Гитл (Кати) семья Бабеля и он сам с сестрой Мэри прожили четыре года. Этот двор он описал в рассказе «Пробуждение». Заходила в огромный двор на Госпитальной, 23, где в рассказе гремела свадьба Двойры, сестры Бени Крика, на пятьсот человек. Заглядывала на Запорожскую, где родился Мишка Япончик, и во двор напротив, где он вырос. Почти всю жизнь неподалеку был Саша Розенбойм, занимавшийся бабелевской топонимикой. Словом, я считала, что на этой карте нет белых пятен, да я и не краевед, не литературовед, просто читатель.

Год назад война впервые привела в Одессу иностранного гостя в бронежилете с рассказами Бабеля в кармане. Прочитав «Одесские рассказы» в отрочестве, он всю жизнь стремился в наш город. У нас не вышло вместе прогуляться по бабелевской Молдаванке. Но под его влиянием я будто заново полюбила знакомые с юности книги. И в первые теплые весенние дни, уже одна, решила съездить на угол Балковской и Дальницкой, сделать несколько

снимков, не ожидая ничего особенного. Я знала, что нет уже много лет того дома на Дальницкой, 21, где Бабель родился, жили его дед и бабушка, где он поселил Любку Казак. На этом месте корпуса бывшего завода «Кинап». А вот напротив – Дальницкая, 26, двор, в который водят экскурсии за отсутствием того, подлинного. Он сохранил несложную архитектуру, мощный въезд с несколькими арками, внутри виднелись следы старой голубятни.

Зашла. Под старым орехом у двухэтажного флигеля, крашенного разведенной синькой, наверное, лет семьдесят назад, на солнышке грелись две очень пожилые дамы. Имя Бабеля им было знакомо. Обе поселились здесь в 60-е, выйдя замуж. Муж одной из дам давно умер, муж другой жив, но говорить о старой Одессе мне нужно не с ним. А с кем же? С нашим соседом Зяки, он потомок первых хозяев двора. Одна из дам легко, по-девичьи, вскочила и, схватив палку, замолотила в окно: «Зяки, выходи, тут девочка к тебе!».

Вышел пожилой одессит. Кепка на голове, крепкая стать, как у Фроима Грача в моем воображении. Черт его знает, как это бывает: видишь впервые человека – и сразу понимаешь, что пришла по адресу. И начнутся чудеса.

Вот что пишет Бабель в рассказе «Отец»:

«...Все это случилось в субботу, в нерабочий день. Пурпурный глаз заката, обшаривая землю, наткнулся вечером на Грача, храпевшего под своим биндюгом. Стремительный луч уперся в спящего с пламенной укоризной и вывел его на Дальницкую улицу, пылившую и блестевшую, как зеленая рожь на ветру. Татары шли вверх по Дальницкой, татары и турки со своими муллами. Они возвращались с богомолья из Мекки к себе домой в оренбургские степи и в Закавказье. Пароход привез их в Одессу, и они шли из порта на постоялый двор Любки Шнейвейс, прозванной Любкой Казак. Полосатые несгибаемые халаты стояли на татарах и затопляли мостовую бронзовым потом пустыни. Белые полотенца были замотаны вокруг их фесок, и это обозначало человека, поклонившегося праху пророка. Богомольцы дошли до угла, они повернули к Любкиному двору, но не смогли там пройти, потому что у ворот собралось множество людей. Любка Шнейвейс, с кошелем на боку, била пьяного мужика и толкала его на мос-

товую. Она била сжатым кулаком по лицу, как в бубен, и другой рукой поддерживала мужика, чтобы он не отваливался. Струйки крови ползли у мужика между зубами и возле уха, он был задумчив и смотрел на Любку, как на чужого человека, потом он упал на камни и заснул. Тогда Любка толкнула его ногой и вернулась к себе в лавку. Ее сторож Евзель закрыл за ней ворота и помахал рукой Фроиму Грачу, проходившему мимо…

– Почтение, Грач, – сказал он, – если хотите что-нибудь наблюдать из жизни, то зайдите к нам на двор, есть с чего посмеяться…

И сторож повел Грача к стене, где сидели богомольцы, прибывшие накануне. Старый турок в зеленой чалме, старый турок, зеленый и легкий, как лист, лежал на траве. Он был покрыт жемчужным потом, он трудно дышал и ворочал глазами.

– Вот, – сказал Евзель и поправил медаль на истертом своем пиджаке, вот вам жизненная драма из оперы «Турецкая хвороба». Он кончается, старичок, но к нему нельзя позвать доктора, потому что тот, кто кончается по дороге от бога Мухамеда к себе домой, тот считается у них первый счастливец и богач… Халваш, – закричал Евзель умирающему и захохотал, – вот идет доктор лечить тебя…

Турок посмотрел на сторожа с детским страхом и ненавистью и отвернулся. Тогда Евзель, довольный собою, повел Грача на противоположную сторону двора к винному погребу…»

Прадедом Закира Фазлыевича был Исмитулла Рашкин (Султан-Али Бикбаев). В адрес-календаре «Вся Одесса» за 1913 год он числится домовладельцем по Дальницкой, 26, одновременно управляющим магометанской молельней на мусульманском участке Первого кладбища, возле Чумной горы. (После революции мечеть была закрыта, а в начале 30-х годов кладбище уничтожено. Теперь на этом месте стадион.)

Закир интересовался корнями, и в годы, когда облархив был доступен, нашел там купчую – в 1890-х прадед приобрел дом у еврея, чьей фамилии не запомнил. Наш диалог растянулся на несколько недель, я со своей стороны искала следы этой семьи. Удивительно, что за всю жизнь никто не разговаривал о прошлом ни с Закиром, ни с его мамой и бабушкой, я оказалась первой.

В «Волшебнике из Одессы» (Волшебник из Одессы: По следам Исаака Бабеля. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2011) Розенбойм, пользуясь

тем же адрес-календарем, приводит фамилию Рашкина и вспоминает цитату про татар, идущих по улице. Но, видимо, пребывая в уверенности, что никто из семьи не мог пережить двадцатый век, не заходит в этот двор.

Сохранилась большого размера фотография 1913 года, на ней – несколько десятков татар, работавших в пекарне, находившейся в этом доме. В центре сам Рашкин. Пекарня принадлежала ему тоже. Зяки вспомнил, что на выкадровку из этого снимка его сын наткнулся в интернете. Но как она там оказалась, не имел понятия.

Я начала искать. И обнаружила эту же фотографию в книге Закира Калмыкова «Одесские воспоминания отца», (Одесса: Optimum, 2017. – 119 с.). Та же, но не надорванная, ясно, что другой экземпляр. Оказалось, что дед Калмыкова Рехметулла Янмурзин-Ляпин, татарин астраханского происхождения, попал в Одессу еще в 1880 году и долгие годы работал пекарем в хлебопекарне. Работало там, по его словам, более пятидесяти татар. Хлебом они обеспечивали чуть не половину Молдаванки. Все они были мусульманами-суннитами.

Татары приезжали с Поволжья, из Сибири с началом беспошлинной торговли. Не нужно смешивать этих татар с крымскими, это родственные народы, но не один народ – у крымских татар своя горькая и достойная судьба… В Одессе крымские татары если и были, то в очень малом количестве.

В XIX веке было четыре пути в Мекку – дорогой, поездом из Москвы через Вену в Стамбул за шесть дней, опасный – через Севасто-

поль, где суда были ветхими и количество пассажиров гораздо больше допустимого, через Батуми, локальный для кавказских магометан и регулярный одесский – пароходы шесть раз в неделю: быстро, комфортно и дешево. Даже имам Шамиль отправился в свой последний хадж именно через Одессу в 1869 году. В Одессе до революции находилась центральная контора по переправке паломников-мусульман в Джидду через Константинополь с паломнической гостиницей «Хаджилар Караван-Серай», или попросту «Хаджи-Хане». Гостиница могла принять в свои корпуса более трех тысяч человек и располагала баней и больницей на двадцать коек. В случае смерти кого-то из паломников его хоронили на мусульманском кладбище, часть Первого, ближе к Чумке.

А теперь – семейная история. У Султана-Али Рашкина было четыре дочери. Старшая, Мирзия Исмитулловна, – бабушка Зяки. Именно она стала легендой двора на Дальницкой. Родилась в 1886, вышла замуж и уехала к мужу в Турцию. Взяла его фамилию и стала Казизаде. Мама Закира Энисья родилась в Турции. Но дед, военврач, участвует то ли в Итало-турецкой войне, то ли в Первой Балканской, и в 1911-12 погибает. Бабушка с маленькой дочкой садятся на пароход и возвращаются домой, в Одессу.

Закир показывает портрет бабушки. Большая художественная фотография с расписанным вручную платьем и головным убором. Нежное и смелое лицо. Эта юная женщина становится наследницей – ей передает Рашкин пекарню и весь дом. При ней – возможно, и раньше, но запомнилось, что именно при ней, двор становится постоялым, она, говорившая не только по-татарски, но и по-турецки, налаживает пути к Джидде.

…Мои первые собеседницы-соседки, услышав имя Мирзии, включаются в разговор. «Помню ее, – говорит Татьяна, – в 1966 я вышла замуж, успела увидеть Мирзию Исмитулловну. Она часто сидела во дворе, пила крепчайший чифир, покуривала. В том же году ее не стало. Почтением пользовалась невероятным. Хозяйка двора…»

В 1949 году Мирзию выслали в Казахстан. Закир говорит, участковые милиционеры, пришедшие вместе с эмгэбэшниками ее арестовать, просили прощения, – мол, прости, Хозяйка, не зависит от нас ничего.

К счастью, в 1956 она вернулась домой.

Мама родила Зяку в оккупации. Его отец Файзулла, татарин из Башкирии, по стечению обстоятельств работал у себя в городке тоже пекарем на хлебзаводе. В 1937 к нему подошел по-дружески начальник цеха и шепнул – ты в списке на арест, сегодня ночью заберут. Не заходя домой после работы, парень уехал из города первой же электричкой, поездами добрался до Одессы. Попал на Дальницкую, влюбился и женился на Мирзии. Работал шофером после войны.

…От оккупации запомнилось, как гнали на казнь евреев. От стены до стены по всей широкой Дальницкой. Как измученный человек юркнул в ворота, протянув соседке золото: спасите! Золото взяла и, тут же схватив за плечи, вытолкнула несчастного обратно. Я таких историй слышала много, но всегда перехватывает дыхание. Как их заперли в пороховых складах и сожгли, и Закир говорит, что, по словам старших, этот нечеловеческий крик преследовал, не давал спать. Как чудом вырвался из облавы отец после взрыва комендатуры на Маразлиевской. Какой жуткий голод был после войны. Маме удалось купить козочку. Каждый день она с маленьким

Зякой шла в Водяную балку, они пасли козу. Это молоко спасло его. Он помнит, как пленные немцы строили дом на месте взорванного костела, строили школу на месте мечети. Окончил в этой школе первые четыре класса. Немцев ему было жаль, хоть и враги. Уж очень несчастными они выглядели, даже по сравнению с вечно голодными детьми.

Спрашиваю: что было в его детстве? Как далеко отпускали, ходили ли в Дюковский парк? Во что играли? На каком языке говорили дома?

– Говорили по-русски и по-татарски между собой. По-турецки нет, бабушке не с кем было. Играли, если очень повезет, маленькими железными машинками, которые паяла артель игрушек Цыпарского, находившаяся в этом же дворе. Видимо, паяли из ворованного металла. Цыпарский был богач, ездил на трофейной немецкой машине, невероятная редкость. Но периодически пропадал – и восставал, как птица Феникс. Бандитизм, говорит Зяки, был после войны жуткий. Виноградный переулок рядом просто кишел налетчиками, ворами, да и вся Молдаванка. Их не трогали, но родители старались не отпускать со двора. Религиозности в семье не было, да и негде было бы молиться.

Задумывается.

– А знаешь, мой отец Файзулла называл Сталина бандитом еще при его жизни. Главный бандит, главный палач. У него был друг, приходил такой крепкий мужик, еврей. Их немцы гнали в порт, по слухам, должны были утопить в море с барж. Ему удалось сбежать проходным двором, не догнали. Молодой был, вырвался. Но потом сколько его мытарили наши, почему не погиб со всеми…

Закир окончил станкостроительный техникум и всю жизнь проработал на заводе киноаппаратов, «Кинапе», бригадиром электромонтажников. Сначала просто мастером. Смеется, в 50-е отдел кадров возглавляла Британова. Папиросу не вынимала изо рта. Фронтовичка, теперь нет таких женщин. Все ее боялись! А меня взяла прямо со студенческой скамьи.

Попутно выяснили, что Закир помнит моего отца – после института он работал несколько лет инженером-электриком на «Кинапе».

– Вы не против, если я все это напишу?

– Конечно, не против. Это же история, как можно против нее идти? Что-то есть такое в нас, не объяснить словами, но мы друг друга видим. Кто здесь родился и не ропщет на Город, и находит общий язык с другими. Мне не так важно, что я татарин, я одессит, и после себя оставляю одесситов.

Старые орехи во дворе покрыты растущими плодами. Голуби в опустевшей голубятне. Тепло, и не хочется уходить. Не сказать, что это маленькое расследование приблизило к Бабелю, он и так в сердце. Но Исаак Эммануилович был очень внимателен к людям. Люди, судьбы, детали волновали его, и этот живой интерес в каждой строчке. Поэтому опять и опять где-то далеко какой-то новый мальчуган будет стремиться в Одессу, город ослепительного лета.

Тамара Каганович

Из тех, кто помнит мой город…

В этой истории нет ни капли вранья, все чистая правда, и разве что совсем немного фантазии, надежды и чуда – без этого в наше время никак нельзя!

В юном городе Одессе, всего год как официально образованном, однажды собрались местные евреи и решили организовать похоронное братство. Ибо в этом благословенном месте они хотели пустить корни, жить, плодить потомство и, когда время придет, ложиться в эту землю, чтобы их детям, внукам и правнукам было куда приходить, вспоминать и класть свои камни. Одним из подписавших устав Похоронного братства стал некто Янкель Литвак – Аглицкий. Человеком он был не бедным, примерно в то же время получил во владение участок земли для постройки дома на будущей Ришельевской улице. Кто знает Одессу, тот поймет, что более козырное место в городе трудно найти.

Янкель дал начало нескольким многодетным ветвям семейства Аглицких. Крепко вросли в одесскую землю корни этого дерева. Так крепко, что казалось – навсегда…

В 1801 году у Янкеля родился сын Шломо, которого Бог наградит долголетием (Шломо Янкелевич Аглицкий дожил минимум до 1893 года). Шломо вместе с женой Рухлей родили сына Шмуля Лейба (Лейбаха), а уж тот подарил родителям целую толпу внуков – четырех девочек и четырех мальчиков. Один из сыновей, по имени Герш-Фроим, правда, крестился и принял протестантскую веру. Скорее всего, это было условием поступления в один из европейских университетов. Остальные дети получили образование в Одессе. Дочери вышли замуж, сыновья продолжили

дело отца, умершего в 1907 году. Самому младшему, Хаиму, достался магазин на Екатерининской, 26. Молодой человек, именовавший себя теперь Ефимом Львовичем, женился на Эне Гершевне Голяк и свою старшую дочь назвал Ребеккой в память о матери. Бизнес шел хорошо, Ефим, следуя советам отца, сделал ставку на печатную рекламу, которая, как известно, двигатель торговли. Благодаря этому мы теперь знаем, что торговало его предприятие мебелью, мануфактурой и даже льдом.

Свалившееся на страну стихийное бедствие в виде двух революций подряд разрушило счастливую и сытую жизнь, в том числе и одесского купечества. Ефим Львович вынужден был придумать себе новую биографию, по которой он – сын простых людей, не закончивший по бедности учебу. В Одессе купца Хаима Аглицкого все знали, поэтому он уехал в Иркутск, где несколько лет работал столяром. В архивах сохранились документы о том, что в 1930 году Ефим Львович Аглицкий оказался в числе лишенцев – в 1925-1929 гг. использовал наемный труд. И напрасно он доказывал, что «наемником» у него был всего только один человек, и то лишь на период, когда Ефим из-за болезни не мог самостоятельно выполнить уже принятый заказ. Как потом выяснилось, этот самый наемный рабочий и настучал на Ефима куда следует, создав бывшему хозяину массу проблем.

На практике это означало, что в молодом социалистическом обществе появилась своя «каста неприкасаемых», которые не просто не могли избирать и быть избранными, но лишались и прочих прав, а их детей не принимали в вузы. Дочь Хаима Рита так и не получила высшего образования, хотя об этом страстно мечтала – даже во сне видела себя идущей в институт. Средний сын Леонид (в семье его звали Тотка) и вовсе покатился по наклонной: неизвестно за какие дела уже при Хрущеве был осужден на смертную казнь и в 1957 году подавал прощение о помиловании. Суть преступления и решение Верховного суда пока нам неизвестны – не вышел срок давности в семьдесят пять лет.

Новая война опять смешала все в доме Аглицких. Но, видимо, так было задумано судьбой: именно в эвакуации Рита Ефимовна встретит будущего мужа и отца своих детей. Младшего сына назовет Ефимом – в честь деда Хаима. И именно об этом молодом

Ефим Аглицкий. Фото Е. Тищенко

человеке через пару десятков лет будет вместе с телевизором петь вся большая страна: «Не знали наши папы, не знали наши мамы, что дети непростые у них в семье растут…». Легендарный кавээнщик и ученый Ефим Валентинович Аглицкий ныне живет в США, что не мешает ему оставаться Одесситом. Да, именно так – с большой буквы.

Мой интерес к истории семьи Аглицких проснулся четыре года назад, когда на Староконке я купила фотоальбом медина 1940 года – последнего мирного выпуска. Среди пятисот фамилий было немало легендарных одесских: Филатов, Жванецкая, Шевалев, Гешелин, Гурвиц, Сыновец, Губарь, Авербух… и Аглицкий. Последняя фамилия была мне известна именно благодаря КВН. Не родственники ли этот профессор из альбома и тот самый Ефим Аглицкий? Может, дед и внук? Набралась наглости, нашла Ефима Валентиновича в соцсетях, написала. Оказалось, что нет, не родственники, и даже не знакомы. Но может ли быть такое, чтобы в одном городе обладатели далеко не самой распространенной фамилии не были родней? Тем более профессор внешне очень похож на одного из дядей Ефима. И вот начались поиски. За четыре года я узнала многое и о ветви Ефима Валентиновича, и о семье Семена Семеновича Аглицких.

«Симха» на иврите значит «радость», «счастье»! Так назвал своего младшего сына Шломо Абрам Ицков Аглицкий – уважаемый в городе человек, купец второй гильдии, торговавший мануфактурой. Это потом Симха станет Семеном, а пока он – единственный из всех детей в семье поступает сперва в Новороссийский

Семен (Симха) Аглицкий. Фото из семейного архива

университет, потом с 1907 по 1911 учится в Германии, в знаменитом техническом вузе города Карлсруэ, а с 1912 по 1918 – в Питере. По диплому он инженер-строитель, специалист по очистке сточных вод. Но позже защитит диссертацию и перейдет на работу в мединститут, где возглавит специально созданную под него кафедру гигиены.

У Семена Семеновича было несколько братьев и сестер, судьбы которых я тоже старалась отследить. Если с сестрами было сложнее (они вышли замуж и сменили фамилии), то о братьях известно больше. Иосиф-Моше, Абрам, Ефим и Иоан в 1920-х гг. один за другим перебрались в Москву и на волне нэпа пытались построить заново свой бизнес. Конечно, они тщательно скрывали свое прошлое. Ведь перед самой революцией Иосиф-Моше так поднялся на поставках мануфактуры для армии, что стал «миллионщиком» – купцом первой гильдии! С точки зрения советской власти, уже сам этот факт был преступлением. И в 1937 году, когда правда все же всплыла, Иосиф Шлемович и его сын Леон попали в лагерь Тайшет. Формально причиной ареста Леона – сотрудника московской газеты – было стихотворение, которое он якобы написал, критикуя в нем советскую власть. Пытались следователи выбить из него показания на коллег (об этом стоит написать отдельную статью, ибо коллеги – сплошь известные литераторы конца 30-х). Но Леон показаний не дал. Тогда припомнили ему происхождение, а заодно

ДИПЛОМЪ.

Диплом Симхи Аглицкого

посадили и отца. Реабилитированы они были только в 1956 году «за отсутствием состава преступления», но кто из них дожил до этого, неизвестно.

А Семен Семенович, оставшись в Одессе, в 1917 году женился на Анне-Фриде Лазаревне Бухштаб – дочери известного в Одессе врача. Единственный их сын Владимир Семенович Аглицкий – герой-артиллерист, участвовал в обороне Москвы, воевал на Курской дуге, окончил войну в Германии, имел множество наград, среди которых ордена Красного Знамени, Революции, Отечественной войны и Александра Невского. После войны Владимир остался в Москве, а родители из эвакуации вернулись в Одессу, где и продолжили жить в своей дореволюционной, хотя и сильно «уплотненной» квартире. Анна Лазаревна преподавала английский, Семен Семенович профессорствовал в медине. Как известно,

он изучал влияние сточных вод на прибрежную линию моря, принимал участие в исследованиях Нижнего Днепра, связанных со строительством Каховской ГЭС, работал над проблемами водоснабжения Николаева.

Могила С.С. Аглицкого

Профессор покинул этот мир в 1957 году, супруга пережила его более чем на двадцать лет. Это была последняя ветвь древа Аглицких, оставшаяся в Одессе.

Сегодня потомки купца второй гильдии Аглицкого живут в России, Израиле и США и… ничего не знают друг о друге. Мои поиски дали им повод заново перезнакомиться. Тем, кто захотел.

А в Одессе остались только могилы.

Несколько поколений этой фамилии лежит на печально известном Втором еврейском. На Третьем обрели покой родные Ефима Валентиновича. Могилу профессора пришлось искать несколько лет. Я уже потеряла надежду. По негласному кладбищенскому правилу захоронение, за которым не ухаживают, через двадцать пять лет могут ликвидировать. А следить за могилой профессора в Одессе было некому уже около сорока лет.

Но вот тут и случилось первое чудо! В тех же соцсетях в одной из групп любителей генеалогии я познакомилась с человеком по имени Николай. Он тоже одессит, также собирает по крупицам историю своих предков. Мы разговорились, и я пожаловалась, что никак не могу найти могилу профессора. Я даже не знаю, на каком именно кладбище он лежит. Даже внуки не в курсе! Но Николай взялся помочь – и… могила нашлась! На том же Третьем еврейском!

Заброшенная, заваленная мусором, сквозь решетку ограды проросли деревья, по памятнику вился плющ. Но все же она была цела – та из немногих нитей, что связывает историю семьи

Могила С.С. Аглицкого: было – стало

первых одесских евреев с нашим городом. Оставить ее в таком состоянии после стольких лет поисков, после того, как Аглицкие стали мне почти родными, – так много я о них знаю! – это, как модно сейчас говорить, оставить гештальт незакрытым. К сожалению, прямые потомки профессора мою идею не поддержали. Наверное, у них есть на это причины – не нам судить. Но я была уверена, что профессор Аглицкий, известный на весь Союз специалист по гигиене, потомок одного из первых одесситов, заслуживает того, чтобы его могила была ухоженной. Потому что это же корни, а древо Аглицких в Одессе не должно превратиться в перекати-поле!

И я опять набралась наглости, и написала Ефиму. Без особой надежды – ведь это слишком дальняя его родня, и вообще… Но (чудо № 2!) Ефим Валентинович мгновенно ответил: «Поддержу! Нужны только руки в Одессе».

Просто здорово и очень символично, что мы успели все организовать накануне Песаха: Ефим из США – меценат, я из Германии – координационный центр, и мой новый знакомый Николай – те самые руки в Одессе.

Настоящая мицва получилась. Благое дело.

На своей страничке в Facebook Ефим Валентинович часто цитирует любимого поэта Юрия Михайлика, у которого есть просто провидческие строки:

Из тех, кто помнит мой город, остался лишь я один…

К счастью, в нашей истории все не так печально. Одессу мы помним. И держимся за нее корнями, хоть и не всегда сами осознаем это. Древо Аглицких, выросшее на этой земле, не погибло. Оно разбросало свои ветки по миру, чтобы молодые ростки укоренились в новой земле. У них это неплохо получается. Зато потом, когда проснется голос крови, и они потянутся в Одессу в поисках следов своей семейной истории, им будет что показать уже своим детям и куда положить свой камень.

Наталья Панасенко

Одесское окружение Корнея Чуковского: одноклассники

Чуковский подробно написал о дружбе с Борисом Житковым. А в дневнике и переписке есть короткие записи, свидетельствующие о товарищеских отношениях еще с несколькими одноклассниками.

Коля Корнейчуков (Корней Чуковский)

Самое интересное из всех найденных о них сведений – гимназические характеристики. Уже из них видно, что Коля Корнейчуков не дружил со скудоумцами. (Каждый выбирает по себе.) У всех друзей Чуковского отмечены высокий интеллект и любовь к чтению. Не надо думать, что эти качества приписывались любому. Несмотря на соблюдение казенной формы, видно, что характеристики давал педагог, знающий семью и условия, в каких воспитывался ученик. Знал особенности его личности. Не все заверения в политической благонадежности оправдались, но как раз они-то явно принадлежали к числу обязательных фраз.

Гроссман

Семен Гроссман

Из дневника Чуковского.

27 сентября 1898 г. «Странные вещи бывают на свете! Иду я сегодня вечером и самым наивным образом балакаю с Машей. Она несколько раз обмолвилась, назвала меня Даней, но, в общем, все благополучно… Не дошли мы еще до половины квартала, как из-за угла показались 3 фигуры – 2 гимназиста, а один – этак штатский как будто. Маша мне не сказала ни слова, а только сильно ускорила шаги. Я обернулся – гимназистов нет! Что за черт! Бегу обратно, бегу, т. к. прохладно. Вдруг подбегает ко мне Сеня Гроссман, валит меня на землю, садится на меня верхом, колотит и расспрашивает, где я сейчас был… «У Юзи…» – «Врешь, – заорал Сеня, – ты провожал М…» – «Да, провожал и объяснялся ей в любви», – ответил я. «Нет, вы, наверно, философствовали о носовых платках, а впрочем, что ж? У Коли кровь молодая, играет, как вино искрометное», – смеялся Даня…»[1]

(Даня – это, вероятно, Даниил Мрост. Чуковский и его невеста Мария Борисовна приятельствовали с ним и его сестрами Мальвиной и Феодорой.)

Чуковский был одноклассником Гроссмана с первого класса до своего исключения.

Семен благополучно отучился и подал на медицинский факультет ИНУ документы, в числе которых была школьная характеристика.

«Уроженец (1882 г.) города Вильно, иудейского вероисповедания, сын мещанина, занимающегося торговлей, поступил в Одесскую 5-ю гимназию в 1892 г. Во время пребывания в гимназии поведения был отличного, уроки посещал аккуратно, относясь к занятиям довольно добросовестно, при чем главное внимание и интерес сосредоточил на изучении русской литературы и латинского языка. В течение последних двух лет в кондуитном списке отмечен только один раз за недозволенное посещение ресторана Александровского парка. К преподавателям и воспитателям относился с должным уважением, беспрекословно исполняя требования классной дисциплины. Находясь в кругу довольно интеллигентной семьи, он с детства пристрастился к чтению, вследствие чего обладает достаточным умственным развитием, что в связи с его способностями – выше средних, дает ему возможность с успехом окончить курс в университете. В нравственном отношении и по образу мыслей он всегда принадлежал к спокойным элементам, каковым несомненно останется и в высшем учебном заведении.

Директор А. Юнгмейстер»[2]

Первая попытка поступления в университет оказалась неудачной из-за нехватки вакансий для иудеев. Отец подал министру народного просвещения прошение о зачислении С. Гроссмана сверх процентной нормы, выражая опасение, что в случае отказа в приеме достигнутые успехи воспитания пропадут втуне и сын нахватается дурного.[3]

Министр разрешил.

Надежды родителей оправдались. В 1906 г. Семен с отличием окончил курс.

С 1911 г. жил на Базарной (Раковского, Кооперативной, Кирова), 47. Всю жизнь проработал в Еврейской больнице, исключая участие в двух мировых войнах, когда он служил военным врачом (1914-1918, 1941-1944). Профессор Гроссман стал одним из «ведущих представителей крупной оригинальной терапевтической школы Бухштаба».[4] Много лет заведовал кафедрой терапии в созданном в 1927 г. на базе Еврейской больницы институте усовершенствования врачей.

Умер в 1956 году.[5]

Сигаревич

Владимир Сигаревич

«Характеристика окончившего курс в одесской 5-й гимназии в 1900 году Сигаревича Владимира.

Уроженец города Одессы (род. 1882 г.) православного вероисповедания, сын надворного советника (чиновника Государственного банка) поступил в 5-ю гимназию в 1892 г., где и окончил курс. Во время пребывания в гимназии Сигаревич был поведения отличного, детские шалости, случавшиеся в младших классах, совершенно прекратились в старших, вследствие чего в последние два года записей в кондуитном журнале вовсе не имеет. Уроки посещал чрезвычайно аккуратно, хотя заданные на дом домашние работы приготовлял не всегда тщательным образом и занимался главным образом под влиянием внешних побуждений, т. к. особым прилежанием не отличался. С детства лишившись матери, а потом и отца, будучи учеником 3-го класса, Сигаревич остался круглым сиротою на попечении своего старшего брата, студента Новороссийского университета, а впоследствии учителя гимназии, которому мальчик обязан своим воспитанием. Под благотворным влиянием брата мальчик сильно пристрастился к чтению, и если классные занятия по лени иногда отставал от товарищей (так в тексте. – **Н. П.**), то в умственном отношении не уступал другим товарищам. Поставленный в довольно тяжелые материальные условия, Сигаревич с 5-го класса начинает давать частные уроки, что само собою разумеется, не могло не отражаться также на ходе его учебных занятий. Тем не менее

он не оставляет чтения и был одним из тех немногих учеников, которые помимо книг легкого содержания читают серьезные книги. В нравственном отношении, с детства испытав много горя, он твердо закалил себя для борьбы с жизнью, довольно рано научившись бороться со злом и освободившись от тех отрицательных сторон характера, которые вырабатываются с жизненными невзгодами. Его прямой и открытый характер в связи с рассудительной сдержанностью составляют существенные стороны его натуры. Все вышесказанное заставляет предполагать, что в университете из него выработается надежный студент, который будет иметь силу противодействовать всякого рода дурным влияниям и веяниям, которые господствуют иногда среди студентов.

Директор А. Юнгмейстер»[6]

Дмитрий Дмитриевич Сигаревич, воспитывавший Владимира, был старше на четырнадцать лет. Окончив ИНУ, он преподавал словесность в гимназиях и училищах Одессы. Один из основателей «Просвиты».[7] В 1906 году пристав Александровского участка охарактеризовал его так: «Дмитрий Дмитриевич Сигаревич, надворный советник, украинофил, раньше сотрудничал в «Одесском листке», где проводил социально-демократические идеи. В последнее время заявил себя принадлежащим к конституционно-демократической партии».[8]

Имя Владимира Сигаревича встречается в дневнике Чуковского за 1901 год несколько раз. А в запись 25 февраля вставлен «кусочек из письма к Сигаревичу за 98 или 99 г.: «Хочешь узнать, как я провожу время? – Утром даю уроки <…>. Потом завтракаю <…>. Потом читаю, читаю глупо, бессистемно, не дочитывая до конца. <…> Потом часа в 4 приходит Кац, с ним мы читаем вместе, изучаем историю русской литературы».[9]

Чуковского, по его словам, исключили из пятого класса прогимназии.

Сигаревич же, окончив полный курс, в августе 1900 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета ИНУ, но уже в марте 1901 г. был исключен за участие в студенческих беспорядках. 5 марта его обыскали и арестовали[10], а через неделю выслали из Одессы.[11]

К новому учебному году (1901-1902) большинство исключенных вновь приняли в ИНУ, в том числе и Сигаревича, но он поступил уже на медицинский факультет.[12]

В 1902 г. Сигаревич опять принимает участие в сходках, но характер его участия оказался «не вполне установленным»[13], поэтому обошлось без увольнения.

Пронесло и в 1903 г., когда его застигли на сходке у А.М. Федорова, писателя, чей дом был известным в Одессе культурным гнездом. Это собрание организовали под предлогом дня рожденья супруги Александра Митрофановича, но, как сообщалось в докладе директору департамента полиции, «истинная цель сходки – почтить память декабристов, выслушать речи по Кишиневскому процессу». Подчеркивалось, что собрались интеллигенты. Всех подвергли личному осмотру, переписали и охарактеризовали. Сигаревича назвали ярым членом партии социалистов-революционеров.[14]

Однако ярость его, похоже, преувеличили. Кроме студенческих волнений, Владимир нигде больше замечен не был. Даже в «Просвите» не состоял. Хотя с украинофилами дружил.

Например, он и М.Е. Слабченко были поручителями на бракосочетании Татьяны Ивановны Слабченко и Николая Андреевича Милованова.[15]

Сигаревича называли alter ago Богдана Комарова.[16]

Богдан – сын М.Ф. Комарова, нотариуса по профессии, библиофила, одного из основателей и виднейших деятелей «Просвиты». В их доме, бывая в Одессе, останавливалась дружившая с семьей Комаровых Леся Украинка.

Из дневника Чуковского: «19 дек. 1901 г. Пишу это в библиотеке. Против меня восседает Сигаревич, рядом с ним Комаров».[17]

Комаров, окончивший 4-ю гимназию, в воспоминаниях тоже упоминает Чуковского. Относится эпизод еще к гимназическим временам, следовательно, знали они друг друга несколько лет. «В сьомому чи восьмому класі мені пощастило: я мав змогу раз на тиждень бувати в університеті на публічних лекціях. В ті роки «Новороссийское общество естествоиспытателей» організувало щось на взір «народного університету»: наукові робітники Університету взялись до читання вечірніх публічних лекцій для

широкого загалу. <…> Мені вдалося дістати білет на відвідування курса мінералогії».[18]

Судя по отчету о деятельности лекционного комитета названного общества, речь идет о прочитанных с 20 января по 20 апреля 1899 г. лекциях по пяти предметам, в том числе минералогии.

«Я пам'ятаю, – продолжает Комаров, – що на ці лекції вчащали й деякі з моїх гімназичних товарищів. Відвідував їх, між іншим, і Корнейчук (Корній Чуковський), що був тоді учнем 5-ої Одеської гімназії».[19] (Утверждение об учебе Чуковского в 1899 г. в 5-й гимназии поднимает вопрос, на который все еще ответа.)

Принадлежность Сигаревича, Чуковского и Комарова к одному кругу знакомых подтверждается упоминанием в их воспоминаниях и переписке одних и тех же барышень. В цитировавшемся выше письме после слов об изучении истории русской литературы Корней Иванович пишет: «Потом идем на житковскую лодку, где катаемся почти ежедневно. Берем с собою Розенблост, Вольф, Кац и Зильберман. Они пищат, визжат, трещат и верещат».[20]

Из воспоминаний Б. Комарова. «Однажды я решил выступить на публичном танцевальном вечере в рисовальной школе. Партнером себе я пригласил знакомую гимназистку – хорошенькую и ловкую Аделаиду Зильберман».[21]

Розенблост – думаю, что это неверно прочитанная публикатором фамилия «Розенблат». Вольф и Р. Розенблат были среди одноклассниц М.Б. Гольдфельд, будущей жены Чуковского.[22] В 1904 г. в письме к Марии Борисовне из Лондона он просит написать о Розе Розенблат.[23]

Знакомых по фамилии Кац у Чуковского было несколько: Борис, Дора, Наум и Роза. Иногда он так и пишет: «Кацы».

В письме Сигаревичу Корней Иванович не поясняет, кто такие Кац и перечисленные гимназистки, стало быть, Владимир знал их.

Комаров на первом курсе учился вместе с Сигаревичем, 28 февраля 1901 г. за участие в студенческих волнениях был арестован. Выслан. Восстановлен. В 1902 г. его опять исключили, уже без права поступления в университеты России, что вынудило выехать за границу. Он учился во Львовском, Венском и Краковском университетах. Как минимум по 1908 год состоял под негласным наблюдением полиции.[24]

При советской власти обращал на себя внимание украинофильской деятельностью. Богдан Комаров возглавлял Українську державну бібліотеку и Общество им. Леонтовича. В 1927 г. ГПУ засвидетельствовало, что именно его личность притягивала людей в эти центры.[25] В 1931 г. выслан из Одессы на год без права возвращения в Украину. Умер в Ленинабаде (ныне Худжент) в 1975 г.

Сигаревич степень лекаря получил только в 1909 г., уже в Юрьевском университете. Одессита, женатого на девушке из Херсона[26], относило все дальше от родных мест.

1914 год – Оренбург.[27]

1915-й – Самара.[28]

Двадцатые – Ашхабад.[29] Последнее, что о нем известно: в 1930 г. преподавал в Ашхабадском медполитехникуме.[30]

Полинковский

«Характеристика окончившего курс в Одесской 5-й гимназии в 1900 году Полинковского Арке.[31]

Родившийся 10 мая 1882 г. в г. Радомысль Киевской губернии, сын мещанина, в 1892 г. поступил в Одесскую 5-ю гимназию, в которой и пробыл до окончания курса, весьма исправно и аккуратно посещая уроки и обнаруживая примерное усердие в занятиях. Одаренный от природы бойким умом и блестящими способностями, Полинковский переходил из класса в класс с наградами, постоянно обращая на себя внимание преподавателей как своим усердием и прилежанием, так и прекрасным усвоением пройденного курса. В умственном отношении Полинковский по своему развитию, широкому знакомству с литературой, солидностью познаний довольно резко выделялся среди товарищей. В нравственном отношении в нем замечались временами некоторые недочеты и уклонения, задатки которых проявлялись уже в младших классах и составляют, по всей вероятности, следствие не совсем правильного воспитания. Так непомерно развитое самолюбие переходило у него в самомнение и высокомерие, которое он постоянно давал чувствовать другим в гордом сознании своего превосходства, нередко подвергая насмешкам познания

и ответы его товарищей по классу, которые питали к нему вследствие этого враждебное чувство. То же настроение выказывалось иногда в не совсем почтительном отношении к некоторым из преподавателей, пользующихся репутацией снисходительных. Так в кондуитном списке значится следующее замечание: «Позволил себе довольно грубую выходку по отношению к преподавателю французского языка». Болезненный и чрезвычайно нервный от природы, он не находил в себе сил сдерживать свои порывы и несимпатичные выходки, хотя не раз ему приходилось выслушивать замечания и довольно серьезно расплачиваться за свои поступки, и за эту именно черту характера он был лишен права на получение золотой медали, которую он вполне заслуживает, судя по прекрасным отметкам, полученным им на испытаниях зрелости. Но справедливость заставляет сказать о нем, что в нем никогда не замечались черты свободомыслия, и по общему направлению его следует признать вполне надежным в отношении политическом.

Директор Юнгмейстер»[32]

В этот раз педагог не написал о семье ученика, а она была не рядовой. «Это был открытый интеллигентный еврейский дом. Шолом-Алейхем прекрасно себя там чувствовал», – вспоминал зять писателя.[33] Существовало некое неформальное содружество, основанное на личной приязни и общих идеях: хлебники М. Полинковский и С. Барбаш, И. Равницкий – журналист, фольклорист, писатель, редактор, критик… поэт Н. Бялик. Какое-то время Иегошуа Равницкий снимал комнату у Полинковских. Но это не были отношения квартиранта и хозяина. Еще в 1896 г. они задумали общее дело и получили разрешение на открытие книжного магазина, правда, осуществить намерение удалось только в 1902 году. Располагался магазин в доме Барбаша на Большой Арнаутской, 42.[34] Позже приобрели типографию и открыли собственное издательство – предприятие больше культурное, чем коммерческое.[35]

Вот в такой дом приходил к Аркадию Полинковскому юный Чуковский. Иногда вместе с их общим приятелем В. Жаботинским.[36]

Прошение И. Равницкого о приеме в компаньоны М. Полинковского

Из дневника Чуковского. «18 декабря 901 г. «Мир Божий» возьму, чуть в библиотеку приду. Боюсь, что там будет Полинковский. Мешает читать. Он называет меня литературной проституткой: «Твоя статья – это твой желтый билет. Нужно тебе на спину к пальто приделать, чтоб знали все люди, с кем имеют дело».[37]

Речь шла о первой статье Чуковского «К вечно юному вопросу», напечатанной на первой полосе «Одесских новостей». На читателей она произвела впечатление. «Две недели тому назад я написал статейку об искусстве, и вот до сего времени я получаю одесситские письма по этому поводу. Опровергают, подтверждают и вообще суетятся страшно».[38]

Полинковский в это время учился на историко-филологическом факультете ИНУ.

В 1905 году Чуковский перебирается в Петербург. При отсутствии постоянного заработка приходилось буквально голодать, поэтому Мария Борисовна с сыном вернулась в Одессу. Но после октябрьского манифеста Корней Иванович смог осуществить свое страстное желание: начал издавать сатирический журнал «Сигнал». И когда он написал жене: «Пойди <…> к Полинковским и разнюхай, как при военном положении переслать ему «Сигналы»[39], – он подразумевал продажу журналов в том самом магазине Полинковского и Равницкого.

Аркадий Эммануилович после окончания университета преподавал древние языки в гимназиях Иглицкого – Раппопорта, Жаботинской-Копп, Гольдин-Абезгуз.[40]

Выпустил серию учебных пособий для средней школы и самообразования «Русская литература в отрывках из произведений ее исследователей и критиков»: «Сентиментализм и Карамзин как представитель этого направления в русской литературе»; «Лишние люди» в творчестве Тургенева и его предшественников»; «Накануне» Тургенева»; «Мертвые души» Гоголя».

Блохин

Если о Гроссмане, Полинковском и Сигаревиче в дневнике Корнея Ивановича сохранились хоть мимолетные записи, за которыми угадываются приятельские отношения, то о Блохине – ни слова. Зато в автобиографической повести «Серебряный герб» (в ранних редакциях – «Секрет», «Гимназия») есть персонаж с такой фамилией: Муня Блохин.

Он один из двух школьных друзей, деятельно старавшихся помочь главному герою, когда того выгнали из гимназии.

Дом, где жил Блохин

И Блохин единственный из всех реальных одноклассников Чуковского, чья фамилия сохранена в повести. (В «Гимназию» 1938 г. Чуковский, правда, добавил Кобецкого, но в следующей редакции вычеркнул весь эпизод, где тот был упомянут.)

Мелетий Шаравский

В «Серебряном гербе» есть персонажи, в точности списанные с реальных людей. Им автор оставил их подлинные имена: сестра Маруся, поп Мелетий (учитель закона Божьего Мелетий Шаравский, действительно служивший в Покровской церкви), домохозяин Спира Макри (Спиридон Герасимович)…

Некоторые списаны с узнаваемых, но по сюжету нужно было что-то подкорректировать, и их имена полностью или частично изменены: Тимоша Макаров – смягченный Борис Житков, реальный Александр Мейер в повести стал Людвигом, Семен Блохин – Самуилом.

Его школьная характеристика тоже сохранилась в университетском личном деле.

«Характеристика окончившего курс в одесской 5-й гимназии в 1900 г. Блохина Семена.

Уроженец г. Одессы (род. в 1882 г.), иудейского вероисповедания, сын мещанина, занимающегося торговлею и обладающего значительными средствами, Блохин поступил в 5-ю гимназию, в которой пробыл 8 лет, отличаясь вполне безукоризненным поведением, огромным прилежанием, аккуратностью и добросовестностью в исполнении работ. Обладая выдающимися способностями и трудолюбием, он переходил с наградами из класса в класс. В течение последних двух лет пребывания в гимназии за ним не было замечено ни одного хотя сколько-нибудь

Его Превосходительству

Господину Предсѣдателю Физическаго Комитета

Получившаго зачетъ 8-ми семестровъ математическаго отдѣленія физико-математическаго факультета Императорскаго Новороссійскаго Университета Семена Моисеевича Блохина

Прошеніе

Выдержавъ до настоящаго времени весьма удовлетворительно 8 экзаменовъ при испытательной коммиссіи, я, какъ Ваше Превосходительство усмотрите изъ прилагаемаго врачебнаго свидѣтельства, прикованъ къ постели вслѣдствіе заболѣванія острымъ геморрагическимъ нефритомъ. А потому имѣю честь почтительнѣйше ходатайствовать предъ Вашимъ Превосходительствомъ подвергнуть меня испытанію по предмету физики на дому въ одинъ изъ ближайшихъ дней по Вашему усмотрѣнію

Семенъ Блохинъ

Жительство имѣю по Пушкинской ул. въ д. Футрана №54, кв. №4.

Прошение Блохина о позволении сдать экзамены на дому

предосудительного поступка. Таким образом, Блохин считался одним из лучших учеников класса и на выпускных экзаменах оправдал ожидания, окончив курс с золотой медалью. Выдаваясь весьма достаточным умственным развитием и полною благонамеренностью в образе мыслей, Блохин может оказаться добросовестным студентом и в будущем поработать на пользу науки.

Директор Юнгмейстер»[41]

Жил Блохин, учась в гимназии, не на Молдаванке, как в повести, а неподалеку: в д. 32 по Б. Арнаутской угол Пушкинской, а после окончания стал студентом математического отделения физико-математического факультета ИНУ, а не артистом.

Он, как и большинство, поучаствовал в студенческих беспорядках в феврале и марте 1901 г., за что получил выговор.[42] (1 марта дома был обыск.[43])

Делал попытки перевестись в Петербург: то в политехнический институт, то в тамошний университет, но что-то не складывалось.[44]

Собирался жениться на дочери журналиста Лидии Абрамовне Кауфман…[45]

А потом тяжело заболел. Последний экзамен ему, уже прикованному к постели, позволили сдать на дому.[46]

1 августа 1904 г. Семен Блохин умер.[47]

Примечания

[1] Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 11: Дневник (1901-1921). – М., 2006, с. 16. Маша – будущая жена Корнея Ивановича.

[2] Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 45, оп. 5, д. 3816, л. 2.

[3] «Одесского мещанина Азриеля Шимелевича Гроссмана, жительствующего в Одессе Александровского участка по Мало-Арнаутской улице, в доме № 44,

Прошение.

В текущем 1900 году сын мой, Семен Азриелевич Гроссман, окончил Одесскую 5-ю гимназию и получил аттестат зрелости, по которому балл в среднем выводе составляет $4^2/_7$ (четыре и две седьмых). Означенный аттестат вместе с другими предписываемыми законом бумагами сын мой своевременно представил

в Императорский Новороссийский университет при прошении о зачислении его студентом новооткрытого медицинского факультета.

Однако ходатайство сына моего, к великому моему огорчению, не удостоено удовлетворения. Правление университета отказало на том основании, что в медицинский факультет, рассчитанный на 250 студентов, христианских прошений поступило около 65, а открывшиеся соответственно сему несколько иудейских вакансий уже заполнены теми из окончивших гимназический курс евреев, которые по своим успехам удостоены медалей.

Между тем сын мой по своим знаниям недалеко отстал от медалистов и помимо безусловно хороших обнаруженных им успехов я с гордостью и сознанием исполненного родительского долга осмеливаюсь констатировать перед вашим высокопревосходительством, что сын мой, прошедший курс 5-й гимназии, начиная с 1 класса, всегда отличался своим безукоризненным, образцовым поведением и всегда пребывал на наилучшем счету у гимназического начальства, которое часто ставило его в пример и назидание прочим. Лестное свое мнение о нравственных качествах сына моего гимназическое начальство выразило в характеристике, данной о нем университету.

С раннего детского возраста сын мой был приучен к обязанности заниматься учением. Эта обязанность наполняла почти все его время. Теперь, по достижении юношеского возраста, ему предстоит очутиться без дела. Эта мысль в сильной степени угнетает нашего сына; но еще более тягостной и устрашающей она является для нас, его родителей. Мы привыкли к тому, чтобы он всегда занят был своим делом, находясь под двойным наблюдением: родительским – дома, и начальства – в стенах учебного заведения. Мы могли следить за каждым его шагом и отстранять от него всякое дурное влияние. И действительно, из него выработался человек с симпатичными зачатками, среди которых главное место занимает сознание своего гражданского долга перед отечеством и обществом. Но он еще молод, а воспитание его пока не закончено: он стал на полдороги. Чтобы довести так удачно начатое воспитание до благополучного конца, требуется та же дружная работа семьи с одной стороны и школы – с другой, к влиянию которой мой сын привык с малых лет. Теперь он находится в том переходном возрасте, когда духовный мир человека формируется на всю жизнь, и, следовательно, когда двойное благотворное влияние семьи и школы более всего нужно. Как раз в этот важный момент мы лишаемся самого главного и самого могучего фактора воспитания – школы.

Вот почему перспектива бездействия, на которое обрекает моего сына отказ университета и которое разрушает весь наш, родителей, воспитательный строй, повергает нас в глубокое уныние и страх перед неизвестным будущим.

Ваше высокопревосходительство, одному моему дальнему родственнику и однофамильцу, Адольфу Яковлевичу Гроссману, который прошел 5-ую гимназию вместе с моим сыном, Вы соблаговолили лишь на этих днях найти возможным оказать милосердие. Но мой сын превосходит его в знаниях и в отношениях к нему гимназического начальства. Явите же свое высокое просвещенное милосердие и моему сыну, во имя присущих Вам чувств человеколюбия и гуманности.

Сжальтесь и над несчастными его родителями. Убедительно и слезно молю ваше высокопревосходительство, соблаговолите учинить распоряжение о зачислении сына моего, Семена Гроссмана, сверх нормы студентом медицинского факультета при Императорском Новороссийском университете и о последующем покорнейше прошу удостоить меня уведомлением по указанному мною адресу.

Азриель Гроссман
Одесса
Сентября 28 дня 1900 года».

(ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 3816, л. 8 – 8 об., 34.)

[4] Бородулин В.И., Васильев К.К., Тополянский А.В. О первой советской терапевтической элите: ученик В.П. Образцова Лазарь Борисович Бухштаб и его клиническая школа (Одесса) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021, № 29 (4), с. 1008.

[5] Васильєв К.К., Терещенко Т.М. Ґроссман Семен Азрієлович // Енциклопедія сучасної України: енциклопедія [електронна версія] ред.: І.М. Дзюба, А.І. Жуковський, М.Г. Железняк та ін.; НАН України, НТШ. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України. Т. 7. 2007. URL: https://esu.com.ua/article-25826

[6] ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 11949, л. 44 – 44 об.

[7] «Просвіта» – первая в Российской империи культурно-просветительная организация украинцев, которая действовала легально, была зарегистрирована в 1905 г. Внедряла преподавание и издание книг и журналов на украинском языке, чтение лекций по истории Украины.

[8] ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 3542, л. 47.

[9] Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11: Дневник (1901-1921). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 15-16.

[10] Центральный государственный исторический архив в Киеве (далее – ЦГИАК), ф. 386, оп. 1, д. 16, л. 5 об.

[11] Ротмистр Головин докладывал полицмейстеру: «12 сего марта при отъезде из Одессы высланных отсюда студентов Куца, Сигаревича, Гусова и Мдивани на пароходе РОПиТ «Великая княгиня Ксения», на котором также выехало добровольно 5 студентов, проводить их на пристань собралось около 30 студентов, среди которых находились также женщины и родственники выезжавших студентов. Никаких оваций отъезжавшим студентам устроено не было, и обычный порядок, сопровождающий отход пассажирских пароходов, ничем не был нарушен. Это утверждает присутствовавший при отходе п/х «Великая княгиня Ксения» портовый надзиратель фон Воюцкий, а также и пристав Михайловского участка надворный советник Кисляковский».

(ГАОО, ф. 314, оп. 1, д. 240, л. 21а – 21а об.)

[12] ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 11949, л. 13.

[13] ГАОО, ф. 45, оп. 19, д. 692, л. 19.

[14] ЦГИАК, ф. 386, оп. 1, д. 26, л. 12 об., 25 об.

[15] ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 609, л. 175 об. – 176. (Сообщено С.А. Желязковым.)

Михаил Елисеевич Слабченко (1882-1952) студентом заведовал музеем «Просвиты». Историк, историк права, академик ВУАН. Незаконно репрессирован.

Н.А. Милованов (1879 – ?) – однокурсник Сигаревича.

[16] Б.М. Комаров. Мої університети. // Дім князя Гагаріна: Збірка наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. Вип. 6. Частина 1. – Одеса: Сімекс-прінт, 2011, с. 166.

[17] Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11: Дневник (1901-1921). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 50.

[18] Б.М. Комаров. Мої університети. // Дім князя Гагаріна: Збірка наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. Вип. 4. – Одеса: Моряк, 2007, с. 73.

[19] Там же, с. 73-74.

[20] Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11: Дневник (1901-1921). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 16.

«Житковская лодка» – лодка Бориса Житкова.

[21] Одесский литературный музей. – КП 28318/11, Р-2775.

[22]Дневник // Одесский листок. – 1899, 3 июня, с. 3.

Одесские новости. – 1900, 5 июня, с. 3.

[23] Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 14: Письма (1903-1925). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 41.

[24] ГАОО, ф. 314, оп. 1, д. 316, л. 10 об., 24 об., 49 об.

[25] «В Одесских условиях самым крупным центром, вокруг которого группируется местная украинская общественность, является общество имени Леонтовича.

Возле об-ва имени Леонтовича группируется как лояльная, так и антисоветская, шовинистически настроенная украинская общественность (вторая в большом количестве). Последнее объясняется тем, что беспартийный актив общества шовинистически настроенный, старается придать обществу не только характер музыкальной организации, но и организации общественного характера (массовой), нечто вроде клуба или Просвиты. Для этой цели общество откликается на все празднества, юбилеи, чествования, носящие национальный характер.

Некоторая часть украинской интеллигенции, главным образом шовинистически настроенная, группируется вокруг Украинской державной библиотеки и Товарищества содействия УДБ. Притягательным центром этим двум организациям служит возглавляющее эти учреждения лицо Б.М. Комаров, в прошлом принимавший активное участие в украинском движении. Притягательной фигура Комарова является еще и потому, что он сын известного украинского ученого-библиографа, в свое время пользовавшегося колоссальным авторитетом и влиянием среди местных украинцев. Особой деятельности Т-во содействия УДБ до сих пор не проводило, предполагает устроить несколько лекций для широкой украинской общественности, пригласив для чтения этих лекций Остапа Вишню и Тычину».

(ГАОО, ф. П-7, оп. 1, д.1 034, л. 146-147.)

[26] Его женой стала дочь потомственного почетного гражданина Ирина Сергеевна Волохина.

(ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 11949, л. 39, 31; Государственный архив Саратовской области, ф. 32, оп. 33, д. 102, л. 2 об. – 3.)

[27] Врачебная газета. – 1912, № 14, с. 573.

[28] Российский медицинский список на 1916 г., с. 432.

[29] Список медицинских врачей СССР на 1 января 1924 г. – М.: Изд. Наркомата здравоохранения РСФСР, 1925.

[30] https://forum.j-roots.info/viewtopic.php?t=8368&start=20

[31] Арке Мунишевича по документам, в справочниках и, видимо, в быту называли Аркадием Эммануиловичем.

[32] ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 10463, л. 9 – 9 об.

[33] Беркович И.Д. В писательской семье // Шолом-Алейхем – писатель и человек: Статьи и воспоминания. – М.: Советский писатель, 1984, с. 105.

[34] В 1918 г. владелицей его числилась вдова Муниша Пая (Паулина) Марковна. Книжный магазин существовал здесь и много позже, вплоть до Перестройки. Сейчас там пивная – правда, украшенная изображениями литературного персонажа.

[35] Подробно об этом написано у М.Р. Бельского. «Morijah» в Одесе // Мория. – Одесса: Печатный дом, 2004. № 1, с. 6-26.

[36] Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 15: Письма (1926-1969). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 566-567.

[37] Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11: Дневник (1901-1921). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 48.

[38] Там же, с. 46.

[39] Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 14: Письма (1903-1925). – М.: Терра – Книжный клуб, 2006, с. 72.

[40] В 1907-1909 гг. преподавал в Гомеле.

[41] ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 1320, л. 25.

[42] Там же, л. 14.

[43] ЦГИАК, ф. 386, оп. 1, д. 16, л. 1 об.

[44] ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 1320, л. 12, 16.

[45] Там же, л. 36.

[46] ГАОО, ф. 45, оп. 4, д. 2486, л. 47.

[47] Одесский листок. – 1904, 2 авг., с. 1.

Павел Козленко

Фронтовой джаз

Эта статья не появилась бы, наверное, никогда, если б не мой товарищ и коллега, руководитель Международной ассоциации «Четвертое поколение» Александр Семенович Энгельс (Франция). Совместно мы работаем над проектом, посвященным одесситам евреям – участникам Второй мировой войны. Александр Семенович собрал материал о евреях – участниках джазового оркестра ДКА Приморской армии. Одним из руководителей фронтового джазового оркестра Приморской армии был техник-интендант первого ранга Петр Яковлевич Глушкин. Когда я стал собирать информацию об этом человеке, то… вышел на свою семью.

Петр Глушкин. 1939 г.

Петр (Пинхас) Яковлевич Глушкин родился в Одессе 29 августа 1890 г. В начале XX века брал уроки у Римского-Корсакова в Петербургской консерватории, участвовал в Гражданской войне, был ранен. С 1919 по 1924 г. в Красной армии, служил дирижером в оркестре бригады Г. Котовского.

Заветной мечтой Григория Ивановича было создать духовой оркестр. А время было такое, что не до оркестров. Да и откуда было взять необходимые инструменты, где добыть музыкантов? Григорий Иванович распорядился, чтобы выискали среди бойцов таких, кто умел играть на чем-нибудь.

С сентября 1939 г. Глушкин снова служит в армии. Семья Петра Яковлевича проживала в Одессе, в доме № 74 по ул. Чижикова (ныне ул. Пантелеймоновская) и вместе с женой Розой Израилевной он воспитывал троих дочерей. Семья была обеспеченной. Петр Яковлевич много времени уделял музыке. В квартире у него было концертное пианино Blüthner, большая нотная библиотека, патефон и более двухсот пластинок.

С началом войны, в июле 1941 г., жена с дочерями эвакуировались в Ташкент, а Петр Яковлевич возглавил фронтовой джаз-оркестр ДКА Приморской армии, с которым и прошел всю войну.

В оркестре кроме Петра Яковлевича из Одессы были его родной брат скрипач Михаил Глушкин, композитор Яков Львович Верховский, музыканты Григорий Моисеевич Винер, Иосиф Айзикович Дашевский, композитор Александр Филиппович Житницкий, Израиль Моисеевич Трокер, музыканты Марк Абрамович Уманский, Исаак Абрамович Шварцер, капельмейстер Михаил Наумович Пивник, барабанщик Лев Яковлевич Саксонский, аккордеонист и пианист Изяслав Бенедиктович Бирбрайер, а также певец Абрам Исаакович Осиашвили (Грузинская ССР, отец поэта-песенника Симона Осиашвили), конферансье Марк Израилевич Богуславский (Днепропетровск), музыканты Михаил Иосифович Мейдман, Леонид Маркович Шаргородский (Херсон).

Из наградного листа 10 июня 1942 г. на техника-интенданта первого ранга Глушкина Петра Яковлевича: «…за время работы в джаз-оркестре проявил себя как знающий свое дело руководитель. Организовывал выступления артистов джаза на передовой линии на подступах к Одессе и Севастополю».

Закончил войну Петр Яковлевич Глушкин в должности капельмейстера 230 горно-стрелкового полка 68 гвардейской стрелковой дивизии. До июля 1953 г. продолжал служить в армии в должности преподавателя Одесской военно-музыкальной школы. Школа находилась на углу Тираспольской и Кузнечной улиц,

Выпуск Одесской военно-музыкальной школы. 1951 г. Фото из архива М. Штейнберга

в ней по классу кларнета преподавал в довоенные годы Макс Кюсс, автор популярного вальса «Амурские волны». Сами военно-музыкальные школы были созданы по инициативе известного композитора Семена Александровича Чернецкого, военного дирижера, организатора и руководителя первых советских военных оркестров.

Одним из учеников Петра Яковлевича был известный композитор Марк Штейнберг. Вот что вспоминает Марк Петрович:

«Первый преподаватель кларнета в те годы, майор П.Я. Глушкин, был уже немолодым, а может, мне только так казалось. Добрый человек и мудрый преподаватель. Мы, его воспитанники, знали, что изначально он был военным дирижером, а затем его направили на преподавательскую работу. Именно он привил мне и многим мальчишкам любовь к музыке. Благодаря этому большинство его питомцев выбрали музыку своей профессией на всю жизнь. Особенная любовь у Петра Яковлевича была к еврейской музыке. В свое время он играл во многих еврейских театрах.

Выпуск воспитанников. 1954 г. Петр Глушкин не дожил…

И в Одессе он совмещал преподавание в школе музыкантских воспитанников с работой в театре. Брал меня на спектакли и сажал меня в оркестровой яме рядом с собой. Так для меня открылся новый мир музыки, танцев и актерского мастерства. Но первое – музыка – мне было ближе всего. В театре шли и спектакли еврейских авторов, отсюда потянулась ниточка, которая привила мне любовь к еврейской музыке… Ах, как выразительно он играл на кларнете сольный эпизод из 6-й симфонии Чайковского в составе нашего педагогического оркестра! А в оркестре играли и привлеченные лучшие музыканты из оркестров Одесского гарнизона, и делавшие успехи воспитанники».

17 июля 1953 г. по состоянию здоровья Петр Яковлевич уволился из армии. После тяжелой болезни в 1954 году он умер, и «за его гробом шел духовой оркестр – более 100 человек, ни на секунду не прекращая звучания. Шли через весь город

на далекое Еврейское слободское кладбище. Вся музыкальная интернациональная Одесса провожала его в последний путь… Я не мог играть, горло сжимал комок, сверлила одна мысль: неужели для этого вы научили меня быть музыкантом?! В конечном итоге я ему благодарен за великую науку всю жизнь».

Так об этом вспоминал его лучший ученик Марик Штейнберг.

Среди наград Глушкина орден Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги», медали за оборону Одессы, Севастополя, Кавказа.

Петр Яковлевич вырастил трех дочерей. Старшая дочь Софа окончила медицинский институт. Работала врачом, преподавателем в медицинском училище. Ее семья до эмиграции в США проживала на улице Бебеля, 20. Я в детские годы очень часто бывал у них в гостях. В Нью-Йорке в холле одного из госпиталей установлена мемориальная доска в честь нее как одного из лучших психиатров.

Средняя дочка Лида окончила балетную школу, много лет выступала на сцене оперного театра. Ее муж Павел

Могила П. Глушкина на Третьем Еврейском кладбище

Михаил Глушкин. Из архива Г. Глушкиной

Приезд композитора Глазунова в Одессу, в частную школу профессора П.С. Столярского. Миша Глушкин – слева на фото над Столярским. 1927 г. Из архива Г. Глушкиной

Фомин – заслуженный артист УССР, был репетитором и педагогом в Одесском оперном театре.

Младшая дочь Инна работала на швейной фабрике «Авангард».

Родной брат Петра Яковлевича Михаил родился в Одессе. Окончил шесть классов, учился в частной школе Столярского.

С началом войны Михаил Яковлевич участвовал в обороне Одессы, служил в 788 артиллерийском полку 262 стрелковой дивизии. Из наградного листа: «...работал во фронтовом джазе на передовой линии на подступах к Одессе и Севастополю. Во время налета вражеской авиации подносил снаряды к зенитным орудиям, чем и оказал помощь личному составу».

На отдыхе развлекал бойцов игрой на скрипке. Был дважды ранен. Кавалер ордена Красной Звезды и медалей за оборону

Автор статьи с внуком Петра Яковлевича Глушкина Петей Галисом (слева).
Фото из архива семьи Козленко

Одессы, Севастополя, Сталинграда, за взятие Берлина, Японии. До самой смерти в мае 1975 г. работал настройщиком роялей. Его дочь Галина Глушкина пошла по стопам отца. Училась по классу скрипки в школе имени профессора Столярского, окончила Московскую государственную консерваторию имени П.И. Чайковского. Проживает в Израиле, второй концертмейстер в симфоническом оркестре Ришон-Ле-Циона.

В Америке живет внук Петра Яковлевича Глушкина, названный в честь своего деда Петей.

Феликс Кохрихт

Волонтер Пекарь

Такой запомнили Маргариту Эзровну в госпитале

Уверен, вы, наши читатели, прочитав заголовок к этим заметкам, решили, что речь пойдет о представителе замечательной древней профессии, который входит в многотысячное сообщество одесситов, помогающих нашим защитникам, беженцам, сиротам, испытывающим сегодня горести и тяготы войны. Так подумал и я, когда год назад в разговоре с главным хирургом нашего главного госпиталя на Пироговской – Военно-медицинского клинического центра Южного региона – полковником В.Ю. Шаповаловым услышал от него о душевной и действенной заботе Маргариты Эзровны Пекарь, которая помогает медикам и пациентам, и стала особенно родной и близкой с начала войны. Я пометил в блокноте: обязательно расскажу о ней. И вот выполняю это обещание. К сожалению, встретиться не успел: Маргарита Эзровна ушла в феврале 2023 в свои восемьдесят четыре года…

Виталий Юрьевич рассказал, что несколько лет назад эта пожилая женщина была его ургентной пациенткой – сложной, что операция прошла успешно. Но от знающих людей я узнал, что он тогда спас Маргарите Пекарь жизнь, а медсестры, санитарки вы̀ходили, и в благодарность за это она, проникнувшись многотрудной жизнью военных медиков, почувствовала себя не просто обязанной, а призванной помогать им в меру своих сил. (Это я так, несколько высокопарно, пытаюсь определить побудительные мотивы М.Э. Пекарь, а она, чуждая пафосу, взялась за дело привычно и вела его споро, рачительно и эффективно.) А сил, способностей, решительности за долгую жизнь, полную трагических, драматических, экстремальных ситуаций в биографии нашей землячки было много…

Родилась в 1939 году в семье педагогов. Отец Эзра Александрович, историк, был директором нескольких одесских школ, в том числе и еврейской, мать Бетя Рафаиловна Свирская преподавала биологию.

Мы с Маргаритой ровесники – дети войны. Мне на долю выпали бомбежки Одессы, пеший марш на руках у мамы по знойной дороге в Николаев и четыре года жизни в эвакуации в грузинских горах; Рите – бомбежки и почти три года пребывания в «гетто г. Балта» (цитата из официальной архивной справки), с ноября 1941 года по август 1943-го. Отец прошел всю войну, в орденах-медалях вернулся после победы в Одессу, и чудом уцелевшая семья воссоединилась в коммуналке на Чижикова, ныне Пантелеймоновской…

Постепенно возвращались с фронтов, эвакуаций, гетто и концлагерей их родственники, друзья, коллеги. Появились и новые: среди них Нотэ Лурье – один из самых известных прозаиков, писавших на идише. Его роман «Степь зовет» критики сравнивали с «Поднятой целиной» Шолохова. В 1948 году после разгрома сталинским режимом Еврейского антифашистского комитета (его лидеры были уничтожены) фронтовик Лурье стал одним из фигурантов так называемого «Дела еврейских писателей» и получил пятнадцать лет лагерей, но в 1953-м тиран умер, и Лурье отсидел «всего» пять… В интеллигентной трудовой семье в послевоенной Одессе формировались характер, склад ума и жизненные принципы Риты Пекарь…

Фронтовики-одесситы Нотэ Лурье (слева) и Эзра Пекарь

На снимке с родителями середины 50-х годов она – прелестная девушка, пытливо вглядывающаяся в предстоящую взрослую жизнь и в себя. Окончив школу, поступила в одесский институт, который в разное время назывался по-разному: кредитно-экономический, нархоз. Сейчас это Национальный экономический университет.

Должен заметить, что жизнь и судьба Маргариты Пекарь полна событий, которые я для себя назвал ее феноменами. Можно было бы, да и нужно бы создать на основе биографии сериал, некоторые эпизоды которого сегодня удивляют и вызывают раздумья.

Первый феномен: мать и маленькая (три года) дочь выжили в гетто…

Второй: после окончания вуза начинающий экономист Пекарь получает назначение в Новосибирск, в Академгородок, о котором мечтало мое поколение – и физиков, и лириков.

Спустя несколько лет Маргарита возвращается в Одессу с маленьким сыном Славой. Сегодня при нашей встрече в его каби-

ОДЕСЬКА ОБЛАСНА ДЕРЖАВНА АДМІНІСТРАЦІЯ

ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

270001, м. Одеса, вул. Жуковського, 18, тел. 22-80-25, 22-53-05, 25-12-10

23.05.97 № 1372

На № ____ от ____

Пекарь
Маргарите Эзровне

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В деле профектуры Балтского уезда за ноябрь 1941г. - август 1943г. имеется список евреев, находившихся в гетто г.Балты, в котором значится:

Свирская Бетя Рафаиловна 1905 г.р. с дочерью
Пекарь Маргарита Эзровна - 2года
Других данных в архиве нет.

Основание: Ф.Р.- 1379, 1380, оп. П.д. 318, л. 34

Директор Госархива — В.М.Мальченко
Зав. столом справок — И.П.Заборовская

Справка из архива

нете он попросил себя так и называть. В беседе я узнал многое из того, что сейчас рассказываю вам.

С конца 60-х по конец 80-х его мама работает в управлении Одесской железной дороги, на предприятиях города, а в 1988-м эмигрирует в США. Слава остался в Одессе – за день до отъезда у него родился сын. Они не виделись с матерью много лет, но по-прежнему были близки, и связь эта только крепла – пусть и на расстоянии.

Феномен третий… Впрочем, в этот период жизни нашей землячки они следуют один за другим. Вот лишь перечисление событий, как говорится в знаковом фильме Киры Муратовой «Перемена участи». Раскрываются и действуют в полную меру мощные доселе дремавшие способности Маргариты – Риты,

Семья Пекарь. Одесса, конец 1950-х

как ее называли земляки-эмигранты; Mrs. Pekar, как значится в уникальном документе, который мы вскоре процитируем и покажем.

Четвертый… Но сначала мнение специалиста – университетского лингвиста: «То, как М. Пекарь, не имея специального образования и не проживавшая ранее в иноязычной стране, столь быстро стала не только владеющей английским жительницей США, но получила статус переводчика, вызывает удивление и, откровенно говоря, восхищение ее способностями». Действительно, она не только помогала бывшим соотечественникам на бытовом уровне, но была переводчиком в суде и в медицинских учреждениях, а это – высокий статус, и не каждый выпускник иняза достигает его в стране, язык которой изучал пять лет.

Пятый. Неуемная деятельная натура Маргариты, классический активный одесский характер привели ее в самую гущу общественной и политической жизни США в тот период, когда

Маргарита Эзровна и Славик. Перед отъездом в США

здесь шла подготовка к выборам. Действующий президент – республиканец Джордж Буш-младший в 2004 году претендовал на второй срок. Наша землячка примкнула к его самым активным сторонникам и вскоре стала лидером на одном из многолюдных избирательных участков. В итоге именно здесь Буш набрал чуть ли не рекордное количество голосов. Увы, мне не пришлось обсуждать с миссис Пекарь подробности этой кампании, но ее сын подарил мне фотографии, одну из которых мы публикуем. На ней – улыбающийся сорок первый президент США, слова благодарности, адресованные Mrs. Pekar, и приглашение на банкет в честь его победы. Знаю о том, что на подобную церемонию рвутся сильные мира и Штатов и платят большие деньги – взносы в Фонд президента…

Вряд ли нужны доказательства того, что Маргарита Эзровна могла жить в этой стране много комфортных и спокойных лет, но в 2011 году она возвращается в Одессу – к сыну

Приглашение на банкет к президенту Дж. Бушу: «Миссис Маргарите Пекар. Благодарю вас за поддержку Республиканского национального комитета. Работая вместе, мы построим лучшее будущее для каждого американца. С наилучшими пожеланиями, Джордж Буш»

и внукам… К тому времени Слава стал, как говорят у нас в Одессе, самостоятельным и надежным бизнесменом, заботящимся и о деле, и о любимых и родных. Откровенно говоря (он мне ничего об этом не говорил), сын ожидал, что мама и бабушка будет с ними, как, опять же, пожилые одесские дамы. Не тут-то было…

Феномен шестой. Тяжелый, опасный для жизни недуг в 2013 году привел ее в госпиталь, где Виталий Юрьевич Шаповалов вернул ей и жизнь и здоровье – настолько, что она, полная естественной благодарности медикам, не ограничилась конфетами-букетами, наконец бутылками на Дни медработника и Вооруженных Сил страны, а, оклемавшись, пошла по палатам и перевязочным – сначала с «своего» отделения колопроктологии, а затем и и других отделений выше этажами…

Так случилось, что и я не раз был пациентом госпиталя, и, может быть, лучше других журналистов замечаю плоды заботы Маргариты (так и поныне зовут ее медсестры: особенно близко знали ее старшие медсестры и хозяйки, они-то и показывали мне и перевязочные, и врачебные кабинеты, и палаты, и…). Все вмешательства – на первый непосвященный взгляд незаметные, но на самом деле первоочередные, не только облегчающие труд медиков и состояние больных, но и радующие глаз, и, что отличает именно стиль Пекарь, современные.

Об этом рассказывали мне начальники клиник полковники медицинской службы А.Я. Квасневский и В.В. Селиванов.

На стенах отделений госпиталя на почетном месте – фотографии Маргариты Эзровны Пекарь со словами благодарности и памяти.

Не знаю, работала ли миссис Пекар в американских лечебных заведениях, но, по мнению наших врачей, она на удивление точно, наиболее целесообразно выбирала локации, требующие оперативного внимания, соизмеряла цену с качеством работ или приобретений и выбирала оптимальный вариант.

Разумеется, все это стоило денег, и немалых. Известно, что волонтер Пекарь тратила на помощь госпиталю свою американскую пенсию да еще средства, которые присылает бывшим узникам гетто и нацистских концлагерей организация «Клеймс Конференс». Шли на доброе дело и деньги, которые давал маме сын… Он и сам сегодня не изменяет фамильной традиции – помогает защитникам Херсона. И они в знак признательности прислали ему свои воинские эмблемы.

В завершение – седьмой феномен Маргариты. Доллары, которые Маргарита Эзровна получала из США, уходили регулярно, оставляя добрый след и память. Регулярно, но одну банкноту она сберегала до последнего дня. Однажды в Нью-Йорке пришла послушать мудрого Любавичского ребе – речь идет Менахеме-Мендле Шнеерсоне, седьмом преемнике основателя учения хасидизма. По обычаю он благословляет всех, кторые в этот день собрались, чтобы вместе помолиться, и дарит каждому один доллар – символический символ благоденствия. Маргарита получила от Учителя особый знак – он улыбнулся ей и расписался на банкноте, что делает крайне редко… Сейчас эта реликвия украшает жилище ее сына.

Но есть еще и то, что все, кто знал Риту, ценит ее помощь госпиталю, в первую очередь рассказывали мне… о том, какой веселой и открытой к общению она была, особенно в последние годы. С нетерпением ждала праздников – государственных, религиозных (опять же по-одесски, независимо от конфессии), семейных и готовила к ним подарки. Обожала застолья с песнями, байками, мансами… Любила танцевать и в высокие годы не теряла навыков давних вечеринок во дворе

Эта фотокомпозиция – на видном месте вестибюля хирургического отделения. По нашей просьбе ее прислала в редакцию старшая медицинская сестра Наталья Анатольевна Нагаевская, которая была свидетельницей и участницей всех добрых дел Маргариты Эзровны Пекарь

на Пантелеймоновской. Ее кавалерами и рыцарями в эти вечера были и офицеры командного состава, и интерны, готовящиеся стать врачами.

Кто она? Берегиня? Слишком пафосно. А Маргарита этого не любила. Меценат? Засмеялась бы – похоже на должность. Я оставлю то, с чего начал. Волонтер Пекарь. В переводе с французского и латыни – добровольный помощник. Добро и воля – это про нее.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

116 **Арсенія Велика**
Потаємний люк

128 **Анна Михалевская**
Дети Трещины

158 **Григорий Барац**
Война дворов

166 **Игорь Паночишен**
Катарсис

178 **Леонид Лейдерман**
Незабудка

187 **Алена Жукова**
Слоеный пирог

198 **Никита Рыбаченко**
Неудачник

202 **Елена Андрейчикова**
Вареные рачки

204 **Витя Бревис**
Ах, эта ночь...

Арсенія Велика

Потаємний люк

Фантастичний етюд

Ого! Оце так ллє. Давно не було такого сірого, сивого дощу. Сергій вимкнув двірники в своїй «Мазді» і вирішив зачекати. Додому він завжди встигне, а тут такий небувалий дощ… і можна на хвилину лишитися на самоті, подумати, зважити… Зважитись… Він солодко посміхнувся, згадавши нещодавню розмову. Ні, час додому, Єва зачекалася. Стоїть, напевно, біля вікна. Виглядає, коли з-за рогу з'явиться його чорна блискуча красуня та неспішно заверне в паркінг. Тоді заспокоїться, з легкістю повернеться спиною до запітнілих вікон і поквапиться до кухні розігрівати вечерю.

Оце так блискавка! Майже поруч. Але так тільки здається. Грім гарматним пострілом гуде, аж земля здригається. Який дощ! Який дивний, тісний, суцільний дощ. Ллє стіною.

Знову удар блискавки.

О Боже, що це?! Раптовий удар вітру – і якась кам'яна брила нависла просто над авто. Ще мить – і розчавить машину, неначе банку з-під пива. Цівка холодного поту потекла спиною. Сергій рефлекторно стиснувся, готуючись до удару. Відійшла стіна від будівлі поруч? Десь зірвало ворота? Чи, може, це якийсь метеорит, як нещодавно в Чебоксарах?

Він миттєво пропустив у свідомості тисячі кадрів, щось намагаючись з'ясувати, розкласти на знайомі складові, але зціпенілий від жаху мозок не хотів працювати. Сергій закляк, впавши головою на кермо, і втупився підборіддям у тверде півколо. Руки інстинктивно самовільно склалися над головою в замок.

Здавалося, минула безкінечність. Ніякого падіння. Сергій підняв обличчя. Дощ уже так не ллє, знесилившись, він нарешті стишується та тільки шелестить по калюжах. Потроху починає розвиднюватися. Що це було? Він намагався відновити в пам'яті нещодавній жах, але щось йому заважало згадати деталі нещодавнього шоку.

Сергій ввімкнув мотора та повільно, зробивши півколо по старій мощеній бруківкою площі поряд з краєзнавчим музеєм та розкішною кав'ярнею, виїхав на головну магістраль міста. Дощова вода зверху по Великій Перспективній вулиці текла могутнім потоком. Але вже почало визирати сонце. Додому! Сергій натиснув на газ. Єва, напевне, хвилюється…

* * *

Горикна розуміла, що поставлено її серед цього гомінкого мурашника недарма. Все в цьому світі існує недарма. Вона подумки сміялася з цих метушливих городян кам'яними легенями, стоячи тут, біля музею. Вона вже почала звикати до цієї площі. Музейна споруда була дійсно дуже гарна. Навіть вишукана. Спроектована талановитим архітектором, братом не менш талановитого письменника. Як тут усе охайно зроблено, святково! Клумби, доріжки, посипані різнокольоровим гравієм. Тиха старовинна чисто прибрана вулиця. І тільки вона, Горикна, стоїть тут, наче вкопана, сіра та кремезна. Але її теж шанують. Вік категорія поважна. Особливо коли він вимірюється не роками чи десятиліттями, а цілою епохою.

Згадалося, як нещодавно, років п'ятдесят чи й з гаком тому, на високій могилі над рікою смішні дрібні чоловічки знайшли її в заростях терену. Вони довго гомоніли, гладили її вкрите мохом та столітнім пилом тіло, а потім задумали щось нереальне. Спочатку вони обв'язали її товстими мотузками, підскакуючи та підгейкуючи один до одного, обережно поклали долу, а потім несподівано зачепили за якийсь гак. І раптом сталося диво… мотузки під руками натяглися, і вона, кремезна та важка, піднялася високо вгору й полетіла. Над деревами, старим Бугом, над запашною зеленою травою. Вона, Горикна, кам'яна баба, – і раптом летить! А Гардієвська паланка, Компанійська скеля, велична вічна

Мигія мовчки пропливають під нею, залишаючись далеко внизу. Звичайно, він, Вернистрий, захований в глибокій скелі, це теж бачив… чи відчував. Як вона літала! Насправді – літала!

Вернистрий все знає, що відбувається на цій землі. Така в нього планида. Потім вона довго їхала в кузові якоїсь машини та ось опинилася тут, поряд із музеєм.

Горикна, стоячи на новому місці, годинами дивилася на людей, вивчала, читала їхні думки та розуміла, що вони нічого про неї не знають. Нехай, думала вона. Раз вона тут стоїть, значить, це недарма. Її місія вже на підході…

Перед очима знову пролетіли століття, згадався час, коли один могутній майстер виточив їх з Вернистриєм з однієї брили червоного граніту. Її, Горикну, визволив усю, а Вернистрий так і лишився на місці та зрісся спиною з могутньою скелею. Він мав ніколи не сходити з цього місця, захованого між камінням високого гранітного каньйону та синьоокого давнього Бугу. Він був знаком. І мав неабияку силу. Люди його так ніколи й не побачили. Але козацькі *характерники* відчували його присутність і підсвідомо завжди зверталися до нього по допомогу.

* * *

Сергій простягнув руку на заднє сидіння та помацав барсетку. Не приведи Боже якраз тепер загубити банкову картку. Блокування, банківські перипетії, витрата часу, нервів. Тільки не зараз втрапити в якусь халепу!

«А все ж як гарно, що підвернулася така вчасна пропозиція, – тихо посміхнувшись, подумав він. – Навкруги бійки, ґвалт, мітинги, а в мене раптом пристойні гроші. На рівному місці. Хто б на таке мав сподіватись…»

Він розумів, що тут є невеликий ризик. Але ж і відсоток, що пропонувався йому, – теж відчутний. Та й справ усього нічого. Зняти з картки гроші, підійти ввечері до обласної ради, знайти серед тітушок Толіка-боксера, знайомого ще зі змагань за кубок області, та віддати йому кейс із грішми. Все просто, як два на два. Рахувати не треба. Все на чесності. «Дійсно, люди стоять, мерзнуть, – думалося Сергію, – приїхали з різних місць. Врешті-решт,

там не тільки спортсмени, а й інші мітингувальники – пенсіонери, наприклад, які ще пам'ятають ковбасу за два двадцять, трамвай за три копійки, віряни з собору… теж стоять на холоді. Головне, казав Толік, щоб їх камери знімали, інтерв'ю в них брали. Добре, що Росія допомагає. Не дасть пропасти. Політтехнологи у росіян професійні. У телевізорі про нас круто говорять. Отже гроші людям там якраз. Стоять проти бандерівської нечисті. І вони свої сто гривень на день чесно заробили. Відстояли на ногах».

Сергій на світлофорі зупинився та завернув до сучасного двоповерхового супермаркету. Треба взяти горілки. Розслабитися. Бо сьогодні під час зливи ледь не вмер зі страху. Що то воно таке було? Але барсетка на місці…

* * *

Горикна, вмита зливою, солодко потягнулася, розправивши плечі, підняла руки високо вгору та зробилася на мить гнучкою, пахнючою, схожою на молоду вербу. Гарний був дощ. Щедрий. Але розслаблятися поки що рано. Ці дощі, буревії, морози – вони в теперішню добу не прості… Вже давно над цим степом, цими містами та селами набубнявіло важке, перенасичене сподіваннями людське бажання бути вільними. Але це непросто – бути вільними. Вони ще всього не знають. Ця ноша тільки для сильних і витривалих. Майже таких, як вони з Вернистриєм. Але допомогти треба. Вже надто довго марять вони свободою. Той атомний стовп над річкою Прип'яттю був знаком. Вже час. Ворог цей завжди був жорстокий та підступний, але в останні десятиліття – вже занадто оскаженілий. «Але й полохливий, – згадала вона нещодавній дощовий переляк у машині. Горикна задумливо посміхнулася. – Ну й мужик пішов – від одного її руху мало свідомість не втратив. З таким можна позмагатися. Можливо, й насправді час уже прийшов. Саме зараз щось і вийде… Якщо вони разом із Вернистриєм будуть поруч».

Як не був він захований серед давніх гранітних скель, люди про нього таки щось знають. Навіть не про нього. Опосередковано. Через запорожців, козаків, через могутнє українське чудодійство. А ще через кобзарів, артистів, музик, через письменників Гоголя та Булгакова.

Ось хто вміє смачно розповідати про дива… Вона згадала, як серед багатьох книжок знайшла цікавий опис українських чудодійств, про козаків, про її ріку у Григорія Гусейнова, у його магічному фоліанті «Між часом і морем». Мудрий автор, якого не раз бачила Горикна у себе в музеї, наводив кумедні, але такі схожі на дійсність згадки про ті далекі часи. Там писалося: «Это было еще тогда, когда здесь жили запорожцы… Страшенный народ был! У каждого по семь пудов голова; они умели на двадцати языках говорить, могли из воды сухими выходить, сон насылать, людей замовлять, котами перекидываться, в речки переливаться. Они имели у себя такие ворцала, через которые за тысячу верст видели. Они были такими искусниками, что только доторкнется какой-нибудь из них до скрыни, то она сама собою й одчинытця. Вот какой народ был! «Велыть-люди, знаюки, у, яки знаюки! На всяки прымусии способны…».

Горикна посміхається сама до себе. Цікавий погляд тодішнього літописця на небувалі потаємні здібності козаків.

А все ж запорожці знали про їхню с Вернистриєм силу. Знали про їхнє заворожене місце біля острову Пугач, відчували їх і не раз спиралися на них у своєму яскравому, вольному, повному пригод і небезпеки житті.

* * *

Солодко розтягнувшись, захмелілий та розслаблений Сергій спочивав на велетенському, як футбольне поле, ліжку. Сонна Єва, згорнувшись калачиком, розмірено дихала йому в плече.

«От і будуть гроші на Анталію», – з гордістю подумав він. Життя таке: комусь потрібні мітинги, майдани, ідеї… А йому потрібні гроші. Адекватні гроші. Щоб не соромно було відкривати гаманця перед вродливою жінкою. Щоб мав змогу гідно оцінити її красу, побавити її, вдягти в усе найкраще, насолоджуючися та поважаючи при цьому себе.

Сон потроху зморював і його. Що це?! Раптом крізь сон він підхопився, як від пострілу. Гучна сирена розірвала на шматки глуху ніч. Виття на мить замовкло та через хвилину знову заголосило нестерпними звуками. «Сигналізація», – зойкнуло в Сергія. Він так і думав. Недарма ж зафіксував у пам’яті тих двох фраєрів,

що біля музею заглядали в салон його машини… і вмить пропали, коли побачили, що він підходить ближче. Треба телефонувати в міліцію.

Сергій поспіхом натягував джинси. «Це твоя?» – спросоння запитала Єва. «Не знаю, спи», – різко відповів він. Яка міліція? Коли в нього такі делікатні справи... Тільки зараз і бракує ще й засвітитися у відділку! Їх уже й слід вистиг…

А «Мазда» стогнала та зойкала під вікнами та балконами, допікаючи сонних ні в чому не винних сусідів. «Нікому спати не дасть», – розлючено вдягав куртку Сергій, щоб вийти на вулицю. Єва уві сні солодко поправила волосся, що впало білим пасмом на її обличчя. І чого йому не спати тут, у теплому ліжкові поряд з красунею-подругою… Ні: тягнися на холод у чорну ніч.

«Так. Не нити, – намагався заспокоїти себе Сергій. – Треба зібратися. Завтра на картку мають надійти великі гроші». Це теж тільки здавалося, що все просто. А от, можливо, за ним уже стежать. А якщо зі зброєю?!

Він вийшов із ліфта, натиснув на кнопку домофона та обережно відкрив двері. Холодний піт знову струмком побіг по його хребту. Та раптом вітер із силою вирвав дверну ручку з його долоні та, розчахнувши двері, грюкнув ними за його плечима. Єдина лампочка над під'їздом згасла, і Сергій відчув, що його огортає страшна зловіща ніч. Дивно, машина вже не скавучала та не стогнала. На мить здалося, що ніби хтось навмисно витяг його з дому в цю чорну прірву. Сергію зробилося моторошно… Ніби знов якась велетенська брила промайнула за рогом. Виймаючи з кишені зв'язку ключів, він відчув якесь нездорове дзеленькання.

«Уже руки трусяться, – з прикрістю подумав він. – Нічого, завтра знімаю гроші, ввечері віднесу куди треба та забуду про цю дурну пригоду».

* * *

По дорозі до банку Сергій зупинявся, зав'язував шнурка на кросівках, присідав на лавочку з пенсіонерками, озирався. «Мазду» вирішив більше не світити. По телевізору вчора сказали, що з в'язниці втік небезпечний рецидивіст. «От хто зараз полює

на великі гроші». Навіщо він тільки втягнувся в цю авантюру? Ну мітингують, нехай собі мітингують. Йому яка до цього справа… Все! Досить скиглити! Теж мені супермен. Нічого путнього і доручити йому не можна. Портфель міцний, ніхто нічого тобі не зробить.

У банку теж халепа. Таку суму треба замовляти заздалегідь. Леді з акуратною зачіскою підкреслено офіційно промовила, щоб він підійшов до неї завтра. Вона все підготує. І якось прискіпливо на нього подивилася. Що б це мало означати? Якийсь гострий неприємний погляд. Зараз увесь народ поділився на два табори. Підтримують – не підтримують. Хто за, хто проти. А якщо і її діти десь цілодобово мерзнуть на Майдані? Хочуть нову країну. А вона своїми руками видасть величезні гроші на тітушок. Тих, хто на студентів з бітами та балончиками… Але ж банк є банк. Транзакції. Відмовити вона не має права. Тим більш влада регіоналів тут міцна. Та й «північний сусід» поруч. Цікаво, а гроші йдуть саме з Росії, чи все ж у колорадів стане розуму його не підставляти? А за що ж тоді йому така комісія? Аж десять відсотків. Задарма такі гроші не дадуть. Ось і тремти тепер, як осиковий листок. Увечері прийдеться йти до адміністрації, шукати того бандюгу-боксера – пояснювати, що гроші будуть тільки завтра. Телефоном, сказали, нічого не повідомляти. Там, на площі, його теж можуть взяти на приціл. Та тітушня вже знає, що мають надійти гроші. Чого б вони там стільки часу стояли під дощем, якби не грубі бабки? І один Господь Бог знає, що то за люди. Свої й пограбують. А може, ще й замочать… Спортсмени!

Сергій зайшов додому перевдягнутися. Єви вдома не було. І що вона цілими днями робить? Працювати не хоче. Подружки в неї всі багатенькі. У них або батько, або чоловік, або просто «мілий друг» – усі на потоках сидять. Дівчата знають смак грошей. І вміють їх витрачати. Єва теж до них тулиться. Сумочки, браслетки, шубки… у всьому вони розбираються. Все має бути брендове, з глянцевих журналів, «нє дєшовка». Нічого, скоро будуть гроші. Єва – та жінка, на яку варто витрачати.

Що це за різкий звук? Сергій закляк на місті. У квартирі ж нікого немає. Здається, на кухні щось гримнуло. Чи хтось намагається пролізти на лоджію… з того боку. Так. Спокійно. Дванадцятий поверх. Яка лоджія? А як вони чіпляють кондиціонери? Спустився

на мотузці – і роби за вікном, що заманеться. Вікно на лоджію відкрите. Вони ж не знають, що грошей ще нема.

Сергій обережно тягне на себе ручку дверей на кухню. Кришка електрочайника відкрилася і стоїть сторчма. Мабуть, замок уже не тримає. Чайник старий. Треба міняти.

Він розслаблено падає на диван. «Спокойствіє, только спокойствіє». На нього напав нервовий сміх… «Чайник», одне слово – «чайник»! Злякався грошей. Он, розказують, після розвалу Союзу бабки як тільки не вивозили. Ніяких же банків тоді й у думках не було. У плацкартних вагонах, у величезних зашмиганих спортивних сумках, у багажниках «Жигулів», навіть на кравчучках перевозили великі мільйони. І нічого. Не боялися. Вижили. Але не всі… Песимістична посмішка у нього вийшла якась сумна.

* * *

Горикна вже здогадалася, що тут, біля музею, існує якесь високе напруження, нервове поле. Воно відчувалося поруч, у чорній машині, що стояла навпроти. Вернистрий наслав зливу з блискавкою, щоб вона все перевірила. І насправді. Той хлоп'яга за кермом так перелякався, що мало не зомлів. Значить, знервований, неадекватний. І не так важко здогадатися чому. Два дні тому заходив до нього в офіс якийсь чоловік із темною аурою. Поганий чоловік. Не тутешній. Щось замислили вони вдвох.

Гроші, тут задіяні гроші – відчула Горикна ту безшумну течію енергії, що вже тисячоліттями тихими потоками курсує між людей. Скільки в них, у тих грошах, сконцентровано енергії, сподівань, падінь, смертей, тріумфу, скрути… У всіх по-різному. Але загальне для всіх одне: там, де гроші, – там напруга.

Вернистрий вже давно зрозумів плани тих двох діячів. Сергія та його патрона. Їхня мета – залучити до себе більше прихильників-«тітушок», тих, хто може вчасно та професійно вчинити бійку, здійняти рух, вихваляти на камери велику Росєю або замислити якісь інші провокації. У повітрі над землею зависло цупко – не випустити Україну з темної орбіти підступного сусіди. Задушити, залити кров'ю паростки свободи. Щоб і гадки не мали про незалежність. З кого ж Росія тоді буде знущатися, якщо Україна

відколеться та попливе собі в дрейф сама? Кого ж вони будуть грабувати, з кого кепкувати, над ким вивищуватимуться? Ні, таке допустити – жах один! Ось і розігрують вони для картинки по телевізору виставу про «русскій мір». Психологи російські знають, як юрбу завести. Бо ж якщо втратять вони свою дурманну велич – то вже й не великий вони народ. Росія на «русскій мір», на запроданців та тітушкок ніяких грошей не шкодує. Думає, що Україна в Європу ніколи не потрапить. Але це ми ще побачимо.

«Он яка молодь прекрасна піднялася… – з гордістю подумав Вернистрий, розмірковуючи над останніми подіями у своїй кам'яній печері. – Стоять під снігом, під дощем, пісні співають. Не зійдуть зі свого місця, поки не переможуть». Він таких відчайдушних вже бачив. Ще за часів Січі. Козаки в усі часи вміли битися. Їх голими руками не візьмеш. Не на тих натрапили! Не раз хотіли вороги погубити їхні душі, та всі знали, що запорожці заговорені. Як там писалося про них у тодішніх літописах: «Вот и задумала царица их свести. Но что она им ни делала, а вреда не принесла никакого: пробовала и в арканы уборсати, и в воде вытопить, и бомбами выбить, так нет, и не вбрала, и не вытопила, и не выбила. Схватит он в голую жменю бомбу да и смотрит на нее, а она аж шкварчить, а йому й байдуже. Потом подержит-подержит, поднимет вверх, размахнет-размахнет да и шпурнет миж москалив». Так, були справжні відважні веселі воїни тут, серед духмяних степів та величних рік. І любов свою до цієї землі передали нащадкам!

* * *

Ну, все гаразд. Дама в банківському офісі зустріла його досить стримано, але провела до каси, яка перебувала не в великій залі, а в далекому закутку. Поки віконечко не відчинилося, Сергій розглядав рекламні банківські банери. Можна гроші покласти на депозит, можна відкрити «золоту картку». «Ні, Анталія…» Він втомився, трохи потеплішає – і на моря! Нехай Єва вже вибирає в своїх товстих журналах нового купальника.

Гроші Сергій не рахував. Швидко поклав їх у кейс і натиснув шість клавіш коду. Там, біля адміністрації, рахувати теж не будуть. Така домовленість. Він віддає кейс, набирає на телефоні есемеску

з кодом – і справа зроблена! Його відсоток надійде йому на картку через день. Вони люди чесні – Сергій не сумнівався. Можливо, ще знадобиться від нього якась послуга. Він завжди під рукою. Надійний та передбачуваний.

Сергій зупинив «Мазду» за рогом. Краще трохи пройтися. На всяк випадок краще заплутати сліди. Зараз він прошмигне через маленький провулок зі старими одноповерхівками, потім за вулицею Гоголя вже рукою подати до будинку адміністрації. Там уже чекають на нього. Буде людям радість. Здається, знову дощ збирається. Треба встигнути повернутися. Не змокнути.

Сергій, міцно тримаючи портфеля, перестрибнув через невеличку калюжу, що залишилася після дощу. Але що це? Нога в польоті чомусь сама спрямувала його тіло на великий чавунний люк. Той, відчувши немаленьку вагу, на мить зісковзнув з обіддя, нахилився і відкрив, мов пащу, своє темне нутро. Сергій, щоб утримати рівновагу, широко махнув руками, і тут сталося неймовірне… Кейс вискочив у нього з рук і, прокресливши в повітрі параболу, прямісінько влучив у напіввідкритий люк. Сергій заціпеніло дивився, що відбувається перед його очами. Кейс із грішми летів донизу, а навздогін йому з поривом вітру в люк улучила ще й якась рожева квітка. За мить кришка з залізним грюкотом впала на місце, надійно прикривши собою здобич. Як не намагався Сергій зсунути кришку з місця, руками й ногами тиснучи на обіддя люку, – нічого не виходило. Він з моторошним передчуттям вирішив принести з машини домкрата, а може, знадобиться ще й інший інструмент. У сутінках як на крилах збігав до машини та повернувся в той клятий провулок… але ніякого люку там не було. Вулиця була рівненька.

«Тут узагалі ніколи не було водогону, – подумав Сергій. – У всіх нужники в садках ховаються. Тож де взявся той злощасний люк?» Вечоріло… Починався дощ. Все пливло перед очима. По скронях цівками котився підступний піт. Адміністрація… тітушки-боксери… Крах! Сергій зрозумів, що треба зараз падати в «Мазду» і чимдуж гнати до брата в село на Буковину. Де його ніколи не знайдуть. А Єва? Нехай вибирається сама. За квартиру заплачено ще на місяць. А там щось собі підшукає. Разом з новим покровителем. Сергій криво посміхнувся, вирулюючи на об'їзну дорогу…

* * *

У печері перед Вернистриєм по річці пропливали однакові мокрі папірці. Вони нікуди не поспішали. Спочатку тихо собі кружляли в затоці, не відаючи, що за хвилину на них чекають грізні мигійські пороги, які підхоплять їх і понесуть у каламутну прірву, в якій вони зникнуть назавжди. О! Ті пороги знають, як ховати всілякі таємниці!

«Ось іще одна маленька перемога, – подумалося Вернистрию. – Маленька, але перемога. Студентам треба допомагати. Хіба вони встоять там самі проти професійних спортсменів з російськими кураторами? Молодь вистоїть, а за ними піднімуться й усі інші. Україні цього разу вже бути міцною. Розпочалося нове століття… і воно буде століттям України!»

Дивлячись на спокійну вечірню воду, Вернистрий неочікувано побачив рожеву квітку, що повільно пропливала перед його очима. «Горикна», – з ніжністю подумав він. Йому згадалося, як вони колись стояли поруч і мріяли побачити кращі часи. Особливо тоді, того страшного дня, коли величні козаки на своїх конях прощалися тут, біля скелі Пугач, зі своєю волею, своєю зброєю, своїм життям. У них на очах вони й попливли у вічність. У «Між часом і морем» усе правдиво сказано було, все саме так: «Тогда собрались они вот тут, где стоит могилка и против нее лежит камень гранит, и с общего согласия решили броситься в реку Буг. Сперва выехал на коне славный кошевой, снял шапку, перекрестился на все четыре стороны, слез з коня, подошел к камню, ударил по нем рукой, и вышла точь-в-точь рука атамана: «Нехай знають, якый кошевой у запорожцив!». За ним выскочил есаул… За есаулом – судья, за судьей – писарь, а за писарем уже простые казаки. Все попрощались со светом, посадились на коней и помчались. Впереди летел атаман. Как разыгрался он на коне, как разыгрался, да и вскочил на могилу! А оттуда как разогнался, как разогнался, да на двадцатипятисаженную скелю! А со скели как шарахнется вниз на остров! «Пугу-пугу!..» – да и пошел вместе с конем на дно реки, от коня только след на острове. «Пугу-пугу!» – вскрикнули все остальные казаки и бросились вслед за кошевым. И теперь они где-то плавают под водою, на самом дне Буга-реки. А скеля Пугач

стоит одиноко и уныло смотрит в бесконечную пропасть ревущей и стонущей реки»…

На площі перед адміністрацією вже було майже порожньо. Кремезні парубки з брутальною лайкою на вустах понатягали на голови каптури та десь розтанули під дощем. Пенсіонери вже звикли, що їх завжди кидають. Ненавидячи один одного, сірою тінню попливли по темних завулках додому. Тільки «смотрящий», кремезний боксер, усе тиснув і тиснув на кнопки телефону, але той безпорадно мовчав.

А на студентському майдані юрба дедалі більшала та більшала. З піснями, промовами, віршами. І молодь, взявшись за руки, голосно скандувала: «Слава Україні!».

Вернистрий у сутінках окинув поглядом інші міста… І скрізь до місцевих майданів тягнулися веселі, розкуті, зі святковими посмішками люди. З кожною хвилиною майдани розросталися, робилися гучнішими, яскравішими.

А ось і Майдан у Києві. Безліч мітингувальників! Світяться ввімкнуті телефони, зі сцени лунає «Вставай, мила моя, вставай!». І мільйонна юрба в одному подиху підспівує Славку Вакарчукові: «Вставай!».

Анна Михалевская

Дети Трещины

Глава 1. Сергей. Разоренное гнездо

Туман стелился над Трещиной, как вспоротое пуховое одеяло, – все перья по ветру. Ошметки оседали на руках, ложились на плечи и голову ледяным капюшоном. Под ногами трескались и рассыпались слежавшиеся комья глины. Где-то далеко за белесой мглой визжали грифы – боролись за право вырвать из туши кусок побольше.

Сергей насторожился. Не грифы, конечно. Кроме провалившихся альпинистов, таких, как он, здесь бродят только дети тумана – его обрывки и сгустки, из которых Трещина лепит подобие живого. Чаще животных, реже людей – они выглядят слишком реальными и всегда крутятся рядом.

Дети выходили из тумана, как из воды, приноравливались к твоему шагу, стремились прикоснуться, взять за руку, обнять. Но лучше от них держаться подальше.

В Трещине не было ни сегодня, ни завтра. Ни дня, ни ночи. Ни дома, ни дороги. Тропа могла вывести к леднику, ледник к изодранной ветрами палатке, оттуда ты попадал в безжизненное ущелье, похожее на те, что окружают Кайлас*, или на заснеженный хребет, отмеченный, как вехами, замерзшими насмерть альпинистами. В каком-то смысле это был мираж, но пока ты находился в Трещине, не существовало ничего реальнее. Очень странное восхождение – оно никогда не заканчивалось, из него никогда не возвращались.

* Кайлас – гора в хребте Кайлас на юге Тибетского нагорья. Гора похожа на пирамиду и символизирует обитель бога Шивы – священную гору Меру.

Перевести дух удавалось только вблизи туров – сложенных неизвестно кем и когда курганов-пирамидок. В основе тура лежал большой плоский камень, будто выросший из глубоко засевшего в земле гнезда. Сами туры походили на пирамиды, где глыбы с головку сыра держались на крошечном камешке с вишню. Нескладные, невозможные, они могли развалиться в любую минуту. Но не валились. Было дело – Сергей попытался прикоснуться к туру. Обжегся холодом, чуть не потерял пальцы и хорошо запомнил урок. А в остальном туры не опасны. Рядом с ними стихал ветер, их обходили дети тумана. Там можно будет посидеть хоть четверть часа, помучить татарский варган-кубыз, пока не полегчает.

Но если Максима не окажется вблизи первого тура, придется идти дальше.

Ох, ты ж… Сергей вытер рукавом внезапно вспотевший лоб. Несмотря на бесплодные поиски, вплоть до этого момента он не допускал мысли, что Максим мог… что Максима больше нет… здесь.

Месяц сын не выходил на связь. Четыре месяца назад он улетел в Ала-Арчу, подработать инструктором – так он сказал. Три месяца они переписывались и созванивались. А потом…

Нельзя было пускать Макса в альпинизм! Сергей пытался переключить внимание сына, водил в секцию на плавание, рассудив, что бассейн безопаснее восьмитысячников. Но интерес ребенка к горам перебить не смог. Он договорился с администрацией киевских альпклубов: гнать Кораблева-младшего в три шеи, не допускать к тренировкам, сборам и восхождениям. Но Макс зачастил в Одессу, стал тренироваться там. Сергей смирился, когда нашел в комнате восемнадцатилетнего сына припрятанное снаряжение. У кого взял? На какие шиши купил? Тогда решил – пусть лучше идет под его контролем. Так они поднялись на Эльбрус. Первый раз только до седловины. Сергей настоял, и они повернули – он слишком хорошо помнил одно трагически неудачное восхождение молодости… Макс не остановился на Эльбрусе. Его потянуло на Памир, на Тянь-Шань. Все эти тринадцать лет, помогая сыну паковать рюкзак, каждый раз Сергей думал – не дождется.

И вот сейчас непонятно зачем Макс снова умотал в Ала-Арчу. Сергей расспрашивал о планах, но сын злился, отвечал раздраженно. И в конце концов перестал звонить. Поговорил

со знакомыми альпинистами, с администрациями альпклубов – если Максим и собирался на восхождение, никто об этом не знал. На альпбазе Ала-Арчи удивились. Нет, имя Максима Кораблева слышали, конечно, но в этом году он не приезжал. МЧС звонить? Но что он скажет? Оставалась только Трещина – их общее проклятие. Он исходил ее вдоль и поперек. Но прошло слишком много времени. Если сейчас не найдет Максима, не найдет уже никогда.

Тропка вывела Сергея на занесенную снегом пустошь. Подул ледяной ветер, обжег лицо. Краем глаза он различил вдалеке у дороги дряхлый горный приют – почерневшее от влаги дерево, гнилая крыша, стены в прорехах; дверь скрипела и болталась на ветру. Эти псевдоприюты ведь никто не строил и не разрушал – Трещина вырастила их из своего нутра уже такими. Именно там она и мостила переходы в привычный мир. Если вообще снисходила до перехода и позволяла уйти.

Сергей сжал кулаки и едва подавил порыв заорать на погребенную в снегу землю: «Верни мне сына, сука, верни сына!». Он был уверен: этот морозный туман, бурая земля и серые камни, эти туры и приюты, эта пустошь, холмы и горы – все, что Исмаил окрестил Трещиной, – она, женщина.

Сдержавшись, Сергей усилием воли развеял гнев. Она все слышит, понимает и чувствует. Иногда отвечает. Или мстит. А он не хотел ссориться. Но настроение Трещины уже изменилось. Земля ушла из-под ног, и с отточенной годами отстраненностью Сергей отметил: он карабкается по заснеженному склону. Без перил*, кошек и вообще снаряжения.

– Давай помогу!

Из тумана высунулась рука в лыжной перчатке. Рывок – и он оказался на уступе рядом с каким-то парнем. Наш, провалившийся? Или снова дети тумана шалят? Лица не разберешь – что там можно понять? Шапка, капюшон, недельная небритость, красный нос,

* Перила в альпинизме – веревка, концы которой закреплены на двух базах. Перила используют для движения по сложным участкам совместно с другими способами страховки и для движения по относительно легким участкам (на которых возможен срыв с летальным исходом или тяжелой травмой) без страховки.

потрескавшиеся губы. На поясе – система, карабины, ледоруб. Обычный альпинист. Добрая неуверенная улыбка.

– Хотите почитаю?

И парень достал из-за пазухи обтянутый черной кожей блокнот.

Сергей огляделся. Вверх без кошек соваться нечего. Вниз еще успеет скатиться. Выходит, с уступа деваться некуда. Ладно, послушает.

– Я Сизиф, и камень, который я тащу в гору, это моя собственная душа. Помните, кто сказал?

Он покачал головой. Ветер усиливался, он накинул капюшон и втянул голову в плечи. Пошел снег.

– Месснер. А вы что думаете?

– О душе? О камне? Или о Месснере?

– О Максиме. Ведь ваш сын тоже что-то тащит в гору.

В глазах помутилось. То ли снег их залепил, то ли снова опустился туман. А может, давление. Все-таки пятьдесят пять, а он давно не ходил по врачам. И в этой секундной заминке он увидел Максима – тот катил вверх по склону свою голову. Сергей отер лицо рукой, пытаясь прогнать наваждение. Открыл было рот возразить, но понял, что стоит один посреди тумана. Под ногами хрустела земля. Парень исчез, гора тоже. Сергей свернул налево – поближе к возможному переходу, в той стороне он раньше видел приют. Внизу что-то блеснуло. Он нагнулся – между валунами валялась шариковая ручка, а рядом лежал блокнот. Это ведь из него парень зачитывал цитаты!

Трещина любила подкидывать чужие вещи. В родной мир их вынести не получалось. Даже на секунду. Раз он нашел сережку Гульнары, все время держал в кулаке. Но очнувшись после перехода, раскрыл пустую ладонь.

Сергей присел и подхватил блокнот, гадая, далеко ли его унесет. Не успел он подняться, как земля покачнулась, и Сергей едва не вспахал носом сухой грунт. Трещину трясло крупной дрожью: пустоши шли волнами и натужно дышали пылью. Она злилась.

Сердце заходилось в грудине, пытаясь подстроиться к безумной свистопляске пространства. Сергей перепрыгивал через трещины, уворачивался от летящих из тумана глыб, срывал ногти, выбираясь из ям, падал на колени, поднимался, бежал дальше…

Отмахиваясь от клочьев тумана, он прыгнул через широкий разлом. Огляделся. Клочок сухой земли – и больше ничего. И никого. Он все еще надеялся найти Максима. Или хотя бы его вещи. Какую-то подсказку!

Прошелся, заглянул за большой валун. И не поверил своим глазам. Перед ним зияло осиротевшее каменное гнездо. Пирамиды тура не было! Достаточно крупное, в тусклом свете Трещины оно походило на место убийства. Вот здесь человека тащили, и остались кровавые борозды. Игра воображения, попытался успокоить себя Сергей, всего лишь красные прожилки в породе камня.

Кто-то разрушил тур, рискуя получить смертельный ожог? Или именно здесь Трещина с кем-то жестко расправилась? Максим… Здесь был его сын.

Силы оставили Сергея. Как в дурном сне. Все как в дурном сне.

В тумане замаячил знакомый домик приюта, и Сергей пошел к нему.

Дверь скрипнула, на глазах обвалилась потолочная балка. Инстинкт заставил его торопиться. Он переступил порог. В прогнивших досках пола темнел провал лестницы. Сергей скатился в погреб и, перепрыгивая по три ступеньки, рванул вниз. Лестница таяла под ногами. За спиной затягивалась Трещина. Мысли исчезали, тускнели.

Он уткнулся носом в дверь, дернул на себя ручку и зажмурился от ослепительного света.

Глава 2. Гульнара. Разлуки и встречи

Спроси его сейчас – каким человеком был Исмаил? – Сергей бы не нашелся с ответом. Никогда не понимал, что на уме у этого жилистого невысокого татарина. И никогда открыто не спрашивал.

Они познакомились под Эльбрусом на Приюте одиннадцати. Еще на старом – до пожара девяносто восьмого года. Дело было в пятидесятых, и похожий то ли на космический корабль, то ли на врезанный в скалу круизный лайнер, трехэтажный Приют сохранил остатки былой роскоши. Его строили до войны – паркетные полы, люстры, отопление, канализация. Когда-то

была даже баня. Тогда заботились об альпинистах – их снабжали едой, выдавали снаряжение, платили стипендию. Выгодные вложения – если не в спортивные достижения страны, так в физически подготовленную к возможной войне армию. Но они о войне не думали, они просто болели горами. И бесформенный абалаковский рюкзак, вмиг набиравший влагу, и деревенеющая на морозе веревка – завязать на ней узел требовало отдельной тренировки, и самостоятельно пошитые спальники, и примусы вместо компактных горелок – все это не пугало, да они и не знали, что может быть лучше.

Сереже двадцать, Исмаилу сорок три. У Сережи в голове – вольный ветер. У Исмаила в нагрудном кармане – фото дочери. Сережа любит компанию, он счастлив, что у него такие классные друзья, что они вместе борются со стихией и побеждают ее. А Исмаил обычно садится чуть поодаль, достает варган, бережно отирает его рукавом тельняшки и начинает играть. Он будто бы с ними, но в то же время сам.

В похожий на каюту спальный отсек Приюта набивается много народа. Под потолком натянуты веревки, на них сушатся пуховки, спальники, майки, носки. У стены – горы рюкзаков, на столе такой же горой свалена еда. Тушенка – лакомство богов! Но они и есть боги – делают то, что обычному человеку не под силу!..

Заедают консерву сухарями и запивают чаем, который подарил хозяин на ночлеге в Терсколе. Ребята активно обсуждают «Вертикаль», роль Высоцкого. Как бы они сами поступили, зная, что скоро попадут в циклон? Внизу голова работает по-другому, там все знают: при малейшей опасности надо спускаться. Жизнь дороже. Но здесь, на высоте, когда до вершины рукой подать, восприятие смещается. Есть только ты и вершина. И ты должен ее покорить! Это Сережа хорошо прочувствовал. Вот сейчас он бы пошел прямо в циклон. Он ничего не боится! Хвастается и ловит на себе взгляд Исмаила – тяжелый и тревожный.

– Ничего ты не понимаешь, Сергей! – говорит, как выплевывает, Исмаил.

Сергей! Это же не к нему обращаются, да? Он Сережа, свой парень. Сергей – это кто-то незнакомый, другой, чужой.

– Когда снимали «Вертикаль», Володя жил с нами в лагере. Наша группа консультировала Говорухина. Этот фильм вот где у меня сидит, – Исмаил ударил себя в грудину. – Мы не думали, что говорим с самим

Высоцким. Мы заботились, как бы съемочная группа не свернула себе шею. Когда идешь на гору, думай о других, не о себе. Тогда вернешься. Тогда будет ради кого это делать.

Исмаил переводит дыхание и будто оседает. Компания замолкает – от Исмаила и слова дождаться трудно, на вопросы частенько отмалчивается, а тут такая тирада!

Сережа вспоминает фотокарточку дочки, с которой Исмаил не расстается. И вдруг думает: «Ему есть к кому возвращаться». А Сереже не к кому. Все его друзья – горники. Закончился поход – разбежались по своим семьям. Мать с отцом остались в далеком Ташкенте. Он заболел морем, приехал в Одессу. И в городе, где Шкодова и Жевахова горы не доросли и до ста метров, стал альпинистом.

Он встает, подходит к Исмаилу, садится рядом.

– Расскажите о вашей дочери.

Зачем ему это знать, Сережа не понимает. Он слышит вой ветра за глухим окном, чувствует, как тот ударяется в стены Приюта, они кажутся слишком тонкими. И высота четыре тысячи это не сто. Сереже хочется услышать историю про семью, где кто-то кого-то ждет. И встречает. И радуется возвращению. Хочется до мурашек, до дрожи. И он боится – а вдруг Исмаил замолчит, как молчал всю дорогу до этого. Но тот прячет варган в карман растянутых спортивных штанов, подтягивает штопаные носки и начинает.

– Я сам выбирал ей имя. Гульнара – знаешь, что значит? – Исмаил причмокивает губами, Сережа улыбается. – Подобная цветку. Цветку гранатового дерева. Она очень красивая…

Он наведывается в Киев все чаще. Что в этом Киеве делать, когда в Одессе под рукой и море, и тренировки, и друзья? Он говорит себе, что едет к Исмаилу, у того всегда можно недорого купить скальные туфли вместо галош или новенькие алюминиевые карабины, чтобы не таскаться со стальными, или отдать подушку и через день получить пуховую куртку. Кажется, Исмаила знает весь Киев. По крайней мере Татарка – точно! Знают и уважают! Стоит Исмаилу закрыть невысокую калитку и вразвалочку отправиться на соседнюю улицу к свояку Азизу за свежей бараниной, как со всех дворов летит «Селям алейкум», Исмаил никого не пропускает, всем отвечает: «Алейкум селям». Потом они вместе с Сережей молча разделают мясо в летней кухне на деревянном столе с косой длинной трещиной. И Сережа будто невзначай поглядывает, как

Гульнара рядом месит тесто на мясной пирог-балиш. Сереже очень нравится балиш… и еще больше – Гульнара. Он может бесконечно смотреть, как тонкие длинные пальцы девушки выстилают на большой сковородке тесто, как туда укладывают мелко нарубленное мясо и картошку, защипывают края коржей. Гульнара делает в верхнем корже отверстие, заливает бульон, и Сережа мечтает погладить ее руку. Хотя бы руку. Исмаил перехватывает его взгляд, хмурится.

– Не по тебе она, – тихо говорит татарин, так чтобы Гульнара не слышала. – Запомни, Сергей!

«Почему не по мне?» – Сережа сердится, но быстро забывает слова Исмаила. Слишком хорошо ему, чтобы думать о каких-то условностях. Он знает, что у Гульнары есть жених – Бахир, кряжистый парень с круглым, похожим на луну лицом. Родители их давно в планах поженили. Но также знает, что Гульнаре Бахир не нравится. Чувствует кожей, телом – как точно ощущает, когда надо травить страховку, а когда натянуть.

– Сергей, палец отрежешь! – ворчит Исмаил, и Сережа едва успевает убрать руку. В этом доме ножи отлично заточены и легко уходят в мясо, как в масло.

Он кладет разделанное филе в лоток, берется за следующий кусок. Все отцы хвалят своих дочерей. Но Гульнара и правда как цветок. У ее матери, тихой улыбчивой женщины, такие же черты лица, но она и вполовину не так красива, как дочь. Сережа не понимает, в чем секрет. Может, все дело в фарфоровой коже или в темных, даже черных глазах, или в умении Гульнары посмотреть так, будто она все знает про тебя, даже самое плохое, и наперед прощает.

Весенние сумерки стрекочут цикадами, прохлада забирается под куртку. Они сидят в садике перед домом. Ужин завершен, женщины убрали тарелки. Мать Гульнары Луиза напевает что-то мелодичное, слов Сережа не понимает, но с удовольствием слушает. Гульнара бойкая и любопытная. И очень улыбчивая. Она расспрашивает про горы, про восхождения. В другое время Сережа бы наговорил с три короба, но сейчас язык заплетается. Наверное, потому что под свитером Гульнары сквозь распахнутую куртку угадываются очертания полной груди, и он мечтает – а если забраться под этот свитер, если провести пальцами по теплым изгибам… Косится на Исмаила. Да кто ж ему даст. Сережа вздыхает и продолжает рассказывать про лед, холод и облака.

Интересно, почему Исмаил его тогда приблизил? Татарская семья, мусульманская вера. Для Гульнары партия невыгодная. Тем более жениха ей выбрали еще в детстве. Да, ходили вместе в горы. Альпинистское братство. Чувство плеча. Но ведь Исмаил так больше ни с кем и не общался из ребят. Своя семья – вот что для него стояло на первом месте. И вдруг пустил чужака. Вокруг было столько достойных, а Исмаил доверился ему.

Ночь садится у порога, мигает звездами и ждет. Сережа тоже ждет, сам не знает чего. Женщины уходят в дом. Луиза буквально уводит Гульнару за руку. Та оборачивается, бросает долгие взгляды на отца – просит. И на Сережу – спрашивает. И как у нее получается так – говорить глазами? Исмаил качает головой и тоже отвечает взглядом: «Нет». А другого Сережа и не ждал. Он умеет вязать узлы и вбивать скальные крючья, но в разговорах – полный дурак, даже если это разговор взглядами. Поэтому Сережа просто улыбается. И Гульнара – вслед за ним тоже.

Закрывается со скрипом дверь веранды. Они остаются во дворике одни. Исмаил пристально на него смотрит. Нет, он не Гульнара, он так не понимает. Не говоря ни слова, Исмаил присаживается на скамейку, достает варган и начинает играть.

Исмаил играет только в горах – на стоянках, иногда в краткие моменты передышки на маршруте. Бог знает, как варган не примерзает к губам, но татарин справляется. В городе Исмаил не играл никогда. И вдруг…

Ночь дрожит, как замерзшая кошка, шерсть искрит и становится дыбом. И чем дольше Сережа слушает протяжный плач варгана, тем четче сквозь эти искры-всполохи проступают горы. Нет, они по-прежнему сидят в скромном дворике на Татарке, но прямо над шапками красных пионов он видит острый клин Эвереста, его сменяет хребет Аннапурны, раздвоенный хвост Мачапучаре, венец пика Короны, двугорбый Эльбрус…

– Хочешь? – Исмаил резко обрывает игру и протягивает Сереже варган.

Тот от неожиданности отстраняется, но Исмаил так и остается сидеть с протянутой рукой. Выбора нет, придется пробовать.

Сережа берет варган, сжимает губами, дергает язычок. Глухой неприятный звук. Но он продолжает попытки. И кажется, он не то чтобы учится играть, а уговаривает варган. Приручает его. И тот в конце концов сдается. Сережа вдруг понимает, как надо держать скобу, чтобы звук был чистый. И внутри рождается мелодия, которую он почти без ошибок повторяет.

Он закрывает глаза и видит на тыльной стороне век горы. Чо-Ойю и Шиша-Пангма, пик Независимости и пик Ленина, Белуха и пик Комсомола. Трудно оторваться от этой красоты, но Сережа все-таки разлепляет веки. Горы никуда не деваются. Они все так же висят над цветами пионов в маленьком садике на Татарке.

Исмаил улыбается – искренне и открыто. Сережа первый раз видит его таким.

– Ты сможешь, – шепчет Исмаил и крепко стискивает плечо.

«Что я смогу?» – не понимает он, но вопросов не задает. Так хорошо, не хочется ни о чем говорить.

Горы постепенно оседают туманом на клумбу. Кошка-ночь укладывается, зализывает шерстку.

Сережа протягивает варган Исмаилу и гадает – было, не было?

– Нет! – Исмаил возвращает его руку. – Теперь он твой!

Видя непонимание, вздыхает и принимается объяснять. Сережа слушает, а горы все еще стоят перед глазами.

– Варган мне отдал отец, а ему дед, а деду – прадед. Я не знаю, кто был первым, да и неважно это. Отец так же, как и я сейчас, посадил перед собой и велел играть. Я увидел горы не сразу. Может, на следующий день. И все это время отец очень злился. Теперь знаю почему… – Исмаил замолчал, испытующе посмотрел на Сережу и, решившись, продолжил: – У меня нет сына. Только дочь. Но это должен делать мужчина, понимаешь?

Сережа не понимает, но все равно кивает. Если надо помочь Гульнаре, он готов на что угодно.

– Бахир не той породы. А ты справился. Я был уверен, что справишься… Испокон веков татары почитали камни. Акташ, тараташ, махадиташ, камень, что лежит в основе святыни Каабы в Мекке – все это отголоски древней веры. Мы знаем, что камни могут помочь и проклясть. Вылечить и убить. Дать или все отобрать. Можно просить камень, но это опасно. Этого достойны не многие… Доступ к нашим святыням – тем, что действительно святыни, а не мертвые булыжники, запечатан. Кто-то считает, надо истово молиться, чтобы достучаться к ним. Но не многие знают, что ближе всего к этим святыням горы. Почему, ты думал, там гибнет так много людей? Неподготовленность, непредсказуемость стихии, трудные условия – да. Но дело не только в этом. Горы – отчасти переход. Переход в иной мир, священный мир камня. Не все, кто идет туда, готовы

к этой встрече. Варган запечатывает или открывает двери. А мы – кто умеет играть на нем – стоим на страже. В основном запечатываем, реже открываем. Обычно это передается по наследству. Но не хочу пускать Гульнару в горы. Я нашел тебя, и всему научу…

Они долго молчат. В Сереже бурлит протест, он из последних сил сдерживается, чтобы не наговорить глупостей. Возможно, Исмаил болен. Нельзя реагировать резко. Но тогда они оба больны, ведь Сережа своими глазами видел горы – в палисаднике, над пионами. Галлюцинация, внушение? Но он не знал заранее, что надо увидеть… А если Исмаил говорит правду, тогда еще хуже. Сережа не хочет быть никаким стражем, он молод, у него столько всего впереди… Но… Если не он, тогда Гульнара… Наверное, это опасно для девушки. Исмаил не зря ходит в горы и всю дорогу играет. Если не врет, значит – спасает их шкуры…

– Сергей, выручай! – наконец говорит Исмаил. – Хотя бы ради нее, – он кивает на спящий дом, в комнате Гульнары на втором этаже тихо тлеет ночник. – Я скоро уйду. Кто-то должен занять мое место.

Сережа морщится, он не хочет быть Сергеем. Он не хочет этой ответственности. Но все-таки кивает, соглашаясь. И стараясь не думать о тревожном «уйду», смотрит на огонек второго этажа и вспоминает улыбку Гульнары. Ради нее. Исмаил прав, он сделает это ради нее.

Тело Исмаила так и не нашли. Кто-то говорил, татарина предупредили о сходе лавин, но он все равно пошел на восхождение. Кто-то утверждал, что лавина сошла неожиданно на том участке ледника, где это в принципе случалось крайне редко. Исмаил шел в тройке, двоих ребят удалось вытащить из-под снега и откачать.

Сережа гостил в Киеве и вылетел в Таджикистан сразу, как узнал от Луизы новости. Спасатели отработали по полной, и помочь он уже ничем не мог. Забрав вещи Исмаила, вернулся в Киев. Уже в самолете Сережа сопоставил: то был первый раз, когда татарин пошел на восхождение без варгана. Он чувствовал вину: все время казалось – что-то должен был сделать и упустил.

Гульнара и Луиза встречают его взглядами, молчат. Он понимает их, он научился говорить глазами. Теперь никто не стоит между ним и Гульнарой. Луиза часто оставляет их наедине. Но Сережа подавлен настолько, что не может ни о чем думать, кроме Исмаила. Еще недавно он бы отдал все, чтобы мельком прикоснуться к Гульнаре, а сейчас

не смотрит на девушку, достает варган и играет. Не сразу замечает, что Гульнара с интересом рассматривает воздух. Именно в том месте горные пики сменяют один другой. Сережа-то их давно видит, но ведь так может не каждый.

– Я записалась в секцию альпинизма, – говорит Гульнара. – В следующий выезд я с тобой.

Сережа отрывает варган от губ, его бросает в холод и в жар. Исмаил не хотел этого. Он берег свой цветок. Но… Мысль о том, что Гульнара идет с ним в одной связке, дышит одним воздухом свободы, что они вместе кипятят чай в базовом лагере и спят рядом в спальниках, греясь теплом друг друга, пьянит не хуже портвейна. Это же счастье, когда любимый человек и любимое дело… Он краснеет. Сам не заметил, как успел влюбиться…

– Я знаю, отец не хотел, – серьезно говорит Гульнара, – но я хочу. И я пойду. С тобой или без тебя. И когда-нибудь найду тело отца.

Он потерпел поражение. Они все потерпели – и Луиза, и бывший жених Бахир. Родные отговаривали, на разные лады объясняли девушке, что она ввязывается в опасное и ненужное дело. Но Гульнара унаследовала железную волю отца. Он не смог ее остановить, но обучил всему, что знал сам. Про варган не рассказал, но был уверен: Гульнара все видит и понимает.

Она гостит в Одессе. Политеховское общежитие. Старая узкая кровать, продавленный матрас. Сережа дрожит от возбуждения и предвкушения. Голова кружится, он ничего не слышит и не видит. Теплая впадинка на шее, родинка на груди, такая сладкая и белая-белая кожа.

– У нас будет сын, – говорит Гульнара. – И мы назовем его Максим.

– Почему не Рашид или какой-нибудь Латиф?

О, он еще может шутить в этот момент, удивляется сам себе Сережа.

– Мне нравится имя Максим, – отвечает Гульнара и притягивает его к себе.

Неужели это происходит с ним? Но напряженный сосок под его пальцами не оставляет сомнений. Он здесь, он с ней. Только бы никто не зашел, только бы сосед по комнате не вернулся, успевает подумать Сережа и ныряет в наслаждение, как в раскаленную реку.

Сына они родить не успели. И найти тело Исмаила, погребенное на подступах к пику Корженевской, тоже. Даже долететь до Таджикистана не успели.

Она идет по тропе уверенно. Хорошо переносит восхождение – не страдает горной болезнью, не боится высоты. Странно для такой нежной девушки. Ее движения лишены суеты, нетерпения. Будто это Гульнара, а не Сережа, вот-вот сдаст на инструктора и поведет группу.

Они идут не по классике, с востока, – он обещал показать маршрут посложнее. И почему Исмаил не пускал дочь в горы? Это второе восхождение Гульнары, но, кажется, будто она здесь родилась – прямо в ложбинке между двух верблюжьих горбов Эльбруса. Он любуется ею, все время одергивая себя – нельзя забывать про осторожность, они обходят опасный боковой кратер. А забывается враз. Рядом любимая девушка, под кошками хрустит какой-то новогодний, нестрашный снег, на языке еще вкус шоколада и терпкого чая, разреженный воздух режет мир на контрастное – белое, лазурное и красную куртку Гульнары. В группе пять человек, идут поодиночке – они опытнее, а он привязался к Гульнаре – Исмаил учил его ничего не оставлять на волю случая. Сережа и не оставляет. Вот только варган забросил. И где-то там, в десятом кругу мыслей, это его беспокоит. Ведь теперь он – серьезный парень Сергей, и друг, погибший друг, доверил ему дело. Смысл этого дела он не совсем понимает, но волю ушедших не обсуждают. Ее просто стараются выполнить. По идее, варган должен держать границу. Какую границу? Что будет, если ее нарушить? Сережа не хочет об этом знать, он хочет, чтобы все было так, как сегодня, как сейчас – Гульнара рядом и до вершины рукой подать.

В круговерти радостного ожидания он, не имея сил держать чувства в себе, произносит ее имя. Хочется увидеть хотя бы профиль. Они поднимаются уже три часа, он так соскучился… Гульнара на ходу оборачивается, и уголки ее губ подрагивают, готовые в любой момент улыбнуться. В этот миг он начисто забывает об Эльбрусе. И в этот миг Гульнара поскальзывается. Он протягивает руку, чтобы удержать девушку, но все происходит слишком быстро – она скользит ногой по крутому склону, отстегивается кошка, и Гульнара кубарем катится вниз, увлекая его за собой. Он успевает зарубиться, и они повисают вдвоем где-то посередине склона. Он – на ледорубе. Гульнара – на страховке.

– Я держу тебя! – кричит он и смотрит вниз, пытаясь поймать взгляд Гульнары.

Страховка так ненадежна, а веревка так тонка. Ледоруб вошел неглубоко, он держится на честном слове, и они с Гульнарой – на половине этого слова.

Сережа наконец ловит взгляд девушки – растерянный, испуганный, умоляющий. Гульнара елозит ногой по склону, и он с ужасом видит, что и вторая кошка потеряна.

– Ледобур! – орет Сережа. – У тебя на поясе! Доставай, осторожно!

Руки девушки дрожат и не слушаются. Она шарит на поясе, перчатки мешают, так не отстегнет. Но Гульнара справляется! В ее взгляде появляется осмысленность. Старательно отмеривая движения, она приставляет бур к ледовому склону и медленно начинает вкручивать.

– Не могу! – вдруг говорит Гульнара. Очень тихо, но внятно. – Мы не выберемся!

– Не останавливайся! Ради Исмаила, пожалуйста!

– Не могу! – повторяет Гульнара. Она плачет, и ледобур вылетает из рук.

Она же совсем ребенок, как он мог поддаться уговорам, зачем вообще взял в горы? Мысли бураном носятся в голове, а Сережа кричит:

– Соберись, давай! Я тоже хочу сына! Максима!

Девушка становится серьезной. И вдруг улыбается.

– Я люблю тебя, – говорит Гульнара. – Передашь Максиму привет… Когда-нибудь…

Сережа не успевает ни ответить, ни осознать, что происходит. В сумасшедшем ритме сменяются кадры: блеск стали, последний взгляд Гульнары, летящая вниз тряпичная кукла, распотрошенный конец веревки, отсутствие натяжения и пустая бесполезная легкость, которая давит сильнее надгробной плиты.

Когда он в конце концов понимает, что Гульнара перерезала страховку, чтобы спасти его бестолковую жизнь, что-то делать поздно. Невозможная надежда еще теплится – вдруг кто-то из восходящих групп поможет Гульнаре. Но он ведь знает – Гульнаре нечем зарубиться, и у нее нет кошек. Сюда никто не сунется, в лучшем случае их группа свяжется по рации с КСП*, если та поймает сигнал. Первый порыв – разжать пальцы, отпустить ледоруб и полететь следом. Он еще так много не успел ей сказать. Догонит… долетит и скажет. Сережа не хочет, не может поверить, что она уже, скорее всего… не услышит. Ни его, ни кого-то другого. Разжать пальцы – и все закончится. И ни о чем не придется думать. И они будут рядом… Но диссонансом врываются слова Гульнары: «Передашь Максиму привет… Когда-нибудь…» Он будет скотиной, если не сделает хотя бы этого.

* Контрольно-спасательный пункт.

Вцепившись кошками в склон, распластавшись на горе, обняв ее как единственную и горькую любовь, он позорно бездействует и ждет… Меняет руки. И когда обе уже задеревенели, и он понимает, что не сможет сомкнуть пальцы на ледорубе, откуда-то с небес приходит помощь. Четверка спасателей в связке – его привязывают пятым – и вытягивают на безопасную тропу.

– Где она? – язык еле шевелится, то ли распух, то ли примерз, Сережу не слышат, он собирается с силами и повторяет: – Где она?

Ему не отвечают, и надежда замерзает, как слезы на его щеках.

Гульнару находят на следующее утро. Его успокаивают – смерть была мгновенной – травма головы. Ох ты ж…

В базовом лагере он ни с кем не говорит. Всю ночь сидит под палаткой, над головой – бесполезные звезды. Он раздумывает, как им отомстить, и только к утру вспоминает про варган. Начинает играть и понимает – теперь это его задача. Жизненная задача. Он должен был это сделать раньше. Может, тогда кто-то с той стороны границы не поставил бы Гульнаре подножку. Ведь это выглядело именно так. И тут он замечает, как между палатками мелькает фигура. Сердце колет. И Сережа вкладывает в свою игру всю силу несбывшихся желаний. Низкий гул варгана разрывает холодный воздух. Исмаил оказался прав, ее нельзя было пускать в горы. Фигура не исчезает, и Сережа боится смотреть в ту сторону. Он не хочет надеяться. Но призрачная Гульнара машет ему – таким привычным родным жестом. Не переставая играть, Сережа встает и идет за ней. Тень обрастает плотью, кажется, он вот-вот увидит ее профиль. Он так хочет ее настигнуть, но Гульнару не нагнать… Между палатками начинает светиться воздух. Это похоже на трещину, на вертикальный разрыв пространства. Гульнара застывает на краю, и Сережа готов отдать все, лишь бы дочь Исмаила ожила. Вопреки законам рождения и смерти. Только отдавать у него нечего. Самое дорогое, что осталось, – мечта о сыне Максиме. Когда-нибудь он расскажет ребенку о Гульнаре. И, может, перестанет чувствовать эту огромную неподъемную вину. Но ради Гульнары он готов отдать и это.

– Возьмите его… Пусть останется она, – говорит он Трещине.

Та будто мигает, принимая жертву. Он делает шаг и вслед за Гульнарой ступает в искрящийся воздух.

Так Сергей первый раз оказался в Трещине. Поначалу ходил туда, чтобы увидеться с Гульнарой. Так ему хотелось думать. Но потом пришлось признать – тень девушки сшита из его же

воспоминаний. Трещина вытряхивала их из памяти, словно выворачивала наизнанку старую кошелку, и он подолгу смотрел, как Гульнара улыбается, смеется, плачет… И продолжал играть на варгане, теперь понимая, что это может для кого-то значить. Но когда в Трещину стало затягивать друзей, знакомых и мало знакомых ему людей, когда он оказывался рядом с бедолагами, чтобы если не помочь, то сгладить шок, он прогнал Гульнару. И она послушалась. Сергей не раз жалел об этом, но жизни других дороже его несбывшейся мечты. Он собрался с силами и отрезал прошлое.

Начал смотреть по сторонам. Таню он выбрал сознательно – уступчивая, русоволосая и светлоглазая, она совсем не походила на Гульнару. А когда родился Максим, он потерял к ней всякий интерес. Таня не устраивала скандалов и удивительно быстро нашла ему замену. Так получилось, что именно он, а не мать, проводил с сыном все свободное время. Хоть этого времени было и не много.

Глава 3. Максим. Соло на восьми тысячах

Покхара. Любопытные люди в пестрой одежде. Некрасивые домишки. И до прозрачности, до звона – неприрученная, изначальная природа. Острые хребты стеной на горизонте – как защита, как благословение, как божий гнев. Желанная, неприступная, прекрасная Аннапурна. На страже – Мачапучаре, запрещенная для восхождений вершина, она же Рыбий хвост, она же обитель Шивы. Он уж точно не даст свою Парвати в обиду. В муссоны занавес тумана и туч влажным бархатом закрывает горы – боги отказывают в аудиенции, прячут свой лик. И альпинисты ждут, ждут, ждут разрешения…

У Максима был план и до сих пор ему удавалось следовать. Сдержанно и холодно он отмечал вехи. Акклиматизация – прошел в Киргизии. Купил трек до базового лагеря Аннапурны. Вертолет – уже договорился с летчиком, успеет к базовому с опережением. Вещи – проверил все еще утром: от буров и крючьев до видеокамер. Денег на обратную дорогу не осталось. Выживет, заработает.

Утром он сходил на пуджу. Надо же, всегда верил только в себя. Непал на него как-то не так действует. Или наоборот – так?

Жрец Хануман благословил Максима, повесил на шею связанную узелками нить, тоже красную, похожей обвязал левое запястье.

– Защита, – пояснил брамин на английском и задержал на Максиме немигающий взгляд.

Максим замер, понимая, что сейчас услышит приговор.

– Все будет не так, как ты думаешь. Не беспокойся об этом, просто дойди до конца.

– Намастэ-э-э… – эхом протянулось долгое «э».

Сейчас, сидя в кафе на озере Пхева и наблюдая за разноцветными лодками и катамаранами, он начал сомневаться. Чего стоит его жизнь? Хватит ли этого, чтобы расплатиться? И хватит ли у него сил дойти до вершины?

По-другому не считается. Он безумнее Месснера, того хоть ждала в палатке Нена. Его положение немногим лучше фанатика Уилсона – по крайней мере, есть снаряжение и навыки. Но что значат навыки и тренировки перед лицом Аннапурны? Букреев, для которого горы были комфортнее квартиры, который вынес на себе не одного человека в ночь страшной трагедии 1996 года на Эвересте, погиб в лавине на Аннапурне, не успев начать восхождение. Его тело так и не нашли. Но был везунчик Морис Эрцог, любитель среди альпинистов; они первыми в компании с профессионалом Ляшеналем поднялись на Аннапурну и, что важно, спустились. Холодная ночевка в трещине в трех метрах от лагеря, снежная слепота, сошедшая на связку лавина, обморожение, гангрена, ампутация пальцев без анестезии прямо в лагерях. Аннапурна здорово потрепала первых горовосходителей и взяла свою дань. Но всех отпустила живыми. Максим часто думал, это было намеренно – гора хотела, чтобы Эрцог рассказал про нее другим. Что он и сделал, написав книгу. И еще она по-своему вознаградила его – мэр Шамони, госсекретарь министерства спорта Франции, бизнесмен и политик, Морис Эрцог успел многое в жизни и умер в возрасте девяноста четырех лет…

Стоило Максиму приехать в Покхару – и что-то сломалось. Это рухнул мост, догадался он, ненадежный хлипкий мост, связывающий его с прошлым, державшийся до поры на неумелых узлах, за которые любой инструктор выгнал бы с тренировки. А теперь возврата нет. Или вперед, или…

Хватит! Никаких других «или» нет. Он идет на Аннапурну! Он будет просить. Он знает как. И если повезет хоть вполовину, как повезло Эрцогу, если гора откликнется…

Побывать на вершине Аннапурны и вернуться – мечта каждого альпиниста. Но погибни он здесь, никто не узнает. Вернись с победой – вряд ли засчитают результат. Он шел туда не как альпинист, как паломник. Но паломник не очень добросовестный. Максим понимал, что официально подняться на Аннапурну у него не выйдет. Слишком дорого, а времени искать спонсоров, которые бы покрыли все расходы без серьезных обязательств с его стороны, не было. Пришлось схитрить. Он обманул группу, отколовшись раньше, хоть понимал: потеря участника – не лучшая репутация для турфирмы. Кое-какой денежной поддержкой Максим все-таки заручился от фанатичного клиента, который бредил восхождением на Аннапурну. Сговорились, что сперва Максим разведает дорогу сам. Тимофей дал деньги с условием, что Максим привезет фильм и побольше фото. Со съемками вряд ли получится, он это понимал. Если спустится, отдаст долг… Он не сообщал ни друзьям, ни отцу заранее. Те бы отговаривали, а Максиму нужна была вся решимость на свете… Отцу написал письмо и отправил с местной почтой, узнав, что идти будет месяца два. Максима это устраивало. К тому времени все определится.

Что-то надо было еще понять. Слова брамина никак не выходили из головы. Что значит «не так, как думаешь» и где он, этот конец? Ведь тот не сказал «дойди до вершины».

В невероятно ясном небе скользнул силуэт грифа. Тот сделал пару кругов над озером и улетел в сторону гор, слившись с заснеженными пиками. Максим подождал, пока черная точка не исчезнет, бросил на столик рупии и направился к причалу.

* * *

Долетели быстро – за полчаса. Часть пути их вертолет сопровождали грифы. Вытягивали длинные шеи, будто интересуясь: когда уже шлепнетесь? Так и не дождавшись, птицы набрали высоту и ушли в стратосферу. Избавившись от соглядатаев, Максим перевел дух. Вертолет трепало и бросало, и пилот молча вел свою

адскую машину вдоль Гималайского хребта. Внизу виднелись острые иглы пиков и долины, будто небрежно выцарапанные гигантскими когтями. Максиму показалось, горы их заметили и словно потянулись к вертолету: поздороваться, познакомиться, и если что – вышвырнуть вон.

Максим не раз видел под своими ногами застрявшие на вершинах облака, глаза слезились от мороза и восторга, хотелось лечь и остаться там навсегда; он постигал то, что словами не объяснишь. Забывалась даже Трещина, бесплодные скитания по ее пустошам, потери. Но спустившись с гор, вернувшись домой, вместе с потерей высоты он терял самое ценное свое понимание. И тогда – тренировки до седьмого пота, и снова собирать рюкзак, и снова километры по вертикали. Порой думалось: это зов Трещины. Кто ж знает? Со временем он перестал различать, что притягивает его больше – восторг от гор или кабала Трещины. За все эти годы он передумал и перечувствовал разное. Но сейчас Максим впервые осознал, что там, внизу, – живое. Не божество, а существо со своими желаниями, радостями и даже страхами.

Вертолет пересек гряду, миновал южный лагерь и начал спуск к лагерю на северном леднике. Полюбившийся туристам южный лагерь – небольшая площадка полкой выдавалась вперед на высоте четыре сто. Ее обступали горы, сохраняя и защищая, как родители ребенка, и образуя замкнутый цирк с отвесными стенами. Долину непальцы называли Святилищем Аннапурны. Для них место священно – Мачапучаре, дом бога Шивы, и мать плодородия, а заодно и жатвы, Аннапурна, стояли здесь в одной гряде. На дне долины – язык Южного ледника Аннапурны – истоки реки Моди-Кхала.

Для кого-то – суеверие, для него непреложная действительность. Цирк Аннапурны был не чем иным как храмом, огромным, подавляющим. Гора – великой богиней, а он ничтожным смертным.

Максим поставил палатку в гордом одиночестве. Общаться было не с кем, да и не хотелось – повисло слишком много вопросов, которые он так и не успел задать себе. За час, пока он искал место, переносил вещи, утаптывал и разгребал снег,

все-таки показался человек – вдалеке на фоне странно блеклой, будто вылинявшей за многие годы палатки мелькала красно-белая куртка.

А ведь это путь в один конец, с кристальной ясностью осознал Максим. Пока он не ступил во владения Аннапурны – даже из Покхары мог повернуть назад! – планы были планами, теперь они стали решением. Что не успел, уже не успеется. И остро, до боли в подреберье, захотелось жить.

Отгоняя невеселые мысли, взялся за работу. Покончив с вещами и окончательно обустроившись, он развесил флаги между палаткой и обложенным камнями колышком, налил в миску воды, насыпал рис, зажег благовония. Еще не та жертва, которая нужна Трещине, но надо с чего-то начинать.

Стемнело быстро. Максим наконец отложил подзорную трубу – налюбовался уже бараньими лбами, по которым придется завтра лезть.

Помня обещание, данное Тимофею, он даже успел кое-что поснимать на камеру.

Потом сварил на горелке кашу, наскоро перекусил. Сидеть в палатке не хотелось, и пока сумерки не перешли в ночь, отправился бродить по лагерю. Высоко в гаснущем небе беззвучно парили тени – снова грифы. Эти птицы не кричат, не поют, только хрипят – когда борются за добычу. Было неприятно тихо, молчал даже ветер.

Вернувшись к палатке, с удивлением обнаружил, что его поджидает гость в красно-белой куртке. Не то китаец, не то кореец дружелюбно улыбнулся и помахал рукой. «Почему я здесь один, понятно, – размышлял Максим, – но он-то что в одиночку собрался делать?!» Китаец обратился к нему на английском. Максим представился, но тот так и не назвал своего имени. Максим вскипятил чай, парень отказался. Они просидели на мотках веревки у палатки где-то с час. Говорили о чем угодно, только не о восхождении, не о горах. Много шутили. У китайца оказалось отличное чувство юмора. Вспоминали девушек, семьи. У парня было пять сестер, и он с упоением рассказал о каждой. Максим говорил об Ольге, выдав ее за свою жену. Может же он напоследок помечтать о несбывшемся!

Безымянный гость ушел неожиданно – как и появился. Нет, не растворился в ночи, просто встал и попрощался. Долго жал руку. Перчатки он по странной прихоти не надел – рука была ледяная, и на ладони Максима осталась пара ледышек, которые, впрочем, быстро растаяли.

Уже в палатке, забравшись в спальник, он проверил прогноз – три недели будет держаться окно хорошей погоды. Максим запрокинул голову, отчетливо чувствуя, как над ним довлеют все восемь тысяч божественной мощи. Какой прогноз? Аннапурна непредсказуема. Три недели – больше, чем три дня, но это ничтожно малое время для восхождения в одиночку. Никто не навесит заранее перила, не занесет на высоту груз, не подстрахует на сложных участках. Альпийский стиль*, чтоб вы были здоровы.

Надо было спать, но уснуть не получалось. В голове крутились маршруты, одна на другую накладывались карты – он до сих пор не решил, как пойдет. Традиционный путь был опасным, хоть на Аннапурне и нет полностью безопасных мест. Тем не менее, если идти по маршруту первой французской экспедиции, пришлось бы неминуемо пересечь кулуар**, через русло которого каждые десять минут сходят снежно-ледовые лавины. Испугаться не успеешь, не то что отреагировать. Был еще один маршрут, проложенный еще в девяностых Владиславом Терзыулом***. Длиннее раза в два, проходит по открытому гребню, где ветер сносит с ног, но зато в обход кулуара. Маршрут займет слишком много времени и сил, которых у него нет…

Наверху прогремело, легко качнулась палатка, Максим погасил газовый фонарь, поглубже закутался в спальник. Вспомнилась Оля, любовь его жизни, их первый вечер. Имеет ли он право сейчас о чем-то жалеть? Но ему было жаль – что свернул тогда на полдороги назад, не дошел до конца. Это тоже был горизонт, за который он так и не заглянул.

---

* Альпийский стиль – последовательный подъем на вершину вместе со всем снаряжением.

** Кулуар – ложбина в склоне горы, направленная вниз по линии тока воды. Широкая в верхней части, сужается внизу.

*** Владислав Александрович Терзыул – украинский альпинист, по одной из версий – первый горовосходитель из СНГ, покоривший все восьмитысячники мира.

* * *

Выскобленная лавинами мокрая скала не держала, приходилось страховаться. Шел на ощупь, лишь приблизительно наметив путь заранее. Кое-где попадались оставленные прошлыми экспедициями крючья, обрывки веревки. Он отмечал детали, запоминая дорогу, – вдруг пригодится на обратном пути.

Впервые за долгое время он чувствовал умиротворение. Время сомнений прошло. Он на маршруте, он занят делом. Привычная тяжелая работа. И гора, казалось, ничего не имела против. Максиму чудилось, что не веревка, а сама Аннапурна страхует его, поддерживает и тянет вверх. На глазах выступали слезы, и он едва сдерживал неуместный необъяснимый восторг.

Погода стояла великолепная: чистый воздух звенел, блестел снег, будто подожженный изнутри. Здесь ничего не росло – только жухлая бурая трава в базовом лагере, но все равно отчетливо пахло весной. И снова его захлестнуло еще более острое желание жить. Забылись мучительные ожидания, раздумья, проверки и перепроверки того, что уже слишком поздно было менять и возвращать на круги своя.

Китаец больше не появлялся, а Максим его не искал. Он был благодарен за ночную беседу, но не расположен к общению. И все время перебирал в голове выученные наизусть страницы Ваниного блокнота. Где-то на Аннапурне есть вход в святую святых Трещины, в первоистоки этого мира. Может, этим входом была сама Аннапурна – вся как есть, огромная и неделимая.

Палатку первого лагеря он поставил на осыпном склоне, над ледником. Удобное и, как ни странно, уютное место. Отсюда просматривалась вся стена, которую еще предстояло пройти.

Заснул Максим почти сразу после ужина, успел только перебросить отснятое видео на телефон. Когда эйфория от первого удачного марш-броска начала спадать, навалилась усталость. Спал беспокойно – его постоянно будил грохот сходящих лавин. Казалось, мощные массы льда и снега проносятся совсем рядом. Ему снился студенческий лагерь, Каролино-Бугаз, железная дорога у ворот лагеря и рев товарняка, разрывающий ночной цокот сверчков. Просыпался и понимал – не товарняк. И не Бугаз.

Сюрприз ждал наутро. На расстеленном рядом запасном каремате ворохом лежали все вещи из рюкзака – будто неведомые гости в спешке что-то искали. Проверил тамбур – молнии закрыты до конца. Максим оторопело смотрел на вещи – людей здесь нет, пространство хорошо просматривается, он никого не видел вчера. Снежные барсы могут забрести, но они пока не научились расстегивать и застегивать молнию. Единственное объяснение – к нему наведался кто-то из Трещины. Значит, он на верном пути? Максим принялся заново укладывать вещи. Это могло значить что угодно. В том числе и предупреждение – убираться отсюда, пока цел.

* * *

Настроение испортилось и погода тоже. Начал мести снег, каждые полчаса приходилось очищать палатку и разгребать подходы к ней. Вернуться в базовый лагерь? В пятидесятом году Морис Эрцог заблудился с товарищами как раз на этом леднике, из-за пурги они не смогли рассмотреть палатку и остались на холодную ночевку в пяти минутах ходьбы до лагеря! Их спасли. Ему такой расклад не светит, так что придется ждать.

Снегопад закончился лишь через пару дней. Дальше – пересекать ледник. Разорванный, изрезанный глубокими трещинами, которые так старательно замаскировал снег.

Кошки врезались в лед, как в стекло, – нахально, с громким хрустом, от которого на зубах появлялась оскомина. Максим выучил карту, помнил рисунки больших трещин. Их обходил. Оставалось надеяться, что снежные мосты над другими – неизвестными и неожиданными – выдержат.

Второй лагерь он установил на пять семьсот. Лавины грохотали вовсю и сходили каждые полчаса. Грохот рождал в пространстве вибрацию. Вибрация передавалась телу, и Максиму казалось, он дуэтом поет с горой безумную песню смерти и жизни. Впервые пожалел, что оставил варган отцу. Сейчас он остро нуждался хоть в каком-то собеседнике.

Прошло еще три бесконечных дня ожидания, растянутых снежной лентой непогоды. «Что ты хочешь сказать?» – спраши-

вал он Аннапурну, разглядывая огонек газовой горелки. Гора молчала, кутаясь в сугробы.

Наконец долгожданное окно и затишье. Проснулся в три ночи и сразу мысль: сегодня! Сегодня и до конца!

Вышел засветло, двигался быстро. Подход к кулуару – ледник, где сливаются снежные и ледовые лавины нескольких кулуаров в одну «реку». И об этом лучше не думать. За десять секунд, которые нужны лавине, чтобы докатиться вниз по ложбине кулуара, далеко не убежишь. Он успел. Набрался наглости и сказал горе, что приготовил ей подарок, от которого она не сможет отказаться. И, кажется, уловил в ответ нечто отдаленно напоминающее любопытство. Аннапурна. Женщина из всех женщин.

Изматывающий подъем по борту кулуара. Не смотреть наверх – туда, где нависают глыбы льда размером с дом. Не слушать вой лавин. Не думать, что сталось с другими экспедициями, обрывки их веревок сейчас треплет ветер.

Горе любопытно. Гора вынесет. Хотя бы чтобы посмотреть на упрямца. Хотя бы чтобы выслушать.

Сумерки застали Максима в пути. Третий лагерь он ставил на шести триста. Еще не зона смерти, но уже зона смертельного риска. Место под палатку на крутом склоне рубил в фирне* два часа. Заснуть так и не удалось. Всю ночь сходили лавины. Инстинктивно Максим поднимал руки, прикрывая голову, – будто это могло чем-то помочь. Если палатку зацепит хоть слабый отголосок лавины и сбросит, лететь вниз по отвесной стене двести метров.

Пока ворочался с боку на бок, решил, что спустится, переждет до лучшей погоды. Под утро в палатке появился китаец. Ничего не сказал, показал пальцем вверх и скрылся в тамбуре. Почему-то Максим не удивился китайцу, а неожиданно согласился с ним. Он и сам понимал, что, спустившись, не одолеет этот путь снова. Гора открыла дорогу сейчас, он должен идти.

День дался тяжело – гораздо тяжелее, чем решение продолжать дорогу. Ледобуры проваливались в снежный склон, заряженный ветровыми досками, – страховку сделать невозможно. Рядом в кулуаре постоянно сходили лавины. Он шел на кошках,

* Фирн – крупнозернистый плотный снег в верховьях ледников, образовавшийся от частого замерзания и оттаивания и постепенно превращающийся в лед.

страхуясь ледорубом – как первые альпинисты. Рюкзак оттягивал спину, и Максим вжимался в снег, молясь всем известным богам, чтобы вместе с пластом не съехать вниз.

Дни бесконечный работы. Дыхание сбито, аппетита нет. Мучит высокогорный кашель. Надо сделать чай, он собирается с силами не меньше получаса. Каша из порошка? Подвиг. Он умудряется затолкать ее в себя, но легче от этого не становится. Зато становится еще холоднее, и, снимая только ботинки, он забирается в спальник.

Новый день, но ничего нового. Он идет по широкой, лежащей среди крутых снежных полей ложбине. Рюкзак невыносимо тяжелый, давит к земле, как могильная плита. Через каждые десять метров приходится останавливаться и отдыхать. Собственное дыхание глушит красоту окружающего. А вокруг и правда красиво. Оглядываясь, он видит внизу плато второго лагеря величиной с ладонь, тонкую полоску большого ледника Аннапурны, соседний восьмитысячник Дхаулагири и цепочку собственных следов.

Мысли путаются. Приходится напоминать себе, что он Максим Кораблев, идет на вершину Аннапурны, чтобы принести там жертву. Чем он собрался жертвовать?.. Камера на капюшоне все время что-то снимает. Он это обещал. Кому?.. Он лезет по гигантской бесконечной крыше. Кошки продавливают наст, и Максим проваливается в снег.

Семь пятьсот. Последняя ночь перед восхождением – палатка на склоне, и ветер метет снег прямо на нее. Максим через силу что-то жует, глотает. Ничего не интересует, сознание затуманено. Ветер свистит, Максим в ответ кашляет. Холод пробирается сквозь все слои одежды, от него невозможно избавиться.

Рядом появляются люди. Он обсуждает с ними что-то важное, и через секунду не может вспомнить, что именно. Оборачивается и видит, что у всех нет головы. Зона смерти, говорит он себе, взахлеб кашляя, здесь ничего не восстанавливается, только разрушается. Так и должно быть. Единственный способ попасть в сердце Трещины – отключить мозг от привычных условий.

Сегодня все свершится! Он выходит налегке, без палатки. Малейшее движение вызывает одышку, как у астматика. Он то и дело проваливается в мягкий снег и беспомощно там барахтается. Каждый новый шаг – отдельное восхождение. Лед зеркалит солнечные лучи, и блеск снега слепит даже сквозь очки. Под ногами уходят в бездну бесконечные ребра скал.

В какой-то момент все меняется. Его охватывает необъяснимая легкость. Он так же кашляет, мерзнет, он так же обессилен, но все это перестает беспокоить. Он видит себя со стороны, свои жалкие потуги, но вдруг понимает – дойдет! Снег под ногами чуть-чуть раскачивается, это Аннапурна дышит. Она живая! Обычные звуки исчезают, мир наполняется тонким хрустальным звоном.

Граница, порог Трещины. Человек не должен был переступать эту черту. Но люди упрямы, а горы любопытны. Он один здесь – на тысячи километров один. Эта мысль удивляет Максима. Впервые за долгое время он не чувствует одиночества.

Вершинный гребень – вот он, рукой подать! На пути – последний крутой кулуар. Он методично и осторожно поднимается по стене. Ногой делает ступеньки, страхуется ледорубом.

Не верит глазам – вершина! Ветер обжигает лицо и выдувает из-под куртки остатки тепла, но это тепло больше не понадобится. Он дошел! Дошел!

Ледяной гребень. Карнизы. Стена обрывается отвесом. Внизу плавают облака. А выше облаков только он… и этот гребень… На глазах выступают слезы. Хочется смеяться, плакать, кричать! Гора приняла его! Аннапурна готова выслушать!

И будто в ответ на его мысли к ледяному гребню стягивается туман.

* * *

Максим огляделся – тур сложить нечем. Здесь нет камней, только лед.

Он вынул из кармана запасные перчатки, поставил на термос, сверху батончик. Несмотря на сильный ветер, пирамида не падала. Чего-то не хватало – он снял очки и положил на батончик. Тур сделан. Максим оставил здесь все, что могло хоть как-то поддержать

его жизнь на обратном пути. Но обратного пути не будет, он принес жертву – добровольную и осознанную. Отдал не свое тело, это не так сложно и ценно, а свою судьбу.

Он не вернет Ваню. Не вернет Гульнару, которая бы могла стать его матерью и с которой он привык говорить во сне. Не вернет сотни, тысячи других погибших в горах, застрявших в Трещине, но он закроет этот ход на будущее. Прервет бесконечную цепь навсегда потерявшихся путешественников.

Как это произойдет? Что с ним случится? Максим не знал. Порывы ледяного ветра валили с ног, и единственное, о чем он беспокоился, – чтобы не упасть. Не скатиться с ледовой корки ниже, где его уже не услышат, и прежде, чем сделка будет завершена. Туман обложил небо, оградил его от отвесных стен и начал закутывать влажной ватой ноги. Максим и раньше чувствовал холод, но перестал ему сопротивляться, смирился.

А теперь отчетливо осознал: это конец. Холод и туман уже не отступят. Он инстинктивно попытался вырваться, но куда бежать с обледенелой вершины при нулевой видимости? Мозг отказывался это принимать и заставлял тело искать выход. Но вымотанный подъемом и высотой, он мог лишь топтаться на месте. И еще наблюдать, как постепенно исчезают в тумане его ноги, как тот подбирается к груди. Уже не видно рук. Невозможно вдохнуть. Очень больно! Легкие будто стянуты стальным обручем. Ледяные хлопья залепили глаза…

Кто-то хлопал его по щекам. Максим сел, разлепил глаза. Серые камни, серое небо, бесконечные пустоши. Горы – на горизонте. Напротив, подогнув под себя ноги, сидел Ваня, по обыкновению добродушно улыбаясь. Смотрел на тур. Не тот, что Максим только что (или бог знает когда?) соорудил на вершине – из перчаток, термоса и батончика, а нормальный, каменный.

– Что здесь делаешь?

Глупый вопрос. Что может делать привидение в Трещине? Жить.

Но Ванька вдруг ответил:

– Тебя ждал, – он кивнул на тур. А потом добавил: – Мы все тебя ждали!

«Мы?» – не успел спросить Максим, как фигура Вани начала дрожать и расслаиваться. Его лицо стерлось, и проступило лицо Гульнары, потом погибшего недавно друга Костика. С десяток других, ушедших из жизни, пропавших без вести и просто давно забытых знакомых, друзей. Незнакомых. Чужих. Лица мелькали все быстрее, Максим перестал различать черты. В глазах рябило, кружилась голова.

Имя им – легион. К нему на встречу пришла Трещина всем составом.

– Я понял! Достаточно! – он зажмурился, пытаясь справиться с дурнотой.

Ваня снова стал Ваней, вполне по-человечески хмыкнул, протянул руку к верхнему камню тура. Максим едва сдержался, чтобы не остановить его – так когда-то спасал новичков. Но Ваня аккуратно снял камень, положил рядом с собой. Ничего не произошло. Это не Ваня, напомнил себе Максим, это посланник Трещины.

– Готов отдать, что обещал? – между делом спросила Трещина, прикидываясь Ваней и не переставая разбирать тур.

– Отдам, – Максим сглотнул подступивший к горлу ком, – но прежде хочу знать, что все входы-выходы будут запечатаны.

– Не торгуйся, – спокойно заметил Ваня-Трещина, – это невозможно.

Максима прошиб холодный пот. Он что-то не так делает. Не то говорит. Он все рассчитал, сопоставил. Ошибки нет. Почему же…

– Потому что она не хочет, – Ваня сделал широкий жест рукой, обводя окружающее пространство.

– А чего хочет?

– Ясно чего: чтоб не бросал.*

Максим невольно улыбнулся.

---

* Отсылка к диалогу из к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»:

– О чем это она?

– Барона кроет.

– И что говорит?

– Ясно что: подлец, говорит, псих ненормальный, врун несчастный.

– И чего хочет?

– Ясно чего: чтоб не бросал.

– Логично.

– Ты помнишь…

– Нет, я впитал в себя тех, кто помнит тебя, твои привычки… Она… Мы… хотим чувствовать. Мы хотим жить. Мы хотим иметь память, прошлое, хотим… чтобы нас любили… – Ваня снял последний камешек тура и крутил в руках, будто раздумывая, что с ним делать.

– Обычные человеческие желания, – сказал Максим. – Только хочет этого камень… Сколько людей проглотила Трещина, и все из любопытства?

– Нет. Она так же хочет жить, как те альпинисты, которые стали ее частью. Ей нужно было впитать их, чтобы знать, как выжить.

Повисла долгая пауза.

– Что со мной будет?

– Никто не знает. Даже она. Твоя судьба станет ее судьбой. И если ты не захочешь потом, никто из людей больше не заблудится здесь.

Ваня смотрел внимательно. Простодушное полноватое лицо, смущенный вид. Кажется, он даже покраснел. Трещина быстро училась. Скоро ее привидения не отличишь от людей.

– Ты еще можешь вернуться. Мы выведем тебя с вершины. Камера работала. Ты сделаешь фильм. О тебе узнает весь мир. Ты ведь так хотел этого.

Кровь прилила к щекам. Да, соло на Аннапурну – мечта для любого альпиниста. Он заручится поддержкой горы и спустится. И останется в живых. От одной мысли голова пошла кругом. Он вернется домой. Отец обрадуется. С Олькой наконец поговорит… Организуют с Шаманом школу альпинизма, будут заниматься с ребятами. Сколько планов. Как хочется жить… Но жить и знать, что Трещина открыта и в любой момент ты или кто-то другой может попасть под это беспросветное небо… А половина друзей уже там, и они тащат своих по цепочке, как в какой-то неправильной связке.

– Я не вернусь, – сказал Максим.

Он не знал, что испытывают самоубийцы, наверное, что-то похожее. И добавил:

– Я готов.

Фигура Вани дрогнула и начала оплывать туманным сиропом.

Аудиенция окончена? И что дальше?

Ни грома с молниями, ни голоса с небес – измельчало нынче явление бога простым смертным. Ан нет, земля все-таки разверзлась. Максим почувствовал, что начал медленно погружаться. Попытался отлепить одно колено – если бы! – камень будто врастал в кожу и тянул вниз. И чем больше вырывался, тем сильнее застревал в ловушке. Уже закованный по шею, пока еще Трещина не закрыла ему рот, заорал:

– Оля, я люблю тебя!

* * *

На повисшем над пропастью ледовом карнизе лежал человек в ярко-синем комбинезоне. Человек согнулся, подтянув колени к подбородку, словно в бесплодной попытке согреться. Ветер нанес крупу, подоткнув под спину снежное одеяло. Тот же ветер опрокинул термос, подхватил перчатки, поиграл ими, да и выронил на отвесные скалы. Заскучал и убрался восвояси.

Всю ночь метель плясала на карнизе – к утру ушла, трахнув напоследок снежными юбками. А человек исчез. Будто его и не было.

Григорий Барац

Война дворов

Витька вылетел со двора как ошпаренный. Сунул в рот пахнущие жареной скумбрией пальцы. Набрал полный живот майского морского бриза, хотел свистнуть, но удержался. Не выдыхая, выбежал на перекресток. Остановился в центре на чугунном ливневом люке и свистнул. То был не просто свист, то был необъяснимый восторг, вырвавшийся между указательным и безымянным пальцем. Так умел свистеть только Витька Пивдень с Базарной. Никто из пацанов нашего и соседних дворов не мог так свистеть.

От этого свиста по Базарной – от Успенского до Щепного переулка – и по Треугольному, от Большой Арнаутской до Успенской, дрожали стекла окон. Мамы прижимали к себе своих чад, бабушки своими телами закрывали двери. Но кого и когда можно было удержать, если звучал призыв вожака нашего двора Витьки Пивдня?

Вслед за Витькой в заветный подвал – штаб нашей дворовой мазы – влетела малышня с первого этажа. Филька Уксус, сопливый кривоногий коротышка, сын солдатской вдовы и парикмахера Уксусенко, бегал быстрее всех. Карманы его штанов, перешитых из солдатских галифе, всегда были набиты сухарями. Вслед за ним Васька Склянка – тощий, как глиста, вечно жующий макуху белобрысый приемыш дворничихи бабы Зины Скляренко.

Сразу три девчонки-второклассницы, держась за руки, крадучись спускались со второго этажа. Длинноногая, тощая и раскосая Валька Вербаносова, балованное дитя железнодорожной проводницы, угощала нас леденцами из круглой железной коробочки. Линка Мурманская, зачуханная, прыщавая и задолбанная родителями – преподавателями математики, ничем, кроме мацы

в кармашке школьного передника, похвастать не могла. Зато Ритка Латышская, голубоглазая, ухоженная, разбитная и дородная дочь швеи и сапожника, угощала «морскими камешками», а иногда и конфетами в фантиках. Застегивая на бегу цветастый байковый халатик, догоняла подружек младшая дочь старшей медсестры вендиспансера полная, неуклюжая, не по годам зрелая Таська Бикицер.

Представители третьего этажа, братья Фердманы, Миля и Боря, смуглые, длинноносые и курчавые, из семьи потомственных работников прилавка, приносили в подвал мелкую тарань, которую сами и съедали. Обычно последними, громыхая сандалиями по железным лестницам, летели в подвал закадычные корефаны Толян Дунский и Гарька Скрипач. Первый, огненно-рыжий, мускулистый – неутомимый задира, забияка и драчун, сын, внук и правнук потомственных моряков. Второй, бледный хиляк, болезненный тихоня и чистоплюй, дитя молоденькой пианистки и учителя географии, вернувшегося с фронта на одной ноге.

В подвале из ракушняка даже летом было сыро и прохладно. Все пространство подземелья вдоль обеих стен было разгорожено на клетушки, в которых хранились запасы на зиму дров и угля. У кого побогаче – картошки, лука и даже закруток. На каждой кладовке был написан номер квартиры, жильцам которой она негласно принадлежала. На хлипких дверях висел замочек. Его можно было открыть гвоздем. Но никто и никогда не покушался на соседское добро.

Узкий коридор между кладовками вел в тупик – зацементированный вход в катакомбы. На простенке сохранилась надпись черными жирными мазками: «Не загораживать! Приказ коменданта Одессы». Кто и когда сделал это распоряжение, не знали даже довоенные старожилы. Но никто не отваживался занять это место. Оно безраздельно принадлежало нам – дворовой ребятне. Здесь и располагался наш штаб. В выдолбленной нише, замаскированной двумя блоками ракушняка, находился схрон – оружейный склад: деревянные мечи, щиты из жестяных самопальных кастрюльных крышек, рогатки, духовые трубочки и боеприпасы – сухой горох и кукуруза. Здесь же хранились спички, огарки

свечей, бутылки, папиросы и жестяная коробочка из-под монпансье – наши общаковые гроши.

Вожак восседал на троне – кресле-качалке с отломанной спинкой. Перед ним на перевернутом вверх дном деревянном ящике чадил огарок восковой свечи. Рядом лежала пачка папирос «Беломорканал» – неслыханная роскошь. Демонстративно, с барской небрежностью Витька надорвал краешек пачки и ловко выбил из нее папиросу. Прикурил от мерцающего огонька свечи и со словами «можете все» бросил пачку на ящик.

Никто из нас по-настоящему не курил, но дымил не только потому, что ослушаться Пивдня было нельзя, а скорее, из-за того, что не подражать ему было невозможно.

– Пацаны, кореша и подруги! – торжественно произнес Витька, становясь на ящик. – Кто имеет ухи, почует меня. Кто имеет норов, перевернет его вверх тормашками. Кто имеет старые мозоли, не будет натирать новые.

После каждого предложения Витька глубоко затягивался.

– А заради чего, спрашивается, трава тянется до солнца, а малец до мамкиной сиськи? Да заради полезности.

Откашлявшись и осмотрев наши недоуменные лица, Витька продолжил:

– Новую новость моя баба Клара принесла. Она зря трепаться не будет, докладает мне всё, что в школе узнаёт.

Округлившиеся Витькины глаза выражали то ли ужас, то ли восторг.

– В октябрята нас будут отбирать!

Витькину бабу Клару знал не только наш двор. Она работала в школе техничкой, так тогда называлась уборщица. Родители, обрусевшие немцы, большевики, назвали ее в честь германской коммунистки Клары Цеткин, что, впрочем, не спасло их от сталинских репрессий. Двор узнал об этом только с хрущевской оттепелью. Знойными августовскими вечерами, сидя на низкой табуретке в своем крохотном палисаднике, она рассказывала всем и никому о своей «сладкой» жизни в детдоме, пока не засыпала.

Малышня застыла от неожиданности, ожидая продолжения.

– Так я к тому, что кто ж нас отберет, если про курево прознают?

Витька откусил краешек папиросной гильзы, смачно сплюнул и бросил себе под ноги окурок. Пацаны затоптали недокуренные папиросы. Девчонки захлопали в ладоши, и все расхохотались.

– Чего гогочете? Вам что, а я с маломальства курю, – сказал девятилетний, самый старший из нас Витька Пивдень. – Ухи пухнуть будут, но выдюжу заради звездочки. Так что порешили: с куревом все завязывают. Только молчок. Это наша военная тайна. Треугольники и щепачи об этом пока не знают.

Нас, то есть Витькину мазу, называли базарниками. В мазу входила пацанва с улицы Кирова, которую наши предки называли Базарной. Мазу из Треугольного переулка, которой верховодил Игорёня Кривой с черной ленточкой наискосок на левом глазу, так и называли – треугольниками. Щепачами называлась ватага со Щепного переулка. Их строил переросток – двоечник и второгодник Мишка Кирза в несменяемых солдатских галифе и кирзовых сапогах.

Дома двух переулков и улицы расположились равносторонним треугольником, внутри которого образовался двор такой же формы. Восемь месяцев в году – три зимних, три весенних и два осенних – здесь между тремя мазами царили мир и согласие.

В декабре посреди двора на треугольной полянке, огороженной низким штакетником, заливался каток. В хоккей с мячом мазы играли на вылет, передавая друг другу коньки-снегурочки, прикрепляющиеся к ботинкам винтовыми зажимами.

Весной и осенью девчонки и мальчишки играли в классики. Дорожки вдоль полянки были выложены квадратными базальтовыми плитами. Оставалось обвести их по контуру мелом на десять классов. Прыгая на одной ноге, толкали биту – обычно плоскую баночку из-под гуталина, из одного класса, то есть квадрата, в другой. Попал битой или ногой на черту – пропал. На плитах это требовало особой сноровки.

Если в игру вступал Володька Владимиров из щепачей, можно было не продолжать. Коренастый, приземистый, он устойчиво и подолгу держался аистом. Бита его, как дрессированная, пересекала черту и останавливалась посредине квадрата. Когда во дворе появился асфальт, играть стало легче, и чаще стали выигрывать девчонки.

В играх со скакалкой участвовали тоже все, но побеждали всегда девчонки. А к игре с резинкой мальчишки даже не совались. Двое девчонок растягивали резиновую петлю у щиколоток широко расставленных ног. Третья, прыгая, ловко заплетала резинку ногами, образуя хитросплетения, неподвластные мальчишечьему пониманию. Так грациозно, как делала это Людка Лашина из треугольников, не мог повторить никто. Ее тоненькие ножки мелькали, как пропеллер. Даже взрослые останавливались посмотреть на ее балетные па над резинкой.

Пацаны играли в маялку – носок, набитый кукурузными зернами. Его подбивали внутренней стороной стопы. Кто больше раз подобьет, тот и выиграл. Тут равных не было нашему базарнику Толяну Дунскому. Соревноваться с ним – только понапрасну время тратить. Он играл с двух ног. Уставала правая – перебрасывал на левую, и наоборот.

В пуговицы играли только пацаны. На кон – ямку в центре круга – каждый игрок ставил по одной пуговице. Тяжелой битой метров с пяти старались попасть в ямку. Тот, чья бита легла ближе к кону, забирал все пуговки.

К игре в стенку допускались только те, у кого в карманах водились медяки. Их и ставили на кон в полутора-двух метрах от стены. Все той же битой ударяли об стену так, чтобы она подкатилась поближе к кону. В этих играх поднаторел Мишка Кирза. Он первым разбивал монеты, выложенные стопкой решкой вверх. Те монеты, которые переворачивались орлом, переходили в его карман. Правда, если стенку замечали взрослые, ему приходилось выворачивать карманы и раздавать монеты.

Зато мотаться и забивать голы, как наш Витька Пивдень, не мог никто. Забитые им три гола принесли победу базарникам в чемпионате двора 1958 года. Играли на вылет, пять на пять, по полчаса тайм. Радиорепортажи с чемпионата мира вел наш Николай Озеров. Гарька Скрипач с жестяным рупором в руке был судьей и «Николаем Озеровым» одновременно. На дворовой полянке играли не Пивдень, а Пеле, не Дунский, а Диди, не Миля и Боря Фердманы, а Зито и Вава.

Такое доверие и привилегии Гарька Скрипач получил неспросто. Он единственный, у кого во дворе был велик. И не просто

старая лайба, а «Орленок» с мягким кожаным седлом. Очередь пацаны занимали, как только велик выкатывался из квартиры на галерею третьего этажа. Сначала делал треугольный круг хозяин. За ним катался тот, кто успевал первым помочь Гарику снести велик с третьего этажа.

В эту велосипедную гармонию вносила сумятицу «Ласточка». Так назывался девичий велик, на котором въезжала, нет – влетала, нет – порхала Зойка. Зойка-слойка, Слоева, со Старопортофранковской. На Базарной жила ее бабушка Хайка – хранитель традиций двора. Она знала всё и обо всех. Напоминала при случае, кто гулеванил в Гражданскую с австрийцами и венграми, а кто с французами и поляками. Пробел в два с половиной года эвакуации она восстановила за счет дуэльной перебранки тех, кто оставался в оккупированном городе. Только Хайка определяла очередь просушки белья. Только ей удавалось утихомирить расскандалившихся соседок. И только дети ее раздражали. Чужие дети.

Свесив голову с галереи третьего этажа, она ворчала: «Ой, эти дети – дети коммунистов. Од них нет спокоя. Один шум и гам. Эти дети всё из дома вынасывают и ничего не принасывают». Но когда во двор влетала Зойка, лицо Хайки, испещренное рыбацкой сетью морщин, мгновенно разглаживалось.

«Ласточка» влетала во двор, едва касаясь колесами земли. Две косички летели за Зойкиной спиной. На загоревшем до синевы лице ярко горели раскосые зеленые семитские глаза. В нее втюрились все наши вожаки: Витька Пивдень, Игореня Кривой и Мишка Кирза. Они тут же отбирали «Орленок» у любого пацана, кто бы на нем в этот момент ни сидел. Но ни одному из них не удавалось догнать Зойку. Она, хохоча, опережала их и улетала к себе на Старопортофранковскую.

Мирное сосуществование треугольного двора заканчивалось в конце мая, когда созревала шелковица. Во дворе росли три шелковицы, две сливы и абрикос. Шелковица созревала первой. По негласному соглашению, только когда черно-фиолетовые блестящие сережки начинали падать, можно было приступать к сбору урожая. За право первыми залезть на деревья и объявлялась первая летняя шелковичная войнушка.

Днем начала и окончания военных действий всегда было воскресенье. Это было непременным условием взрослых. Кто еще мог остановить не в меру развоевавшихся бойцов? Они обступали полянку, как болельщики на стадионе, и поддерживали своих.

Пацаны от каждой мазы выстраивались вдоль трех сторон штакетника внутри полянки в полном облачении. На голове зимняя шапка, в правой руке деревянный меч, в левой щит – кастрюльная крышка, за поясом рогатка, в карманах картечь – горошины и кукуруза. У нашего вожака Витьки Пивдня на голове была бескозырка «Черноморский флот» с якорями на ленточках. Вожак треугольников поверх шапки надевал проржавевшую каску. Щепач Мишка Кирза носил танкистский шлем.

Вожаки сходились к середине. Договаривались: по голове и по ногам не бить, лежачих не бить, сзади не нападать. Кто упал – убит. Кто заступил за штакетник – убит. Первыми на шелковицу лезут победители.

Войнушка началась по всем правилам – с перестрелки. Стреляли картечью. В рогатку вкладывалось по несколько пулек. Промазать было невозможно. Попал в щит – звон, попал в ногу – писк. Если не успевал прикрыться щитом, было довольно больно, и оставались синячки. Зато после боя вдосталь корма доставалось голубям.

Войнушка в самом разгаре. Жестяные щиты дребезжат и гудят под ударами деревяшек. Базарники дожимают за штакетник остатки противника. Ловкий удар нашего Пивдня – и меч вылетает из рук Мишки Кирзы прямо в лоб нашей же Линке Мурманской. Упасть не успела. Подхватили стоявшие рядом взрослые. Длинная царапина проявилась красной кровавой полоской. Линка испуганно заморгала, побледнела и протяжно заорала: «Маамаа!». По Витькиной команде наша маза весь урожай шелковицы передала Линке.

В июле была абрикосовая войнушка, в августе – сливовая.

В сентябре на груди у второклассников появились октябрятские звездочки.

У всех, кроме Витьки Пивдня. Линка наябедничала.

Через полтора года, когда в апреле всех скопом принимали в пионеры, Витька заболел. Специально для него проводить

сборы не стали. Пионервожатая на большой перемене показала Витьке, как правильно завязать узел галстука. Не успевал Витька выйти из школы, как запихивал галстук в карман, называя его слюнявчиком.

В девятом классе всех отличников и хорошистов принимали в комсомол. Линку Мурманскую по предложению пионервожатой избрали комсоргом. Через год, в ноябре, всем остальным «под метелку» прикрепили комсомольские значки. Как Линка ни уговаривала Пивдня, он отказался.

– Недостоин я, – рефреном повторял Витька. – Во-первых, троечник, а во-вторых, мой дедушка до войны был врагом народа, во время войны предателем – побывал в плену, после войны вновь врачом-вредителем.

Службу в армии Пивдень проходил исправно. Предложили подать заявление о вступлении в компартию. Тут лишь обнаружилось, что у него нет комсомольского билета.

– Почему ты платил членские взносы? – изумился комсорг.

– Чтобы в душу не лезли.

После дембеля и до самой пенсии работал докером в порту. Когда силенок поубавилось, дорос до стивидора, хотя эту должность ему двадцать лет тому назад предлагали. Два сына, Олесь и Ярослав, тоже механизаторами в порту.

Не стал удерживать, когда сыновья в тот же день, как Россия пошла войной на Украину, решили идти воевать. Герой Украины Ярослав Пивдень погиб, защищая Мелитополь. Олесь воюет под Херсоном.

Игорь Паночишен

Катарсис

Загадочная и недоступная Вселенная. Огромный мир множества небесных объектов, объединенных в единое целое непознанной материей. Космос обитаем. Он ревностно следит за состоянием каждого своего объекта. но наибольшее внимание уделяет населенным планетам. Деградация разумных существ на них ведет к разрушению объекта обитания. Космос за это не прощает, но знаками предупреждает о предстоящем наказании. Разумные существа в силу природного страха боятся воспринимать эти знаки. К тому же множество этих созданий не верит в обитаемость космоса, считая ее человеческой выдумкой и ничем не подтвержденной философией. А потому во избежание непредвиденных обстоятельств в космическом пространстве всегда есть те, кто контролирует ситуацию, а в случае опасности – ликвидирует объекты угрозы. Напряженная космическая вахта не прекращается ни на секунду.

Вновь пробуждается космическое утро. За бортом космической базы проплывает все тот же чарующий пейзаж. Все идет по программе. На борту корабля пять часов. Скоро смена вахты, но полноценного сна у меня не было, и я не могу понять отчего. Вчера совершил очередной полет в сектор уничтоженной планеты мумий. Возможно, на мое самочувствие повлияло максимальное сближение с крупными осколками объекта. Но это было очень быстро и прошло еще в полете. Значит, уснуть не давало что-то другое. Что же? Из причин, кроме работы, ничего в голову не приходило. Надо собраться! Выходить из строя нельзя. К тому же сейчас на базе только я один среди офицеров-пилотов подготовлен к полетам на обитаемые объекты и к действиям на них в случае

угрозы внешнему миру. Но все-таки – что же тревожит? Ведь все шло стандартно: сближение, разворот и наблюдательный облет. И снова сближение, разворот, облет. Сближение и… неожиданное потемнение в глазах. Может, действительно неизвестная энергетика мумий повлияла на состояние здоровья? Но это вряд ли, ведь в целом функции организма в норме. Это чувствую сам, и это подтверждает светящийся сенсорный датчик, расположенный на браслете на левом запястье. (Кстати, эта горящая бирюзовая точка является знаком нашего отличия от андроидов, вступать с которыми в близкие контакты запрещено по Кодексу чести.)

Так и не вспомнив причину беспокойства, я решил подняться. В этот момент на браслете неожиданно замигал второй датчик – красный сигнал тревоги. Резко подскочив и ощутив тупую боль в пояснице, я тут же припомнил источник моих подсознательных мучений – доктор! Да, милая моя доктор, или просто – док. Пазлы начали складываться. В памяти пронеслись эпизоды нашей первой встречи, что состоялась несколько месяцев назад. Тогда происходила смена экипажа, в числе которой на борт базы прибыла и док. Она была невероятно красива, совершенна и идеальна. Ее стройную пропорциональную фигуру изящно облегал белый комбинезон, а на левом запястье поблескивал широкий браслет, более похожий на талисман, нежели на прибор навигации. В те минуты я не обратил на него должного внимания, так как всецело был увлечен красотой девушки. С нескрываемым интересом я разглядывал ее, а когда наши взгляды пересеклись, меня охватила какая-то неожиданная трепетная радость. Потом начались обязательные предполетные встречи, и они волновали меня все больше и больше. После одной из них восстановился в памяти ответ на мой вопрос о возможных причинах нарушения сна. Тогда она сказала:

– Нарушения бывают по разным причинам, но поверьте моему небольшому опыту, мне кажется, что вас всецело поглощает работа. И именно из-за этого вы теряете не только сон, но и нечто большее.

Она произнесла эти слова так нежно, что у меня перехватило дыхание. И мне показалось, что именно в тот момент я в нее влюбился, и что она отвечает мне взаимностью. С той минуты наши отношения стали доверительными. Я обрел крылья!

Я счастливым уходил в полет, с радостью возвращался на базу и даже начал строить для нас какие-то планы.

И вот вчера после утомительного сложного полета, составляя шифрованный текст отчета, случайно открыл файл с анкетными данными находящихся на базе. Информация о докторе меня поразила. В голове все перемешалось. Возникший хаос в мыслях и неимоверная послеполетная усталость свалили с ног и ввергли в сон, больше похожий на полудрему. И только утренняя физическая боль восстановила картину моих скрытых волнений.

«Нет! Не может быть! Как я мог не заметить отсутствие светящегося датчика на браслете? – недоумевал я. – Это какая-то ошибка! Не верю! А если не ошибка? Тогда с чего начать разговор?.. Стоп! Только не сегодня! Сейчас решительно иду к ней и… И что? И всё! Беру разрешение на полет – и вперед!»

Невыспавшийся и внутренне возбужденный, я вошел в медицинский модуль.

Док, внимательно всматриваясь в мое лицо, вдруг настороженно спросила:

– А когда у вас появились эти линии усталости?

– Вчера после облета огромных осколков планеты мумий.

– У вас были какие-нибудь необычные реакции?

– Нет. Только на подлете к этим фрагментам на доли секунды терял сознание.

Я не сказал ей, что после этого полета образовалась тянущая боль в правой ключице и поясничном отделе.

– Я не могу вам дать разрешение.

– Почему?!

– Потому что нет подтверждения, что вы не совершали посадку на погибшую планету, укрытую слоем неизвестных нам вирусов. А зная про ваши экстремальные выходки, я не удивлюсь, если вы там побывали, а потому настаиваю на немедленной изоляции в карантинном боксе.

– Но это невозможно! Поступил сигнал тревоги с моего подопечного объекта – с Земли! К тому же я мог вообще не говорить вам об этом коротком забытьи!

– Но вы же сказали! А при полете к планете Земля при значительных нагрузках на организм может случиться катастрофа!

– Но я там не был, доктор!

– Нет! Я буду вынуждена доложить командиру.

Она непреклонна, с ней невозможно спорить, как со всяким андроидом. Да, да, именно так, к тому же, как обозначено в анкетном классификаторе – универсальном андроиде восьмого поколения.

– Постойте, док, вспомнил: есть доказательства, есть! Бортовые видеорегистраторы!

Именно записи с них и оказались моим амулетом, моим спасением и допуском к полету. Получив его, я заторопился к выходу, но док, приостановив меня, тихо сказала:

– Я не хочу тебя потерять.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – очень сдержанно ответил я.

Она, словно теряя последнюю надежду, почувствовав в моих словах отчуждение, глядя в мои глаза, начала произносить:

– Я тебя…

Остановив ее на полуслове и на прощанье не проронив ни звука, я поторопился к сектору космических летательных аппаратов. Мой серебристый космолет заряжен энергией, и я, заняв кресло пилота, через минуту взлетел в холодное звездное пространство.

Полет к Земле проходил в штатном режиме, и через расчетное время я благополучно совершил посадку на одном из безлюдных участков подконтрольной планеты. Для приземлений эти пустынные места я выбирал не случайно: во-первых, потому что сюда никогда не ступала нога человека, а во-вторых – это всегда аномальные зоны.

Спустившись по трапу на поверхность, для осторожности осматриваюсь на местности. В небе жарко горит солнце. Вокруг полная тишина и ощущение природной первозданности. Зона нулевой связи. Под ногами лежит белый грунт, внешне напоминающий сахарный песок. И его состояние есть важнейшим показателем состояния жизни на обитаемом объекте. Чем активнее происходит плавление песка, тем хуже положение на планете. Судя по увиденной картине, здесь назревают не лучшие времена, а потому надо торопиться. Начав движение в направлении границы реальности, через несколько шагов я неожиданно увидел в белом песке фрагменты высохшего тела. Это были женская голова

с длинными выгоревшими волосами и рука, на которую был надет широкий браслет, очень похожий на тот, что я видел у нашего доктора. Я подошел поближе, присел на корточки и уже протянул к браслету руку в намерении достать его, как вдруг позади меня кто-то отчетливо крикнул:

– Бойся!

Я одернул руку – и в ту же секунду мумия исчезла. Я обернулся, но вокруг никого не было. «Что это?! – подумал я. – Блуждающие призраки? Нет, они так себя не ведут. Проявления аномальной зоны? Мистика? Или, может быть?..» Точно! Это же территория обитания существ прошедшего времени. Точно-точно. Местные жители, живущие здесь, у границы реальности, называют их духами предков, но даже не подозревают, что это нечто большее, чем невидимое царство мертвых. Существа проносятся над головой, как птицы, предстают в образах людей разных эпох, свободно пересекают границу реальности, часто смешиваются с субъектами настоящего времени, охотно идут на контакт и при желании помогают советом. «Из вас получится слабый заместитель», «Нормы этикета отражают нравы своего времени», «Вы из нашего круга?» – доносятся фразы. Возможно, их адресуют мне, а возможно, так считывают пространство. Но знать меня они не могут, а я их знать, увы, обязан.

В целом они миролюбивы, но надо быть осторожным: далеко не все имеют добрые намерения. Применять оружие даже в целях защиты мне здесь нельзя, а потому выдержка остается моим самым надежным защитником. Я уверенно иду мимо этих существ к горизонту, за которым начинается тревожная реальность. Уже совсем близко ее граница. Оттуда отчетливо доносятся глухие раскаты грома. Но с каждым шагом начинаю беспокоиться все больше и больше: нет миража, нет «ладони удачи». Именно этот знак означает для меня, что космические агенты, постоянно находящиеся на Земле, справились с поставленной для них задачей, и дальше операция идет по плану. Граница все ближе. Иду быстрее, набираю ход для преодоления зон пространства. Усиливается встречный ветер. Он поднимает белый песок. И вот на самой границе наконец-то возникла долгожданная миражная ладонь. Шлепнув своей ладонью

по «ладони удачи», я подкинул рюкзак на плече, решительно шагнул через границу пространства и…

И вошел в помещение офиса. (Именно здесь находился источник опасности. А мое преображение для пребывания в условиях обитаемой реальности, как и преображение предметов со мной, происходит автоматически. Этой способностью обладают все, кто рожден за пределами зон гравитации.) В офисе ожидали финансового эксперта, но космические агенты постарались сделать так, что на эту встречу он не приехал. За мной громко защелкнулась дверь. В кабинете у открытого сейфа спиной ко мне стоял плотный мужчина. Он вздрогнул от резкого звука и, развернувшись, неожиданно выстрелил в мою сторону. Автоматическое оружие землян не наносило мне вреда, но я уклонился от летящего металлического предмета, и пуля впилась в полотно двери.

– А вы приветливы, – сказал я спокойно. – Но стреляете плохо, при вашем-то зрении. Лечитесь!

Мужчина был толст и страшно пучеглаз. Когда глядишь на него, создается впечатление, что он перепуган от рожденья.

Он бросил пистолет в сейф, глянул на часы и, скорее всего, признав во мне ожидаемого эксперта, залопотал:

– О! Простите! Нервы! Нервы! Нервы! Всё один к одному. А вы пунктуальны! Ну да, понятно – из-за денег! А с чего бы еще?! Я уже и не ждал, собирался уходить, как вы…

Тут толстяк осекся на полуслове. Пока он бормотал всякую чепуху, я вплотную переместился к столу, за которым он стоял, положил золотой дипломат на стол и расстегнул замки. Пучеглазый насторожился и метнул взгляд на сейф. Я приподнял крышку кейса и извлек из него рекомендательное письмо. Этих секунд было достаточно, чтобы вспотевший мужчина увидел содержимое чемодана. Он был плотно набит пачками банкнот, что использовались при проведении подобных операций в качестве маркера жадности. Но лупоглазый не знал и даже не подозревал об этом. Когда он увидел деньги, глаза его заблестели, он стал необычайно суетлив и любезен.

– О! Зачем же письмо?! И вообще… Мы всё видим! Мы вам верим, верим, верим…

– Документы готовы? – прервал я его.

От увиденного в золотом дипломате количества денег толстый отключился от реальности и находился в крайнем возбуждении.

– Вот! Вот! Вот! Кстати, наслышан, что вы отдаете предпочтение бумажным документам. Здесь всё! Договоренности, заключения профильных специалистов, акты, решения и даже поддержка заинтересованных парламентариев. К тому же есть и расчет риска последствий: ожидается много смертей. Вы не волнуйтесь, здесь все уже состыковано и будет выглядеть, как обыкновенная эпидемия.

Я с отвращением смотрел на эту физиономию и отчего-то спросил:

– Послушайте, вы не обращались к офтальмологу?

– Что?!

– Я говорю, затея плохая! Откажитесь! Еще не поздно! Что вам от мира надо? У вас же всё есть.

Но этот человек меня не слышал.

– Эй! – окликнул я его, возвращая в реальность. – Магнитные бури по ночам не беспокоят?

– Что вы сказали?!

– Где можно остановиться, чтобы спокойно ознакомиться с этими бумагами? Если это будет отель, то будьте любезны, позаботьтесь о том, чтобы у меня был зеркальный номер. А в отношении…

– О! Конечно! Вот ваш чек на триста тысяч. Это аванс. Остановитесь в роскошном отеле! Все что надо, в вашем распоряжении и за наш счет. Надеюсь, вы понимаете…

– Даже не пытаюсь. Давайте ближе к деньгам! Вы определили день начала этого дела?

– Понедельник! Сразу за ближайшим воскресеньем и без всяких предупреждений! Стричь этих баранов мне просто не терпится!

Глянув на эту сияющую морду с глазами навыкате, я спросил:

– Скажите, а кем был ваш дед?

Он не ожидал от меня такого вопроса и после непродолжительного раздумья ответил:

– Парикмахером.

– Это от него у вас такая тяга к стрижке?

Он промолчал.

– И еще, – продолжил я, – хотите дам бесплатную финансовую рекомендацию?

– Да! Очень!

– Купите себе очки от солнца.

В эту минуту зазвонил мобильный телефон, и пучеглазый сообщил, что внизу у входа меня ждет машина. Взяв кейс и документы, я подошел к двери и, не оборачиваясь, произнес:

– Не намеревайтесь стрелять мне в спину. Ваш час еще не настал.

Когда я вышел из офисного здания, неожиданно сорвался мощный ливень, будто желающий смыть всю грязь человеческого бытия. Я сел в авто, и водитель повез меня по мокрым улицам города в один из лучших отелей. Наблюдая из салона автомобиля суетливое движение людей, я размышлял: «Кто они все? По сути – обыкновенные потребители, временно пребывающие в земном пространстве. Каждый со своими планами и заботами. Знают ли они о том, что судьба их предрешена? Хотят ли они знать об этом? Скорее всего – нет. Они уверены, глядя друг на друга, что всё спокойно и хорошо. А все плохое происходит не с их окружением, не с ними и где-то в другом месте. Зачем им чужие проблемы? Ведь знание истины доведет их до состояния всеобщей паники, за которой последуют преждевременные жертвы. А в природе должен сохраняться баланс. Поэтому каждый из этого праздного большинства, загнавший сам себя в мышеловку, за выход из нее должен расплатиться индивидуально и в свое время. Сегодня суббота. Время еще есть. Ясно одно: пучеглазый «парикмахер» обречен. Шансов на спасение у него практически нет».

Автомобиль подъехал к гранд-отелю. Выйдя из авто, я прошел по красной ковровой дорожке, расстеленной на тротуаре до самого входа в здание, и зашел в залитый огнями блистающий вестибюль.

– Мы вас ждали! – с почтением поприветствовал меня администратор.

И в этот же миг позади себя я отчетливо услышал вопрос:

– А что вы делали в Испании в 1937-1938-м годах?

Обернувшись, я увидел мужчину в фетровой шляпе и сразу узнал его. Это был посол в Испании Розенберг, расстрелянный в те же годы. Он был тем существом прошедшего времени, что я во множестве видел на границе этой реальности. Зная, что игнорировать общение с ними нельзя, я предложил присесть в кресла, расположенные тут же, в вестибюле. Мужчина присел напротив меня, снял шляпу и взволнованно заговорил: «Помните в тридцать шестом пароходы с испанским золотом в Одессе? Тогда из порта Картахена они привезли пятьсот тонн этого драгоценного металла. Все, кто знал об этом, были убиты. Мне хочется именно вам сообщить, что при перегрузке в поезд часть груза была похищена, а это сотни килограммов чистейшего золота. Все спрятано у моря – в портовых катакомбах. Возле пакгауза № 5 есть подземный ход, который ведет…»

Желая прервать этот разговор, я спросил:

– Послушайте, Розенберг, а вы ничего не знаете о дальнейшей судьбе Илона Маска?

Он мотнул головой и торопливо продолжил:

– В общем-то, я не о золоте. Не все, что видим, есть правда. Скоро вы натолкнетесь на что-то новое и романтическое – скорее всего, уже утром. Нет преград у того, кто искренне любит.

– Сэр! – громко произнес администратор.

Я повернулся к стойке регистрации – и в тот же миг Розенберг, видимый только мною, исчез.

– Ваш зеркальный номер на семнадцатом этаже. Ключи получите у клерка. Приятного отдыха!

Скоростным лифтом я поднялся на указанный этаж и просторным коридором прошел к своему номеру. Войдя внутрь, я обнаружил, что всё здесь в моем вкусе – просто и красиво. Белая мебель с одноместной кроватью квин-сайз, а за окнами прекрасный вид на город. Но наслаждаться этими земными красотами некогда. Я присел в белое кресло, открыл папку и начал просматривать предоставленные материалы. Вскоре стало очевидным, что принятый с объекта сигнал опасности был не случаен.

Незаметно наступил вечер. Неожиданно в дверь постучали. И через секунду, не дожидаясь приглашения, в номер вошел тот же пучеглазый мужчина. В первую очередь он скользнул взглядом по кейсу, а уж затем поздоровался.

– Вы так нетерпеливы? – спросил я у него. – Или пришли сообщить, что передумали?

– Нет! Нет! Нет! Что вы! Уж думал вас здесь не застать. А здесь хорошо. Хорошо устроились? Вот и хорошо. А что до терпения, то оно у меня есть, я терпелив. Но в нашем случае я поскорее хотел бы узнать именно ваше мнение! Все ли учтено в моем деле? Может, вы порекомендуете что-то самое новое? Ведь вы один из лучших экспертов в этой сфере. Не так ли? К тому же за вашу услугу я заплатил очень крупную сумму. Правда, мои люди постарались и нашли того самого не доехавшего ко мне самого лучшего эксперта. И все они ждут внизу. Но вы мне нравитесь. И скажу вам откровенно: я не хочу упускать никаких шансов, чтобы заработать больше! В этом моя жизнь! А теперь, простите, хотел бы задать вам деликатный вопрос. Я уверен, что вы хорошо осведомлены о моем проекте, а потому деньги, что в вашем золотом чемоданчике… я так полагаю, ваш взнос?! Вы хотите по-крупному участвовать в этом деле и быть в доле? Готов сейчас же заключить с вами сделку!

Это предложение вызвало у меня улыбку.

– Послушайте! – прервал я его. – Я не хочу знать, кого нашли ваши люди, но если хотите знать мое мнение, тогда уложитесь в три минуты и расскажите, что движет вами. Отчего такая ненасытность?

– Понимаете… Как вам сказать, сэр… Вы деловой человек. Буду с вами откровенен. Все это золото, бриллианты, картины, яхты, автомобили, недвижимость, женщины наконец. Мне надо всё! И много! И в отдельности, и вместе, и сегодня, и сейчас! Называйте это моей чванливой прихотью или набором материалиста для похода к профессиональному стоматологу. Я хочу чувствовать себя полновластным хозяином жизни! Только я! И один! А люди, толпа… они не в счет! И ничто не в счет! В этом мире только я хочу, и я устанавливаю правила жизни, только я хочу, и я устанавливаю стоимость ее. Никто не знает цену составляющих, конечную цену. Ее просто нет! А толпа не ропщет, толпа молчит и за свое же молчание отдает мне свои последние деньги. Теперь мне нужно их всё! Мне надоело ждать! Я их спаситель! Я несу им добро! Я сокращаю время их бренной жизни! И избавляю от мук существования. Они достойны эпидемии!..

– Ну что ж! – оборвал я его. – Значит, ничего не остается, как только, как вы говорите, «поход к профессиональному стоматологу» и… в ресторан.

– О! Идемте! Идемте! Я вас совсем заболтал!

– Но! Перед тем как мы отсюда уйдем навсегда, ответьте мне честно: вы жадный человек?

Он смущенно опустил глаза. Пауза затянулась. Поднявшись, я положил руки на золотые замки дипломата и посмотрел в окно на великолепное вечернее небо. Мужчина молчал. Я крепко взял кейс в руку и направился к выходу. Толстяк заволновался. В зеркальном отражении я увидел, как он трясущимися руками достал пистолет и начал целить в меня. В эту же секунду погас свет. Раздался выстрел. И наступила тишина. Во мраке он чиркнул зажигалкой и шагнул к двери.

– Вы не ушиблись? – спросил я из темноты.

От испуга из его рук на пол выпал никелированный пистолет. Тут же включился свет.

– Простите, что-то померещилось, показалось…

– Зря.

– Что?

– Зря вы не сходили к окулисту. Идемте!

Он сорвался с места и поторопился за мной. Мы шли к лифту. Глазастый, не переставая болтать о доходах, семенил чуть позади. В конце длинного коридора за огромным, во всю стену, круглым окном виднелась панорама ночного города.

– Катарсис, – негромко сказал я.

Толстяк ничего не понял. Не останавливаясь, я прошел сквозь стеклянное окно и пошел по воздуху над светящимся городом. Мужчина слепо последовал за мной. Чемодан с деньгами стал его магнитом и центром внимания всей его сущности. Через десять шагов я остановился. Подо мной до самого горизонта, переливаясь огнями, блестел красивый гигантский город. Приятный ветер мягко касался моего лица. Я зачарованно смотрел на эту панораму, как вдруг за моей спиной наступила мертвая тишина. И через секунду раздался душераздирающий крик падающего с высоты пучеглазого человека.

Не оглядываясь, я шагнул вперед и… переступил контрольную полосу реальности. Здесь все также продолжает гореть Солнце,

но теперь оно позади меня. Вокруг сплошная тишина. Вдали в мареве горячего воздуха блестит серебром мой космолет. Я поправил на плече рюкзак и уверенно зашагал к нему. Вдруг на песке слева от меня появилась чья-то быстро растущая тень. Я остановился. Остановилась и тень. И тут же за моей спиной раздался голос:

– Не оборачивайся! Не бойся! Иди! Иду за тобой!

Продолжив движение, я беспокойно обдумывал план дальнейших действий. Тень, иногда прячась за мою спину, не отставала. При минимальном расстоянии к транспорту я решил совершить рывок. До трапа космолета оставалось совсем немного, и я уже готов был совершить прыжок, как неожиданно на мое плечо легла чья-то ладонь. Я резко схватил незнакомца за руку, обернулся и… не поверил своим глазам. Передо мной стояла счастливая док. От неожиданности я даже отпустил ее руку и отступил. Мое изумление смешалось с внутренним ликованием. Без всяких расспросов мне тут же захотелось ее сильно обнять, но мозг удерживал от чувственного порыва. Минутная пауза превратилась в мучительную вечность. Наши глаза горели. Док первой сделала шаг вперед и начала раскрывать руки для объятья. Уклоняясь от ее намерения, я перехватил ее кисти. В этот момент по левой руке сполз ее широкий браслет, под которым я четко увидел браслет-навигатор с ярко светящейся бирюзовой точкой. Мое сердце готово было разорваться от счастья. Сделав шаг навстречу, я обнял ее, и наши губы, сливаясь в сладком поцелуе, одновременно прошептали:

– Я тебя люблю!

Леонид Лейдерман

Незабудка

Я как-то подумал, что до восьмидесяти пяти не стоит торопить время. Нужно жить в обычном, уже сложившемся режиме. Он, этот режим, конечно, может быть и торопливым. Тогда пусть таким и остается. Но вот после восьмидесяти пяти… Я бы советовал все же это время поторопить.

Дело совсем не в том, что поставлена какая-то задача, и может не хватить времени, чтобы ее решить. Если и есть такие задачи, то они скорее иллюзорны. Потому что реальные задачи – это, по сути, вся наша уже состоявшаяся жизнь. Ведь всю жизнь мы что, собственно, делаем? Мы, как настоящие земледельцы, только тем и занимаемся, что посевом и жатвой, посевом и жатвой. Каждый день. Всю жизнь. Вот это и есть наше занятие и наш результат. Но что мы постоянно оставляем на потом, так это наши мысли о том, как мы живем. И вот с этим, я считаю, следует поторопить время. Потому что мысли о жизни, конечно, уже вошли в каждый наш текущий результат, но не всегда очевидны для стороннего взгляда. А не выскажешь мысль или не запишешь – и пропадет она без всякой пользы. И не подтвердится в одном, и не вызовет несогласия в ком-то другом. Просто пропадет. Так что, я считаю, если сочинился, к примеру, анекдот, способный вызвать улыбку, то расскажи его. А если некому рассказать, то запиши и оставь как наследство.

Только что разговаривал по скайпу с Женей, сестрой моего давнего товарища. Но отключился свет вместе с Интернетом, и мы не успели попрощаться. Война. Одесские электросети сильно пострадали от ракетных атак, и электричество отключают не только по графику, но и для нежданных ремонтов.

Брат Жени покинул этот мир, а недавно ушел вслед за ним и муж Жени. Это удел старших поколений – круг сужается, увы. Но в привычную жизнь вошло прямо-таки волшебное слово «скайп», волшебное для старшего поколения новое средство связи, и оно, это средство, скрашивает жизнь Жени. Жизнь, которая начиналась тоже в войну, но совсем в другую, в войну лихих сороковых прошлого века. В судьбах детей той войны много общего. Но судьбы не повторяются, а если и повторяются, то не в деталях, из которых и соткана судьба.

Постановление о раздельном обучении мальчиков и девочек в советских школах было принято еще в сорок третьем году, и в Одессе оно входило в силу уже после войны, да и то только в центре города. А в пятьдесят четвертом, уже после смерти Сталина, это постановление отменили, как и многие другие. К тому времени Женя, которая жила в центре, перешла в пятый класс женской школы, а теперь попала вместе со своими подружками под опять объединение. Так что они будут учиться с мальчиками – кто в своей школе, а кого переведут в другую. На этот счет было много разговоров – и в школе, и дома, были страхи, волнения: как все будет? А у девочек были, наверное, и некоторые романтические представления – пятый класс не первый. Хотя и первый – тоже не без своей, первоклассной романтики. Но Жене этот год запомнился отнюдь не романтикой.

Пятый класс (не знаю, как сейчас) в те годы был переломным. Оставалась позади начальная школа с одной учительницей на все предметы. Впереди – неполная средняя, после которой можно даже профессию выбирать, в училище идти или в техникум. Все теперь по-взрослому будет. И новые учителя, и новые девочки из других школ, и – мальчики в придачу. Как это?

Ничего страшного. Все как-то устроилось, наладилось, завертелось – потихоньку втянулись в другую жизнь. Но вот подошла к Жене новая девочка, рослая и как будто взрослая, и спросила:

– Ты что – еврейка?

– Да, а что?

– Да нет, ничего. Просто будем знать.

А через некоторое время незнакомые мальчишки однажды после уроков преградили ей дорогу со словами «еврейка, еврейка». Слова были не совсем эти, слова были бранные, она их уже слышала и знала, что еврейкой, если поверить, быть стыдно. И выставив перед собой портфель, и крикнув: «Дураки!» – она ринулась в просвет между двумя из них и побежала прочь. Просвет оказался спасительным: пока противник разворачивался для погони, она уже отбежала на какое-то расстояние, и за ней не погнались. А может, погнались и отстали. Этого она не знает: бежала без оглядки.

А она еврейка?

Тетя Юля, что живет на первом этаже в правом флигеле, ей как-то сказала:

– Зачем тебе быть еврейкой? У тебя же папа русский.

На что Женя ей ничего не ответила. Потому что не знала, что говорить. А когда рассказала брату, то услышала:

– Ты не можешь, ты незаконнорожденная.

Брат был старше Жени и, кроме того, был законнорожденным. И папа у него был еврей. Но папы не было ни у Жени, ни у брата, потому что папа брата погиб в Финскую кампанию, про которую мало кто знает. Кампания – это война, а на войне убивают. Так что брат Жени стал сиротой, а его мама – вдовой. И это все было до Жени.

А потом была другая война, про которую знают все, – Великая Отечественная. Во время этой войны Женя и родилась. Родилась летом сорок второго года. А война началась летом сорок первого. Это Женя знала. Только не знала она, кто ее папа и куда он девался. И пока она была маленькая, такие вопросы у нее не возникали, а когда возникли, то вот – незаконнорожденная.

Не знаю, когда Женя в первый раз увидела свидетельство о своем рождении. Там было указано, что папа у нее тот же, что и у ее брата (так он же погиб!), а вот отчество у нее, как у мамы имя – Александровна, и фамилия не как у брата, а по маминой девичьей. Конечно, мама могла бы ей объяснить, что̀ все это значило, только Женя у нее не спрашивала, а сама мама, видимо, откладывала объяснения на потом. А это «потом» так и не наступило.

А что мама могла ей сказать? Что она, бывшая жена погибшего военного, полюбила другого мужчину, невоенного? И что любовь

эта была взаимной? И что она могла бы выйти замуж второй раз, но у невоенного этого была уже семья, и не мог он вот так просто уйти от своей семьи. А может, что и никогда не мог бы уйти от своей семьи – не простое ведь это дело, правда же. А тут война… И невоенная их любовь сразу стала военной.

А ведь война – это еще одна стихия. Она подчиняет себе всех и вся. Она ставит людей перед выбором – или устоять, или сломаться. Устоять? Тогда соберись, найди в себе силы и выходи на борьбу. Как это в песне? «Будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней…» В войну удесятеряется угроза жизни, а с ней удесятеряются и страх, и смелость. Я думаю, что вот так удесятеряется и любовь тоже. Потому что ускоряется время. Время принятия решений ускоряется. Сейчас – или, быть может, уже никогда…

Пришел день, когда возлюбленный Жениной мамы получил повестку в военкомат, из невоенного стал военным и ушел на сборный пункт. Пришел день, и ремесленное училище, где она сама работала мастером производственного обучения, стало собираться в эвакуацию – новое тогда слово. Она уже знала, что забеременела, не выйдя при этом замуж второй раз. Единственный человек, с кем она могла поделиться новостью, была ее мать.

Из Одессы училище было вывезено на Волгу, в город Куйбышев, в район Безымянки. Здесь, когда пришло время, Женя и родилась. В роддоме на Безымянке от безымянного отца.

Могла, заметим, и не родиться. Взрослые люди (а мама Жени и мама мамы были, конечно, взрослые люди) хорошо знают, что не всякая беременность завершается благополучными родами. Но вот – родилась. Здоровенькой. Правда, с отметинкой – мизинчик на левой ручке чуть-чуть в сторону смотрит. На войне как на войне, где-то след останется.

И прожила Женя жизнь, не зная подлинного своего отчества. И не зная национальной принадлежности своего отца. А тетя Юля с первого этажа – знала. «Зачем тебе быть еврейкой? У тебя же папа русский». Тетя Юля сама была русская, муж ее был еврей, а дети их – зачем им быть евреями? – были, как их мама, русскими. Но запомнила это все Женя на всю жизнь, и слова брата – что она незаконнорожденная, и что в жилках ее течет не только еврейская, но и русская (если верить тете Юле) кровь.

Однако никак все это не помешало ей выйти, когда время подошло, замуж. И поменяла она тогда свою мамину девичью фамилию на фамилию мужа, Тимченко была его фамилия. (У мужа, как у тети Юлиных детей, родители тоже были разных национальностей. Тимченко – это мама у мужа была, а у папы фамилия была другая.) Так что когда у Жени родились дети, то они были уже украинцы, и в их жилках текла не только еврейская, не только русская (если верить тете Юле) кровь, но и украинская тоже.

А что, разве брат Жени хотел ее обидеть, когда сказал, что она незаконнорожденная? Конечно нет. Может, он и ревновал свою маму к незнакомому человеку, занявшему в ее жизни место его папы, может быть. Может, он и к Жене маму ревновал (как ревнуют часто к младшеньким), тоже может быть. Но чтоб обидеть? Нет! Просто не придумали другого слова для обозначения таких детей. Не брат же его придумал. Незаконнорожденный! Выходит, не по закону рожденный! Это же надо! И по какому такому закону? Нет уж. Дети рождаются по законам, которые придуманы не людьми, а природой. Но об этом я так, исключительно чтобы выгородить брата.

Национальность, между прочим, – это тоже люди придумали. Из осторожности – чтобы нечаянно не принять чужого за своего. Но когда новый человек рождается, он же ничего, новорожденный, не может выбирать. Чем его наградили родители, с тем и приходится ему жить. И там жить, и так жить, где и как определят его родные. Пока не повзрослеет он настолько, что сам сможет выбирать себе дорогу. Так и Женя – жила с тем, чем наградили и чем не смогли ее наградить родители. И дети ее жили с тем, чем наградили их она сама и ее муж. И ничего в этом удивительного нет – все так живут.

Интересно – а думала ли Женя о своем отце? Думала ли она об отце с матерью, об их отношениях, оборванных войной? Оборванных, как и у многих других, навсегда? А если думала – то как? По отношению к себе – это можно представить: мама накормит, а папа, будь он рядом, подбросил бы до потолка. А их отношения?.. В отношениях родителей можно что-то понять, когда сами пройдем через отношения. Одно несомненно: их отношения – любовь. Любовь, которая случается в жизни не каждый день. Это

осознавала сама Женина мама, это понимала и Женина будущая бабушка. На глазах у которой вызревали эти самые отношения. И сложились в формулу из «Юноны» и «Авось»: «Я тебя никогда не увижу» (в свидетельстве о рождении, кстати, это хорошо бы записать в графу «Отец») и «Я тебя никогда не забуду» (а это – в графу «Мать», разве нет?). И неважно, что думала об этом Женя, и думала ли вообще. Ее отец оставлял ее матери надежное напоминание о себе. О котором не забыть. И она приняла его.

Но это я отвлекся. А вот пришел однажды день, когда пришлось Жене определяться, оставаться жить ей в родной Одессе или, может быть, нет. То было время, когда у многих граждан Советского Союза накопилась усталость от нескончаемого ожидания счастливого будущего. То было время, когда людям еврейской национальности, тем, кому нужно было воссоединиться со своими родственниками, – было разрешено выехать из страны. Разрешено и людям нееврейской национальности тоже, если они мужья и дети женщин-евреек. Женя была еврейкой, и этого было достаточно. И она, ее муж, дети и уже внуки оформили документы и в один, как говорится, прекрасный день выехали в Вену, переправочный пункт к новой жизни.

Их цель была – Берлин. Там уже были (своими путями) родственники мужа, с ними и планировалось соединиться, чтобы сообща уже обживаться на новом месте.

В Вене пришлось задержаться: Германия принимала евреев-иммигрантов из Советского Союза по своим правилам. И время ожидания в прекрасной Вене было для Жени с мужем самым трудным. Если не сказать – ужасным. Без языка. Без прав и, тем более, льгот. Без больших денег. Без друзей. Платить за жилье. Питаться… Нашли какую-то работу. По-моему, бутылки не собирали. А может, собирали. Ждали разрешения на въезд.

И вот они уже в Германии, в той самой, кстати, откуда пришла война, в какую Женя родилась. Те, кто знал об их планах, говорили им еще в Одессе: «Куда вы рветесь? Это же Германия, та самая, как можно туда…». Но человеческая память…

Говорят: здесь и сейчас. Здесь и сейчас! Этим надо жить. Прошлого нет, оно уже ушло. Будущего еще нет, оно еще

не сформировалось. Мы живем здесь и сейчас… И память, словно в помощь такому лозунгу-призыву, услужливо стирает в прошлом все, что может помешать приходу еще не известного нам будущего…

Они в Берлине. Женя внимательно слушает немецкую речь, которую не понимает, но уже понимает, что у нее не все в порядке с документами. Да, всем известно, что здесь во всем любят порядок. Так кто ж его не любит? Спросите любую хозяйку – нравится ей, когда кто-то без нее похозяйничал на ее кухне? Еще как не нравится! А вот этой немецкой чиновнице что-то не нравится в ее документах. И переводчица доброжелательно и успокаивающе задает ей простые вопросы: ваша девичья фамилия Каневская? А почему не Кернер – ведь в Советском Союзе принято давать детям фамилию отца. Вашего отца звали Арнольдом, а ваше отчество Александровна. Вы не волнуйтесь, просто были случаи, когда к нам приезжали с поддельными документами. Наверное, мы должны будем направить запрос в город вашего рождения… Она пыталась объяснить, переводчица переспрашивала, чиновница куда-то уходила, возвращалась, задавала новый вопрос и снова уходила… А Женю, обычно уверенную в себе, обычно собранную в минуты опасности, а теперь беззащитную и растерянную, не покидала мысль: «Ты не такая, как все. Ты меченая. Ты незаконнорожденная».

Кончилось все благополучно – видимо, потому, что все остальные их бумаги никаких вопросов не вызывали. Кончилось все благополучно.

Это все было давно – у ее внуков уже родились дети. А одна внучка родила двойню – мальчика и девочку. Современная аппаратура позволяет следить за поведением плода (а в нашем случае – сразу двух). Современные порядки в немецкой медицине позволили мужу внучки (кстати, немцу, – вот вам и еще одна в жилочках кровь) присутствовать при родах. Девочка смуглая, в маму, а мальчик светловолосый, как отец.

И вот уже Женя, помолодевшая прабабушка, неспешно катит двухместную коляску под умильные улыбки знакомых и незнакомых встречных немок. Двое деток, это же какое счастье! Двое

деток – это и много забот. Муж внучки, конечно, рядом с ней, но у него же работа. Правда, дистанционная, но время, время… И родители внучки с родителями ее мужа, а также примкнувшая к ним прабабушка, договорились по очереди приезжать к молодым – помогать. Сегодня – очередь Жени.

Они подружились, Женя и ее новые правнуки. Девочка смешливая и откровенно жизнерадостная, а мальчик сдержан в эмоциях. Тем не менее оба они встречают свою прабабушку с явным удовольствием. Но вот подросли малыши, их уже можно оставлять по одному или даже вдвоем то у одной бабушки, то у другой. И как-то не понадобилась помощь прабабушки Жени раз, второй раз, и не видела она своих любимцев целый месяц. А когда наконец приехала к ним, то… Мальчик встретил ее как обычно – сдержанно, но с улыбкой, подался навстречу ее рукам. Но девочка… Девочка повернула головку на ее голос и – отвернулась. Женя было с ней заговорила – та не реагирует никак. Она справилась у внучки о здоровье девочки – все хорошо, а что? Да ничего, хорошо – ну и слава богу…

День прошел привычно спокойно, деловито. И прабабушка, и ребята хорошо знали свои обязанности: вовремя поели, вовремя поспали, вовремя погуляли и поразговаривали. Вовремя и попрощались. С мальчиком – как обычно, с девочкой – холодно, как-то отчужденно. Женя была очень расстроена – ведь что-то случилось! Что? Им уже по восемь месяцев, они ведь не грудничкн несмышленые… И через неделю, когда снова подошел день ее патронажного визита, она чувствовала себя очень неуютно. Как школьница с невыученным уроком, которую сегодня обязательно вызовут к доске… Дорога была дальняя – на метро, потом еще автобусом, и всю эту неблизкую дорогу она волновалась: неужели девочка опять встретит ее не так, как всегда…

Но – какая радость! Заслышав ее голос, малышка, как и всегда раньше, взорвалась громким смехом, заерзала, потянулась к ней, и вот она уже у Жени на руках, и прильнула к ее лицу, и тычется носиком в ее щеку, и щека податливо принимает этот славный милый носик. «Ты меня забыла, да? Ты забудька?» – «Я не забудька. Да, я забыла. Но я же вспомнила! Я же вспомнила! Ты же видишь – я вспомнила!»

Да, да, она видит. Она не видит – она чувствует на своей щеке, на своем носу: девочка тычется мягеньким носиком, тычется вот уже и в губы. И она ловит носик поцелуем, и девочка смеется в голос, и пальчики ее снуют по лицу, невольно царапая его остренькими своими ноготочками. «Ты моя родная, – шепчет прабабушка, – ты моя милая. Ничего-ничего, я потерплю. Я же вижу, что я тебе тоже родная, я тебе милая. Царапка моя, я потерплю».

А я думаю – куда мы идем? К чему мы пришли, мы видим. К чему идут наши дети, мы знаем. Куда идут наши внуки, внуки, так непохожие на нас и даже на своих пап и мам? Внуки и правнуки? Куда придут они? Тоже к «детям войны»? Или слова «война» уже не будет? А слово «незаконнорожденный» – оно будет? Но слово «любовь» – оно же будет точно! Куда мы идем? Мы уже были новой общностью – советским народом. Кем будут наши потомки? Землянами? Куда мы идем? Интересно.

О! Дали свет! И я снова вызываю по скайпу младшую сестру моего давнего друга.

«Женечка, – говорю я, – у нас опять дали свет, а мы с тобой не попрощались. Что тебе пожелать? Счастье у тебя уже есть – и дети, и внуки, и правнуки. Тогда хорошего здоровья на долгие годы – тебе, – и дальше я заканчиваю уже по-украински: – і дітям, і дітям дітей, і онукам онуків, твоїх і наших. Так чи ні?» И она в тон мне отвечает: «Так, так».

Алена Жукова

Слоеный пирог

Светлой памяти моей бабушки Евдокии посвящается

Первое тепло втянуло в себя еще не настоявшиеся запахи лета. Заклубившаяся по придорожью трава, густо присыпанная лепестками отцветающих вишен, заправила воздух пряной горечью, начисто вытеснив прокисший дух отсыревшей земли. После майских ливней все вокруг набухло и сочилось, как слоеный ягодный пирог, который баба Вера пекла по большим праздникам. Сегодня как раз был такой день – день рождения внука Сережи. Мальчику перевалило за тридцать. Он защитил кандидатскую диссертацию по прикладной математике и принялся за докторскую. До последнего времени жениться не спешил, был домоседом, сластеной и книголюбом. Вера Егоровна гордилась внуком, одобряла его холостяцкий образ жизни и не разделяла страхов дочери Антонины, что Сереженька засиделся.

– Дело большое, – цедила она сквозь зубы в ответ на истеричные всплески Тониных стенаний. – Успеет еще, чай, не девка, чтобы с годами в цене падал.

Тесто для пирога замешивалось как-то неохотно – липло к рукам, собиралось в комок, и баба Вера знала, что это неспроста.

– И что это за имя такое – Майя? – бурчала она под нос. – Все равно что Марта… Ведь не русское же. И фотографию не показал, небось, носатая и очкастая…

Все это имело отношение к девушке, которая должна была прийти сегодня вечером в их дом, сесть с ними за стол, есть этот самый пирог и знакомиться с мамой и бабушкой Сергея. Ясно

для чего – невеста. Об этом внук уже объявил, и на ее памяти она – первая, кого он решил привести на смотрины.

Тоня суетилась возле стола и в сотый раз перекладывала с места на место тарелки. Красный халат, голова в бигудях и тяжелый второй подбородок делали ее похожей на генерала Кутузова, склонившегося над картой военных действий. Не хватало только черной повязки на глазу, но свирепо-сосредоточенное выражение ее лица компенсировало эту недостачу.

– Мама! – рявкнула басом Тоня, тряся в воздухе ножом. – А где вилочки для рыбы? Ты куда их засунула? В ящике нет, в коробке тоже.

Вера криво усмехнулась и посоветовала дочке вспомнить, когда и кому из соседей она их одалживала.

– Опять ты за свое! Да не брала их Белла! Чуть что – сразу она. Между прочим, когда Белла что и одалживает, так всегда возвращает чистеньким, отмытым, отглаженным, не то что эти Курдюковы. После них противно вещь в руки взять, а ты им даешь. А вот когда Белла приходит, так ты – морду ящиком. Думаешь, я не знаю почему? А просто для тебя фамилия Курдюковы гораздо приятнее, чем фамилия Мильштейн. Мне надоели твои мерзкие штучки – щупаешь, проверяешь, зудишь, что Белла все подменила. И про ее еврейскую хитрость уже слышать не могу. Помнишь, как ты серебряную ложку в мусорное ведро уронила, а Беллу воровкой обозвала? А потом, вместо того чтобы извиниться, вспомнила про Исход. На смех курам! Что ты несла, забыла? Евреи, мол, одолжили у египтян на три дня золотую и серебряную посуду, а потом с этими тарелками сбежали. И по пустыне сорок лет ходили, лишь бы награбленное не возвращать. Как тебе не стыдно? И при чем тут Белла? Ты, мать, эти дела брось. Чтоб ты знала: у Сережкиной невесты дядя в Израиле, и родители ее туда собираются. Может, и молодые вырвутся, если поженятся. Ты глаза-то открой. Посмотри, что вокруг делается.

Баба Вера насупилась и ничего не ответила. Ей и правда уже давно не нравилось все, что происходило в стране. Война не война, а продуктов опять не хватает. Теперь в магазинах и с мукой перебои, и масло – польское, ничем не пахнет, и куры, что ли, нестись перестали. А этот – в телевизоре, на танке стоял, руками

махал, а вокруг толпа кричала: «Яйцы! Яйцы!». Это ей тогда так послышалось, а оказалось, что народ кричал: «Ельцин! Ельцин!». Вот и докричались… Лучше бы яиц потребовали. Теперь вот даже на пирог не хватает. Искромсали на кусочки большую страну. И что хорошего? Где живем – сами не знаем. Только все равно – незачем уезжать. Стыдно ведь! За колбасой, что ли? За ней можно и в столицу съездить, ближе будет. Ишь чего удумал внучок! Уедут они, как же. Пока жива – не дам. Костьми лягу. Да, ничего не скажешь, хороша невесточка. Гнать ее надо, поганой метлой гнать…

Пирог не удался. Кислые мысли и камень на душе отняли у теста легкость, а у начинки сладость, а может, во всем был виноват продуктовый дефицит. Баба Вера косилась на девушку и не понимала, что мог Сережка в ней найти. Худая, чернявая, только нос торчит. А характер, сразу видать – не сахар: брови густые сводит, губы поджимает. Ох, намается с такой девкой, держись. Но аппетит хороший – во как пирог уплетает. Небось ее бабка такой не делает. Сейчас спрошу…

– Майя, может, тебе добавочки? – как можно равнодушнее предложила Вера. – Наверное, твоя бабуля пирогов не печет?

Майя чуть не подавилась, поймав на себе лисий взгляд старушки. Она отложила кусок пирога и, не отводя глаз, негромко, но жестко ответила:

– Не печет. Во время войны ее саму в печь отправили. Сначала в газовую камеру, а потом в печь. Вам должно быть знакомо слово «Холокост». Если нет, то я вам расскажу историю моей семьи.

Ее смуглое тонкое лицо пошло красными пятнами, глаза заблестели, и баба Вера тяжело встала из-за стола, и, шаркая, пошла на кухню. По дороге она успела проворчать, что нечего тут пугать Холокостами – сами все видели и лучше вашего знаем, что и как. Антонина выбежала за ней следом и прикрыла за собой дверь на кухню. Оттуда была слышна невнятная словесная перепалка на повышенных тонах. Сергей пытался удержать Майю, которая рвалась к двери и твердила, что ни минуты не останется в их доме. Он схватил ее в охапку, рискуя получить зонтиком по голове, и крепко встряхнул.

– Майка, ты с ума сошла? Из-за чего?! Она же ничего такого не сказала! Ну брось! Бабка вредная, но добрая, вот увидишь.

– Ты заметил, как она меня глазами сверлила? Понимаешь, я кожей чувствую, что она меня уже ненавидит. Пойдем, пожалуйста. Я перед мамой твоей извинюсь, она хорошая, но не могу я, пойми, а то расплачусь…

Они стояли, обнявшись, у Майкиного дома. Разлипаться не хотелось. Вечернее небо густело и наливалось темнотой. На его фоне профиль девушки, казалось, был вырезан из белого картона. Майя окаменела, смотря куда-то вдаль или, наоборот, вглубь себя. Сергей любовался ею и все старался как-то растормошить. Ничего интереснее не придумав, просто осторожненько подул в ухо.

– Вся белая, а уши красные. Горят, значит, кто-то о тебе вспоминает.

Майя повернула лицо, и он увидел горящие угольки глаз. Вот куда надо было дуть. Слезы, которые в них проступили, казалось, сейчас закипят.

– Сереженька, ты ведь не передумаешь, правда? Я боюсь, что ты не сможешь просто наплевать на своих бабку и маму.

– Ну, во-первых, между ними единства взглядов не наблюдается. Мама – это одно, а бабуля – совсем другое. Как я сказал, так и будет. Через три месяца свадьба, а потом – радостные проводы молодой семьи на Землю обетованную. А потом – суп с котом. Приедут обе как миленькие: что им тут без меня делать? Кстати, у нашей бабули в Израиле подруга детства живет. Ее, кажется, Раей зовут. Мать рассказывала, что были они не разлей вода, но потом та уехала, а бабка наша из вредности ни на одно письмо не ответила. Ей даже посылки оттуда приходили, а она их отсылала назад.

– Вот видишь! А ты говоришь: «Приедет как миленькая». Да твоя бабулька, наверное, и на свадьбу-то не придет. А я так мечтала понравиться! У меня комплекс семейной недостаточности. Все говорят, что я очень похожа на свою бабушку Голду. У нас была большая семья – бабушкины сестры, их мужья, дети, – всех уничтожили, кроме мамы моей, самой маленькой в семье, и дяди Иосифа, который ушел на фронт. Бабушка Голда, когда фашисты за ними пришли, просто накрыла свою маленькую дочь с головой одеялом и приказала молчать.

Девочка слышала крики, автоматные очереди, но молчала. Она была очень послушной, и это ее спасло, никто не заметил ее под одеялом. Мама совсем не помнит, как оказалась в детдоме, помнит только, что долго куда-то бежала. Ей в детдоме хотели дать другие имя и фамилию, а она не могла возразить, поскольку онемела от шока, но когда к ней вернулась речь, то гордо заявила: «Я – Манечка Левина». Это спасло ее во второй раз, иначе вернувшийся с фронта дядя Иосиф не смог бы ее найти. А хочешь, я тебе бабушку покажу? Ее фотография с Иосифом всю войну прошла, а теперь с ним в Израиль уехала, но он попросил знакомого художника написать портрет Голды. Все, кто его видит, спрашивают, чего это я так чудно одета. Меня Майей назвали в честь Победы, а хотели Голдой.

– Нет, Майя лучше.

– Что лучше? Вот видишь – и ты туда же: главное, чтобы скрыть, чтобы не выпячивать, вроде физического недостатка. А если бы меня, к примеру, Марфой хотели назвать, тебе бы понравилось?

– Какая разница! Теперь вы, девушка, без пяти минут как гражданка Рубцова. Не возражаете?

Сергей улыбался, замечая, как с лица невесты сползает трагическая маска. Но вдруг Майя словно проснулась:

– Сереженька, ой, я совсем забыла тебе сказать! Я с дядей Иосифом на днях разговаривала. Он позвонил из Хайфы, ну я ему и рассказала про нас. Он за меня очень рад. Только фамилию он менять не советует. Ты же теперь понимаешь, что она значит для мамы, для меня. Он предложил тебе тоже ее взять. Сергей Александрович Левин. Неплохо, как думаешь?

– Так, дорогая моя, а обрезание он не предлагал?

– Ну не обижайся, пожалуйста. Если хочешь, мы тут останемся. Я, конечно, буду по маме скучать, но ты ведь со мной.

Майкины глаза опять грозились намокнуть. Она уткнулась лицом в Сережину грудь, и ее худенькие плечики дернулись. Сережа втянул запах Майиных волос – они пахли дождем. Он просунул руки под ее блузку, захотев прямо тут, сейчас, стиснув ее до хруста в костях, прислонить к дереву и заставить уступить его желанию. Майя подняла голову и легонько оттолкнула Сергея.

– Не сегодня, пожалуйста. Лучше пойдем к нам, я тебе бабушкин портрет покажу, сам увидишь, как мы похожи.

В ответ на это предложение Сергей не очень удачно пошутил, что он тоже копия бабушки в детстве.

– Ты не заметила? Мы же с ней – одно лицо.

Майя, как-то нелепо пятясь, отходила от него все дальше и дальше. Потом она закричала:

– Никогда не говори это, слышишь! Ты не похож на нее, ни капельки! А если такой, как она, – уходи!

Она побежала к подъезду, как вдруг, споткнувшись, упала плашмя на асфальт. Сергей одним прыжком оказался рядом и увидел, что ее колено превратилось в кровавое месиво. Майя угодила им прямо на железную крышку люка. Девушка хоть и кусала губы от боли, но была счастлива. Сережа дул на рану, называл ее Маюшечкой, кошечкой и еще сотней уменьшительно-ласкательных имен. Он нес ее на руках к дому, а она шептала:

– Ты не волнуйся, до свадьбы заживет.

– А если нет, – успокаивал он, – невесте подыщем изящные костыли.

– И еще туфли на шпильках, платье в оборках и фату в пол. Красота!

– Все будет, все, что захочешь, только не плачь…

– А я и не плачу, это от счастья…

До свадьбы зажило не все. Травма оказалась достаточно серьезной, и невеста только месяц назад избавилась от костылей. Колено все еще было стянуто тугой повязкой, но роскошные кружевные оборки свадебного платья, привезенного дядей Иосифом, скрывали от посторонних глаз эту неприятность. Торжество было решено провести скромно в Сережиной квартире, а на сэкономленные деньги поехать в Коктебель. Мечта отдохнуть в Планерском, пройтись по волошинским местам была для обоих самой заветной, если не считать той мечты, которая уже почти свершилась, и последним аккордом должен был стать «Свадебный марш» Мендельсона. Планы чуть не смешали два обстоятельства – приезд дяди Иосифа и вредность бабы Веры. Когда подсчитывали гостей с обеих сторон, Вера Егоровна с удовольствием отмечала значительный перевес в пользу жениха.

Невестины ряды крепко поредели по причине не прекращающейся в последнее время эмиграции, и даже у родителей Майи было абсолютно чемоданное настроение. Вера все в толк не могла взять: «Дочь вроде замуж выдают, а сами палец о палец не ударят. Та еще семейка, лишь бы сбагрить поскорее девку. Ясное дело, кому такая красавица нужна, кроме нашего дурачка? Он-то бабами избалован не был, все на свои циферки пялился, а как глаза поднял, так эта швындра носатая нарисовалась. А мы вот посмотрим, как это вам удастся нашего парня захомутать». Вера Егоровна вынашивала план, который мог сорвать, а если не сорвать, то хотя бы отсрочить свадьбу. Она придумала, что в тот день, когда молодым в ЗАГС идти, она встанет ни свет ни заря и примется месить тесто для пирога. Еще она будет жарить, шкварить, резать, чистить, а потом… То ли от усталости и волнений, то ли от старости и болезней как схватится за сердце, как упадет на пол, как заголосит! Тут тебе и «скорая», и больница – вот-вот помрет! О какой свадьбе может идти речь?

Но ее планам не суждено было сбыться.

Дядя Иосиф приехал за три дня до росписи, и все пошло кувырком. Когда-то до отъезда он был городской знаменитостью – лучший кардиолог города. Его помнили, любили, и гостей со стороны невесты заметно прибавилось. Квартира жениха уже не могла всех вместить. Иосиф решил сделать подарок племяннице и заказал самый красивый и дорогой ресторан. Такой поворот событий спутал планы бабы Веры. Можно было, конечно, просто так на пол упасть и за сердце схватиться, но она считала это неубедительным. Несмотря на заказанный ресторан, Вера Егоровна все же затеяла выпечку пирога якобы для того, чтобы не нарушать традицию и сделать внуку подарок. Встала рано, долго возилась на кухне, как вдруг сомлела и с грохотом завалилась. Шуму и крику было – не приведи Господь! Тоня рыдала, пытаясь привести мать в сознание. Сергей вызвал «скорую», позвонил Майе и, успокоив как мог, попросил к телефону дядю Иосифа. Иосиф приехал раньше «скорой». Он склонился над старушкой и приложил ухо к ее груди. Лицо его выразило крайнее недоумение.

– Пульс и сердце как у спортсмена, – сказал он. – Возможно, легкий обморок. Откройте окно.

Он еще раз наклонился над Верой Егоровной и ласково сказал:

– Голубушка, ну нельзя так в вашем возрасте напрягаться. К чему эти кулинарные подвиги? Поверьте, в ресторане еды будет более чем достаточно. И пироги тоже будут.

– Таких не будет, – сказала несчастная баба Вера, разлепив один глаз.

И в этом она оказалась права. Даже тающий во рту свадебный торт был не таким вкусным, как ее знаменитый слоеный пирог.

До отъезда в Израиль бабушка Вера не дожила – возможно, просто не захотела. Она так и не смирилась с мыслью, что внук с женой уедут, а за ними настанет их с Тоней очередь. Теперь вся жизнь семьи превратилась в долгие сборы. Уже ничего не покупалось и не делалось просто так, только если это «там» пригодится. Вера чувствовала, что меньше всего им «там» нужна старая развалина, ну разве что пироги печь.

– Ничего, ничего, пусть Раиных пирогов попробуют, – злорадствовала она. – Как ее, безрукую, ни учила, а все попусту. Хорошо бы Райкин адрес отыскать, им там он не помешает. Куда ж этот конверт подевала?

Полночи Вера перебирала старые фотографии, открытки, письма и документы. На одном из клочков бумаги она нашла каракули на иностранном языке. Похоже, что это был адрес Раисы Пилцер – ее закадычной подруги юности, а ныне гражданки Израиля. Наконец, намаявшись, Вера легла в постель, но сон не шел. Она опять взяла старые фотографии и попыталась найти на них Райку, но вспомнила, что давно все разорвала на клочки и в мусорное ведро выбросила. Полуслепые глаза высматривали на фотографиях то, что не попало в объектив. Ей хотелось вытянуть из памяти подробности, а ничего особенного не вспоминалось. Почти забылись довоенные годы, немного яснее казались послевоенные, а саму войну помнила, как если бы она была вчера. Жизнь показалась такой короткой и незначительной. Прикрыв веки, из-под которых потекли по бороздкам морщин слезы, она, как в кино, увидела перрон вокзала, с которого они с Раей провожали на фронт мужей, потом – эти страшные конверты с похоронками, пришедшие в конце войны один за другим, сначала Рае, потом ей. Вспом-

нила и то, что всегда вспоминать боялась: оккупация, немцы в городе, а у них с Райкой малые дети на руках…

Больно кольнуло сердце. Она попыталась лечь удобнее. Сердце ныло не переставая. Потом вроде отпустило, только трудно стало дышать. «Надо бы окно открыть», – подумала, куда-то проваливаясь, но встать уже не было сил. Ей вдруг показалось, что она громко кричит, падая с высоты в бездонную пропасть. Наконец перестала падать и полетела вверх. «Значит, не умираю, – пронеслось в голове, – просто засыпаю. Полетели!»

Веру Егоровну хоронили под проливным дождем. Кто-то сказал, что по ней земля плачет, и еще, что Господь послал ей смерть во сне, как настоящей праведнице. В то страшное утро, когда Тоня пыталась разбудить уже мертвую Веру Егоровну, из руки покойницы выпал кусочек конверта с израильским адресом. Уже после похорон Тоня внимательно изучила его и решила, что это скорее всего адрес Вериной подруги Раи. Она еще раз пересмотрела все бумаги, но ничего связанного с Раей не нашла. Попытавшись вспомнить, как выглядела Рая, поняла, что, кроме громкого смеха и черных волос, ничего не вспоминается. А вот ее детей – сопливого Семку и тихоню Ривку – она помнила отлично. Когда это было? В году так в сорок седьмом, а может, позже. Когда же тетя Рая уехала? Лет сорок назад или меньше? И все это время мать уничтожала ее письма, фотографии, саму память о ней. Что же между ними произошло?

Восстановить историю дружбы удалось уже в Израиле, и она оказалась куда более удивительной, чем кто-либо мог предположить. Достаточно сказать, что беременная Майечка, услышав ее от тети Раи, плакала так, что все не на шутку перепугались – не случилось бы беды. Когда Сережа после долгих поисков обнаружил Раису Моисеевну Пилцер двадцатого года рождения, проживающую в городе Ашдоде, а не в городе Хайфе, как было указано в старом адресе, то найти номер телефона уже не составляло большого труда. Разговор начался просто: «Это Раиса Моисеевна? Вас беспокоит Сергей Рубцов, внук Веры Егоровны Рубцовой». Дальше ничего, кроме криков Раи, рыданий и просьб позвать Верочку к телефону, не было. Они поехали всей семьей на встречу с бабушкиной подругой.

Рая встретила их тоже не одна. По крайней мере человек пятнадцать сидело вокруг стола.

– Если бы не Вера, – горько рыдая, рассказывала Рая, – то никого бы из нас не было на свете. Погибла бы я, мои дети – Семочка и Рива, а значит, не появились бы внуки, а теперь вот правнуки. Посчитайте, скольким людям Вера жизнь подарила. Когда немцы оккупировали Украину, мы оказались в западне. Мы с Верой в одном дворе жили, окно в окно. Когда немцы вошли в город, было приказано наутро всем евреям собраться у здания комендатуры с вещами и документами. Я знала, что это конец. Они всех гнали к оврагам и расстреливали, а тех, кто пытался укрыть нас или как-то помочь, вешали на площадях. Вера решила увести нас на другой конец города к мясокомбинату, где директором долгие годы был ее дед. Она помнила, что в одном крыле здания есть подземный ход в складские помещения. Когда-то давно он был завален камнями по приказу деда, но под ними есть железная дверь с замком. Ключ от нее остался в их семье после дедушкиной смерти. В свое время была обнаружена большая недостача, и директор догадался, каким образом мясо выносят с территории. Мы понимали, что самое важное – ночью не попасться в руки патрулей. Вера принесла метрику и свидетельство о крещении ее сестры Любы, умершей в юности от тифа. Приказала мне надеть нательный крестик и взяла ножницы. Отрезала мои черные косы и пергидролем высветлила волосы. Теперь мы хоть как-то могли сойти за сестер. Вера ведь беленькая была, как одуванчик. Однажды патруль все же засек, документы проверил, но отпустил. Всю ночь мы перетаскивали камни, чтобы найти этот ход, а когда вошли, страху было еще больше. Считай, как в могилу спустились: ни света, ни звука. Но вентиляция была, не задыхались. Осталась я там с детками: одному – пять, а другой – два. Так всю оккупацию и просидели. Боялись днем выходить, только по ночам, когда Вера приходила и еду приносила. И метрика эта нас бы не спасла – доносчики были на каждом шагу. А если бы с Верой что случилось?! Она пошла работать на комбинат, чтобы к нам быть поближе. Как она изворачивалась, чтобы не попасть на глаза немецкой охране, трудно представить. Отчаянная была. Что вам сказать, после освобождения города от фашис-

тов мы вывели детей из подвала. Они долго солнца не видели, почти ослепли, так Вера отдала все, что у нее было, на лечение моих детей. Я всем ей обязана. После войны мы обе овдовели и жили одной семьей. Так бы и жили, но меня нашел наш дальний родственник, который после войны оказался в Израиле. Я решила уехать, чтобы больше никогда не бояться быть тем, кто я есть. Этого Вера не понимала и не простила мой отъезд. Почти сорок лет я ей писала, но она ни разу не ответила, а когда стали возвращаться посланные мною деньги и подарки, поняла, что прощения не будет. А теперь вот поеду к ней, памятник поставлю от всех нас.

Через несколько лет на Вериной могиле был поставлен красивый памятник. Две женские фигуры из белого мрамора, словно выходящие на свет из черноты гранитной глыбы. Одна женщина поддерживает другую, едва стоящую на ногах. В день, когда его установили, собралось много народу. Были даже официальные лица, которые сообщили, что Вера Егоровна Рубцова награждена посмертно званием «Праведник мира» и в Иерусалиме на территории мемориала Яд Ва-Шем в Саду Праведников, где растут тысячи деревьев с именами тех, кто помог выжить евреям во время Холокоста, будет посажено еще одно дерево с именем Веры Рубцовой.

Майя, смахивая слезы, зябко прижималась к Сереже и думала, что не зря говорят: «Чужая душа – потемки», – но в то же мгновение поняла, как уродливо это выражение. Ведь если так думать, то невольно будешь находить в человеке только самое темное и гадкое. А в душе ведь главное – это сердцевина. И если она светлая, то неважно, что вокруг наросло. «Все дело в начинке, – любила повторять баба Вера, – а тесто – это только оболочка». Майя могла поклясться, что в эту минуту она почувствовала во рту сказочный вкус и аромат Вериного пирога. Теперь она понимала, что он получался таким вкусным именно потому, что баба Вера вкладывала в него всю свою душу.

Никита Рыбаченко

Неудачник

Сигаретный пепел, падающий в чашку с кофе, был обыденностью. Купленный на последние деньги напиток не становился хуже от этого. Скорее наоборот – в нем чувствовалась привычная горечь. Допив его, Кирилл остался сидеть на летней площадке самого дешевого кафе-наливайки в городе, которое только смог найти.

Здесь было хорошо – собиралась вся местная богема, которой оказался закрыт путь в мир большого искусства, и сам Кирилл был таким же: актер-неудачник, человек тонкой душевной организации и просто доходяга на вид. Ему никогда не доставались весомые роли, никто не видел потенциала, ничего не менялось. Сам он думал, что дело в тертых выше колена штанинах. Однокомнатная квартира, доставшаяся от бабушки, была пуста. Тумба, одноместная кровать, шкаф. В нее совершенно не хотелось возвращаться, даже если погода жуткая, а зонт порвался. Потому Кирилл продолжал сидеть на летней площадке. Благо день был совершенно летний.

Подошедшие сзади Игорь и Алена напугали, но и сразу же загладили создавшуюся неловкость. Встречаясь еще с седьмого класса, они буквально не отлипали друг от друга. Были вместе на всех олимпиадах, вместе оканчивали экономический факультет, вместе работали в забегаловках, вместе откладывали на бизнес, вместе открыли общественную баню, кормившую их семью. У Кирилла никого не было, но он никогда не завидовал – друзья оставались друзьями.

– Какие люди из кожи и мяса! – воскликнул Игорь. – Кирюха! Вот знали же, что найдем тебя тут. Кофе уже несут вместе с твоими любимыми бутербродами. Сыр и кинза, правильно?

– Привет, ребята, – улыбнулся Кирилл, натирая ладонью бедро. – Вы тут какими судьбами?

– Говорим же, тебя хотели увидеть, пообщаться… – вступилась Алена. Она никогда не была застенчивой, только сегодня в ней что-то прослеживалось, о чем она заговорить еще не решилась. – Как твои дела, что нового? Рассказывай!

За стол принесли два кофе, один чай, десяток бутербродов и яичницу на троих. Алена не пила кофе. Компания дружно принялась есть и пить.

– Да как у меня могут быть дела? Нового ничего, дел тоже не особо. Однако нельзя унывать! Однообразие тоже полезно, я не жалуюсь.

Кирилл не врал. Его действительно устраивало, хотя трясущиеся руки говорили об обратном. Дело совершенно не в том, что нравилось, просто жаловаться не приучен. Сойдет пока так, как есть. Будет лучше – уже хорошо, а хуже и так случится.

– А с театром что? Зритель хоть ходит? В нашем веке театральные фанаты уже не рождаются, потому ваша аудитория стремительно исчезает в силу возраста, правильно? – считываемая язвительность в формулировках Игоря полностью затмевалась его любопытством.

– Не будет театра со дня на день, веришь? И постановок не будет, потому что режиссеров нет, актеры мельчают, а зритель… Зритель – это так! Приятный бонус к отсутствующим составляющим театра. Ну а вы вдвоем с чем пожаловали? Колитесь уже!

Алена глубоко вздохнула и начала:

– Понимаешь, Кир…

Кир. Его называли Киром в двух случаях – либо что-то очень хорошее, либо очень плохое. Неважно, что именно, но всегда эмоциональное и чересчур серьезное.

– Понимаешь, Кир, мы с Игорем решили разнообразить жизнь. Так сказать, перейти на следующий этап наших отношений.

Кир смотрел вопросительно.

– У нас будет ребенок. Мы долго думали над этим, все взвесили и решили. Теперь решить нужно тебе.

– Решить что?

– Ты станешь крестным нашего ребенка? – спросил Игорь, глядя прямо Кириллу в глаза. – Никого ближе и лучше тебя у нас нет.

– Крестным? – у Кира отвисла челюсть. – Крестным… Разве можно отказать? Конечно, хорошо. А как вы решились-то?

– Жизнь должна меняться, – продолжил Игорь, – вот и у нас она будет изменена кардинально. Денег хватит, времени тоже. Захотелось большего, но не в материальном плане, скорее в духовном.

Этой фразой началось долгое молчание, сопровождавшееся тряской во рту неподожженной сигареты и звуком наглаживания брюк на бедре. Минут через семь решилась Алена:

– Нам уже пора, мы пойдем. Знаешь, ты не нервничай, главное. Все будет в порядке, из нас выйдут отличные родители. А отличные родители не выберут плохого крестного. Жизнь должна меняться, а у тебя тем более! Кота, что ли, заведи… Но необычного! Под стать себе. До встречи!

И ушли. Жизнь должна меняться. Кот. Начала тлеть новая сигарета, мысли в голове играли, превращаясь в навязчивые идеи, которые быстро становились правдой и целью. Сигарета скурилась, а Кир вскочил и побежал домой.

Дома в тумбе стояло несколько книг. Он вытянул «Записки мухомора» и достал оттуда деньги, которые отложил на черный день, хотя по всем признакам этот день стал самым белым.

Пробежка по базару заняла у него все оставшееся до заката время. Кир купил лоток, наполнитель, переноску, подушку для сна, столбик для когтей, мисочку для корма и воды и пять пакетов корма для котят, потратив все свои сбережения. И только на подходе к дому уже поздним вечером его посетила ключевая мысль: «Твою мать! Я забыл купить кота!». Но с другой стороны, как можно было купить необычного кота? Это же не торт, по виду не поймешь. Необычного кота можно было только найти.

Кир занес все обновки в квартиру, четырежды разложил их в правильном, как ему казалось, порядке и пошел искать кота, хотя на улице стояла ночь. Были обойдены все подъезды квартала, осмотрены все лавочки, облазаны все помойки, и уже казалось, что надежды нет, но, как это бывает в лучших фильмах про любовь между мужчиной и женщиной, *он* выполз из кустов под

собственным подъездом Кира. Маленький котенок белого цвета, покрытый рыжими пятнами и с плоской мордой. Иначе как судьбой это не назвать.

Кир принес котенка домой, уложил на купленную подушку, сел с сигаретой в зубах, начал тереть бедро и думать вслух:

– Необычному котенку нужно необычное имя. Ты не Гильотина и не Панчик точно. Будешь Грызли. Да, Грызли – это тебе подходит.

Котенок по имени Грызли посмотрел на него, покрутился на подушке и лег. А Кир, вымотанный этими эстетическими изысками своего будущего, моментально уснул.

Утром он проснулся и чуть не подпрыгнул от шока – у него на груди топтался Грызли и приговаривал. «Бебе-бубу». Никаких тебе «мяу» или еще каких кошачьих языковых изъявлений. «Бебе-бубу».

Только теперь к Киру пришло истинное осознание, насколько его питомец был необычным, под стать своему хозяину. В этот момент у Кира и особенного кота по имени Грызли началась жизнь.

Елена Андрейчикова

Вареные рачки

Это был ужин во время апокалипсиса.

– Посолил?

– Конечно.

– Лавровый лист, чеснок?

– И перец, и душистый, и красный. И укропа не жалел. И дал им настояться. Еще вопросы будут?

Вопросы были исчерпаны.

Единственный диалог за весь вечер. А дальше – молча.

Второй день как по Новой Каховке плавают лебеди, а по Днепру несет смытые дома. Уже завтра они будут в Черном море, и не только они. После взрыва на Каховской ГЭС завтра на пляжах Одессы ожидается все что угодно, но только не вареные рачки.

А сегодня еще успели. Поставить сетку, выловить чистых, жирных, с икрой, сварить, настоять, конечно, не меньше двадцати минут и предаться гедонизму.

Молча.

А о чем говорить?

И так все ясно.

А в небе тоже шумно и ясно – в Очакове бои. Розовый дым стелется до самой Одессы и накрывает мнимой красотой яхт-клуб с одичавшими катерами на берегу и полоумными обжорами за последним ужином.

Последним ужином со свежим уловом.

И последним - только в этом году.

Здесь без паники.

Бросьте.

Механические движения – оторвать голову, поддеть большим пальцем розовый панцирь, осторожно снять его целиком, положить рачку в рот, запить нефильтрованным пивом. Кто-то – белым вином. Кто-то ест вместе с панцирем. Черт побери, Петрович знает, как их варить. Не слишком соленые, но и не пресные, пряные, пахучие, полезные (Петрович, подтянутый старичок без возраста, – этому доказательство.) Вкусно так, что закрываются глаза от блаженства. И хочется плакать. Конечно, от удовольствия. И хочется улыбаться, потому что успели. И хочется еще, и еще, и еще…

Небо и деревянный косоногий стол подпрыгивают от доносящихся взрывов. Розовый дым принес уже и запах гари. Да просто не стоит часто дышать. Не стоит с раздражением хмуриться.

Стоит расслабить лоб и виски. Работают только челюсти. Хватит на всех. Наесться до одури. В самом начале лета, но за все лето вперед. Хоть бы в следующем году это стало снова возможным. Да кто сейчас так далеко загадывает?!

Ну его, то завтра.

Есть сейчас.

Молча, плавно, без резких движений.

Гастрономический экстаз и романтическое безумие.

Вопреки, поперек и назло всем бедам.

А о чем говорить?

И так все ясно: Петрович в этом деле – виртуоз.

Витя Бревис

Ах, эта ночь...

В небе гремит, взрывается, собака проснулась, лает и жмется к кровати. Глажу ее в темноте, высунув руку из-под одеяла.

Люди что-то кричат на улице, слов не разобрать.

Как не хочется вылезать, но выгоняет любопытство.

Выходим на балкон – вспышки где-то не так уж и далеко, грохочет нехило.

Стало ясно, что же они там кричат: это жители нашего ЖК повыскакивали на свои балконы и орут нечеловеческими голосами:

– Слава Украине!

Ну мы тоже поорали. Стало значительно легче.

В такие моменты особенно хорошо чувствуется одиночество и близость бога, которого вроде бы и нет.

Бога нет, а близость есть, вот так, блять.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

206 **Александр Кабанов**
Война

213 **Тая Найденко**
Пятьсот дней войны

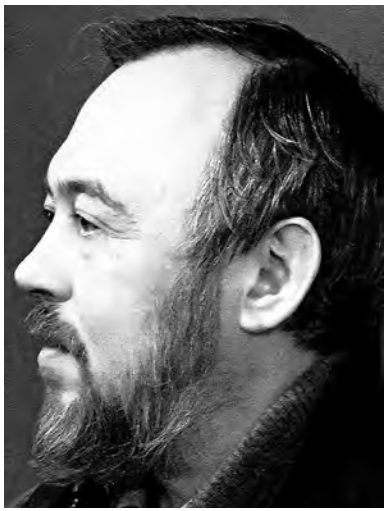
218 **Максим Степанов**
Мелодии

227 **Анна Старко**
Нові вірші

Александр Кабанов

Война

Александр Кабанов – украинский русскоязычный поэт. Автор семнадцати книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике. Его стихи переведены на все основные европейские языки. В 2022 году поэт стал лауреатом премии Фестиваля гражданской поэзии в Италии (г. Верчелли), который проходит под эгидой ЮНЕСКО, в номинации «За личные выдающиеся заслуги в современной поэзии». Александр Кабанов живет и работает в Киеве.



* * *

В тоскане, в умбрии, в пьемонте,
где виноград, как свет очей,
я находился на ремонте –
под наблюдением врачей.

Согласно урбану и пию
и прочим папам на крови,
я здесь – руинотерапию
освоил с помощью любви.

Среди пленительных развалин
и молодящихся цикад –
мой дом был скромен: восемь спален,
каминный зал, веранда в сад.

И я, прогуливаясь мимо
оливковых чуть пыльных рощ,
повсюду чувствовал незримо
империи былую мощь.

Теперь – с поправкой на лукавство,
сокрытое в людской молве,
я часто брал с собой лекарство –
вино, бутылку или две.

Закат расшатывал стропила
под черепицей бытия,
как хорошо, что ты почила
в веках, империя моя.

Пусть растворилась византия
в османской гуще, но она –
не обнулилась, как россия
в теперешние времена.

Не различить в тумане – дыма,
лететь по встречной – без руля,
и письма гоголя из рима
к ним не приходят с февраля.

* * *

Служу щепотью пыли –
не для отвода глаз:
мне важно – где вы были,
когда бомбили нас?

Как долго сомневались,
предчувствуя урон,
и с кем теперь остались
при выборе сторон?

Не избежать позора,
не сохранить лица –
тому, кто выбрал вора,
убийцу и лжеца.

Кто вражеской программой
перепрошит двойной,
а я – в дороге с мамой
и с маленькой женой.

Трясемся на ухабах
с утра и до утра:
я выбрал самых слабых
из воинства добра.

Но всем, кто шел по следу,
кто исцелился весь –
я подарю победу,
а сам останусь здесь.

На полке, под обложкой,
в чистилище всего –
собакой или кошкой
народа моего.

* * *

Сегодня ночью я спокоен:
пусть кошка спит лицом ко мне,
как маленький китайский воин,
и улыбается во сне.

Спокоен я в автомобиле,
спешащем на прием к врачу,
ведь нас сегодня – не бомбили,
и бог не погасил свечу.

Он отозвался с колоколен
своим утробным языком,
чтоб нас утешить: я спокоен,
и нынче – не звоню по ком.

Вдоль переулка пахнет сдобой,
сбежавшим кофе – за углом,
и киев, окруженный злобой,
вдруг переполнился добром.

Вот, в парке раздают обеды
для беженцев и стариков,
весна, как время для победы
и для высоких облаков.

Пусть в мире – тесно от пробоин,
в которых слышен дальний свет,
пусть кошка спит – я так спокоен,
что улыбаюсь ей в ответ.

Фуга о воскрешении

Рыба фугу, скажу я вам,
диктуя новый завет:
ничего особенного,

и на вкус и цвет –
напоминает копченую осетрину,
а теперь, извините,
я вас навсегда покину.

И начну вещать,
уменьшая билирубин,
из других высот
и совсем из иных глубин,
лежа на боку,
распахнув хладнокровный зев,
двигая плавниками
и полностью очешуев.

Хочешь найти меня –
делай тогда всё сам:
проведи миноискателем
по небесам,
а затем используй
возможности эхолота,
и тогда ты увидишь
на мониторах судного дня:
золотую точку,
пульсирующую звезду, меня,
как благую весть о том,
что нам предстоит работа.

Открывать архивы
библейских, подсудных дел,
чтобы все мертвецы воскресли,
как он хотел,
чтобы вышли из тесных файлов
своих к нему,
чтобы он их повел за собой:
через смерть и тьму,
через смерть и тьму,
через смерть и тьму.

* * *

Бахыту Кенжееву

В серебряном веке спиною к реке,
в прозрачном, на голое тело,
ажурном немыслимом дождевике –
цикада сидела и пела.
Так серные спички трясут в коробке –
часами стараясь над ухом,
и ты замолкаешь на их языке,
и тоже становишься слухом.

А все остальное – подделка, вранье,
цикада гадает, авгурит,
и кто от невидимых спичек ее
военную трубку прикурит?

Здесь нужно глядеть под особым углом,
следить за шитьем и покроем,
и мы оказались одни за столом,
и что-то о времени воем.

Мы пьем полумертвую воду огней
и плачем под песню цикады:
о маленькой жизни несчастной своей,
которой порою не рады.

Цикада над нами трясет коробок,
чтоб божие царство светлело,
а все остальное, мой старый дружок,
не наше собачее дело.

* * *

Туда, где зимою – ни снега,
ни ранней в зазубринах тьмы,
мы выйдем из тела ковчега –
и больше не будет зимы.

И больше не будет дороги,
которая всех увезла,
ни воя воздушной тревоги,
ни страха, ни крови, ни зла.

Здесь гроздья бананов, как груди,
тугими рядами висят,
и нравятся местные люди
всем женщинам за пятьдесят.

Ответь мне, больная собака:
что может быть в мире тогда
бессмысленней снега и мрака,
колючего ветра и льда?

И путая мачо и лечо,
на краешке райского дна
тебе, мой спаситель, отвечу:
бессмысленней снега – война.

Война за войною с войною
в предчувствии новой войны
страшнее, чем вьюга зимою
и ватные в детстве штаны.

Рождественский лед в водевиле,
а что еще вспомнить без слёз:
то утро, когда нас убили,
и солнце внесли на мороз.

Тая Найденко

Пятьсот дней войны

* * *

Россия умирала тяжело
И пышно. В соответствии с обрядом.
Наследники давно толпились рядом,
Считая годы. Время шло и шло.

Старуха (или, может быть, старик?
Не разобрать ни возраста, ни пола)
По временам, как будто для прикола,
Ехидно издавала смертный крик.

– Внемлите же! – вещал пресс-секретарь.
И толпы обнадеженно внемляли.
Какие-то раскрашенные ляли
Уже бросали чепчики, как встарь.

Напрасно. Преждевременно они
Зловонную старуху хоронили.
Она желала сдохнуть в римском стиле,
И полыхали в городах огни…

Докладывал закопченный халдей:
– Спалили всё! Уж, может, отходную?..
Россия заводила песнь иную,
Рождая море красочных идей.

– Хочу – как фараоны! Заберу
С собой сто тысяч юных новобранцев.
Законопатьте в землю сих засранцев
И для меня оставьте там дыру!

Похоронили. Заживо. Сто тыщ.
Для верности накинули тыщ двести.
Россия все лежит на том же месте
И чешет жопу, жалуясь на свищ.

– Эх, жаль, что яду нет в сто верст окрест… –
Бормочет ведьма в царственном угаре.
(Прислало НАТО сто кило кураре.
И что ж? Всех угощает, но не ест.)

– Хочу, чтоб как в библейскую пору,
Мне брат мой смерть принес, с лицом Каѝна…
– Тут братьев нет, – вспылила Украина, –
Но я могу прирезать как сестру.

Все скурвились. И некому сказать:
– Россия, сука, Лета-Лорелея!
Ты можешь вообще не умирать –
Или издохнуть как-то побыстрее?

* * *

У окна мы тогда стояли.
Падал свет.
Кто-то громко смеялся. Я ли?
Вряд ли. Нет.

Шел две тыщи какой-то. Лето.
Или май?
Говорили о снах, приметах…
Вспоминай!

Говорили о людях, лицах,
О душе.
Сигарета могла дымиться
Час уже.

Что там было-то – в разговоре
До войны?
Ты показывал складки горя
И вины.

Все морщинки. И лапки смеха
Возле глаз.
«Это всё, – хохотало эхо,
Не про нас!

Это всё углубится позже,
К сорока».
Свет касался согретой кожи,
Не рука.

Нас лепили лучи, слепили,
Как котят.
Это было лет восемь – или
Сто назад?

С февраля я насквозь промерзла,
Как река.
В спину бьет и толкает воздух,
Не рука.

Не спастись от волны ударной
За стеной.
И морщины пришли попарно –
Все со мной.

Складки горя прошли вдоль носа,
Будто рвы.

Лоб наморщился от вопроса:
«Что же вы?!»

У бровей залегла косая
Дробь-черта.
Нити скорбные заплясали
Возле рта.

Под глазами, под мелкой сеткой –
Серый блик.
Не лицо, а сухая клетка.
В клетке – крик.

Подбородок остался гладок,
Невредим.
Только пара упрямых складок:
«Победим».

Всё, что нам обещало эхо
До войны.
Разве только вот – «лапки смеха»
Не видны.

* * *

Стала война и не враг, и не друг,
Просто наука:
Осознавать, что у света есть звук,
Множество звука.

Гул холодильника, рваный теперь,
Грохот трамвая.
Звуки собаки, скребущейся в дверь,
Громко зевая.

Кашель соседа и новости бред,
Скрип половицы –
Всё, что как только отключится свет,
Вмиг прекратится.

Днями не слышно, не видно ни зги.
Щелкнет рубильник –
Снова собака, трамваи, шаги…
И холодильник.

Каждое новое знание в плюс,
Как же иначе?
Осознаёшь, что у света есть вкус:
Теплый, горячий.

Вкус разогретого супа и каш,
Чая и кофе.
Даром вопит сумасшедший «крымнаш»
О катастрофе.

Зря он грозит. Мы вкусили вполне
«Пепел и пламя».
Просто чтоб выиграть в этой войне,
Нужно быть нами.

Просто. И было понятно давно,
В самом начале.
Что ж мы узнали о мраке, чего
Прежде не знали?

Звезды над городом ярче. Иной
Разницы нету.
Значит, задачка сойдется со мной.
Значит, с ответом.

Максим Степанов

Мелодии

Одесситы любили и знали скульптора и поэта Николая Степанова. Уже двадцать лет как он умер. А в городе стоят его скульптуры. Для одной из них, «Петя и Гаврик», ему позировали его сыновья И вот этой весной я получаю письмо с Цейлона. Оказывается, там много лет живет сын Николая Степан. Тоже скульптор и тоже пишет стихи. С ними знакомлю наших читателей.

Е. Г.

Чернолуние

Ветер поднялся, спустилась тяжелая ночь,
Над круглым столом заплясали тревожные тени.
Молчание сумрака больше нельзя превозмочь.
Вдруг кто-то воскликнул: кто мы и где мы?

В черешневых кронах таинственный шелест ветвей,
Во мраке слагались какие-то древние песни,
В колодце трепещущих бликов лица друзей
Безмолвно тонули в вопросе: кто мы и здесь ли?

Но вот откупорена пыльная бутыль вина,
А ветер – безумный наглец, вопрошал с новой силой.
Плечами сомкнулась незримого братства стена,
И кто-то ответил: здесь мы, и мы – мы!

Полнолуние

Туч золотистых громады уносит к горам
Масленым светом в кумирнях мерцают лампады
Пагоды белой верхушка видна среди пальм
Службы вечерней сейчас застучат барабаны

Храмовых раковин гулкий разносится звук
Вторят ему отдаленного грома раскаты
Будды холодные руки мне вспомнятся вдруг
Целую вечность уже мы с Цейлоном женаты

Зуб от него сохранился один и две тысячи лет
Шествие пышное снова выходит из храма
Скоро его повезут на роскошном слоне
Полной луны повторяется вечная драма

В то полнолуние мне невозможно уснуть
Сердце сжимают бессонницы цепкие руки
Странными чувствами снова наполнена грудь
Пальмовым шепотом мучает Прошлое душу

Я уже был здесь когда-то и в этом саду
Древней религии действо сверкало огнями
Самым таинственным образом, словно в бреду
В лунном сиянии снова увижусь с тенями

Дом

Вот дом на лесной поляне
С верандою от солнца и дождя
И наступил предел желаний
Жизнь проживается не зря

Кричат цикады без умолку
Орут в предчувствии дождей

От зонтика не много толку
Беги под крышу поскорей

Там крепкий чай уже заварен
Уже китуль кипит в горшке
На чаепитии без правил
Раскрыты книги на столе

И на страницах без картинок
Желанных для пытливых глаз
Натуралисты из Берлина
Ученый свой ведут рассказ

Животных странные названья
Еще неведомые нам
Мы научились со стараньем
Читать латынью по слогам

И глядя на природы буйство
На бесконечный круг вещей
Какое странное безумство
Считать на перьях птиц клещей

Кто создал мира круговертье
Кто жизнь пустил среди камней
Придумал смертное бессмертье
Вдохнул сознание в людей

Какой художник бросил кисти
И созерцать оставил нам
Свои законченные мысли
В природе заключенный храм

Ища на листьях насекомых
Исследуя следы зверей
Шестое чувство нам знакомо
Мы узнаём его детей

Постоянно влажные тропики

Постоянно влажные тропики
Тонут сегодня в дожде
Острые ливня дротики
Пригвоздили траву к земле

Выползли черви метровые
Тропы размыты ручьем
Мы навсегда заколдованы
С лесом оставшись вдвоем

Где-то холодные сумерки
В окна глядит метель
Здесь деревья угрюмые
Теплую пьют капель

Выйти нельзя из укрытия
Сколько осталось ждать
Сделали мы открытие
Лесу хочется спать

В этом дурмане тягостном
Призраки прошлых снов
Сальсу танцуют яростно
В мареве наших голов

Здесь ничего не останется
Кроме наших вещей
Эта прогулка затянется
До окончания дней

Духи лесные украдкой
Нас заберут к себе
Растворяя дремотой сладкой
В этой поющей воде

Перахера

Сегодня в стране мангустов
Где царствует вечный июль
Внезапно наступит август
После буйства летних бурь

Свой бег облака прекратили
К спящим в тумане горам
Бабочек пестрые крылья
Мелькают по влажным лесам

Отгремели свирепые грозы
Раны шторма смыл океан
Погрузились пальмы в грезы
Разлился цветов дурман

Вот монахов гортанное пенье
Полнолунья условный сигнал
Для большой Перахеры селеньям
Объявляет что час настал

Барабанщики как на картинах
Словно с фресок сошедшие сами
Поспешат в костюмах старинных
На ходу звеня бубенцами

В ритуалах таинственных шествий
Средь чадящих огней факелов
В древнем танце кружатся дети
Барабаны поют без слов

На реликвиях в паланкинах
Развевает ветер вуаль
Рассыпается дробь тамбуринов
И уносится в темную даль

Стихли песен магических звуки
Бубны смолкли в уставших руках
И ночного бдения муки
Отражались в сонных глазах

Меж толпы топтались устало
В облаченьях цветных слоны
Неуютно людям стало
Среди брошенной мишуры

Будда спит в закрытой часовне
Благовоний дымит фимиам
Погружаться слишком не стоит
В этой жизни пьянящий обман

Ожидаю

Ожидаю с нетерпеньем
Друга старого приезд
Он как муха на варенье
Склонен к перемене мест

На паром куплю билеты
Ключ к далеким островам
Где закаты и рассветы
Будут радоваться нам

Одинокое бунгало
Прямо на краю земли
Светлячками засверкало
В ожидании зари

Сверху из зеленых джунглей
На коралловый песок
Бабочек веселой стаей
Снизойдет куриный бог

И на том хвосте павлиньем
Мы увидим наконец
В тыще глаз лазурно-синих

Кто творения венец

Друзья уехали

Друзья уехали надолго
Кто знает может навсегда
В объятиях сжимала долго
Сама янтарная луна

И пальмы трепетно шептали
Что как всегда задул муссон
И все прекрасно понимали
Что эта встреча просто сон

Что обязательно проснешься
И будет свет слепить глаза
И ты поймешь что не вернешься
Туда где было что сказать

Там за опущенной вуалью
Еще звучат любви слова
Но кажется безмерной далью
Вчерашней суеты канва

Но к ней ты только прикоснешься
И улетит последний звук
В безмолвьи эхом отзовешься

И только слышен сердца стук

Детские игры

Детские игры на пляже
Ноги твои в песке
Мы не заметили даже
Что замолчали в тоске

Здесь беспощадным прибоем
Волны опять и опять
Всё объяснят нам обоим
Если мы сможем понять

Звездного круга движенье
Кольцом неразрывных рук
Ветра немое скольженье –
Бальзам от душевных мук

Выпьем мы это лекарство
Молча откроем вино
Юности нашей бунтарство

Выход найдет само

Край

Легко оттолкнувшись от края
От края последней скалы
Ты уплываешь играя
Пеной на гребне волны

Волны катятся мерно
Плавится горизонт
Я на солнце сгорел наверно
Надо ползти под зонт

С неба упав Икаром
Крылья свои спалив
Стал я обычным кентавром
Собирателем спелых слив

Так хочется за наядой
В море на дно нырнуть
Но у кентавра с русалкой
Не может пересечься путь

Так и будут волны биться
Сладким горем в грудь мою
От невозможности нам слиться

О краткой встрече на краю

Анна Старко

Нові вірші

Базиліка

Це акт любові: незрівнянний світ
Зливається із мрією навіки.
Сто тисяч літ, і ще сто тисяч літ
Відвідаю подвір'я базиліки.

Священний дім, він сповнений чудес!
Тремтить вогонь, не досягає стелі.
Під час містерій і пасхальних мес –
Тебе торкнусь, немов живої скелі.

Я не зайду, ніколи не зайду
У пишну залу, створену богами.
Не зможу свічку ніжно-золоту
Тримати довго грішними руками.

Бо все святе збудоване давно,
Тепер крихке, бурштинове, таємне…
Як зіткане із пролісків рядно –
Для ельфів і метеликів тотемне.

Далекий шум біблійних сторінок
Я чую, наче шепіт між рядками.
…А постаті невизнаних жінок
Крокують храмом за чоловіками.

Вершник

Так рветься час, мов сойчине крило,
Минають дні у просторі вагону.
Ми їдемо з кордону до кордону,
Втрачаючи і зброю, і сідло.

Бо час – це вершник в золотавих латах,
Години-коні рвуться уперед.
Вони не знають упряжі карет,
Не сплять, не залишаються в кімнатах.

Мій вершнику, я втратила шолом,
Мій зброєносець вдома залишився.
…Хоч думаю, що час не закінчився,
Бо він пливе за тріснутим вікном.

Хвилина, день… немає вже різниці,
Секунди, перетворені на рік.
Мій вершнику, ти перший чоловік,
А не Адам у боговій столиці.

Ковтни води і хліб переломи,
Бо зараз, знай, епоха споживання.
Життя – не біг, скоріше мандрування,
З весни до мармурової зими.

Каракатиця

Чорнило каракатиці, напевно,
Ще має смак солоної води.
Малюєш ним скульптури і сади
(Які ховаєш у столі – даремно!).

Чорнило – дивовижна рідина,
Це вічна зброя в світі перемоги.
Його, напевно, вигадали боги,
Щоб написати власні імена.

Слова – ніщо. Допоки на папері
Не з'явиться прихований рядок.
Література – тільки склад думок,
Цінніший за паризькі галереї.

Всі прославляють воду і жнива,
Всі дихати не можуть без озону.
…Але чорнилу завдяки жива,
Яке належить нам та Посейдону.

Афіна

Під скандування натовпу кохатись,
Не помічати тріщину карнизу.
Насправді, катастрофа може статись,
Коли раптово опинюсь поблизу.

Закохувати місто – і країни,
Екстаз буття, рухомі постаменти.
Повір мені, залишені руїни –
Це найкращі в світі компліменти.

Покласти руки прямо на коліна,
Лягти у крісло, підібгавши ноги, –
Ти неймовірна, стримана, всесильна,
Отримай насолоду перемоги.

Усі світи подібні на малюнок,
Сховай його, мов клаптик, у кишені.
Земля тобі – весільний мій дарунок,
І сонця, мов обручки золочені.

* * *

Твої обійми пахнуть виноградом,
Гарячим і порослим на піску.
Який приносить восени туску,
Мені, яка опікується садом.

Твої обійми – вічний механізм,
Такий чудний, що варто закохатись
(Римується на слово «цілуватись»),
Твої обійми – справжній гедонізм.

Твої обійми, мов сторінки книги,
Відкриті обережно навмання.
Я – наче галасливе немовля,
Що раптом забуває власні крики

В твоїх обіймах. Хочеться сто літ
Чи марити, чи просто засипати.
І бачити смарагдові Карпати,
І думати про зовсім інший світ.

Искусство – жизнь – искусство

232 **Тамара Михайличенко**
Становление мастера

256 **Феликс Кохрихт**
Из гоголевской шинели…

261 **Инна Ищук**
Украинский сказочник

Памяти Олега Сташкевича
263 **Елена Каракина**
«Интервенция» Олега
269 **Юрий Хащеватский**
На смерть Олега Сташкевича

272 **Белла Кердман**
Утро дожития

281 **Виктория Коритнянская**
Икона, типография Фесенко, оккупация, Одесса…

290 **Валерий Романов**
Леонид Утесов в Эстонии

299 **Евгений Голубовский**
Гений здравого смысла

Тамара Михайличенко

Становление мастера

Одесса – совершенно другая планета – это отдельное государство, и едва ли не сформировавшаяся национальность.

Лев Межберг

По сохранявшимся советской властью имперским критериям Одесса была провинцией. Но во все времена, дистанцируясь от столиц – Москвы, Киева, – город-порт, открытый миру, сохранял собственный, совсем не провинциальный мир.

1933 год. В этом удивительном городе и родился художник Лев Леонидович Межберг «в ночь с 23 на 24 августа на улице Старо-Порто-Франковской». Сорок лет – первую половину жизни – он прожил в самом центре Одессы, недалеко от всемирно известной Дерибасовской улицы, «в доме Ландесмана». И адрес – улица Розы Люксембург, № 40 (прежде бывшая Полицейской, ныне Бунина), «против пожарной части» (она и сейчас там же) – вполне заслуживает мемориальной доски, памяти о талантливом одессите.

Даже к середине XX столетия в Одессе сохранялся дух вольного города, тонкими, но крепкими нитями связанного не только с прошлым, но и несмотря на все запреты, европейским настоящим. Здесь всегда было самостоятельное течение жизни, пропитанное духом свободы. Поэтому прекрасно чувствовавший эту малую родину Межберг всегда считал себя именно одесским художником.

Как известно, все мы родом из детства. Оно питает и греет нас всю взрослую жизнь, формирует личность, становясь фундаментом. Начало жизни Люсика – так по-одесски звали его всю жизнь –

было наполнено музыкой и театром, которыми жила семья. Межберг рассказывал, как родители, уходя, оставляли его, двух-трехлетнего малыша, одного в кроватке с альбомом, карандашами и старыми журналами. Устав, он мирно засыпал. А утром отец будил всех, играя на кларнете марши, которые маленький Люсик тут же воспроизводил. «В четыре года, – вспоминал он, – меня ставили на стул, и я пел арии и популярные песни, но особенно всем нравилось, когда я пел арию Гремина из «Евгения Онегина»: «Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну». Или «Смейся, паяц» Леонкавалло».

1936 г.

Музыкальное дарование ребенка было очевидно, и его показали знаменитому профессору Столярскому, который сказал, что «у этого мальчика незаурядные способности».

Так сложилось, что в Одессе древнейшая еврейская культура и еврейские традиции были сильны и никогда не прерывались. «Семья, особенно моя мама и ее окружение, поддерживали в детях еврейскую духовность. В нашем доме звучали еврейские народные и хасидские песни. В самые мрачные времена у нас на Песах всегда была маца».*

Вообще, «город был знаменит своей кухней… Сервировались два стола: один для взрослых и другой – сладкий – для детей. Тончайше на руках растягивалось тесто, из которого пекли малюсенькие тающие во рту пирожки, а на сладкое – вертуты с вишнями и абрикосами… Фаршировались перцы

* Тексты в кавычках без ссылок – авторства Л.Л. Межберга из разных источников.

и кабачки, приготовлялась знаменитая одесская икра из баклажанов. Но все-таки вершиной кулинарного искусства были торты и пирожные… Детишки получали к чаю на тарелочках, по крайней мере, по пяти кусков разного сладкого, и все превосходно съедалось: в Городе не любили худых детей». Это описание Александра Суконика, в квартире которого Межберг по дружбе расписал как-то целую стену сценами «с милыми приметами одесского быта: примусом, сковородками, скумбрией-качалочкой, табуретками…».

Такое безоблачное, беззаботно-праздничное детство оборвалось летом 1941 года. Началась война. Отец остался на обороне города, а «…я, брат и мама последним эшелоном выехали из Одессы. Начался настоящий ад: бомбежки, пулеметные очереди по вагонам, трупы расчлененные, черепа, окружение, лужи крови, крики». (Всю жизнь потом Лев не мог слышать даже упоминания об этих событиях, видеть фашистскую символику – накатывался ужас войны.) Чудом они выскочили из окружения; растерзанные, голодные, но живые добрались до Средней Азии, где их тоже никто не ждал. Выживать приходилось трудно, голод навсегда остался в памяти, как и тумаки с криками «жид!». Постепенно справились с болезнями, проблемами нового быта; Люсик немного выучил узбекский язык и пытался зарабатывать, продавая воду из арыков. И при этом «всю войну я рисовал на обрывках бумаги, как наши летчики сбивают фашистов, танковые и морские бои – это было мое детское участие в войне. У меня был мягкий карандаш «Руслан», и я очень страдал, когда он становился все меньше и меньше».

Старший брат Костя ушел на фронт и пропал без вести – «он никогда не вернулся». Мать Люсика горестно «складывала пепел горками по всему дому в знак надежды на его возвращение или, по крайней мере, для защиты его, где бы он ни находился». Возможно, поэтому пепел с каким-то горестным оттенком часто впоследствии присутствует в картинах художника. Годы спустя в память о пропавшем сыне они восстановили надгробие на чьей-то заброшенной могиле на Еврейском кладбище в Одессе, регулярно посещали ее, совершали все молитвы. «Такое не забывается», – вспоминал художник.

1944 год. После освобождения Одессы в город стали возвращаться эвакуированные жители, а с окончанием войны – фронтовики. Приехали в свою квартиру Межберги, и Люсика сразу записали в детскую художественную школу. Занятия проходили параллельно с обязательной общеобразовательной школой, где все были совершенно уверены, что он станет знаменитым, и называли его не иначе как «великий художник».

К этому же времени относятся первые известные живописные работы самого Межберга. «Масляными красками я начал писать картины, когда мне было двенадцать лет». В одной из наиболее ранних сохранившихся работ, картине «Горсад» (1947 г.), можно видеть хорошо усвоенные подростком навыки работы с таким непростым для его возраста материалом, как масло. Видно, что он справляется с ним, чувствует его живописные возможности: пластичность, цветовую насыщенность, плотность. Мазок подвижный, выразительный. Мальчик, несомненно, был способным, и работы юного художника посылали на республиканские

1947 г.

и всесоюзные конкурсы и слеты, где они получали первые места. Бывший одноклассник В. Фридман вспоминал: «Люсик с гордостью развернул газету «Пионерская правда», где была репродукция его работы «Одесский порт», занявшей первое место на всесоюзном конкурсе».

Наверное, в те же времена там же, в Горсаду, юный художник впервые увидел работавшего над пейзажем Владимира Михайловича Синицкого – изысканнейшего одесского колориста. Живопись Синицкого заворожила мальчика. «Конечно, всю следующую неделю я в школу не ходил, меня тянуло к этому тощему удаву… Цвет он ощущал божественно… при этом фантастически передавал тональность, плотность цвета, воздушную среду… рисовал точно, как это делали старики». Синицкий был учеником Костанди и продолжал традиции своего учителя. Он заметил мальчика, и Люсик «…однажды получил в подарок дореволюционные тюбики с красками. Я запомнил тюбик с краплаком». Такое трепетное отношение к материалам, к краскам Межберг сохранил на всю жизнь. Очень много лет спустя в одном из писем он напишет: «Это такое удовольствие – исследовать новые незнакомые краски! Когда я держу в руках новый тюбик, я всегда вспоминаю Т. Шевченко. Когда ему в ссылке разрешили рисовать и писать, он получил, наконец, краски и целовал каждый тюбик».

Но мальчик оставался жизнерадостным и контактным. Зарисовка того же друга детства: «В береточке, с мольбертом, «Великий» приходил погонять в футбол во дворе 92-й школы».

1950 год. С успехом окончив художественную школу, юный Межберг серьезно и осознанно начинал свою профессиональную жизнь – он поступал в художественное училище, расположенное с художественной школой в одном здании, специально построенном за полстолетия до этого. Но мир здесь был уже совсем другой – взрослый.

«Экзамены по специальности проходили в совершенно уникальных мастерских – просторных, с громадными окнами на северную сторону… А какие были разнообразные поступающие – от мальчиков четырнадцати лет до взрослых мужчин, прошедших войну; мелькали бушлаты, шинели, гимнастерки…

Я был беспечен, хотя мне еще нужно было сдать две переэкзаменовки в 92-й школе».

Его приняли. Начались занятия. В их группе оказались все взрослые – «великовозрастные демобилизованные военные», и трое подростков: два мальчика, Осик Островский и Люсик Межберг, и девочка – Томочка Шелюто. В училище Люсик из бывших двоечников стал отличником – взрослая часть группы была хорошим фоном, да и дисциплинировала, хотя подраться он тоже успевал. Работали самозабвенно: «Заканчивались занятия, мы хватали этюдники, дальше – на трамвай и в Аркадию. У нас не было воскресенья, мы только фанатично работали… Возвращались с этюдов и сразу – вечерний рисунок… Во время рисования в мастерских была идеальная тишина, ее нарушал только шорох карандашей… Необычайное ощущение полного счастья». Тогда же, с первых дней в училище, началась дружба с Осиком (Иосифом) Островским – дружба длиною в жизнь.

Состав преподавателей училища, когда учился Межберг, был довольно разнообразный и сильный. Оставались художники, прошедшие академическую школу и готовые вписаться в жестко рождавшийся единственный советский стиль – соцреализм. Как показало время, это не убило огромный творческий потенциал, которым всегда была богата Одесса. Через много лет уже зрелым человеком, сам став известным художником и зная мир, Межберг дал высокую оценку своим наставникам: «Нам повезло, что нас учили выдающиеся художники. Им удалось сохранить атмосферу настоящего искусства».

Педагоги в группах менялись. Начинал Межберг у Николая Андреевича Шелюто, одаренного романтического пейзажиста, о котором он написал позднее: «Он мог бы достичь в пейзажной живописи вершин Клода Лорена, Коро, но на несчастье, на вершину его зрелости легла война».

У Дины Михайловны Фруминой Межберг проучился совсем недолго, «но духовно я считаю ее своим учителем… Она, как никто другой, уча профессиональному мастерству… учила видеть, что в конечном счете холст – это явление духовное, главное – это человеческие чувства, дыхание жизни». Среди

1953 г. Л. Межберг и И. Островский

ее учеников художники разных направлений. Сама очень тонкий живописец, Фрумина – нечастый пример талантливого педагога: мягкая, крайне деликатная в наставлениях студентам, она имела крепкий внутренний стержень. И много лет спустя уже от взрослых людей приходилось слышать: «Я у нее не учился, но на многих из нас она оказала сильное влияние». В училище были хорошо известны твердые моральные принципы этой «женщины необычайной красоты… стройной с лицом греческой богини».

1953 год. Конец октября. Вопреки существовавшей возможности отсрочки Межберга забрали в армию, о чем он с не утихшей горечью вспоминал через много лет.

Челябинск. Три года его «армейских университетов» оказались очень нелегкими, пригодились крепкие кулаки и умение драться. Он хорошо врезал солдату, который называл его жидом. За это ему сделали «темную». «Не знаю, как выжил!» Заступился за него предводитель одесситов – настоящий богатырь… За репродукцию картины Тициана «Венера» отправили «на всю осень и зиму в стройбат, где мы жили в палатках, строили аэродром; я должен был вырыть в вечно мерзлой земле канаву размером 80 см в глубину и 6 метров в длину. У меня ничего не получалось, и солдаты мне помогли, ибо за невыполнение нормы наказывали. С окончанием рабочего дня я хватал этюдник и убегал на болото писать закат, и солдаты меня прозвали Лёвка-ветерок».

Тогда на Урале он впервые участвовал в выставке. В частной коллекции удалось найти пейзаж того времени с темным лесом, стеной стоящим на пригорке вдоль берега серебристой реки.

1955 г.

1954 год. Началом «оттепели» стала открытая весной в Москве Первая выставка работ молодых художников. Именно молодежь начинает вырабатывать новые тенденции в тематике и эмоциональном строе искусства. Это время рождения хрущевок, которые тогда стали прорывом на фоне послевоенной разрухи и переполненных коммунальных квартир. Сегодня растворилось грандиозное значение этого плана, дававшего людям отдельную, пусть маленькую, но самостоятельную квартиру. Появление целых районов новостроек повлекло за собой развитие прикладных и монументальных искусств.

Одесса, город научный и производственно-технический, становилась центром морского туризма. Праздником для всего города в те годы бывало возвращение с промысла новой крупнейшей в мире китобойной флотилии. Единственное в Украине, второе в Союзе, театрально-художественное техническое училище выпустило первых специалистов. Вступила в строй построенная до войны (1939 г.) и сожженная оккупантами музыкальная школа им. П.С. Столярского. Вскоре начал работать Одесский телецентр.

1956 год. Нам никогда и представить не удастся, каким радостным было для Люсика возвращение в родную Одессу после трех лет службы. Уже очень повзрослевший, другой человек приехал в родной город. Да и объективная реальность становилась иной, мир вокруг преображался; в стране происходили грандиозные изменения.

В том же году после XX съезда КПСС опубликовано постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий». Смерть И.В. Сталина за три года до этого воспринималась

населением как трагедия, поэтому новые решения партии стали потрясением для старшего поколения и надеждой для молодежи. Это рождало большое напряжение в обществе. Начался процесс реабилитации и освобождения политических заключенных.

1957 год. В июле-августе в Москве проходил Международный фестиваль молодежи и студентов. Грандиозное событие декларировало мировой общественности начало новой политики государства, открытость Советского Союза миру. Впервые на несколько лет легально приподнят железный информационный занавес. В Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве открылась выставка работ, где были представлены все направления, вплоть до абстракционизма. Многие делегаты фестиваля ехали в Москву морем, через Одессу. А после окончания молодые посланцы почти из тридцати стран гостили в Одессе.

В этом же году в Москве прошел Всесоюзный съезд художников. «Оттепель» конца 1950-х оглушила проходившими в столице выставками современного искусства, новыми именами в литературе, поэзии, шумными диспутами.

Такие диспуты были и в Одессе. Проходили они в политехническом институте, находившемся неподалеку от художественного училища, при огромном стечении молодежи, живо интересовавшейся всем новым и неведомым. В своих воспоминаниях инициатор и один из организаторов акций Евгений Михайлович Голубовский, в то время студент политеха, выразительно описывает эти события пятьдесят шестого года: «Время «оттепели» после XX съезда. Мы ничего не боимся, мы даже тогда не понимали, что еще можно чего-нибудь бояться. Постепенно созрел план провести в политехническом институте вечер, посвященный современному искусству». Фрумина также сделала тогда доклад и чуть не поплатилась за это. А студенту Голубовскому, как и остальным участникам всех этих событий, вообще едва не поломали жизнь: их исключили из комсомола (!). «Нашим делом занялся КГБ… и мы будем исключены из института».* И только поездка в Москву, и целая цепь неслучайных встреч с участием известнейших людей самого высокого уровня погасили скандал.

* Голубовский Е.М. Глядя с Большой Арнаутской. – Одесса, 2016, с. 46.

1958 год. Яркой, сильной, красивой картиной завершил Лев Межберг обучение в художественном училище. Доучившись два курса после армии, он написал диплом – большую сложную композицию с названием «Одесса. 1917 год». В работе он выразительно и эмоционально передал атмосферу своего времени – надежду и ожидание изменений, умело скрыв всё за событиями революции. Практически «оттепель» тоже была революцией, духовным освобождением, необходимость которого особенно остро ощущала интеллигенция, молодежь и, конечно, люди искусства.

Решение дипломной темы просто и выразительно. Весенние улицы Одессы, легко узнаваемые по архитектуре, заполнены многолюдным шествием. На переднем плане несколько выразительных фигур, собирательных образов. Время действия определено экипажем с запряженной лошадью – начало XX века. Без них все изображение вполне можно было бы считать современным. Традиционное в картинах такой тематики обильное присутствие красного у Межберга предельно ограничено небольшим флагом в руках рабочего на первом плане и несколькими мелкими точками в толпе. Автор умело расставляет акценты, передавая внутреннюю настроенность, единодушие порыва большой массы людей. Неслучаен и весенний день – символ обновления, начала чего-то нового. Мастерски скомпонованы и написаны многолюдная демонстрация, деревья, строения под ярко-голубым небом. Все залито теплым весенним солнцем. А легкая свободная живопись произведения прекрасно передает состояние самого автора, выразительно выплеснувшееся на холст. И отныне эмоциональность, душевный настрой самого художника станут неотъемлемой составляющей его произведений.

1960 год. Через год с небольшим после окончания училища, сделав предварительно недолгую выставку работ, Лев Межберг стал членом Одесской организации Союза художников. Как вспоминала искусствовед В. Голубовская, «в самом конце пятидесятых годов – первая персональная выставка Люсика Межберга на Большой Арнаутской (тогдашней Чкалова) угол Белинского – в Доме художников, в маленьком выставочном зале. В политическом климате «оттепель». А на картинах Люсика – воздушных, залитых светом, солнцем, впитавших уроки импрессионистов

и южнорусской школы, – вибрирует, трепещет, переливается сочными мазками, тончайшими цветовыми нюансами одесская весна, одесское лето!».

Сам по себе факт уникальный – столь быстрая реакция творческого союза, но, вероятно, причина в том, что на протяжении уже нескольких лет все наблюдали яркий, активно развивающийся талант трудолюбивого юноши.

Чтобы понимать важность этого события, представлять жизнь и творческие возможности художника в Советском Союзе, нужно понимать ту вертикаль, которая к этому времени сложилась, достаточно четко.

Союз художников (СХ) – хорошо организованная производственно-творческая единственная структура государственного масштаба с подразделениями. Одесская организация СХ имела много необходимых производственных цехов, которые были объединены в Художественный фонд. Именно он давал членам организации стабильный заработок, находя заказы в госучреждениях на территории всей страны, вплоть до Дальнего Востока. Сам СХ занимался более организационными вопросами: выставками, мастерскими для своих членов. Вступить в союз стремились все художники. Кроме необходимой материальной базы именно СХ, организуя выставки, способствовал приобретению картин Министерством культуры и другими официальными организациями.

Положение художника в такой ситуации хорошо описал прекрасный живописец Валентин Владимирович Филипенко: «…художник вынужден был растраиваться – писать на три направления, решать три задачи. У нас были заказные работы, те, что мы писали для Худфонда. Специальная живопись писалась на выставку… И только творческие оставляли пространство для развития собственной стилистики».*

Выразительна в этом смысле заказная, чисто фондовская работа Межберга «Ленин у Смольного с большевиками». Лаконична плакатная композиции с вождем, группой «солдат революции», огромными развевающимися знаменами на фоне Смольного. Простой, как лозунг, визуальный рассказ, соответст-

* Филиппенко В.В. Жизнь художника, рассказанная им самим. – Одесса: Галерея «Мост», 2014, с. 26.

вующий государственной политике. И никаких композиционных и живописных сложностей, никакой авторской стилистики, непонятной простому зрителю. Такова была официальная задача для художника.

Выставочные варианты при несколько большей живописной свободе тоже были ориентированы на даты событий государственного масштаба, тематики выставок, список которых объявлялся заранее. Здесь «…поощрялась творческая активность, но в рамках реалистических форм, абстракция не допускалась… Да и обнаженную модель на выставку нельзя было представить» (Филипенко).** Выставки бывали трех уровней: областные – в Одессе, республиканские – в Киеве, и всесоюзные – в Москве с собственными выставкомами. Чтобы попасть на самый высокий уровень, всесоюзный, нужно было пройти три выставкома, и только тогда работа могла оказаться на стене одного из московских выставочных залов.

Межберг сам, минуя все выставкомы, вез свои работы в Москву, где живописность, колорит одесситов были хорошо известны. Их встречали приветливо, работам находили место в экспозиции. Очень выразительно описывает Геннадий Иосифович Малышев, другой ученик Фруминой, показ своих работ выставкому в Москве в 1956 году. «Стал я показывать этюды, вот тут они не выдержали, многие вскочили с мест, закидали меня вопросами: кто, где, как, откуда, у кого учился… Дина Михайловна, у меня взяли 10 этюдов, на них это подействовало так, как будто ветер свежий ворвался в их зал… Ребята говорят, что в МОСХе это редкое явление, что так бурно проходил просмотр моих этюдов».***

Вообще, и в выставочных работах живописные качества играли второстепенную роль, главной была тематика: рассказ о современных и исторических событиях. На этом фоне произведения Межберга, выделяясь гармонией сюжета с живописно-стилистическим решением, всегда имели ощутимое эмоциональное наполнение. И они пользовались успехом, получали награды, их закупали с огромных выставок, представлявших творчество

** Там же.
*** Архив Д.М. Фруминой.

художников всей страны. Так произведения попадали и в музейные коллекции.

С годами у Льва развивается способность своеобразной организации картинной плоскости для большей ее выразительности. И появляются очень неожиданные произведения, где, как писал журналист, «мы знакомимся с работами художника, идущего по пути усложнения своей живописной манеры, говорящего во многом языком условности, требующим от зрителя определенной настройки» (Лисаковский).* Такая открытость, обращенность к зрителю, готовому напрячься, чтобы воспринять его непростое искусство, становятся впоследствии характерными для Межберга.

Запуск Советским Союзом первого в мире спутника Земли, выход первого человека в космос рождают волну новых тем в искусстве. У Межберга такой стала картина «Мужество» (1968-69 г.). Но какой необычный ракурс избрал автор! Перед нами спины двух плотных темных фигур в скафандрах, летящих к серебристой Земле, на которой строения, заводские трубы, море. Это не высокий горизонт. Земля – фон всей композиции, где зритель находится над парашютистами, еще дальше от поверхности Земли, выше. Захватывает дух, глядя на летящих парашютистов. Человек в глубине высокого бездонного неба над планетой Земля. И поневоле возникает не только ощущение парения вместе с ними, но наступает осознание зрителем планетарного масштаба существования человека – Земля наш дом.

Живописное решение направлено на усиление общего впечатления, концентрацию внимания на главном. Поэтому все написано сдержанно, обобщенно, без ненужной отвлекающей детализации и цветовой яркости. В искусстве не много найдется работ столь динамичных и эффектных, не теряющих со временем своей энергетики.

В мае 1961 года опубликован указ о «тунеядстве». (В марте 1964 г. по нему осудят поэта И. Бродского в Ленинграде и сошлют на два года под Архангельск.)

---

* Лисаковский. «Художник и настроение» // «Знамя коммунизма», № 29 (6953), 1967, 10 февр.аля

В ночь на 13 августа того же года поперек Берлина начали сооружать бетонную стену. Прозрачная до тех пор внутри германская граница была жестко закрыта.

Осенью на съезде партии объявлено, что через двадцать лет «нынешнее поколение будет жить при коммунизме». Именно для этого нужно очистить страну от «чуждых, нетрудовых», не годных для коммунизма элементов.

Молодежный журнал «Юность», активнее многих воплотивший субкультуру «оттепели», опубликовал роман Василия Аксенова «Звездный билет». Реакция была громкой и противоречивой. С одной стороны, журнал читали, он был нарасхват, а с другой – главным героям было поставлено клеймо «золотушной молодежи»: «Молодежь не может быть главной».

1962 год выдался нелегким в жизни страны. Летом поднялись цены на продукты питания и были расстреляны восставшие рабочие в Новочеркасске. Осенью в связи с размещением советского ядерного оружия на Кубе мир оказался на грани войны.

А для искусства страны в определении дальнейших путей его развития год оказался не просто важным – кардинальным. Прежние идеологические критерии не были отменены, но «оттепельное» движение сопротивлялось, становилось все активнее. Смысл его был именно в освобождении от политики, завоевании автономии для культуры, где доминирование метода соцреализма отходит в прошлое.

В ноябре в журнале «Новый мир» опубликована повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Напряженное солженицынское письмо резко прорывало рамки советского «реализма».

А в это же время, 4 ноября, в Москве в Манеже открылась огромная выставка, которую условно связали с тридцатилетием Московской организации Союза художников, но практически было показано изобразительное искусство всей страны. Устроители находили работы, затерянные в запасниках музеев, у наследников, друзей покойных и полузабытых художников. Получился смотр истории всего советского искусства, начиная с 1920-30-х годов. В результате «живописный отдел выставки демонстрировал гораздо более широкие взгляды на наше искусство, чем залы

Третьяковской галереи».* Выставка восполняла утрату живописной культуры, которая в произведениях многих художников последних лет игнорировалась в угоду содержанию. Было впечатление, что с цензурой покончено.

Зрителей было много, вскоре отметили стотысячного посетителя. О выставке говорили как о наиболее значительном и особом явлении в художественной жизни страны. Стало очевидно, что естественный процесс развития искусства был намеренно прерван в 30-е годы, когда для простоты восприятия профессиональные задачи практически исчезли. Начались профессиональные обсуждения. И вновь – слишком самостоятельны «молодые». А им было уже за тридцать, и становление их произошло на фоне «оттепели». Вот почему защитникам привычных путей, консерваторам, нужно было основательно дискредитировать выставку.

1 декабря 1962 года Хрущев со свитой приехал в Манеж искать «праведных и грешных», а, как он сказал, «в вопросах искусства я – сталинист». Как и положено в духе советского руководства, в нем была совершенная уверенность, что высокий пост дает ему формальное право быть верховным судьей, в частности, в вопросах искусства, а уровень понимания значения не имеет.

Скандал, который устроил Хрущев в Манеже, тяжело отразился на всей культурной жизни страны. Ошеломленные художники, уходя, ожидали увидеть у выхода еще хорошо памятных «черных воронов», увозивших в неизвестность; некоторые, придя домой, начали собирать чемоданы, ожидая ареста. Даже скульптор Эрнст Неизвестный, единственный, кто заговорил с премьером на равных, был потом испуган и ждал ареста. (Впоследствии на могиле Хрущева установили надгробие, сделанное Неизвестным.)

Тональность посещения Хрущевым выставки превратила художественную экспозицию в событие сугубо политическое. Вопросами развития искусства, эстетического воспитания трудящихся, осознавая его важность, теперь должны заниматься органы – партийные и комсомольские. А выражение «абстрактное искусство» перестает в данных обстоятельствах обозначать творческое направление и становится опасным политическим

* Герчук Ю.Я. «Кровоизлияние в МОСХ», или Хрущев в Манеже». – М., Новое литературное обозрение, 2008, с. 116.

ярлыком. В «абстракционисты» будут с этих пор записывать всех художников по причине неблагонадежности авторов, а работы будут отвергать не глядя.

Дело, естественно, не ограничивалось только Москвой, начались собрания художественной интеллигенции в разных городах страны. Вдобавок ко всему все это привело к расчленению всего тогдашнего современного искусства страны на официально разрешенное и подпольное, так называемый художественный «андеграунд».

Время 1950-60-х годов стало временем спортивного взрыва в стране, что нашло отражение и в изобразительном искусстве. Спортивный мир с детства был близок Межбергу, поэтому он не единожды обращался к нему в своем творчестве. В частной коллекции в Одессе хранится левая часть триптиха «Велосипедисты» под названием «Велотрек» (1963 г.). Жесткость живописи и резкость колорита, присущие суровому стилю 60-х, – влияние его на автора. Здесь, оттолкнувшись от реального пейзажа, художник выстроил собственную композиционную схему, даже слегка нарушив пропорции. Такой прием – акцентирования и условности – в художественном произведении конкретнее раскрывает тему, в данном случае передает неповторимую атмосферу летнего дня в приморском городе. Межберг изобразил все с высоты птичьего полета: дома вокруг чаши велотрека, еще находившегося в то время недалеко от моря, машины, вертолет. «А скульптура микеланджеловского Давида на первом плане – символ красоты и силы города и его спортсменов», как точно отметил журналист в статье с символическим названием «Ищи!», посвященной автору.** (Редкий случай в советской прессе – статья о творчестве молодого художника.) Замыкает всю картину очень тонкая полоска моря вдали, за домами. Густая тень строений контрастом усиливает яркую солнечность дня, подчеркивая прозрачность воздуха и придавая светоносность всей работе. Ощущение радости простого летнего дня у моря – главная тема картины. И в этой эмоциональности особенность творчества не только Межберга, но и вообще одесских художников, которые, в отличие от художников столичных, оптимистичней в своих работах, светлей. Они

** Воротняк Т. «Шукай! Портрети молодих» // Комсомольська іскра, 1964 р.

практически не касались политических тем, что стало особенно очевидно впоследствии.

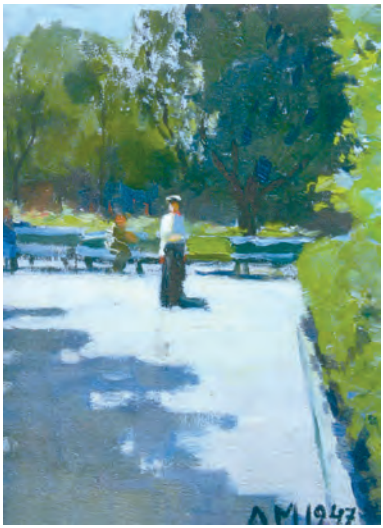
Межберг активно участвовал в выставочной жизни, настойчиво и успешно вписываясь в официальную схему. Он осознавал, что это единственный для него путь к свободному творчеству.

1966 г.

На всесоюзной выставке «Физкультура и спорт в изобразительном искусстве» в Москве в 1963 году Межберг был награжден дипломом, подписанным первым секретарем СХ СССР С.В. Герасимовым. Это было очень большим достижением для тридцатилетнего художника. Позднее еще дважды, в 1965 и 1967 годах, он получал поощрения как от коллег, так и от Маршала Советского Союза А. Гречко. Сегодня трудно понять смысл и оценить такие знаки внимания и поощрения, но в той жизни они имели огромное значение. Так в 1967 году после большой групповой выставки, проехавшей по нескольким странам Европы, знакомя с советским искусством, Лев Межберг был назван шестым номером в числе лучших молодых художников Советского Союза. Это ставило его в ряд художников высокого официально признанного уровня.

При этом нельзя не отметить, что, активно участвуя в многочисленных выставках, Межберг представлял произведения исключительно нейтральные – пейзажи, натюрморты, портреты: «Основной темой моих работ были детские переживания, связанные с войной, мой родной город».

В поездках Межберга в Москву кроме выставочной была и еще более важная составляющая – шел процесс творческого развития художника.



1947 г. «Горсад»

1949 г. «Перекресток»

1950 г. «Дом Ландесмана»

1959 г. «Натюрморт с подушкой»

1959 г. «Гаванная улица»

1960-е гг. «Лодки на берегу»

1968-69 гг. «Мужество»

1963 г. «Велотрек»

Активный и любознательный, Лев посещал музеи, знакомился с работами как русского, так и западноевропейского искусства, попадал на большие столичные выставки. Он вспоминал: «Впервые я увидел французов после армии, когда мне было двадцать три года». Впоследствии в подарок себе ко дню рождения Лев сделал хорошую копию известной картины Марке «Мост Сен-Мишель в Париже». Он очень ценил ее, и она висела у него в Карраре.

В середине 60-х Межберг женился на скрипачке Асе, и в 1966-м у них родился сын Андрюша, а в творчестве, естественно, появилась большая, очень обильная нежная и теплая тема: материнство, сын, живописные сцены с друзьями на даче. Вот эту маленькую дачку у моря, «бунгало», затерявшееся среди зелени станций Большого Фонтана, где прошли первые счастливые годы семейной жизни, вспоминал Межберг через много лет: «В жизни настало тихое время».

1967 год начался для Межберга большой персональной выставкой в дворцовых залах Одесского музея западного и восточного искусства. Союз художников, как отмечалось, предоставил ему почетное право первым открыть серию персональных выставок юбилейного года (пятидесятилетие советской власти). Выставка стала большим событием в культурной жизни города и признанием высокого профессионального авторитета молодого художника. Именно этим можно объяснить тот факт, что пресса, очень редко писавшая о культуре, посвятила выставке и персонально художнику две статьи – после вернисажа и после обсуждения на закрытии.

Из статей мы узнаём, что семь картин (явно значительных) не попали в экспозицию, а отправлены на выставку в Москву; нет тут и работ, уже хранящихся в музеях. Но это не снизило общий уровень экспозиции.

Тема «Материнство», только появившаяся тогда у него в работах, расширяла эмоционально-образное направление всего творчества, убедительно доказывая: «Писать настроение он умеет. А это едва ли не самое трудное» (Лисаковский).* Художник создает

* Лисаковский. «Художник и настроение» // Знамя коммунизма, № 29 (6953), 1967, 10 февраля.

свою авторскую стилистику, где важна не только натура – объект изображения, но и то внутреннее эмоциональное состояние, которое для него самого стало стимулом к творчеству.

Главное место на персональной выставке, конечно, заняли две большие живописные серии, появившиеся после двух поездок – в небольшое селение Вилково под Одессой и в Среднюю Азию. Со временем стало очевидно важное этапное значение работ этих серий и для всего творчества художника.

Живописные пейзажи старинного селения на воде в устье Дуная дали уникальный материал художнику, сумевшему создать прочувствованные, удивительные по композиции и письму произведения, где центром внимания становится вода: живописнейшие ерики, каналы, разливы реки. Как настоящий человек моря он чувствовал водную стихию, и она у него словно живая – то плавно расстилается, то мчится бурным потоком, унося упрямые лодочки.

Еще более значительной для творчества Межберга оказалась поездка в Среднюю Азию в 1965 году. Результат – несколько десятков холстов: Хорезм, Самарканд, Бухара, Хива, ансамбли Шахи-Зинда, Гур-Эмир. Несомненно, в этом существенную роль сыграла его педагог и друг Дина Михайловна Фрумина, которая рассказывала студентам о своих незабываемых впечатлениях от этих мест. В тяжелейшие военные годы, заканчивая в эвакуации в Самарканде Киевский художественный институт, увидела она взглядом художника и навсегда запомнила изысканный колорит, неповторимую живописность экзотической природы Востока. (Ее воспоминания привели на несколько лет в Самарканд еще одного ее талантливого ученика – Станислава Сычёва.)

Лев вспоминал, вернувшись из Средней Азии: «Такое разнообразие цветов, тонов и оттенков, такая их сложная гамма… Кажется, что земля светится… Там я обогатил свою палитру». Впоследствии, уже в мастерской, на основании многочисленных натурных этюдов, убирая мелкое и незначительное, освобождаясь от пейзажных и бытовых деталей, создает художник большие композиции. Нет здесь привычной зрителю восточной пестроты. Главное – традиционная архитектура, хранящая память прошедших столетий, дух прошлого, некогда грандиозного

и могущественного. Через выразительную геометрию хорошо узнаваемых сооружений на полотнах создается обобщенный образ древней величественной цивилизации. Изображения приобретают монументальную значительность, поддержанную монохромным неярким колоритом. Рождается образ загадочного Востока.

Межберг написал большое количество работ этой серии, композиционная найденность которых в сочетании с живописной цельностью и образной выразительностью ставит их, без преувеличения, в ряд первоклассных произведений искусства мирового уровня.

Также на выставке художник показал много графики, исполненной в непростой технике офорта, требующей усидчивости и большой тщательности. Лев усовершенствовал эту технологию травления металла, когда после училища работал в офортном цеху.

Вообще, далеко не каждый художник даже более зрелого возраста мог бы продемонстрировать такое разнообразие и столь высокий уровень творческих достижений, какие были показаны Межбергом на персональной выставке. Пресса сделала важный вывод: «Мы имеем мастера, который уже полностью определился».*

В мае того же юбилейного 1967 года в Одессе произошла, наверное, первая в стране громко прозвучавшая выставка-протест «Сычик + Хрущик». Два молодых признанных всеми талантливых художника, не члены СХ Станислав Сычев и Валентин Хрущ, взбунтовались. Их работы не приняли на выставку, посвященную Дню Победы. И они повесили их в самом центре города, в парке Пале-Рояль на заборе закрытого на ремонт оперного театра. Выставка провисела несколько часов. Ничего ни крамольного, ни политического в работах не было, но резонанс был. В тех условиях, чтобы решиться на подобную акцию, нужно было иметь незаурядную внутреннюю силу. Последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

Конец 1960-х. «Оттепель» завершалась, уступая место новой волне запретов. Интеллигенция иногда еще пыталась разговаривать свободнее, настойчиво формируя автономную культурную среду – литературный подпольный самиздат, художественный

* Там же.

«андеграунд». Происходило расчленение всего тогдашнего современного искусства страны на официально разрешенное и запрещенное, где отход от принципов соцреализма мог расцениваться как преступление против общества. Ситуация обострялась, что привело впоследствии к трагическим результатам в Ленинграде, Киеве.

В Одессе происходили те же процессы, хотя атмосфера была гораздо миролюбивее. Студенты живописного отделения художественного училища составили независимую группу, назвав себя «нонконформисты». Для них это был путь к свободе с максимальной возможностью реализации собственного творческого потенциала, единственной возможностью проявления неповторимости творческой личности. Отсюда у одесских художников разнообразие манер, приемов, стилистик. «...Появилась группа молодых художников: Басанец, Ануфриев, Стрельников, Цюпко, Шопин, Черешня, Витя Маринюк и Людочка Ястреб, я их очень нежно любил и ценил как художников. Людочка умерла. Ребята ревели там, а я здесь, уже в Америке».

1969 г.

Такой пример внутренней свободы молодых художников, существовавших параллельно с официальной линией, манил и старших. Они, в основном члены СХ, с интересом присматривались к происходящим процессам, ощущали заманчивость свободного творчества. Участвовать не решались, но в работах некоторых из них появлялась новая стилистика. Вообще, «в Одессе были удивительные отношения между художниками, все радовались, если кто-нибудь напишет хорошую работу, и сразу гурьбой валили в мастерскую, домой или на чердак, или в подвал».

То, что у Межберга с одесскими художниками были дружеские отношения, – это естественно, но при этом он, часто бывая в столице, общался и с московским неофициальным миром профессионалов, что пригодилось впоследствии. Здесь очень важен и тот факт, что Лев никогда нигде ни в каких оппозиционных квартирных выставках не участвовал – это было принципиально и недопустимо при той официальной линии, которую художник избрал. И он не нарушал ее. При этом сам он не мог не ощущать возраставшее напряжение, не мог не видеть ужесточающуюся цензуру. И это несмотря на собственные успехи.

В **1971 году** (11 августа) в Москве, в небольшом зале СХ на Кузнецком мосту проходила выставка «Художники Одессы», демонстрировавшая работы пятнадцати наиболее значительных живописцев и скульпторов города. Как вспоминает скульптор А.В. Князик, один из ее участников, «возможность выставки возникла спонтанно по чьей-то личной договоренности, поэтому успели сделать только пригласительные билеты со списком участников».

А через три года решили напечатать и небольшой буклет – все-таки место выставки значительное, но в нем присутствует только четырнадцать авторов, нет уже уехавшего Межберга. Поэтому узнать, что там было представлено из его работ, сегодня не представляется возможным.

Но можно предположить, что на выставку для показа на небольшой и очень престижной площадке в центре столицы художник наверняка дал наиболее значительные, по его мнению, работы – среднеазиатские. Он не учел, что к монументальным, лишенным бытовизма величественным композициям без труда

можно было приложить смертельный в тех условиях ярлык – «абстракция». Хотя абстракцией они, конечно, не являются. Но климат столицы с его советским имперским сознанием, рождавшим подобные установки, сильно отличался от одесского, где, реагируя, всегда тихо сохраняли и щадили настоящее творчество. И с большой долей уверенности можно опять-таки предположить, что после показа работ именно на этой выставке Межбергу было прямо сказано с антисемитским дополнением, что «следующая твоя выставка будет посмертной». Эти слова он вспоминал в интервью в первые годы жизни в Штатах. «Моя студия в Одессе села на живописную мель», и все хорошо налаженные контакты с главным центром страны рушились, а за ними и вся схема жизни, сложенная немалыми усилиями. Да и самому Межбергу, что очевидно, к этому времени явно становилось тесно в жестких рамках условностей и требований, предъявляемых выставкомами всех уровней.

А в конце того же семьдесят первого – акция в Одессе. Пять художников, один из них член Союза, развесили в зале СХ выставку, сделали афиши и позвали зрителей. Но выставку быстро закрыли. После долгих обсуждений только через три месяца правление Одесской организации СХ вынесло постановление. В нем значилось, что нужно было «…творческий отчет провести на живописной секции без показа работ широкой общественности», что «…авторы самовольно занялись рекламой «выставки», разместив красочные самодельные афиши…».* Нелепость такого вывода даже комментировать нет смысла, можно только отметить активность участников, сделавших в тех сложных условиях «красочные самодельные афиши» и самостоятельно их распространивших.

В 1971 году из Ленинграда со скандалом выслали художника Михаила Шемякина.

В 1972 началась волна отъездов в Израиль. В июне в числе первых был выслан тоже из Ленинграда по «израильской визе» лишенный советского гражданства поэт Иосиф Бродский. Началась трудная, мучительная, намеренно унизительно организованная для отъезжающих миграция. Она нарастала с годами, раз-

* Дмитренко А.Н. Союз художников Одессы. – Стрый: Укрпол, 2013, с. 185.

рывая по живому человеческие жизни и судьбы – расставались навсегда. В **1973**, в самом конце марта, и Межберги навсегда покинули Одессу. «Островский плакал на перроне, провожая меня в эмиграцию».

Характерно, что только через три месяца, 27 июня, СХ официально постановил, что «в связи с выездом на постоянное место жительства в Государство Израиль художник-живописец Л.Л. Межберг исключен из состава членов Союза художников СССР по Одесской организации Союза художников Украинской ССР».** В Одессе всё было гораздо лояльнее и терпимее, чем в других местах.

А жизнь продолжалась, открывались границы – и начались отъезды навсегда на поиски удачи. Молодое поколение приживалось во многих странах мира, сохраняя в памяти неповторимый город, создавший их: «Может, поэтому мы, одесситы, и селимся на Брайтон-Бич: это и у моря, и на несколько миль ближе к Одессе, чем Манхэттен», – размышлял Межберг впоследствии.

Вы знаете, что сейчас, если кто уезжает из Одессы, в ОВИРе дают медаль «За освобождение Одессы».

Одесский юмор

** Там же, с. 190.

Феликс Кохрихт

Из гоголевской шинели…

Александр Дорошенко
Бедный кролик
Одесса, Optimum, 2023

Фраза эта – из крылатых: она уже много лет определяет родовые и видовые свойства и особенности творчества, да и натуры отечественных писателей высокого толка, начиная с первых десятилетий XIX века и заканчивая… А заканчивается ли вообще эта линия, и есть ли у нее достойные адепты в наше время? Эта тема, на мой взгляд, достойна особого обсуждения. И оно, полагаю, уже идет. Считается, что этот мем о шинели произнес Федор Достоевский, но точных подтверждений этому нет: есть общественный договор – для нашего разговора этого достаточно.

Прежде чем мы, как говорится, перейдем на личность автора рецензируемой книги, позволю себе уточнить (для молодых читателей): Достоевский имел в виду не военную шинель (тут

уместны были бы офицеры-фронтовики Михаил Лермонтов и Лев Толстой), а форменную верхнюю одежду чиновного люда. Применительно к Гоголю, к его герою – петербургскому титулярному советнику Акакию Акакиевичу Башмачкину. Его размеренная жизнь пошла кувырком и привела к трагическим событиям – вплоть до перемены участи: вознамерившись построить себе новую шинель взамен поизносившейся, он в силу обстоятельств стал привидением и обитателем мира иного, где уже к тому времени обретались Вий, Панночка, Солоха с Бесом да и Пацюк с его летающими варениками, не говоря уже о безымянных мертвецах, до сих пор пугающих всех, кто, как и я (в свое время), после «Вечеров на хуторе близ Диканьки» натыкается на «Страшную месть»…

Жаль, что не привелось поговорить об этом с Сашей Дорошенко, скажем, в одной из программ телепроекта «Диалоги на Нежинской». И вот приходится обращаться к тексту его новой – последней в жизни книги. Она сейчас взята мною на прочет у вдовы Александра Викторовича и будет ей возвращена – тираж небольшой, а армия читателей книг писателя и ученого Дорошенко велика…

Десятки томов его сочинений (и это не считая книг по специальности доктора технических наук): серии и циклы по истории Одессы, иудаизма, нового искусства – поступали к редакторам и издателям (и здесь первенство – у одесского «Оптимума») готовыми к верстке и печати. Он сам составлял макет, подбирал иллюстрации и размещал их на страницах. Каждой главе, да и главке предшествуют эпиграфы и заставки… Так же тщательно он подготовил и повесть «Бедный Кролик. Веселая кладбищенская история». Я мог бы ограничиться этим – цитатами из любимых и почитаемых автором (да и мною) писателей, поэтов, художников, мыслителей, и может быть, избавил бы себя от пересказа событий, которые мой товарищ Саша либо пережил, либо придумал, – и неизвестно, что необычнее, печальнее: обыденное страшное или одновременно романтически возвышенное…

Первая глава. Эпиграфы «Сон разума рождает чудовищ», дон Франциско Гойя, «Капричос». И тут же – стихотворение Николая Заболоцкого, первые строки которого знают многие: «Меркнут знаки зодиака над просторами полей. Спит животное Собака, дремлет птица Воробей…». Но все ли читали его полностью –

довольно длинное, где есть и «Все смешалось в общем танце. И летят во все концы гамадрилы и британцы, ведьмы, блохи, мертвецы». Эти персонажи населяют страницы книги, и верный друг Саши – мальчика с Молдаванки – овчар Рекс, и ведьмы, и мертвецы, и, разумеется блохи…

Саша не простил бы мне попытки пересказать содержание книги. Полагаю, он и сам, давая интервью по случае выхода книги, не стал бы этого делать. Сегодня на страницах альманаха скажу лишь вот что. Эту историю не следует читать и закоренелым безбожникам, и истово верующим, и высокомерным снобам, и легковерным простакам, и трусоватым, и храбрецам. Чувствительным – можно.

Есть несколько пластов этой, по определению автора, «веселой кладбищенской истории». Можно сопутствовать пацану с Молдаванки в его странствиях по этому району Одессы, где улицы и переулки во время послевоенного Сашиного детства населяли биндюжники и преподаватели вузов, в смешанной семье которых он родился и вырос… Можно представить себе, что смотришь голливудскую сентиментальную историю о том, как мальчик с собакой помог несчастным влюбленным соединиться после смерти и обрести покой в склепе, где мерцает зеленый цвет. Или ужастик с зомби и вампирами, среди которых – сам Дракула. Можно погрузиться в атмосферу Одессы начала XX века: побывать на балу во дворце князей Гагариных и пойти после этого на экскурсию в литмузей. Погрустить у дома Ноли (Ришельевская угол Большой Арнаутской), где в одной из глав красавица Ведьма навещает свою гимназическую подругу, дожившую до наших дней…

Все они – и пара разлученных влюбленных, и ведьма Сестричка, и Дракула – надеются на то, что Мальчик с Молдаванки отыщет среди ныне живых волшебное кольцо. Каждый имеет свой большой интерес.

Среди них странным и доселе непонятным образом оказался и я. Коротко. Основной страдающий благородный герой печальной истории о влюбленных является Саше в облике говорящего Облачка, прячущегося среди ночных кладбищенских деревьев. Автор так представляет его: «Бедный Кролик (Феликс, он же Облачко) – между душами и и телами…». Казалось бы, простое сов-

падение, но дальше выясняется, что в начале XX века по пути на бал, где собирался сделать предложение невесте, молодой офицер зашел в лавку Антиквара-Ювелира и был очарован старинным кольцом… Напрасно старый (древний) еврей отговаривал его, как бы зная о том, что кольцо это приносит несчастье… Так и случилось. Во дворце погибла невеста, а затем зловещий Незнакомец (Дракула!) убил на дуэли юношу, который и нынче есть Феликс-Облачко, и просит Сашу о помощи: если он обретет это кольцо, то наденет его на палец невесте, более века нетленно ожидающей его в склепе, и они наконец воссоединятся и успокоятся…

Но ведь и прадед мой, в описываемое время пожилой еврей Исаак Кохрихт, был известным ювелиром, и магазин его находился по дороге на Ланжероновскую – в доме Вагнера, что на углу Дерибасовской и Екатерининской… Перед первой мировой войной его с почестями похоронили напротив, на Первом Еврейском кладбище, которого давно уже нет…

Перечитывая эти заметки, скажу, что более всего меня интересует. 1. Когда Саша нарек Кролика Феликсом – до или после нашего знакомства. 2. Когда он начал писать эту книгу, которую я не могу читать без грусти и печали…

И еще – из Пушкина, куда же мне без него? В расцвете лет поэт написал: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть, и равнодушная природа красою вечною сиять…».

«Над вымыслом слезами обольюсь…» Он же, «Элегия».

И – *я так и знал, что Саша ответит на мой вопрос: «Где и когда?»*.

Уже закончив эти заметки, готовясь поставить подпись, в очередной раз закрыл книгу и *впервые* увидел на титульном листе: Одесса. 2005-2011. 2014.

Вот так Саша – в который раз – напомнил, что книги нужно читать внимательно, все страницы и строки. Но может быть, это его очередной фирменный конспирологический ход…

Важно и знаменательно: в эти годы Александр Викторович Дорошенко – писатель, историк, ученый, завкафедрой в холодильном институте – был в расцвете сил и таланта, именно тогда вышли десятки его книг, которые нынче – на Золотой одесской

(и не только) полке. Последним при жизни стал в 2021 году объемистый том «Отпусти мой народ» – о трагедии Холокоста. Жанр этой книги автор определил так: «поэма»… И в это же время начиналась и развивалась повесть о Мальчике и Собаке, привидениях и родном городе.

В завершение – фрагменты из предисловия автора этой повести, адресованного «*Всем любящим и любимым*»:

«Когда-нибудь, я знаю, находившись и устав, я остановлюсь отдохнуть где-нибудь на углу, там, например, где соединяются проливы Берингов с Босфором, напротив Кубы, остановлюсь, достану сигарету, увижу вдруг, как из-за угла, ускоряясь, стремительно выскочит и бросится ко мне мой верный, когда-то потерянный пес. Мой родной и любимый. И я с разбега уткнусь головой ему в густую шерсть… И слезы нашей радости смешаются… Уже скоро, вот-вот. Еще чуть подождать – и мы найдемся. Любимые не теряются, и пролитые слезы не бывают напрасны».

Александр Викторович Дорошенко скончался после тяжелой болезни 8 апреля 2022 года. «Бедного Кролика» вдова писателя Галина Борисовна нашла в его компьютере – подготовленным к печати.

Инна Ищук

Украинский сказочник

Прошло почти два года, как Одесса простилась с детским писателем, великим придумщиком и фантазером, добрым и заботливым человеком, лауреатом Всеукраинской премии им. Т.Г. Шевченко Владимиром Рутковским. Последние его годы мы шагали рядом с ним, и очень часто в ногу. Он нас многому научил на литературном поприще, открыл детские издательства Украины, секреты творчества и продвижения. И вдохновив нас на создание пяти сборников одесской детской литературы и своих повестей и стихов, ушел…

Мы не верили в это месяц, два, полгода. А потом поняли, что нужно продолжать его дело, и начали собирать воспоминания о нем его друзей, родственников, коллег, с кем он тоже шагал в ногу. В основу книги памяти «Володимир Рутківський у житті та культурі України» легла публикация Алексея Надэмлинского, которую он собирал к юбилею мэтра, опрашивая писателей. От нее и оттолкнулись. Свои воспоминания нам прислали его друг детский писатель Анатолий Качан, много лет возглавлявший Всеукраинскую детскую

организацию, главный специалист-библиограф Национальной детской библиотеки им. Вернадского Наталя Марченко. Мы опросили детских писателей, журналистов, библиотекарей, которые общались с ним и рассказали много забавных и поучительных историй. Ведь свой день он начинал с шутки, чего бы ему это ни стоило.

Во всех походах и выступлениях его всегда сопровождала его муза Людмила Дмитриевна, которая много раз спасала его за сорок лет совместной жизни. Внук Костя помог с изданием книги. В редактуре большую помощь оказала его мама Аня Рутковская. Детская писательница Елена Карачевская написала стихотворение о Владимире Григорьевиче и так же, как и мы, поддержала выход книги.

13 декабря в библиотеке-филиале № 21 ЦБС для детей г. Одессы в рамках заседания литхаба «Импульс» состоялась первая презентация книги памяти «Володимир Рутківський у житті та культурі України». 2022 год ЦБС для детей г. Одессы посвятила ему – знаменитому украинскому сказочнику, автору повестей, которыми зачитываются дети и взрослые. Теплые добрые слова о Владимире Рутковском сказали писатели, художники, музыканты, библиотекари, сотрудничавшие с ним. Звучали стихи и песни автора. Ансамбль преподавателей музыкальной школы № 13 «Эпос» представил музыкальную композицию по произведениям Рутковского «Обрій».

А как нас ждали с этой книгой в столице Украины! И в мае 2023 года мы презентовали книгу памяти в Национальном музее литературы в Киеве. И снова говорили о нем писатели, художники, редакторы. Его слово звучало в исполнении руководителя театра «Балаганчик» Надежды Хохловой, которая сделала несколько передач со своими воспитанниками по его произведениям И продолжает популяризировать его творчество.

А 18 апреля 2023 года с ЦБС для детей г. Одессы и секцией детской литературы одесской организации НСПУ мы впервые провели конкурс декламации и импровизации «Голоса», посвященный Владимиру Рутковскому. Дети читали его стихи, инсценировали его произведения, играли с его персонажами. И каждый участник получил новую книгу его детских стихов «Доброго ранку, сонце», которую мы собрали и издали. Мы снова услышали его в стихах, фрагментах из повестей, рассказах. И снова почувствовали свет и тепло этого солнечного мастера детской литературы.

Памяти Олега Сташкевича

Недавно почти одновременно нас покинули друзья и авторы альманаха – Елена Каракина и Олег Сташкевич. В память о них публикуем очерк Елены Каракиной о театре Олега Сташкевича.

Елена Каракина

«Интервенция» Олега

Очень полезно гулять по Приморскому бульвару. Место это заповедное: там можно повстречаться с кем угодно – и с хулиганом, и со знаменитостью, и с собственной судьбой. Или просто нарваться на неизвестного, но любопытного собеседника. Именно это с нами и произошло. Это был, если я не ошибаюсь, 1984 год. Мы репетировали спектакль по «Интервенции» Льва Славина. Мы – это театральная студия, которой руководил Олег Сташкевич. Студия обреталась при Клубе работников торговли (Екатерининская угол

Елена Каракина

Театрального переулка), в подвальчике с маленькой, но уютной сценой. Там когда-то, в начале двадцатых годов, был театр «КРОТ» (Конфрерия рыцарей острого театра). Там ставились пьесы Веры Инбер: «Ад в раю», «Шахматы», «Карты»; режиссером был В. Типот, будущий автор «Свадьбы в Малиновке» и «Вольного ветра». Работником сцены театра «КРОТ» была Люся Гинзбург, впоследствии – литературовед и доктор филологических наук, на подмостках театра блистала начинающая актриса Рина Зеленая, а музыкальное оформление обеспечивал своей скрипочкой юный Давид, в просторечии Додик, Ойстрах. Вот какая сцена досталась в наследство театру-студии Олега Сташкевича после того, как его, измученного ссорами с администрацией Дворца студентов, приютил у себя тогдашний директор клуба А. Виноградский. Сцене надо было соответствовать. Вот поэтому в один прекрасный день, вняв советам Бори Владимирского, тогда – старшего научного сотрудника Одесского литературного музея, он решил поставить «Интервенцию» Льва Исаевича Славина.

Стоит заметить, что тогда при каждом мало-мальски уважающем себя клубе была драматическая студия. Назывался весь этот театр уничижительным словом «самодеятельность» и зачастую таковым и являлся. Подавляющим большинством «самодеятельных» артистов были женщины разных возрастов, которых в клубы гнала как минимум жажда общения, как максимум – тоска по настоящей театральной карьере и смутная надежда найти спутника жизни. Я буду последней, кто станет кидать камни в дам, руководствовавшихся подобными мотивами. Я сама такая. Только мне невероятно повезло. Я попала в студию к настоящему профессиональному и очень талантливому режиссеру. И если обычно в самодеятельности женский контингент превалировал над мужским точь-в-точь по песенке «восемь девок, один я», то в студии Сташкевича недостатка представителей сильного пола не ощущалось. Значит, кандидатов на мужские роли хватало. Хороших и разных. Потому что в руках Сташкевича все становились профессионалами. Он умел подбирать людей к ролям. Это был один из секретов его (и нашего общего) успеха. Вот он и смог позволить себе поставить известную пьесу известного драматурга. Нашумевшую пьесу с драматической судьбой.

Краткая справка из картотеки ОГЛМ: Славин Лев Исаевич (Ицкович) (1896-1984) – русский советский писатель. Родился и жил в Одессе: 1896-1924 гг. Приезды: 1926, 1927, 1940, 1945, 1971 гг. Адреса: Франца Меринга (Нежинская), 16, – мемориальная доска; «Коллектив поэтов». Об Одессе – роман «Наследник», пьеса «Интервенция», очерки, статьи.

В прошлом году исполнилось сто лет со дня рождения писателя. Он вошел в «одесскую» обойму в первую очередь как драматург. Если самая известная пьеса одесской школы – «Закат» Исаака Бабеля, то вторая по популярности, несомненно, «Интервенция». И хотя Валентин Катаев в «Алмазном венце» дает Славину псевдоним Наследник, вкладывая в это слово и название романа, и то, что Лев Исаевич как бы принял эстафету авангарда Одессы двадцатых годов, все же для многих, и, пожалуй, справедливо, Славин остается автором «Интервенции». Пьеса очень сценична. В ней

Режиссер и его актеры

Олег и Борис Владимирский

масса выигрышных ролей. Ее очень любили режиссеры. И тем не менее какой-то злой рок преследовал ее. От раза к разу постановки «Интервенции», в том числе и одесские, появлялись, шли с аншлагами и очень быстро прикрывались начальством.

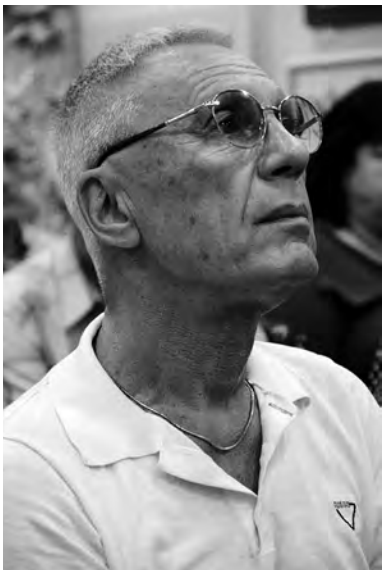
Казалось бы, Славин написал пьесу о том, как умные, благородные, самоотверженные большевики наставляют на путь истинный французских солдат и матросов. Да здравствует победа социалистической революции! Причем никаких антисоветских подтекстов автор в пьесу не вкладывал. Шутите вы, что ли, – 1933 год! Какие там подтексты, какое инакомыслие! Но уж вышло так, что в пьесе слишком много Одессы. Слишком много правды, а значит – поводов для размышлений. Почему плохой перепев «Интервенции» – оперетта «На рассвете» – годами не сходила с афиш Одесского театра музкомедии, а «Интервенцию» запрещали от раза к разу? Может, из-за первой авторской ремарки: «Бульвар. Весна. Лестница в порт. Множество нарядной публики». И ремарка задает тон всей пьесе: весна и Одесса – вот символ веры Славина.

Половина участников Иностранной коллегии была расстреляна деникинской контрразведкой: Жанна Лябурб и Смирнов-Ласточкин, ставшие прототипами центральных персонажей пьесы – Жанны Барбье и Воронова-Бродского, – сложили свои головы за дело, которое считали правым. Но в 1933 году еще были живы Соколовская (в пьесе – Орловская) и Гамарник. Через несколько лет они будут расстреляны сталинским режимом. Мог ли предвидеть это Славин? Наверное, мог. Он был умным, тонко чувст-

вующим человеком и талантливым писателем. Поэтому пьеса при всем внешнем блеске, остроумии, «шампанской» легкости глубоко трагична. По сути, это пьеса о гибели старой Одессы. О смерти шутя – наверное, тоже один из символов веры Славина, более того, одна из важнейших примет одесской литературной школы. Заметьте, что речь идет не о чьей-то гибели – о своей. И так горько в финале звучат реплики оставшихся в живых: «Мы вернемся, мы вернемся», – когда совершенно ясно, что возврата нет и быть не может. И даже последняя «бодрая сцена», когда три бывших французских солдата «поднимаются по лестнице в советский город», не снимает ощущения трагизма, а усиливает его.

Жанр романтической трагикомедии позволил Льву Исаевичу создать очень точную по настроению и атмосфере, что ли, картинку города, которого уже не было. И выписать точные многоплановые яркие красочные характеры. Конечно, такая пьеса не нужна была выхолощенной советской драматургии. Конечно, ее нельзя было не снимать с театральных репертуаров. Но с другой стороны – Лев Славин, признанный советский драматург, классик советской литературы… Вот пьесу и печатали, вот и Сташкевичу позволили поставить ее в первой половине восьмидесятых.

И когда мы ее репетировали, буквально из стен стали появляться приметы времени. На Екатерининской, в двух шагах от нашего подвальчика, на подоконнике разглядели золоченую мраморную надпись «Аптека Розецнвейга». Батюшки-светы, да это та самая, в которой Женя Ксидиас просил яду, «легкого, как поцелуй сестры», а аптекарь переживал, почему он не умер в 1916 году! Но окончательно нас доконал Приморский бульвар (на котором, собственно, разворачивается значительная часть действия). Мы с Диной Белой (мадам Ксидиас) сидели на скамейке рядом с пожилой женщиной. Ей хотелось с кем-нибудь поговорить, и она обратилась к нам с такой речью: «А я помню, как здесь ходили зуавы. На них были такие береты с перьями». Мы подскочили, как током ударенные. Клянусь, она сама завела этот разговор. Это уже потом мы дотошно выспрашивали, понравились ли ей французы – эти «бальзаки, флоберы, мопассаны». Оказывается, не понравились. Все черные, все смуглые, так и норовят что-нибудь



Взгляд на сцену

стащить. В общем, информации мы получили ноль, зато эмоций масса. Что, собственно, и требовалось для сценической жизни спектакля.

Только была эта жизнь коротка. Первое представление дали в мае. Цвела акация. Все точно по ремаркам пьесы да по словам Бродского (Эдик Маркович): «Какая весна, товарищи! Какое небо!». И мы расшалились в текстах пьесы, еще бы – произнести в 1985-м со сцены такое: «В советской России? Мне смешно, рабочие. Там народ разбежался. Взорвали Кремль. Поезда ходят на конной тяге. Вот он чихнул – я говорю правду!». Динка-Ксидиас обращалась к бастующим: «Рабочие! Вас опять обманули, как в 1917 году!». А ей в ответ матрос-большевик (Сережка Каракин, на которого мы с трудом натянули матросскую форменку, предварительно разорвав ее по боковым швам, – такой он тогда был толстый) рявкал: «Нам не надо, чтобы нас хвалили! Нам надо, чтобы нам платили! Рабочие голодуют!». А слова полковника контрразведки (Валерий Сторчак), которому Женя Ксидиас пришел продавать Бродского: «Какие мучения! Это литература, молодой человек. Это гиньоль. Это фантазия обывателей. Контрразведка – это чистенькая комфортабельная комната, вроде канцелярии, там сидит чиновник с высшим образованием и вежливо разговаривает…».

Да, подвел нас под монастырь Лев Исаевич. И Олег Сташкевич попал-таки в эту «чистенькую комфортабельную комнату», где с ним беседовал «человек с высшим образованием»: «А почему это у вас революционные матросы такие толстые? А почему Жанна так кокетлива? А почему Бродский так много шутит?

А что это вы себе позволяете, товарищ, пока еще товарищ, Сташкевич? Вон, товарища Виноградского мы уже предупредили…». В общем, печально закончился наш весенний праздник «Интервенции». Когда вышел фильм Г. Полоки (кстати, Славину фильм категорически не понравился, но как человек творческий и глубоко интеллигентный, он отстаивал ленту в самых высоких инстанциях, вплоть до ЦК КПСС. Не помогло, фильм пролежал на полке двадцать лет. Ходили слухи, что его смыли раз и навсегда. По счастью, фильм уцелел, и мы увидели его), так вот, когда фильм «Интервенция» с Высоцким, Юрским, Золотухиным, Аросевой вышел на экраны, мы увидели – он сделан в том же ключе, что и наш спектакль. По словам Фильки-анархиста: «Революция тебя надула. Контрреволюция тебя надула». Только в нашем спектакле было больше Одессы и весны – все-таки играли в нем очень молодые одесситы.

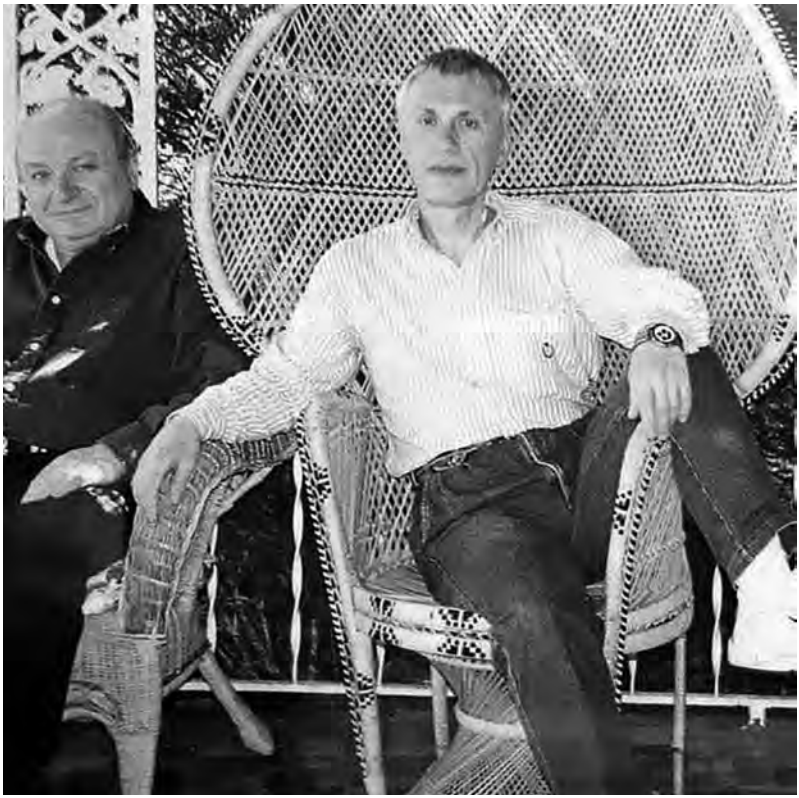
Увы, спектакль – не фильм. И его больше никто никогда не увидит. Москва, Нью-Йорк, Иерусалим – поразъехалась, поразбежалась труппа моего любимого театра. А те, кто остался, больше на сцене не играют. Да впрочем, и какие там спектакли в наше время! Вот и к столетию Славина не дают «Интервенцию» на одесских подмостках. Ну что ж, сегодня не дали, но пьеса-то все равно чертовски хороша. И, как всякое большое произведение искусства, современна. «Какая весна, товарищи, какое небо!» Мы еще увидим вашу «Интервенцию», Лев Исаевич! А может, и Олег Сташкевич вернется к старой работе…

Юрий Хащеватский

На смерть Олега Сташкевича

Я всегда его буду помнить таким, каким впервые увидел: в 66-м году на одной из репетиций КВН. Я тогда был известным драчуном и всех, кто нежданно появлялся в круге моего внимания, оценивал с точки зрения «а не пора ли дать ему в морду?».

Невероятно, но он почувствовал эти мои гамлетовские сомнения, улыбнулся и представился: «Олег!».



Рядом и вместе

Я понял, что никакой опасности он из себя не представлял. А зря…

Именно он через два года – в 68-м – показал мне прекрасно изданную книгу Людвика Ашкенази «Черная шкатулка». Эта книга настолько меня поразила, что я поставил в институте вечер, где со сцены неслось:

> Больше всего на свете люди обожают играть в шарики –
> Глиняные, оловянные, стеклянные, серебряные…

…ну и так далее – очень антивоенные стихи. После вечера меня вызвали в деканат, где я узнал о событиях в Чехословакии, о танках и о том, что Людвиг Ашкенази предатель, потому что эмигрировал. И поскольку из института за эту «провокацию» меня отчислили, то получилось, что я у Олега оказался политическим крестником.

А он стал одним их моих крестных – опять-таки политических.

Жизнь нас разбросала, мы не виделись десятилетиями – однажды только коротко встретились в Чикаго – но это скорее исключение, повезло! Однако приветы друг другу передавали регулярно.

И вот я узнаю о том, что Олега больше нет.

И тогда я злюсь: как это нет? Нет нашей юности? Нет стихов? Нет наших друзей и подружек? Неужели уходит с концами наше время?

А он вдруг как из воздуха возникает передо мной – он теперь это умеет, он уже в другой лиге! – короче, появляется ниоткуда со своей ироничной улыбкой и говорит:

– Ты думаешь, что наше время уходит? Фигня это все! Это не время уходит, это уходит наше поколение, уходим мы. А время остается! И мы остаемся в нем – и стихи, и друзья-подружки, и наша любимая музыка: Вивальди, Моцарт, Стравинский – все остается в нем, во времени. Потому что это время *наше*!

Белла Кердман

Утро дожития

Какова она, плата за долголетие?

У каждого этот период жизни проходит по-своему – дело, естественно, индивидуальное. Я о себе. Начало, видимо, в генетике: в роду у нас долгожители, что явно способствовало моему почти беспроблемному существованию до девяноста. К врачам обращаюсь редко, медицинских статей не читаю. Лекарства – да, принимаю, и уколы делаю. Трижды попадала в больницу: с переломами запястий обеих рук и с гипертоническими кризами.

При почти исправной голове сейчас, на пороге девяностопятилетия, угнетает обида. На кого, на что? Не знаю. Помню слова Черчилля – мол, это плата за долголетие. Никому не удается прожить до столь «взрослого», как называют с некоторых пор в Израиле старость, возраста, и уйти без болей. Между прочим, щадящее «уход» вместо безнадежного «смерть» также относительно новый эвфемизм. Один из наших хостельян, мой земляк Костя говорит: «Это мы в гостях, а они, ушедшие, дома». Знаю, что в моем возрасте жаловаться на дискомфорт, на боли – грех. Слава Богу, что я сейчас проживаю в прекрасном хостеле, а не в своей «самостоятельной», как говорят в Одессе, трехкомнатной квартире. И что не получила здесь социальную «амидаровскую».

Но вот перестали слушаться ноги. То и дело боли в сердце, хотя давно поставленный врачами диагноз «мерцательная аритмия» долго считала романтической придумкой – мол, надо же записать в «историю болезни», коль это медицинское досье положено завести на каждого пациента.

Мой папа говорил: «Как может болеть сердце? Там нечему болеть – это просто мышца». Потом выяснилось, что он перенес

инфаркт на ногах. Мы в семье поняли, когда: на плече поднял на третий этаж в нашу коммуналку холодильник, привезенный из Москвы. Оставшись сиротой в подростковом возрасте после петлюровского погрома, он много и тяжело работал всю жизнь. Один содержал семью: меня с сестрой и маму, которая до войны не работала. Он был умным и скептичным человеком. Газету «Правда» покупал ежедневно: он умел ее читать между строк. Особенно его там забавлял частый штамп: «как известно…». Кому известно, почему известно? Перед нами, детьми, родители со своими друзьями обо всем говорили открыто, никогда не предупреждая, что во дворе этого повторять не следует. Впрочем, в нашем одесском дворе дети не обсуждали такие вещи, хотя все мы знали, у кого маму или папу, а то и обоих родителей «забрали».

Мой папа, специалист по профилям металла, ушел с завода на пенсию, как только подошел официальный срок: чтобы навестить в уже существующем Израиле сестричку, младшего ребенка из большой погибшей в 1918 году в погроме еврейской семьи. Ее, в ту пору двухмесячную, пырнул казак ножом в животик, но девочка выжила благодаря тугому свивальнику. Ее удочерила родная тетка и увезла в Палестину. В шестнадцать лет девочке-сироте рассказали правду о семье и сообщили, что в Одессе живет ее родной брат. Впрочем, о Ривке я уже писала.

Ко времени папиного визита она тоже стала пенсионеркой. И прислала ему визу. Но в Одессе оформить разрешение на выезд отказались. Пришлось ехать в Москву. Там «вошли в положение». Сев в нашем порту на теплоход рейсом на Хайфу, отец отправился на два месяца за границу, впервые в жизни. И… угодил как раз в Шестидневную войну. Как мы дома переживали! Сейчас уже можно пером описать, даже с юмором.

Вот мой личный эпизод тех дней. Обком комсомола формирует группу солистов для участия в международном певческом конкурсе в Варшаве. Меня, завотделом вузов и школ молодежной газеты, включают для освещения этого события. Однако в обкоме партии проявили бдительность: сообщили молодым товарищам, в каком жутком месте находится в данный момент мой отец. Официально же передо мной извинились – мол, участие журналистов не предусмотрено. Но комсомольская начальница по-свойски

шепнула правду. И тут… в республиканской конторе Союза журналистов появилась «горящая» путевка в наш международный профессиональный дом отдыха на Балатоне. Дефицитнейшая. И ее выделяют мне. Причем пересылают сразу в обком комсомола, чтобы быстрее оформили в партийной инстанции. И там, уже в другом отделе, бдительность не проявили: товарищ подмахнул нужную бумагу, и я отправилась в Венгрию. Уже тогда, значит, в совке правая рука не знала, что делает левая.

Папа, вернувшись, продолжил служить своему заводу сельхозмашиностроения – внештатно, и мы, обе дочери, оставались на своих рабочих местах. Он не произносил популярную тогда среди евреев фразу: «Надо ехать». Как я поняла, во-первых, не желая обременять собой, пенсионером, бедную страну. Во-вторых, мы с сестрой, как он сказал Ривке (это я уже от нее узнала), здесь не нужны: старшая, то есть я – профессионал ненавистной ему брехливой прессы, младшая – специалист по измерительным приборам, которые в Израиле неизвестно когда появятся. На вопрос интересующихся евреев: «Как там?» – отвечал однозначно: «Как везде – есть бедные, есть богатые». Видимо, с него взяли подписку.

Короче, никто из нашей семьи менять ПМЖ не собирался. Я по-прежнему много работала. Больше меня по Одесской области (между прочим, самой большой в Украине) никто не ездил. Честно сказать, мне это было по-настоящему интересно. В то время журналиста мало где уже принимали всерьез: в совке стали понимать, что мы придерживаемся дозволенного. Но у меня были наработаны доверительные связи в среде ученых и специалистов сельскохозяйственной отрасли, так что недозволенную информацию могла добывать и пробивать к публикации.

Но вот заболели родители. На меня кроме ухода за ними свалилась вся работа по дому. А тут Ривка решила познакомиться с нами и прислала приглашение сестре, а затем и мне. Мы съездили в Израиль. Она – в восемьдесят девятом, я – в девяностом. Понравилось. Но об исходе не думали. Вернулись в Одессу, к привычной своей жизни. И вдруг вслед за своей подругой переметнулись в Еврейскую страну дочь и зять сестры с восьмилетним сыном и поселились в кибуце, где живут и работают по сей день.

Спустя год уехали туда же сестра с мужем. Оставшись одна, покинула Одессу и я – в 1994 году, в пенсионном возрасте. Меня уже не «прорабатывали» на собрании, а достойно проводили из кабинета редактора. Квартиру я приватизировала и продала.

Однако же я – о дожитии. Оно пришлось на двадцать восьмой год ПМЖ в Израиле. При ясной почти голове, как сказано выше,

при щадящей уже профессиональной нагрузке – одна статья в месяц. Но при ограниченной возможности самообслуживания. Проявляя беспечность по отношению к предстоящему «времени дожития», я не завела закрытого счета в банке, в чулок ничего не сложила. Как быть теперь? Переселяться в «Дом отцов», как буквально переводится с иврита «Бейт авот»?

Моя племянница, кибуцница Рита, человек искренний и бескорыстный, решительно сказала: «Это не для тебя! Там будет второй человек в комнате, неизвестно кто. Там у тебя не будет компьютера – не сможешь работать. И как тебе тамошняя еда, нельзя знать». Сев со мной рядышком, она просчитала мои доходы-расходы и пришла к выводу: продержимся с помощью нанятых частным путем метаплот. «А вообще-то, в твоем возрасте при твоем сейчас состоянии здоровья тебе, вероятно, положена добавка часов обслуги от «Битуах леуми». Займемся проверкой».

Зять моей племянницы, главный врач-радиолог крупного медицинского подразделения, шутит: мол, счастлив тот, у кого срок дожития совпал с «Альцгеймером». Такой человек себе существует в состоянии огурца, ни приближения ухода, ни его неизбежности не осознавая. А сохранная голова, которую все мы считаем великим благом, непременно доставляет страдания.

Да, могу уже подтвердить! Пережила несколько микроинсультов. Вдруг пропавшая речь восстанавливалась, но страх остался: в очередном кроссворде вспоминаются не все слова. Недавно два дня не могла вспомнить «кентавра»! При больших перепадах давления первым делом проверяю речь. Зеленую кнопку службы «Натали», бесплатной «скорой», не нажимаю: имею опыт – могут продержать в приемном покое больницы в ожидании места в палате до трех ночи. И Рита будет сидеть рядом, не уйдет, пока меня не пристроит. А ей утром на работу. Иногда оставляют в покое на ночь. Она уезжает домой, а я до утра мучаюсь при полном свете, при чьих-то стонах, а утром могут, измерив давление и дав ту же таблетку, что у меня есть, отправить домой. И придется ждать санитара, который свез бы в кресле к выходу из больницы, а там диспетчер поможет вызвать такси, и ты поедешь к себе в хостел. Выспаться хотя бы. Вот почему я стараюсь теперь справляться сама.

Сегодня по возрасту я среди населения хостела третья. Но справляюсь с физической нагрузкой хуже мужчины, который старше меня примерно на год, и девяностодевятилетней женщины. Он по утрам и вечерам ходит по территории нашего дома, только недавно стал опираться на палку. А она вышагивает немеряные расстояния в ночном безлюдье; абсолютно потеряла слух, но принципиально не пользуется аппаратом для его усиления, высокомерно предпочитая, чтобы каждый стремился до нее докричаться и внять ее ответу. Правда, ни тот, ни другая интернетом не владеет.

Наверное, я ленива. Я не делаю рекомендованных интернетом упражнений «для укрепления организма». Возможно, слишком рациональна: рекламное обещание диеты, убирающей диабет за одну неделю, даже не открываю.

Стала труслива, что ли: любое нарушение распорядка в доме, пустяковая поломка вызывает во мне панический дискомфорт, даже страх, часто бессонницу.

Мне уже мало кто и мало что интересно. Я по-прежнему встаю в 7:15 утра, прослушав перед тем по радио последние известия, а в восемь, минута в минуту, придет моя метапелет, она же – главная, а часто и единственная моя собеседница на текущий день. На удачу, с ней можно говорить на равных: у нее питерское высшее образование и воспитание интеллигентной семьи. Она всегда одета не нарядно и не убого, есть у меня для этого точное слово: уместно. Быстро ходит по нашему поселку пешком, держится ровно и выглядит много моложе своего пенсионного уже возраста. Не скажешь, что она родила трех детей и теперь несет серьезную бытовую нагрузку. Мне все хочется задать ей вопрос: «Вам еще интересно жить?». Или так спросить: «Что вам сейчас интересно?».

Для меня возраст дожития все чаще главным предъявляет примитивное пожелание: чтобы не болело! Я знаю, что боли – одно из непременных условий «взрослости», то есть банальной старости. А я к боли нетерпима. И никогда не старалась выглядеть моложе, если для этого требовалось хоть малейшее болевое усилие. Как только ортопед сказал, что можно заказать палку, я тут же отправилась в специальный магазин и его совету последовала.

Эту палку то и дело забывала и теряла, особенно когда попадала за границу – довольно исправно, ходила без нее. Но с ней все же было легче. И я за ней всегда возвращалась.

Сейчас не делаю шага без алихона. Просто уже не могу. У меня их два – один для улицы, второй для дома. «Улица» – громко сказано: это дойти по своему третьему этажу до лифта, съехать в холл и, толкнув дверь дома, пройти пять-шесть шагов до ближайшей скамьи. Там посидеть часок, если погода позволяет. А если выдержат ноги, обойти небольшую клумбу раз-другой.

Серьезное испытание: сижу перед раскрытыми дверцами шкафа, четырехдверного, почти во всю двухметровую стену, и высотой под потолок. Мы с метапелет перекладываем вещи – достаем зимние, а летние складываем в чемоданы, которые она потом ставит на самые верхние полки. (На днях прочитала в интернете хохму: мол, похолодало, израильтянам пора доставать зимние сандалии, зимние майки и шорты.) Я впервые решаю грустную задачу: у меня много вещей, в том числе совсем новых, ненадеванных, которые мне, не выходящей из дома, надеть уже не придется – некуда. Мой гардероб подлежит прореживанию до минимума.

И вот метапелет держит передо мной на плечиках блузку, и я должна сказать, оставляем или убираем. Решать надо быстро,

я не могу ее долго занимать этой работой, в доме немало других дел. Наконец шкаф почти пуст. Один чемодан, куда складывала обычно одежду, освобожден. Второй и сумка едва заполнены. Поплакать бы, но не умею.

Одеваться я любила всегда. И, как выражались в Одессе, «понимала на вещи». Мой путь из дома в редакцию одно время лежал через центр, так что, возвращаясь с работы, я могла посетить три комиссионных магазина, что и делала. Продавщицы меня знали, позволяли зайти за прилавок, посмотреть товар. Если что-то хотела купить, но не хватало денег, откладывали до завтра. Если находила нечто для приятельниц или сотрудниц, тоже просила отложить и подсказывала женщине – мол, сходи и посмотри.

Были походы на знаменитый одесский Толчок, о котором знала вся страна, каждый турист или курортник непременно знакомился с этой достопримечательностью. Там был целый городок с палатками и прилавками, даже улицы были проложены и получили названия. Это место называлось также «7-й километр» – по расстоянию от черты города. Или территории пригородного колхоза, на которой она размещалась? Много лет председателем того колхоза был Виля Добрянский, мой многолетний знакомый – со времени, когда я заведовала отделом учащейся молодежи, а он был студентом сельхозинститута. Однажды у меня на толкучке из кармана вытащили деньги. Виля как раз туда заехал, и я ему пожаловалась. Он кого-то куда-то послал, к нему подвели цыгана, тот нырнул в толпу и вскоре вернулся с моим – именно моим! – кошельком.

Импортный дефицит в Одессу доставляли моряки загранплавания, «челноки», освоившие регулярные рейсы в Турцию, которая, кто помнит, одела все мужское население Советов в добротные дешевые свитера из какого-то эрзаца. Турецкий челночный бизнес, пролегавший через наш порт, первыми освоили поляки. Одна молодая женщина из Варшавы, знакомая моей приятельницы, за счет этого бизнеса купила две квартиры – себе и матери! Был еще «посылочный» импорт, из западных стран, где у кое-кого из одесситов нашлись родственники, что в послесталинские годы можно было не скрывать. Но такие вещи на толкучку не попадали – их приносили в дома доверенные спекулянтки. У меня такая была.

Эх, куда меня занесло! И это я еще сократила занос. Сейчас прочитала в и-мейл «полезный совет»: если чувствуешь себя усталой, не перегружай голову. Это как? Вы умеете приказать себе не мыслить и такой приказ выполнить? Вот сбросить такой совет я могу, что и делаю.

В интернете сообщили об одной импортной знаменитости, которую я не знаю: спасаясь от сильных неизлечимых болей, она выхлопотала эвтаназию. Наша религия это запрещает, считая великим грехом, но медицина в редчайших случаях и у нас применяет. И я подумала: если бы передо мной была кнопочка, нажав на которую, можно просто выключить себя из существования, я могла бы в какой-то момент… Не знаю. Ни один человек не может (и не должен!) такого о себе знать.

Тут мне вспомнился знакомый ребенок, родившийся здесь внук зоотехника одесского ипподрома. Дедушка, с которым они обожали друг друга, с дошкольного возраста водил мальчика в секцию спортивной гимнастики. Для низкорослого щуплого ребенка это была очень серьезная нагрузка. Но он ее не просто выдержал – он многократно занимал первые места в соревнованиях малолеток. Статью о нем я назвала «Золотое дитя «Маккаби».

Мальчик с рождения пользовался ивритом, а в семье говорили по-русски, и он его понимал. Но чтобы произнести русскую фразу, ему нужно было сначала сложить ее в уме, для чего требовалась пауза. И вот семью постигло большое горе: умер самый старший, дедушка. И самый младший, утешая бабушку, сложил гениальную, я считаю, русскую фразу: «Не плачь. Никакой человек не умеет жить всегда».

Виктория Коритнянская

Икона, типография Фесенко, оккупация, Одесса…

Образ Божьей Матери Казанской из собрания Подольского городского краеведческого музея

Собрать эти такие разные слова в одном заголовке и написать данный очерк помогла икона… Вернее, хромолитографическое изображение Образа Божьей Матери Казанской из Подольского городского краеведческого музея. Объясню почему. Бесспорно, за каждым предметом в собрании музея – история. Известная или неизвестная, короткая или не очень, со счастливым концом или трагическая, но всегда – история. Невозможная, вернее, неотделимая от времени, в котором жил или, как говорят музейщики, бытовал предмет, и судеб людей, его окружавших… И за этой напечатанной в Одессе в 1942 году, казалось бы, простой вещью, тоже, конечно, история. Одно только время ее рождения чего стоит… Но, пожалуй, пора вдаваться в подробности.

В 2022 году реставраторы Одесского филиала Национального научно-исследовательского реставрационного центра Украины привезли мне для исследования из Подольского музея «не родной» задник от иконы Божьей Матери Казанской. Сама икона была

небольшого формата, печатная, цветная. Образы такого рода на бумаге или жести ранее были очень популярны среди простого люда из-за дешевизны и доступности, издавались огромными тиражами, а поэтому с художественной точки зрения высокой ценности не имели. Однако на подольской иконе под изображением Богородицы с Младенцем была надпись на румынском языке:

«Maica Domnului. Изображение Божьей Матери Казанской.

Aprob. de Bluroul. nz., Odessa, 12 Mai 1942 a. şi de Cenz. Autor. Biser., Odessa, 13 Mai 1942 a.

Tipo… C… grafia Primăriei Municipiului Odessa (fond. de E.I. Fesenc… a. 1883) str. Rişelievscaia № 49. Odessa», где «Aprob.» – «Aprobat», то есть «одобренный, разрешенный», «Biser.» – «biserică»: церковь, а «fond.», очевидно, «fondator» – учредитель.

Несмотря на то, что надпись в целом была понятна, в тексте присутствовали сокращения, смысл которых был неясен. За помощью мы обратились к носителю языка, ученому-археологу, одному из авторов книги «Археология, история и политика в Транснистрии 1941-1944 гг.» (2023 г.) Раду-Александру Драгоман. Оказалось, что слово «bluroul» – это написанное с опечаткой слово «biuroul» («birou»), то есть «офис», а набор сокращений «Cenz. Autor. Biser.» является словосочетанием слов «Cenzura Autorităţii Bisericeşti» или «Cenzura Autorităţii Bisericii», что в переводе означает: «Цензура церковной власти».

В итоге полный перевод надписи на иконе выглядел так:

«Матерь Божья. Изображение Божьей Матери Казанской.

Одобрен Офисом цензуры[1], Одесса, 12 мая 1942 г., и цензурой Церковной власти, Одесса, 13 мая 1942 г.

Типо… Х… графия Примарии Муниципалитета г. Одессы (учредитель Е.И. Фесенко г. 1883) улица Ришельевская, № 49. Одесса».

Как видим, из текста надписи следует, что икона, во-первых, была напечатана в бывшей типографии Фесенко, на момент начала оккупации города – Второй хромофотолитофабрике УПКПТ имени товарища Постышева [1], являвшейся при румынах типохромолитографией Примарии Муниципалитета г. Одессы,[2] во-вторых, Образ был одобрен к печати: 12 мая – цензурной службой Транснистрии, 13 мая 1942 г. – цензором при Румынской Православной миссии.[3] Обратите внимание, указание в скобках фами-

лии Е.И. Фесенко, а также года создания им предприятия, должны были, очевидно, не только возвестить о возвращении легендарной типографии на рынок печатной продукции, но и подчеркнуть традиционно высокое качество выпускаемых ею изображений на религиозную тематику.

О типохромолитографии и ее создателе Ефиме Ивановиче Фесенко (1850-1926) известно достаточно много, однако период деятельности учреждения в годы оккупации Одессы практически не освещен, хотя предприятие, судя по уцелевшей с тех времен продукции, активно функционировало.[4]

Добавим, что позднее надпись на печатавшихся в типографии Фесенко изображениях святых икон несколько изменилась. В частности, на обнаруженной нами в сети Интернет иконе «Моление о чаше»[5] она, во-первых, стала более «многословной», во-вторых, обращает на себя внимание более чем двухмесячный промежуток между датами получения разрешений на печать, выданных Бюро цензуры и цензором Православной миссии в Транснистрии, в-третьих, в надписи указано, что издателем иконы является сын Е.И. Фесенко, Николай,[6] проживающий в одной из квартир дома, принадлежавшего некогда его матери В.Ф. Фесенко.[7]

Текст надписи на иконе «Моление о чаше»:

«RUGÄC…….THSIMANIA. МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ. Aprob. de B. C., Odessa, 27 August 1942 a. şi de Cenz. Autor. Biser., Odessa, 5 Noiembrie 1942 a. Tipo- Cromolitografia Primăriei Municipiului Odessa (fond. de E.I. Fesenco in a. 1883), str. Rişelievscaia, 49, Odessa.

Edit. N.E. Fesenco. [Odessa], str. Otradnaia, 6/4. Издание Н.Е. Фесенко. Одесса, Отрадная ул., 6, кв. 4».

Примечательно, что тексты с визой Бюро цензуры[8] на не церковной продукции, выпущенной типографией Фесенко в годы оккупации Одессы,[9] выполнялись как на румынском, так и на русском языках (не дублируя друг друга, при этом надписи на румынском встречаются чаще) и включали: непосредственно визу «Aprobat B.C. («В.С.» – «Biuroul Cenzura)» (на рус. яз.: «Печ. разр. Бюро цензуры, или «Б.Ц.»), дату, вероятно, одобрения к печати, название типографии и ее адрес, без упоминания имени и фамилии Николая Фесенко.

Владелец дома, где была найдена икона, ныне уже покойный В.С. Кожухарь

Однако вернемся к иконе, вернее, ее провенансу. Икона была найдена в 2021 г. в заброшенном после смерти владельца доме жителя села Гавиносы (Подольский район, Одесская обл.) Василия Семеновича Кожухаря хранителем Подольского городского краеведческого музея Е.В. Кобылюк.

Заросли высокого бурьяна, изрытый крысами и кротами пол, затканные густой паутиной стены, пустота и холод нежилых комнат… И… на одной из стен – Образ Божьей Матери Казанской. Когда и каким образом попала икона в дом Василия Семеновича? Хранила ли она его владельца, или служила оберегом для его родных? Почему не позарились на нее воры, и как уцелел Образ – выполненный на бумаге и прикрытый с оборота густо изъеденной жуками тонкой фанерной дощечкой – в полуразрушенном доме? Увы, ответы на эти вопросы мы вряд ли когда-либо найдем… А вот как выглядел Василий Семенович, когда родился и т. д., мы можем узнать из имеющихся в фондах Подольского краеведческого музея фото нашего героя и его воспоминаний[10] о пережитом в 1932-1933 гг. в с. Гавиносы голоде.

С фотокарточки, слегка улыбаясь, на нас смотрит высокий статный мужчина с гвардейским значком на груди, в простой военной форме, вероятно, рядовой Красной армии… Очевидно, что Василий Семенович – участник Второй мировой войны. Однако никакой информации в базах поисковых сайтов (ОБД «Мемориал», ЭБД «Память народа 1941-1945 гг.» и «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.») о Кожухаре В.С., рожденном 21 августа 1921 г. в с. Гавиносы, найти не удалось. Вместе с тем среди участников Второй мировой значился полный тезка Василия Семеновича – В.С. Кожухарь 1910 г. р., уроже-

нец молдавского села Циплешты. Согласно обнаруженной нами информации, Василий Семенович из Циплешт служил в 1302-м стрелковом полку, 22 апреля 1945 г. был ранен, отправлен в госпиталь, где, к сожалению, умер. Могила его находится в Польше, в городе Рыбник, на кладбище Старый Цментарж. Дома, в родных Циплештах, Василия Семеновича ждала жена – Кожухарь Елизавета Степановна… А в Гавиносах? Вы не поверите, «нашего» Василия Семеновича дома ждала сестра, тоже Кожухарь Елизавета… Любопытно, не правда ли? Многомиллионная Красная армия, и в ней всего два Василия Семеновича с фамилией Кожухарь (один, напомним, «неучтенный», и это притом, что и фамилия, и имя, и отчество героя очерка являются довольно распространенными. – **Авт.**), один из которых вернулся живым, другой – погиб, не дожив до Победы чуть больше недели…

А теперь попробуем вписать «нашу» икону в общую канву событий. Итак, 12-13 мая 1942 г. разрешением двух цензурных служб в оккупированной Одессе ей, по сути, дано было «право на жизнь». А что творилось в эти дни в городе и за его пределами? Уже отслужены торжественные молебны и окончены в Одессе приемы и парады по случаю «святого праздника румынской нации» – Дня независимости Румынии [11, 12]. В городе начаты приготовления к 14 мая – Дню памяти героев войны [13, 14]. Одновременно с этим… 12 мая начата вторая битва за Харьков. Для Красной армии она обернется вскоре крупнейшей катастрофой, для вермахта станет, по мнению многих военных экспертов, последней крупной победой во Второй мировой войне. В этот же день в газете «Правда» была опубликована речь Черчилля по радио, в ней судьбоносное, не давшее повторить кошмары газовых атак Первой мировой, заявление:

– Если Гитлером будет совершено это новое преступление, Англия использует свое большое и все возрастающее превосходство в воздухе на Западе для ведения химической войны в самых широких масштабах против военных объектов Германии. Использование отравляющих веществ Германией против СССР будет рассматриваться британским правительством так же, как если бы эти вещества были использованы против самой

Великобритании. Пусть Гитлер выбирает, хочет ли он добавить этот новый ужас к ужасам воздушной войны [16].

Немецкое командование, оценив все риски, от применения ядовитых газов на восточном фронте отказалось.

Следующий день – 13 мая. Двенадцатилетняя Таня Савичева сделала в этот день в своем дневнике последнюю запись: «Мама в 13 мая в 7^{30} час утра 1942 | Савичевы умерли | Умерли все | Осталась одна Таня» [4].

«13 мая. Среда. Весь день дождь, плывущий туман, свинцово-меловые зловещие тучи, холод. (А ночью перед этим часа два ужасная гроза.). Будто бы взята Керчь» [5], – писал в далекой Франции Иван Бунин.

Керченская катастрофа действительно была уже близка.

«В субботу началось наступление немцев в Крыму. Удачно – сорок километров в день. Керчь. Сейчас как будто остановили. Там применяется новый вид оружия: разрывается на людях кожа» [17], – читаем у Ирины Эренбург.

До перелома в Великой войне было еще далеко. Но он будет, и война, мы знаем, закончится нашей Победой…

Автор благодарит хранителя Подольского городского краеведческого музея Е.В. Кобылюк, сотрудника Отдела преистории Института археологии имени В. Пырван Румынской академии наук (Бухарест) Р.-А. Драгоман, владельца иконы «Моление о чаше», пожелавшего остаться неизвестным, а также В. Михальченко, А. Гладкова и Д. Невмывако за помощь в написании статьи.

Примечания

[1] Бюро цензуры было организовано с разрешения губернатора Транснистрии проф. Г. Алексяну при Центре пропаганды и прессы в г. Одессе (Предписание № 10385 от 19.03.1942 г.). Руководителем бюро был назначен Г. Пыслару [9]. В последующих выпусках «Одесской газеты» неоднократно публиковались «Сообщения» с подробным изложением порядка прохождения цензуры. Текст первого такого сообщения приводится ниже:

«Согласно приказу г-на профессора Г. Алексяну, губернатора Транснистрии, в Одессе при Центре пропаганды создано Бюро цензуры, целью которого является контроль всякого рода текстов, подлежащих размножению и публикации, безразлично на каком бы языке они ни были написаны.

Бюро устанавливает следующий порядок цензуры: 1. Ни один текст (книги, газеты, журналы, брошюры, научные труды, деловые и коммерческие книги, афиши, программы, приглашения, визитные карточки, рекламы и т. д.) не может быть напечатан без специального на то разрешения, выданного Центром пропаганды губернаторства Транснистрии. Прошение о выдаче такого рода разрешений должны адресоваться: «Центру пропаганды, Одесса». 2. Контролю Бюро цензуры при Центре пропаганды обязательно подлежат также тексты вывесок учреждений, фабрик, заводов, магазинов и т. д., тексты афиш и реклам, выполняемые художниками, тексты всевозможных печатей и штемпелей, фабрикуемых на территории Одессы, и т. д. и т. д. Все эти тексты должны иметь разрешение Бюро цензуры. 3. На тексты, разрешенные Центром пропаганды, будет ставиться виза: «Разрешается к печати. Центр пропаганды, Бюро цензуры». Одновременно Центром пропаганды будут производиться грамматические и стилистические исправления текстов на румынском языке. 4. Тексты для получения цензурной визы должны представляться в 2 экземплярах. 5. Виза «Разрешается к печати» не может ставиться на уже напечатанные работы. 6. Немедленно после напечатания той или иной работы типографии обязаны доставлять в Бюро цензуры при Центре пропаганды по 10 экземпляров напечатанной работы. 7. В случае нарушения изложенных правил издатели, заведующие типографиями, художники, выполняющие вывески, рекламы и т. п., заведующие штемпельными фабриками и т. д. караются, согласно законам. 8. Бюро цензуры находится в помещении Одесского центра пропаганды – Садовая ул., угол ул. Короля Михаила I (Преображенская). Прием от 8-13 ч. Директор Одесского центра пропаганды Георгий Г. Пыслару» [10].

[2] Согласно данным из книги А. Бабича «Одесса 1941-1944. Пережить оккупацию» (2020 г.), в октябре 1942 г. в Одессе работало 19 типографий (из 27 работавших до войны). Кроме типографии, бывшей Фесенко, также функционировали типографии: «Одесской газеты» («Od. gaz») (кроме газет занималась выпуском служебных удостоверений, программ театральных и концертных выступлений, располагалась по адресу ул. Пушкинская, 32), «Graiul Romanesc» (наименование этого учреждения указано, в частности, на программках театральных и концертных выступлений), Епархиальная типография при Румынской Православной миссии (занималась выпуском учебников по закону Божию, брошюр и миссионерской литературы) [3], Штемпельная фабрика и типография Одесского муниципалитета, располагавшаяся по адресу ул. Ришельевская, 31 (принимала заказы от государственных и общественных учреждений, а также от частных лиц на всевозможные типографские и переплетные работы, штемпеля, печати и пр.) [2, 7], и др. Кроме типографий выпуском этикеток, реклам и тары с выполненными на ней простыми и художественными литографскими работами также занимались литографские цеха (к примеру, литографский цех при Картонажной фабрике Одесского муниципалитета по адресу ул. Колонтаевская, 24) [15].

[3] К сожалению, найти информацию насчет того, кто являлся цензором при Румынской Православной миссии в 1941-1942 гг., не удалось. В 1943 г. цензором всех религиозных изданий с благословления Владыки Виссариона и согласно распоряжению губернатора Г. Алексяну был назначен советник Православной миссии, протоирей о. Федор Рудяку [6].

[4] Материалы, касающиеся работы типохромолитографии Фесенко в годы оккупации Одессы, довольно обширны и будут представлены в отдельной публикации.

[5] Текст надписи на иконе «Моление о чаше» взят с согласия владельца с фотографии к объявлению о продаже, выложенной на сервисе объявлений Украины «OLX».

[6] Фесенко, Николай Ефимович (5.12.1887, Одесса – 7.10.1945, Одесса). Пятый по счету ребенок в семье Ивана Ефимовича и Веры Феодосьевны Фесенко. С 1906 по 1920 гг. работал в типохромолитографии отца вначале служащим, с 1914 г. – ответственным заведующим. С 22 октября 1941 г. с разрешения румынских властей приступил к восстановлению типографии, в качестве технического руководителя обеспечил введение в эксплуатацию и пуск предприятия (в январе 1942 г.), с октября 1942 г. по 10 апреля 1944 г. занимал должность директора учреждения. Фамилия и инициалы Н.Е. Фесенко на напечатанных в типографии иконах указывались в соответствии с принадлежавшим ему авторским правом на них [1].

[7] Фесенко, Вера Феодосьевна (1862, Одесса – 1930, Одесса) [1]. Супруга Е.И. Фесенко и мать Н.Е. Фесенко. По адресу ул. Отрадная, 6, располагался трехэтажный доходный дом Веры Феодосьевны, построенный в конце 1890-х – начале 1900-х гг. [8].

[8] Заметим, что виза Бюро цензуры на уже готовой продукции, например, на грампластинках, выглядела в октябре 1943 г. как бумажная наклейка прямоугольной формы с оттиском штампа с надписью «APROBAT de SERVOUL CENZURA de Transnistria» и дописанными от руки датой, порядковым номером и, вероятно, подписью ответственного лица [7].

[9] Обобщены данные опубликованных в литературных источниках [2, 7] приказов и распоряжений, а также разного рода руководств и инструкций Одесского муниципалитета для населения; различного рода бланков (для выписок из метрических книг и т. д.), разрешений на погребение, открытие учреждений и пр., справок с места работы, студенческих билетов, зачетных книжек (Одесского университета), школьных табелей и этикеток, в частности, Одесской фабрики спиртных напитков и Первой одесской консервной фабрики, выпускавшихся типографией Фесенко в 1942-1944 гг.

[10] Записал ученик 7-го класса Подольской средней школы № 8 Чегурко О. 18 марта 2008 г.

Литература

1. Архивно-следственное дело Фесенко Н.Е. № 24910-П.

2. Бабич А.В. Одесса 1941-1944. Пережить оккупацию. – Одесса: Черноморье, 2020. – 592 с.

3. Буг. № 110 от 22.05.1943 г.

4. Детская книга войны: дневники 1941-1945. – М.: Аргументы и факты: АиФ. Доброе сердце, 2015. – 479 с.

5. Дневники И.А. Бунина, 1942-1953 гг. – https://www.odessitclub.org

6. Молва. № 155 от 12.06.1943 г.

7. Одесса. 1941-1944. Неизвестные страницы: [книга-альбом] / Сост.: М. Пойзнер, А. Грабовский, О. Губарь, О. Этнарович, Г. Михайлов, А. Кисловский. – Одесса: ТЭС, 2019. – 240 с.

8. Одеса, Відрадна вулиця, 8. – https:// www.photobuildings.com

9. Одесская газета. № 63 от 11.04.1942 г.

10. Одесская газета. № 70 от 26.04.1942 г.

11. Одесская газета. № 78 от 10.05.1942 г.

12. Одесская газета. № 79 от 12.05.1942 г.

13. Одесская газета. № 80 от 14.05.1942 г.

14. Одесская газета. № 81 от 16.05.1942 г.

15. Одесская газета. № 114 от 03.07.1942 г.

16. Речь Черчилля по радио. – Правда. № 132 от 12 мая 1942 г.

17. Эренбург И. Я видела детство и юность XX века. – М.: АСТ, 2011. – 347 с.

Валерий Романов

Леонид Утесов в Эстонии

Малоизвестные факты и интервью

Оркестр Леонида Утесова в 1946 году

Интересно, что сегодня мало кто помнит о выступлениях Утесова в Эстонии. Даже его биографы до недавнего времени не знали о них. Я не сомневался в том, что такие концерты были, их не могло не быть! Благодаря помощи историка культуры Лооне Отса, доктора философии, удалось разыскать не просто упоминания, но рассказы от первого лица о концертах Государственного джаз-оркестра РСФСР. Вот фрагмент из интервью Утесова культурному еженедельнику «Серп и молот» 23 марта 1946 г.:

«Наш оркестр состоит из 23 музыкантов, певца и певицы, пары танцоров. Если говорить буквально, то это не совсем джазовый оркестр: наши участники не только музыканты,

но еще и актеры. Моей основной идеей при создании коллектива было создание так называемого театрального оркестра. Идея возникла и созрела во мне в течение 35 лет моей сценической деятельности, которую я, кстати, начал скрипачом. В дальнейшей своей деятельности, будучи певцом романсов, актером, композитором, режиссером – я часто видел в одном человеке разные таланты. Потому я всегда стремлюсь создать для моих артистов максимальные возможности для развития и раскрытия своих талантов. Основная идея нашего коллектива, по которой мы отделяем свое так называемое «творческое времяпрепровождение» от «чистого или традиционного» джаза, это – осмысленный смех. Мы стремимся создать разумную основу для смеха, обеспечить идеологически ориентированную сатиру или юмор, в котором отражалась бы наша повседневная жизнь.

Мы всегда стремимся придать собственным творениям индивидуальное лицо, поэтому не уделяем особого внимания джазу американского происхождения, чьи заслуги в области чистого музицирования, и особенно танцевальной музыки, неоспоримы.

Переносным, то есть передвижным театром, мы стали в годы Великой Отечественной войны, когда объехали всю территорию Советского Союза, давая спектакли от окопов линии фронта до отдаленных горных шахт. В прежние времена, когда наша деятельность велась в основном в крупных городах, таких как Москва, Ленинград, Киев, Харьков, реализация наших идей развивалась больше на принципах постоянного театра; наши постановки, такие как трехактная джазовая комедия «Темное пятно», двухактная «Два корабля» и ряд других, пользовались большим успехом. Следует отметить, что фильм «Веселые ребята» основан в чистом виде на идеях и принципах, на которых сегодня основана деятельность нашего коллектива. В Таллин нас пригласили от ВМФ, а дальше мы едем в Ригу, откуда двинемся в Москву. Я лично уже однажды был в Таллине, выступая в качестве солиста в 1927 году, то есть до основания моего нынешнего коллектива».

Этой концепции Леонид Утесов придерживался всю свою творческую жизнь.

А вот как вспоминает об этом концерте популярнейший эстонский музыкант и композитор, историк эстонской популярной музыки Вальтер Оякяэр в публикации «Серп и саксофон: История эстонской популярной музыки 3» («Серп и саксофон», 2008). Кстати, родился он 10 марта 1923 г. в Пярну, Эстония, практически в один день с Утесовым, – правда, уже по другому календарю и на двадцать восемь лет позже, на берегу Балтийского, а не Черного моря: «Утесов путешествовал со своим оркестром по приглашению таллинского Балтийского флота. Успех в Таллине был огромен, все билеты были распроданы, была организована радиотрансляция. Но публика была почти исключительно русская. Из эстонцев послушать оркестр пришли только страстные любители джаза.

Вальтер Оякяэр

Эстонские музыканты считали, что стиль Утесова и его оркестра, так называемый театральный джаз (теа-джаз), устарел. На Западе так больше не играли. Старомодный синкоп, особенно в треках с фокстротным ритмом, и преувеличенное вибрато саксофонов тоже не удовлетворяли. Эстонцы не знали, что русские музыканты не имели контактов с американским и другим западным новым джазом. Однако духовые инструменты Утесова имели очень красивый блеск и получили высокую оценку».

Позволю себе обратить внимание на то, что в 1928 году Утесов с женой и дочерью в качестве туриста ездил в Париж. Активно посещал парижские кабаре, где с восторгом наблюдал за выступлениями американского оркестра под управлением Теда Льюиса («Ted Lewis and His Band»), который поразил его тем, что потом сам Утесов называл «театрализацией». И в итоге взял за основу творческой концепции своего оркестра, придав собственные нюансы. Естественно, что в 1946 году истым знатокам это могло показаться несколько старомодным, ведь джаз тогда развивался очень стремительно.

Лучший эстонский джаз-бэнд «Kuldne Seitse» («Золотая семерка», в котором Оякяэр играл на саксофоне) решил показать россиянам, как эстонцы играют. Людей Утесова пригласили сыграть вместе в дружеской манере джем-сейшен, что было очень популярно среди оркестров США. Эта традиция совместного импровизационного музицирования еще не существовала в Советском Союзе. Оякяэр считает, что «это был единственный случай в СССР 1930-40-х годов, когда два джазовых оркестра соревновались друг с другом в настоящем концерте. Концерт проходил в формате утренника в кинотеатре «Глория». Поскольку Эстонский оперный театр и концертный зал «Эстония» были разрушены во время войны, «Глория» в это время являлась самым престижным залом Таллина. Сам Утесов по неизвестной причине не пришел. Эстонцы начали со свинга, первый трек был «В настроении» («In the Mood»). Свинг был новшеством для русского оркестра. Они ответили в меру своих сил. Музыканты подружились во время игры».

И еще один знаковый факт участия Леонида Утесова в развитии – на этот раз телевидения. В 1956 году Эстонское телевидение провело свою первую прямую трансляцию с передвижной телевизионной станции во время очередного концерта Леонида Утесова и его оркестра в таллинском Доме офицеров флота.

В поисках эстонского следа в гастрольной жизни Леонида Утесова и его оркестра удалось совершенно неожиданно обнаружить уникальный документ – автограф артиста. Вот что об этом рассказал его обладатель, эстонский писатель и телеведущий Павел Макаров.

Дом офицеров флота в Таллине

«В начале 70-х годов уже прошлого века я получил письмо с фотографией от Леонида Осиповича Утесова. Воспитывали меня родители на хороших и очень разнообразных примерах не только эстрады, но и классики. В семье

Кинотеатр «Глория-Палас»

все были заядлыми театралами, завсегдатаями музеев, филармоний и концертов. В Таллин довольно часто приезжали знаменитые исполнители. А так как мой папа родился в Харькове, то исполнители с Украины были близки нашему дому. Харьков подарил миру много талантливых людей, начиная с художника Ильи Репина и до лауреата Нобелевской премии в области физиологии и медицины Ильи Мечникова, а уж известных людей искусства не перечесть: Аверченко, Шульженко, Дунаевский, Гурченко, Эфрос, Абдрашитов, Водяной, Дудинская, Мулерман, Фатеева…

Клавдия Ивановна Шульженко и мой папа в Харькове были соседями, и к тому же Клавдия Ивановна начала свою концертную деятельность в клубе электромеханического завода рядом с техникумом, в котором учился папа. Пластинки Шульженко и Утесова всегда звучали в нашем доме.

Когда я всерьез занялся изучением не только эстрады, но и кино, театра, раздобыл адрес Леонида Осиповича и написал ему письмо с признанием в любви к его творчеству. Ответ не за-

ставил себя ждать. Уже через неделю я получил на свой таллинский адрес письмо с открыткой и автографом от самого Утесова! Это сейчас в моей коллекции свыше десяти тысяч автографов и более трех миллионов фотографий по истории театра, кино, оперы, балета, эстрады и цирка. А тогда, в 1975 году, автограф от Утесова стал сотым в моей коллекции. И хотя почерк Утесова уже был не столь аккуратен и стремителен, как раньше, но я все равно был счастлив весточке от легендарного музыканта».

Эта история свидетельствует о душевности Леонида Осиповича, о присущем ему открытом и внимательном отношении не только к коллегам и близким ему людям, но и к своим почитателям, своим зрителям. Вот поэтому жизнь и творчество мало какого артиста в мире так тщательно и подробно изучается. И делают это, прежде всего, отец и сын Борис и Эдуард Амчиславские вместе со своими одесскими друзьями.

Чтобы ощутить истоки жизни и творчества Леонида Утесова, я пригласил наших эстонских друзей в музей-квартиру, в 7-ю квартиру дома № 11 по Треугольному переулку, в которой родился Лазарь Иосифович Вайсбейн. И провел там краткую экскурсию на страницах портала tribuna.ee.

Своим названием Треугольный переулок (одна из старейших улиц Одессы, созданная в 1818 году) обязан тому, что начинается с пересечения трех улиц (углов) – Успенской, Дегтярной и Щепного переулка. С мая 1982 года по инициативе друга Леонида Утесова, популярного артиста Михаила Водяного, Треугольный переулок переименовали в улицу Утесова.

Думаю, что нужно вспомнить, как Лазарь Вайсбейн (дословный перевод с идиш – «белая кость») стал Леонидом Утесовым.

В самом начале творческого пути одесский артист Скавронский пригласил Вайсбейна в 1912 году в свою миниатюру. Но при этом поставил условие: «Никаких Вайсбейнов!».

«…и я решил взять себе такую фамилию, какой никогда еще ни у кого не было, то есть просто изобрести новую. Естественно, что все мои мысли вертелись около возвышенности. Я бы охотно стал Скаловым, но в Одессе уже был актер Скалов. Тогда, может быть, стать Горским? Но был в Одессе и Горский. Были и Горев, и Горин – чего только не было в Одессе! Но кроме гор и скал должны же

Тот самый автограф Леонида Утесова.
Фото из архива П. Макарова

быть в природе какие-нибудь другие возвышенности. Холм, например. Может быть, сделаться Холмским или Холмовым. Нет, в этом есть что-то грустное, кладбищенское – могильный холм…

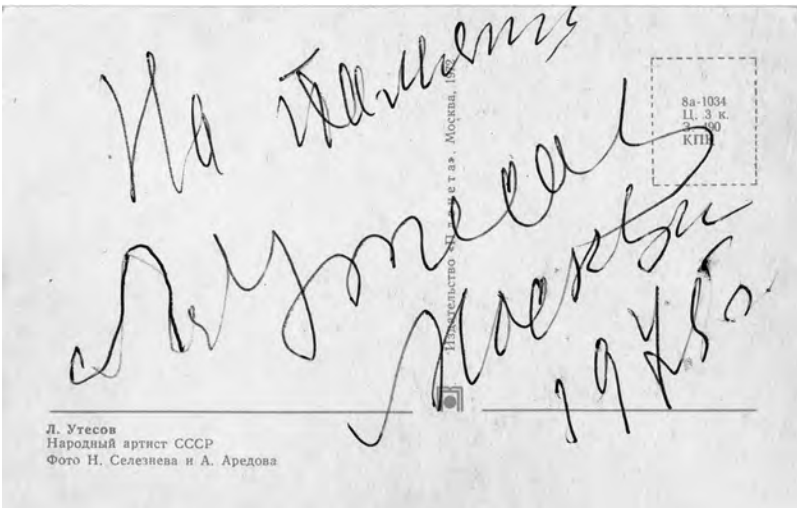
– Что же есть на земле еще выдающееся? – мучительно думал я, стоя на Ланжероне и глядя на утес с рыбачьей хижиной.

– Боже мой, – подумал я, – утесы, есть же еще утесы!

Я стал вертеть это слово так и этак. Утесин? – Не годится: в окончании есть что-то простоватое, мелкое, незначительное… – Утесов? – мелькнуло у меня в голове… – Да, да! Утесов! Именно Утесов!

Наверно, Колумб, увидя после трех месяцев плавания очертания земли, то есть открыв Америку, не испытывал подобной радости, как я. И сегодня я вижу, что не сделал ошибки».

2 сентября 2000 года на Дерибасовской в Городском саду был установлен памятник, а 2 сентября 2015 года был открыт музей-квартира Утесова. Экскурсии в нем бесплатные, и содержится он на средства городской громады. Экспонаты в музей попали преимущественно из коллекции Эдуарда и Бориса Амчиславских, которые долгие годы собирали материалы для будущего музея. Ради открытия музея-квартиры Эдуард специально прилетел из Америки в Одессу. И по сей день экспозиция музея пополняется неравнодушными одесситами. Если вы видите на стене маленькую скрипку, то это не обязательно именно та, на которой девятилетний Лёдичка доставал своих соседей, но очень похожая. К сожалению, из-за малой площади,



Тот самый автограф Леонида Утесова. Фото из архива П. Макарова

а в распоряжении музея пока только две трети бывшей квартиры Вайсбейнов, выставлено не все, но и то, что показано, – впечатляет. В квартире ощущаешь дух Утесова, видишь этапы его творческого роста и развития и представляешь, как он смог достичь таких творческих высот.

Традиционный двухэтажный одесский дворик с импровизированным столом для посиделок в центре, в конце – скульптурный портрет молодого Лёди Вайсбейна, только вступающего на театральный путь, приветствующего гостей, и металлическая лестница на второй этаж. Верхний пролет сохранился еще с тех времен.

В убранстве комнат присутствует темно-вишневый цвет, любимый цвет его мамы Малки. На стенах фотографии, фиксирующие разные моменты жизни артиста, афиши, музыкальные инструменты, граммофон и много еще всего интересного. Интересная афиша, датируемая 2 февраля 1923 года: «Показательный синтетический вечер-спектакль Леонида Утесова». Перечень жанров просто невероятен: «От трагедии до трапеции Утесов показывает всё!». На фотографиях – история советской и не только

эстрады: Утесов и Клавдия Шульженко, Утесов и Владимир Высоцкий… Марлен Дитрих, гастролируя в СССР, как, оказалось, тоже выступала под аккомпанемент оркестра Утесова…

Еще одна интересная история: Утесов дружил с семьей Марии Мироновой и Александра Менакера. Уезжая на гастроли, они оставляли сына Андрея на попечение Леонида Осиповича и его супруги Елены Осиповны. Есть даже фотография маленького Андрея, сделанная Леонидом Осиповичем своим знаменитым ФЭДом! Теперь понятно, откуда у Андрея Миронова было такое увлечение джазом – он в 70-е годы был обладателем одной из самых многочисленных коллекций джазовых пластинок в СССР.

Кстати о ФЭДе. Может, не все знают эту историю. В 1934 году вышел на экраны кинофильм «Веселые ребята» с Утесовым в главной роли и с участием его оркестра (музыку к картине написал И. Дунаевский, тексты песен – В. Лебедев-Кумач). Успех фильма принес Утесову огромную популярность и известность по всей стране. Бытует легенда, что в газетных рецензиях исполнитель главной роли даже не был упомянут. Это неправда! Имя Утесова везде есть, но значительно меньше, чем упоминается имя Орловой, набравшей уже свою популярность. Тут скорее справедливо вспомнить грустную шутку Утесова: «Мадам съела всю мою пленку», – намек на то, что многие кадры с Утесовым не попали в фильм согласно оригинальному сценарию, а вот экранное время Анюты (героини Орловой) значительно возросло! Утесов так иронически комментировал несправедливое отношение к себе со стороны власти: «Когда отмечалось пятнадцатилетие советского кино, Григорий Александров получил орден Красной Звезды, Любовь Орлова – звание заслуженной артистки, а я – фотоаппарат». Но в те времена ФЭД – советская копия немецкой «Лейки» – была жутким дефицитом и стоила примерно как автомобиль. Появление фотоаппарата вовлекло Леонида Утесова в мир фотографии. Он старался зафиксировать все интересные моменты своей жизни. Некоторые из его фоторабот можно увидеть в музее. Собранные здесь материалы еще ждут своих исследователей.

«Да, я люблю Одессу. Более того, я обыгрываю ее на сцене, я доказываю, что она – начало всех начал», – любил повторять Леонид Утесов.

Евгений Голубовский

Гений здравого смысла

В день рождения Одессы вышел осенний номер «Всемирных одесских новостей». На его первой странице, написанной от руки, как, впрочем, всегда, приветствие Михаила Жванецкого. Чаще всего мы получаем его эссе, рассказы, которые набраны Натальей Жванецкой. Подумал: как же везет великим писателям! Например, Анна Григорьевна Сниткина перебелила все рукописи своего супруга Федора Достоевского, Софья Андреевна Толстая перепечатала на машинке все романы и рассказы Льва Толстого. Продолжая эту традицию, Наталья Жванецкая набирает на компьютере эссе Михаила Михайловича.

Михаил Жванецкий – один из последних писателей докомпьютерной эпохи. Писал он ручкой. Его рукописи отражают и характер, и состояние… То быстрая, захлебывающаяся строка за строкой, которую спустя время сам автор не способен прочесть, то медленное письмо – буква к букве. После – взрыв, восторг от продуманного.

Несколько назад, 4 сентября 2018 г., я принимал участие в презентации книги Михаила Жванецкого, составленной Натальей. Тогда и написал про это.

В Зеленом театре порт ТИС отмечал свое двадцатичетырехлетие. К своему празднику они издали большой том Михаила Жванецкого «Солнце. Море. Аркадия». Презентации книги, как нынче это принято, не было. Меня попросили перед прочтением Михаилом Жванецким нескольких рассказов сказать пару слов о книге. «Пара слов» растянулась на десять минут. Многое хотел сказать про саму книгу. Она хорошо составлена Натальей Жванецкой, которая включила в нее шлягерные и редко исполняемые тексты.

Издана Андреем Ставницером – превосходно. Вот уж где не попросишь «тщательнѐе». Все продумано до мелочей: шрифт, суперобложка, закладка.

Хочу сделать небольшое отступление. С Андреем Ставницером не знаком, и, проговорив свой текст, уехал, не оставаясь на фуршет. Однако семья Ставницеров живет в моей памяти. В 1965 году я устроился на работу в «Комсомольскую искру» и начал выпускать краеведческую страничку в газете. Первым, кто пришел и предложил подставить плечо, был Михаил Фроймович Ставницер. Он инженер, который стал писателем. Человек интереснейшей судьбы. У него, если не ошибаюсь, шестеро детей. Он знакомил меня со своей дочерью Радой – выдающейся спортсменкой; сыном Виком – замечательным скульптором; альпинистом Алексеем, с которым я потом встречался у Блещунова… Обязательно как-нибудь расскажу об этих людях. Сейчас же добавлю, что Михаил Ставницер был бы доволен тем, как издана книга. Он толк в этом знал.

Вернусь непосредственно к самой книге.

Одесса была музой многих писателей: Пушкина, Дорошевича, Жаботинского, Бабеля.

У Михаила Жванецкого хорошая компания, и у каждого своя Одесса. Однако есть и перекличка. В 1916 году Исаак Бабель предвещал, что литературный Мессия придет из южных степей, озаренных солнцем. Спустя сто лет Михаил Жванецкий напишет про город, в котором людей собирает солнце. Именно это ощущение солнца как начала жизни Одессы объединяет южнорусскую литературу.

Одесса у Жванецкого начиналась с порта и моря. Прочтите рассказ «Рита». Его сюжет основан на ситуации в порту. Это чеховский, мягкий рассказ. Вы поймете, как много значил порт в его жизни. Урок, что нельзя задом волны отбивать, он получил именно в порту. Кстати, море определило стиль его написания.

Один раз побывав по приглашению Петухова на лайнере, уходящем в рейс, и увидев капитализм в действии, при этом понимая, что через два часа нужно будет спуститься в социализм, Михаил Жванецкий стал сатириком.

Обращали ли вы внимание на то, как он пишет?

Короткими фразами, используя много именных предложений.

Михаил Михайлович смеялся: филологический факультет не оканчивал. У кого же он учился? У Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Его поколение наизусть знало абзацы любимых книг. Как же иначе надо было разговаривать с девушками? «Командовать парадом буду я» – и все тут… Илья Ильф учился «короткой фразе» у короля фельетонов Власа Дорошевича. Вот откуда она пришла и к Михаилу Жванецкому. Главное – не длина фразы, а концентрация смысла в ней. Вот здесь Жванецкий чемпион. Он – смысловик. Акмеист после акмеистов.

Пожалуй, сделаю еще одно короткое отступление. Акмеисты – это: Гумилев, Ахматова, Зенкевич, Нарбут. В отличие от символистов с их туманами и прекрасными дамами, акмеисты пришли с требованием ясности и внятного смысла. В середине 20-х годов Гумилев был расстрелян, Ахматова – замолчала. Тогда Нарбут попытался возродить акмеизм, призвав на помощь Бабеля и Багрицкого, считая, что именно Одесса верна принципу ясности. Не успел. Багрицкий – умер. Бабеля и Нарбута – расстреляли…

Но именно в Одессе продолжилось дело смысловиков – в творчестве Михаила Жванецкого. Я уже писал в Фейсбуке, что Олег Сташкевич назвал Жванецкого «гением здравого смысла». Мне формула настолько понравилась, что я попросил разрешения пользоваться ею. Про здравый смысл как основу мировоззрения Жванецкого я уже написал. А вот гений… Да, убежден, что вторая половина XX века дала нам много талантливых писателей: Аксенов, Трифонов, Ахмадулина, Окуджава… Мог бы продолжать и продолжать…

А вот гениями ощущаю трех: Бродского, Высоцкого и Жванецкого. Бродский изменил поэзию, внес в нее новое дыхание. Высоцкий и Жванецкий настолько глубоко ушли в народ, что стали частью народной речи…

Под конец – одна из миниатюр Михаила Жванецкого, которую, прочитав, запоминаешь навсегда: «Наш юмор добывается из воздуха и уходит в воздух. Как пляжные звуки, крики приезжих: «Все это надо записать», – тоже уходят в воздух. Значит, юмор, язык, запах еды, красивые женщины – и есть воздух этого города».

Читайте Михаила Жванецкого. Слушайте его и говорите его словами. Тогда Одесса будет с вами, будет в вас. Прошло много

времени с моего выступления на вечере, посвященном книге Жванецкого. Однако Михаил Михайлович все время с нами. Вышел альбом карикатур с рисунками художников, победивших в конкурсе на лучшее прочтение текстов Жванецкого. Михаил Михайлович, посмотрев работы, сам выбрал победителя.

И еще одна встреча. Фирма «ПЛАСКЕ» и Литературный музей ежегодно издают календарь одесского года – от сентября до сентября. В Одессе вышел и календарь, посвященный улице Старопортофранковской. К нему всегда прилагается маленькая монография об улице. В тот раз ее автором стала Екатерина Ергиева.

Листаю книжечку. Вот знакомый дом, где я не раз бывал. Почти у самого Привоза. Дом № 133, как оказалось, дом Синюковой, построенный в 1920 году. Квинтэссенция одесских дворов. Так это же дом Жванецкого! Здесь жили его родители. От него он ходил в школу, водный институт, порт… И звучат во мне слова Михаила Михайловича: «Мой двор. Сюда мы приехали сразу в 45-м, где мы знаем друг друга, как муж и жена, где жаркими ночами лежим на своих верандах и переговариваемся». Зайдите в этот двор, закройте глаза, прислушайтесь – и услышите, что старые веранды разговаривают голосом Михаила Жванецкого. Впрочем, вся нынешняя Одесса вобрала в себя его шутки, интонацию и голос.

Публикации

304 Памяти Ильи Рудяка
306 **Илья Рудяк**
Хижина дяди Лёвы
Публикация Евгения Голубовского

Памяти Ильи Рудяка

Поверьте, еще день-два назад я и не думал писать об Илье.

Но 30 апреля утром краевед Михаил Козоровицкий прислал мне две серии фильма о Рудяке, вышедшем уже после смерти героя. О его жизни и творчестве рассказывает его вдова Ольга Рудяк.

С большим интересом смотрел фильм. Я дружил с Ильей многие годы до его отъезда в США. И все равно многого не знал.

Детство в гетто. Трудности со становлением. Техникум, а не институт.

А потом Одесса. Создание студии киноактера, ряд блестящих спектаклей, кинофильм.

Я как бы очнулся, когда закончился фильм. И сообразил, что Илья Эзрович умер 1 мая 2020 года, то есть завтра. Как же не вспомнить о нем?

В США он написал два десятка книг. Думаю, что в музее Одесской киностудии должны быть его книги о Кире Муратовой и Владимире Высоцком (он с ними дружил), в музее Холокоста – его книги о трагедии села, где он родился, где чудом выжил в гетто…

Но запомним, в основном Илья Рудяк писал иронические рассказы. К его книгам писали предисловия Войнович и Евтушенко.

«Илья Рудяк обладает тремя несомненными качествами, делающими его своеобразным писателем: талантом, чувством юмора с особенностью любой набор слов превратить в неожиданный каламбур, и неуемной энергией…

Владимир Войнович»

«В одном из ранних рассказов Ильи Рудяка есть такой пассаж персонажа-одессита: «У меня на Пересыпи стоял колбасный цех. Вас смутило, что я сказал «у меня»?

Рудяк про себя мог бы сказать так: «У меня в Чикаго есть прекрасный «Дом русской книги». Вас не смутило, что я сказал «у меня»?» Нет, не смутило. Это «Дом», куда приходят не только полистать книги, но и полистать души друг друга. Хозяин по своему характеру клубный человек, и проза, которую он пишет, – тоже клубная. Она написана не только для молчаливого прочтения глазами, но и для прочтения вслух. Это, в сущности, анекдоты – пожалуй, самый выживаемый жанр. Но анекдоты не только выживают сами, но и помогают выживать другим. Есть анекдоты злые, циничные. Рассказы Рудяка – анекдоты лирические. Юмор Рудяка добрый, мягкий, порой даже печальный. Он не издевается над историей, он пытается улыбнуться ей, и у него это получается.

Другой герой Рудяка, с невеселой насмешливостью названный «Книжник», сжег не только Алексея Толстого, но заодно и Льва, и в ванной комнате с издевкой заказал нарисовать стеллажи с книгами. Рудяк – книжник в трех измерениях. Он их любит, он их распространяет, он их пишет.

Человек-триптих. Я принимаю его во всех ипостасях.

Апрель 95
Евгений Евтушенко»

Сейчас естественно познакомить читателя с некоторыми из «одесских рассказов» Ильи Рудяка.

Но до этого я еще раз обращусь к директору Одесской киностудии Андрею Осипову, к директору Одесского литмузея Татьяне Липтуге: сделайте все возможное, чтоб хранили творчество Рудяка.

Евгений Голубовский

Илья Рудяк

Хижина дяди Лёвы

Поезд подошел к вокзалу и остановился прямо у его дверей. Повеяло югом и домашностью.

– Дальше Одессы поезда не идут! – услышал я прокуренный голос мужчины в кепке. У него был вид встречающего именно меня, долгожданного гостя, друга, товарища.

– Дядя Лева, – представился он и просунул руку в окно вагона.

Я пожал ее.

– Молодой человек желает отдельную комнату или койку?

Мы шли к его мотоциклу с коляской, и я полюбопытствовал, как он высчитал, что я не санаторный, не командировочный, а именно «дикарь».

– Молодой человек! Человек, едущий из Москвы в плацкартном вагоне, в белой рубашке с закатанными рукавами, – это мой клиент.

Мотоцикл быстро прикатил нас на улочку, упирающуюся в море.

– Чудеса в Одессе! – сказал дядя Лева, уловив мой восхищенный взгляд. К дому вела аллея, обсаженная абрикосовыми деревьями и увитая виноградными лозами.

– Хижина дяди Левы! – и широкий жест с поклоном.

О, Райт, о, Корбюзье, о, Росси! Что по сравнению с вашей архитектурной мыслью фантазии дяди Левы из Одессы? Причудливые пристройки вокруг дома, над домом, под домом не имели ни начала, ни конца. Это был лабиринт, выход из которого вел только в карман хозяина.

– Деньги – вперед, рабочий народ! – спел он и рассмеялся.

Я получил, как заверил меня дядя Лева, лучшую хибарку в самом закутке и с видом на море.

– Нихто нэ баче, нэ мишае, как говорят в Одессе, – амыхае!

Ко всему, он любил еще и рифмоплетствовать.

– Молодой человек побежит сразу к морю – это естественно. Совет дяди Левы: пройдитесь по муравейнику и выберите одинокую девушку или женщину на собственной подстилке, положите

свои вещи рядом и вежливо попросите посмотреть за ними, пока не искупаетесь. Вы никогда не услышите «нет», а все остальное зависит от вас самого. Вперед, и танки наши быстры!

Я выполнил совет дяди Левы как самый послушный и аккуратный ученик. Мои скромные пожитки, а вместе с ними и я, побывали за короткое время то на простыне, то на длинном и узком коврике, то на старом выцветшем одеяле, и даже на шикарном махровом полотенце с заграничным клеймом. Знакомства заводились мгновенно. К принесенным мною эскимо на палочках, пиву, сладкой водичке прибавлялись котлеты, пахнущие чесноком, молодая картошечка, пересыпанная укропом, свежие огурчики, помидоры, вишни, черешни, арнаутский круглый хлеб с поджаристой корочкой.

Это были райские дни в Одессе. С утра до вечера на море, а по субботам и воскресеньям – на Староконном рынке.

Среди клеток с попугаями и кенарями, среди аквариумов с экзотическими рыбками, между ящиками с морскими свинками и нутриями, возле мешков, набитых степной травой для кроликов, у груды хлама и заржавленных гвоздей, замков и старых канотье, карманных часов с застывшими навеки стрелками – расположились, возвышались, главенствовали книжники!

Монтень и земляк Бабель, мадам Блаватская и маркиз де Сад, «Золотое руно», в полном комплекте и отдельные томики Эжена Сю, «Лолита» Набокова, Генри Миллер, Арцыбашев – спокойно лежали на виду!

Милиционеры, расхаживающие по рынку, подыскивали чтиво для своих отпрысков.

Я не верил своим глазам. Я был поглощен Староконкой. Вскоре я уже знал всех книжников по именам и кличкам. Экзистенциалисты – у Марика, оккультное – у Гнома, альбомы – у Доктора, и все, что очень кусалось, – у Акулы. Они были оригинальны, темпераментны и неуступчивы в ценах. Я оставил у них последние сбережения. Отпуск подходил к концу, а впереди меня ждали работа и длинные московские дожди.

Последний день у моря я провел на полосатом рядне. Его упитанная хозяйка ласково повторяла:

– Рядно широкое, располагайтесь удобнее!

Но случаю желательно было омрачить мой восторг и удачу. Я заплыл далеко за волнорез, наслаждался простором и, отдыхая на спине с закрытыми глазами, ощущал, как солнечные блики просвечивают кровь в венах, образуя красно-огненное зарево. Вернувшись на берег, я не обнаружил в кармане своих брюк перстня. Перед купанием я его всегда снимал. Это был старый серебряный перстень с красивой вязью инициалов моей прабабки. Он переходил в нашей семье из рук в руки и наконец попал ко мне как подарок мамы. Вмиг я понял, как зыбко счастье. Хозяйка рядна была сконфужена, перерыла весь песок вокруг и причитала:

– Не может быть, не может быть! Я загорала и никуда не уходила. Не может быть!

Я верил ее искреннему отчаянию, но мое было еще больше. Кто-то заметил, что я прятал перстень, и украл его. В этот раз я с грустью оглядел людской муравейник и понял всю безнадежность поисков.

Дядя Лева, выслушав на прощальном ужине мою новость, вышел на минутку из хибарки и вернулся с большой бутылью розового вина.

– Только в исключительных случаях, – сказал он, показывая на бутыль, – «Лидия Петровна», из лучшего сорта винограда «Лидия».

Мы выпили в тот вечер не один стакан «Лидии Петровны». Терпкое ароматное вино усыпило меня, и я проснулся поздно утром от осторожного стука в фанерную дверь. Дядя Лева вошел в комнатку, держа на жгутике, просунутом сквозь жабры, огромную рыбу.

– Молодой человек, у вас в Москве-реке такие водятся?

Я не знал, что ответить, но понял: не похвалиться пришел дядя Лева.

– Хочу, чтобы вы привезли ее вашей мамаше от дяди Левы из Одессы.

Я опешил.

– Протрите глаза, и пойдемте выпускать из нее кишки, иначе она провоняет весь вагон.

Мы вышли во двор. Дядя Лева положил рыбу в широкий таз с водой, принес длинный, как кавалерийская шашка, нож, всунул его мне в руку и скомандовал, хохоча:

– Шашки наголо!

Я взял нож и впервые в жизни пырнул жирное брюхо рыбы. Оно податливо разошлось, и из него вывалились слизь, икра, кишки и… мой пропавший фамильный перстень.

О, Одесса! Где могло еще такое случиться? Кто еще хотел бы защитить честь своих земляков, чтобы приезжий москвич не подумал о них плохо? Где? Только в Одессе!

Дядя Лева чувствовал себя именинником. Упаковывая рыбу, густо пересыпанную солью, в кулек, он с удовольствием смаковал детали своего рассказа.

– Молодой человек! Когда вы мне сообщили: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о потерянном браслете» – то есть перстне, – признаюсь, я это принял близко к сердцу. А я не люблю его слишком волновать.

Он ловким движением снял рубашку с майкой вместе, и я увидел на груди глубокие рубцы от ранений.

– Это было под Прагой, второго мая, в сорок пятом. Но дело, видите, не в том. Сегодня утром, в шесть, я уже был на Привозе, у рыбного корпуса. Я нашел там Мишку Шепелявого, моего старого знакомого, и сказал ему, что, если перстень у меня не будет через полчаса, он забудет про свой промысел навеки. Шепелявый успокоил меня и позвал своих байстрюков, что орудуют на пляжах. Они вывалили на его китель вчерашний улов, и среди браслетов, часов, сережек лежал ваш серебряный перстень, молодой человек!

Теперь поезд отправлялся от двери вокзала в другую сторону. Дядя Лева провожал меня. Я смотрел на него иными глазами. Я видел в нем неотъемлемую часть Одессы, ее соль, ее дрожжи. С его уходом она станет намного беднее.

Поезд тронулся. По другой колее приближался встречный. Дядя Лева помахал мне кепкой, и я успел еще заметить, как он подошел к окну остановившегося вагона и протянул кому-то руку.

Я искренне позавидовал неизвестному «дикарю».

Знакомство

В первый день моего приезда в Одессу я познакомился

…с Остапом Бендером, точнее, с его бледной тенью. У меня в записной книжке было несколько адресов, по которым я должен был найти наших родственников.

Я обратился в трамвае к соседке по сиденью:

– Скажите, пожалуйста, где мне найти «Стол справок»?

– Вежливый молодой человек, остановка после того, что я вийду, – будет Преображенская. Ви чуть-чуть пройдете и окажетесь на Дерибасовской. Там возле Городского сада, рядом с кинотеатром Уточкина есть справочная будка – туда не идите, а чуть више возле фотографии сидит на стульчике за весами старый еврей. У него ви получите точные сведения нащот как найти адреса в два раза дешевле.

Я поблагодарил и пошел по ее указке.

Улица Преображенская – называлась Советской Армии, кинотеатр Уточкина – им. Маяковского, слава богу старый еврей оказался на месте. На его весах висела табличка.

«Куда, где, что – только через весы».

Я стал на весы.

Они показали пятьдесят семь с половиной килограмм.

– Для вашего роста – мало. Вам надо кушать побольше рибы и фруктов. С вас двадцать копеек.

Я расплатился.

– Как попасть в переулок Нечипуренко?

– Слезайте с весов и становитесь снова. В Авчинниковский, так он назывался раньше, надо идти…

И он мне быстро разъяснил путь.

Я сам без напоминаний повторил процедуру трижды. И услышал живой рассказ об улицах Одессы всего за один рубль.

Соль Одессы

Думаю, что Изю Бирбойма знала вся Одесса. То, чего нельзя было достать в аптеках, у Изи лежало в накрытом старым ковром сундуке, служившем ему и кроватью. Он жил в полуподвале

на углу Екатерининской и Жуковской. Новые наименования улиц он не признавал. До революции у отца его, Мануса Бирбойма, была аптека, соперничавшая с Гаевской. Изя собирался продолжить семейную традицию. Большевики установили новую: «Грабь награбленное!».

Бирбоймы полностью обнищали. Старик вскоре скончался. Сестра Мириам вышла замуж на румынского провизора, часто бывавшего в Одессе. Вместе с мамой они уехали в Бухарест. Изя с трудом устроился в аптечный киоск на морвокзале. Он остался холостяком, у него была астма и страсть к книге. Страсть особая: Пушкин. В благополучные гимназические годы на дни рождения ему дарили Пушкина. У него собрались прижизненный «Евгений Онегин», «Записки де Оршиака», «Дуэль» академика Щеголева, шеститомник Брокгауза и Ефрона с золотым тиснением. В тридцать седьмом вышли «Пушкин в жизни» и «Спутники Пушкина» Вересаева. Достать их было невозможно. В это время у Караимова, директора книжного в Круглом доме на Греческой, заболела девочка, ее мог спасти только пенициллин. Вспомнили о Бирбойме. Бухарестский свояк переслал лекарство с моряком из Констанцы. В знак благодарности Караимов вручил Изе четыре фолианта в папках с барельефом поэта.

С этого, пожалуй, началась новая миссия скромного чудаковатого Изи Бирбойма. Природная интеллигентность не позволяла ему наживаться на чужом горе. Он почувствовал радость быть нужным. Его «клиентом» мог быть и учитель, и портовая проститутка, и участковый «мусор».

Ему делали подарки книгами, коробками конфет, хорошим вином. О его «гешефтах» знали и наверху, но не трогали – до поры до времени. Однажды к нему обратилась дворничиха Муся, соседка по полуподвалу. У нее было четверо приблудных детей, мал мала меньше. У грудного мальчика обнаружили бронходенит. Необходим был порошок паск. Изя нашел его. Муся отблагодарила его.

Ранним июльским утром к нему пришли трое в фуражках с синими околышками и предъявили ордер на обыск. Понятой была та же Муся.

В один мешок они побросали всего Пушкина, в другой – улики из сундука.

И увели Бирбойма на Бебеля.

Он проходил как румынский шпион. Неделю подряд следователь Шевчук клал перед Бирбоймом на стол отобранный ингалятор и требовал фамилии, имена, явки.

– Исак Манусович, зря отпираетесь.

Изя хватал воздух открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег, и тянулся к трубке. Шевчук резиновым шлангом с размаху бил по руке.

Следовал обморок. Его уносили в камеру-жаровню. На восьмые сутки, когда открыли дверь, он лежал перед ней мертвый, с обезображенным от удушья лицом.

Французский ингалятор Шевчук отнес комиссару второго ранга, у которого тесть страдал астмой.

Крик

У мальчиков-близнецов великана Арона Киршенбойма, председателя районного Осоавиахима, были первые двухколесные велосипеды, первый приемник, первый настоящий кожаный футбольный мяч. Сонечку, миниатюрную красавицу жену, он одевал в крепдешины и меха. Ранние помидоры, огурцы, арбузы сразу попадали на стол к Киршенбоймам.

Друг к другу они обращались только «Сонечка» и «Арончик». «Идеальная семья!» – с восхищением говорили о них в местечке.

А когда после войны Арон, кавалер двух орденов Славы, стал заведовать местной пекарней, к белому хлебу в доме не хватало лишь птичьего молока. Ежегодно он отправлял Сонечку на курорты, а один раз они вместе попали даже за границу, в Болгарию.

Додик и Бусик с отличием окончили школу, и Арон повез их в политехнический, в Киев. Он не уехал домой, пока не увидел фамилии детей в списках поступивших.

В том же году Сонечка родила девочку. И жизнь засияла по-новому. В благодарность Арон купил ей в Одессе колечко с бриллиантом в десять… тонн пшеничной муки.

Но небо не всегда бывает безоблачным. Арон, возвращаясь на мотоцикле со склада «Заготзерно» после обильной выпивки, зарулил в глубокий яр и очнулся уже в больнице.

Его парализовало.

Сонечка и дети показывали его известным врачам, возили в грязелечебницы, к знахарям, но улучшений не наступало.

Арон нервничал, считал, что они жалеют деньги, требовал консилиум. Опять рентгены, изнурительные перевозки, бессонные дни и ночи.

Его окончательно привезли домой, и Сонечка превратилась в терпеливую внимательную сиделку, в нянечку, в сестру милосердия.

Арон лежал на чистой постели, ухоженный, не давая ни минуты покоя ни Соне, ни Нюсеньке, ни приезжавшим на каникулы сыновьям:

– Я работал, как вол, чтобы вас одеть, обуть, чтобы выучить вас, дать вам роскошную жизнь. И что же теперь? Когда я так пострадал, когда я превратился в кусок глины, вы ходите в кино, на танцы, на гульки. Вы не успеваете отойти от кровати – и забываете про мои мучения. Сядьте и сидите возле меня весь день, иначе я вас всех прокляну! Куда ты убегаешь, Нюся? Соня, верни ее! Я привяжу вас веревками к моим ногам, может, вам передастся моя боль, мои страдания! О, готеню, боже мой, так надо было так выкладываться, столько отдавать времени, рисковать, чтобы в пятьдесят лет уйти в землю, глядя, как вы, здоровые, молодые, живете и наслаждаетесь на ней. Нет, этого я не вынесу! Соня, утку! Чего так медленно? Отвернитесь. Или вам приятно смотреть…

Так повторялось изо дня в день. Сыновья, жалея маму, не могли дождаться возвращения в институт. Девочка забивалась в угол и плакала, а Сонечка терпела и отмалчивалась.

Ко всему Арон стал еще и ревновать ее.

– Где ты так долго была?

– В аптеке, где я еще могла быть?

– До аптеки от нас две минуты ходьбы, а тебя не было ровно сорок три.

– Я взяла слабительное, а Мирон Давидович спросил о тебе, так я не могла же сразу уйти.

– Этот старый фарцер давно положил на тебя глаз. Ты всегда была его симпатией, а теперь, когда я прикован и не могу ему оторвать голову, он пользуется этим. Но и ты хороша – вертишься перед ним, как сучка перед кобелем.

Казалось, это предел всему, но Сонечка выбегала на кухню, роняла голову на стол и рыдала, повторяя:

– За что, за что?

Так прошли четыре года.

Сонечка боялась признаться самой себе, но ждала уже смерти мужа.

Неожиданное кровоизлияние у Арона приблизило развязку. Агония длилась долго. В минуты просветления он открывал глаза, полные гнева, ненависти, и проклинал всех и вся.

Так он и ушел из этого мира с криком, обращенным к жене и детям, обступившим его:

– Ир золт бренен! Чтоб вы горели!

У Сонечки давно все охладело внутри, и она не проронила ни одной слезы. Дети ее обняли за плечи и молчали.

Похороны были с духовым оркестром от Дома офицеров. Памятник Сонечка поставила ему не хуже, чем ставят другим.

Но никогда больше не появлялась на могиле Арона.

Эр рэт аф идиш

Мои фамилия, имя и отчество: Срулевич Моисей Юделевич.

Представляете, как это звучит для русского уха? И особенно если ты после школы попадаешь в погранвойска. Единственный еврейский юноша на весь округ. При перекличке фамилия вызывала взрыв смеха.

Старшина Войтенко выговаривал строю, что нехорошо смеяться над фамилией солдата… Срулевича (смех перерастал в гогот), и с удовольствием повторял ее снова (гомерический хохот).

Значительно позже я понял, почему меня с пятым пунктом призвали служить в ведомство КГБ: в восемнадцать лет я имел сто восемьдесят семь роста и девяносто веса.

Загремел бы я в какую-то Коми АССР охранником в лагерь.

Спасло чистописание. Я был прирожденным каллиграфом. Вот такое редкое сочетание «Дяди Степы» и «Графа Мышкина». И тут я был нарасхват. Оформлял красные уголки, выписывал удостоверения, грамоты…

Вскоре перевели меня из Измаила в Одессу. Писал адреса в обком, в Киев и даже лично Андропову по случаю его шестидесятилетия.

Одесса! Почти три года беззаботной и неповторимой, уже потом, жизни. Оставалось время и на море, и на танцы в парке Шевченко, и на театры, особенно оперетту. В те годы был взлет славы Михаила Водяного.

А теперь – к чему веду рассказ.

Читаю на афишных тумбах: «Певица Нехама Лившицайте. Еврейские песни». Мне, племяннику дяди Эзры Шварца, кантора нашей Джуринской синагоги, да не пойти? Когда еще выпадет такой шанс?

Отправляюсь за несколько дней до начала гастролей за билетом, а они все проданы. Пришлось попросить моего начальника посодействовать.

– Заговорила родная кровь, Срулевич?

– Давно не слышал ничего на еврейском.

Позвонил он в филармонию. Представляю, какой там стоял переполох. Билет, притом бесплатный, в центре первого ряда, ждал меня в кассе.

Выгладил я свою синюю форму (костюма ведь у меня не было), начистил до блеска ботинки, надраил на фуражке кокарду и отправился на концерт.

Такое собрание евреев я увидел впервые. И каких евреев!

Музыкантов в бабочках, художников с длинными волосами, старых меломанов с аккуратно подстриженными бородками.

А женщины!

Я среди всех выглядел синей вороной. Но передо мной расступались, шушукались за спиной, вымученно улыбались.

Соседка слева, дородная мадам с пенсне на носу, застыла, когда я сел рядом, и косила глазами не переставая.

Сосед справа, старичок, опирался на палку с набалдашником в виде льва и раскланивался со многими: «Здгавствуйте, добгый вечег, добгого здоговьечка!». Все обращались к нему: «Доктор Циклис!» – а завидя меня рядом, быстро-быстро ретировались.

Он же, подняв высоко голову, смотрел на меня с удивлением. Мое присутствие создало напряженную атмосферу в зале.

До меня доносилось:

– В зале кагэбэшник!

– Он следит за доктором Циклисом.

Все взоры были обращены на меня. Я почувствовал себя ништ гит.

Как разрядить обстановку? Не могу же я встать и сказать им, что я такой же еврей, как и вы, что я помню до сих пор песни на идиш, что я пришел насладиться музыкой.

Я попросил у соседки программку. Она неохотно протянула ее мне.

Я стал читать вслух: «Варнычкес», «Ломир зих ибербейтн», «Шир а гаширим»…

– Ир рэт аф идиш?

– Авадэ, конечно.

– Эр из аид, эр рэт аф идиш! – крикнула она, вставая.

По залу от первого до последнего ряда прошла волна:

– Эр рэт аф идиш!

…Нехама Лившицайте была на высоте в ударе. Пела она замечательно. Чистый голос, великолепное произношение, выразительные руки!

В перерыве меня затащили в буфет и накормили досыта – «голодненького, бедненького еврейского солдатика».

После концерта доктор Циклис повел меня с собой за кулисы и представил певице. На сцене она казалась мне высокой, а здесь – красавица-подросток. Я попросил надписать открытку.

– Впервые вместо показаний, даю чекисту автограф. Такое бывает нор ин Адес, – пошутила она.

Полковник Булыгин спросил меня на следующий день:

– Ну как тебе «Варнычкес»?

– Вкусные, товарищ полковник!

– Наши там были. Отчет имею. А что она написала тебе на открытке?

– «На добрую память, с любовью. Нехама».

– Красавѐц (с ударением на последний слог), иди, пиши поздравление Щербицкому с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда.

Такая была мелиха!

Буйная любовь

Я не стал речным портовым служащим.

Меня привлек другой портовый город – Одесса.

Мечта моя сбылась. Я поступил в театральное училище. А кроме этого – море!

Весь сентябрь и половину октября я наслаждался им. Заплывал далеко, а возвращаясь, отдыхал у буйка, держась за толстый пеньковый канат.

В один из таких дней, уставший, лежа на спине и глядя на закатное солнце, я услышал рядом:

– Помогите…

К буйку, выбиваясь из сил, плыла девушка. Я протянул ей руку и подтянул к себе.

Она обхватила меня ногами и застыла. Худенькая, светленькая, синеглазая, чуть не плача, тяжело дыша, она, не отпуская меня, прошептала:

– Спасибо…

Ее бил озноб.

Я прижал ее поближе.

– Теперь вы в безопасности.

Мы познакомились. Она приехала из Ярославля на просмотр артисток балета в оперный.

– Посмотрите, парус!

Я обернулся.

– Это рыбацкая шаланда.

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!»
Чтоб звезды обрызгали
Груду наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы…

Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!
Вор на воре…

– Кто это написал?
– Багрицкий.

Я сел на своего конька. Читал стихи, стихи, стихи…

Она меня обняла. Мы целовались, не переставая. Мы прижались друг к другу. Мы почувствовали близость оголенных тел и…

Оказалось, что в воде это естественнее, приятнее, романтичнее.

Наступили сумерки. Мы поплыли к берегу. Ни ее, ни моей одежды и обуви там не было.

Мы слишком увлеклись и забыли, что мы на одесском пляже. Прав был Багрицкий.

Инга снимала в Аркадии каморку с еще одной «дикаркой», Екатериной.

Мы быстрым шагом направились туда. Ее напарница уже забеспокоилась и долго хохотала, узнав про кражу.

Меня облачили в женский халат. Я в знак благодарности сочинил экспромт:

Я возмущен, я в раже:
Нас обокрали на этом пляже.
Спасибо, Инга! Спасибо Кате –
Я убегаю в ее халате.

Инга проводила меня на трамвай. Прыгнув на подножку, я услышал, как в кармане халата звякнула мелочь.

На следующий день после занятий, завернув в халат торт «Отелло», я поехал в Аркадию. На двери каморки висел замок. В него была вложена записка.

«Конкурс не выдержала. Поезд отправляется в 11 утра. Завтра вечером в Ярославле я танцую в «Золушке». Спасибо за Багрицкого!..»

И несколько раз перечеркнуто что-то, а в конце – адрес владелицы халата.

Я отправил его вместе с тортом вдогонку – посылкой.

Кроссовки

Наконец решился посетить «родные пенаты», точнее – родные могилы в Одессе, и Исаак Бельский. Он оттуда уехал ровно двадцать один год назад. Многие его друзья, знакомые уже побывали там, впечатления были разные, но в одном сходились все: той Одессы уже нет, и жить там они бы точно не смогли. Давали советы: что с собой взять, как себя вести на таможне, стараться не выделяться, наличные деньги в гостинице не оставлять.

Лева Шапиро конкретно настаивал:

– Кэш спрячь в старые поношенные кроссовки.

Он решил прихватить с собой две тысячи. В банке попросил выдать двадцать сотенных – они пойдут в тайнички. На мелкие расходы подготовил синглс, пятерки и десятки.

Первый конфуз произошел в аэропорту Оухера, в Чикаго. Нужно было обязательно снять обувь на контроле. Две тоненькие стопки купюр Изя положил в конверты, запечатал их и накрыл сверху стельками от плоскостопия. Гард пропустил кроссовки через рентген, достал конверты, пощупал, улыбнулся и положил обратно. «Пронесло!» – обрадовался Исаак.

По прибытии в Варшаву и Одессу деньги перекочевали в пиджак. Гостиница «Моцарт» напротив оперного оказалась не настолько уютной, как рекламировали. Начиная от швейцара в красном одеянии на входе до уборщицы в номере все смотрели в руки и ждали чаевых.

Исаак решил осмотреться, а потом составить на две недели план, куда и когда.

Натянув на себя джинсы, надев кроссовки с двумя тысячами, накинув куртку на плечи, он завернул за угол и сразу попал на Дерибасовскую. И он ее не увидел – на тротуарах до самой Преображенской не было пустого свободного метра. Примыкая друг к другу, расположились кафе, бутики, ресторанчики, киоски, обменные пункты. В Городском саду скульптуры двух знаменитых львов перекрывали полотна доморощенных художников, столы с матрешками, хохломскими ложками, гжелью, поддельными шкатулками из Мстеры, Палеха, Холуя, лотки, лотки, лотки. Покупали мало, но жизнь кипела.

Он прошел на Ласточкина, а оттуда на Гоголя к Атлантам. Вид на море перекрыл ресторан перед Тещиным мостом. А на месте старинного мавританского дворца с башенками и узкими бойницами, покрытыми зеленоватым мхом, стоял выкрашенный в белый цвет, приглаженный, разрисованный современный «монстр», обведенный железной оградой и воротами с компьютерной системой входа и выхода.

Здесь, в бывшем, как теперь стало ясно, Доме творчества, он, Исаак Натанович, после института проработал библиотекарем в нотном отделе девять лет.

– Ну как? Нравится? – услышал вдруг за спиной Бельский.

Он повернулся и увидел типичного кагэбэшного дядьку в штатском, охранявшего, как оказалось, частный «Банкъ».

– Ничего, – ответил Исаак.

– Проходите, проходите!

Так он бродил по городу до самого вечера. Перед тем как вернуться в номер, поужинал в шумном ресторанчике «Галушки» и все же в неплохом настроении, уставший, поплелся отдыхать, ощущая под ногами две тысячи долларов и землю, на которой он когда-то родился.

Гаванная почти не была освещена, но до «Моцарта» оставалось метров тридцать.

Неожиданно его затянули в темный подъезд и приставили к шее нож. Их было двое. Один босой, другой в тельняшке, заметил Исаак.

– Не двигайся, американка! Жора, обыщи!

Тот залез в куртку и вытащил бумажник. Там было сорок пять долларов, паспорт и обратный билет. Он забрал только деньги.

– А где остальные?

– У меня «виза», и она в гостинице, – сообразил сказать Исаак.

– Снимай кроссовки!

– Почему именно кроссовки? Берите куртку…

– Куртку возьмем тоже. Она мне подходит. А кроссовки будут Жорику – ты же видишь, он босой.

Изю охватил страх, и он пролепетал:

– Не могу же я прийти в носках…

– Ух, какой интеллигент, – и ударил под дых.

Исаак свалился.

– Теперь будет удобнее снимать.

Вмиг кроссовки оказались у Жоры. Он стал всовывать ногу. Было тесно. Выбросил стельку. Выпал конверт.

– Братан! А тут нам письмо.

Тот надорвал его – и выпали деньги. Пересчитал.

– Жорик! Кусок! Смотри в другом.

– Еще один!

– Молодец, Исачок! Разделил для нас поровну.

«Откуда он узнал мое имя? Из паспорта, что ли?» – мелькнула мысль.

– Слушай, засранец! Чтоб ты не думал про одесских воров плохо, возьми свои кроссовки, и я тебе дарю на мелкие расходы – сотню.

– Я тоже, – сказал Жора.

Они помогли ему встать. И скрылись.

Исаак хихикнул, а затем начал истерически смеяться.

«Какая прелесть! Я невредим, я жив, кроссовки при мне, и двести долларов на руках. Пойду и напьюсь!»

Он никому не сказал о краже, побывал на могилах дедушки, бабушки, родителей, старшего брата Мусика. Сумел за взятку на оставшиеся от Жорика и его друга деньги поменять билет и в тот же день улетел на Варшаву, а оттуда домой в Америку.

Сокровища из сокровищницы

324 Татьяна Щурова
«Сцена и музыка»

Татьяна Щурова

«Сцена и музыка»

СЦЕНА и МУЗЫКА

Выходитъ еженедѣльно

— ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТЕАТРАЛЬНАГО СЕЗОНА. —

№ 19–20. Одесса, Сентябрь 1904 г. № 19–20.

Современные музыкальные дѣятели и артисты.

Іосифъ Вячеславовичъ Прибикъ.

Въ минувшемъ августѣ исполнилось ровно десять лѣтъ, какъ городской оркестръ, подъ управленіемъ І. В. Прибика, впервые выступилъ у насъ въ Городскомъ театрѣ.

21 августа 1894 г., въ память столѣтія со дня основанія Одессы, въ Городск. театрѣ днемъ для учащейся молодежи былъ устроенъ концертъ, подъ управленіемъ І. В. Прибика, а на другой день — для почетныхъ гостей вечерокъ. 30 августа начался драматическій сезонъ, и оркестръ сталъ ежедневно играть въ антрактахъ. Десять лѣтъ безпрерывно дирижируетъ городскимъ оркестромъ І. В. Прибикъ, и такимъ образомъ теперь исполнилось его десятилѣтіе въ одесскомъ Городскомъ театрѣ. Говорить о заслугахъ талантливаго мастера излишне: онъ слишкомъ хорошо извѣстны всей театральной Одессѣ. Какими симпатіями пользуется у нашей публики І. В. Прибикъ, доказательствомъ служатъ его каждогодные «бенефисы» въ итальянской опе-

І. В. ПРИБИКЪ.

Под таким названием с 1 января 1903 г. по апрель 1905 г. в Одессе выходила еженедельная газета, задуманная и осуществленная редактором-издателем Андреем Валерьяновичем Мазаренко (он же – Мазаракий), потомственным дворянином, титулярным советником, как свидетельствуют архивные записи. И, судя по подбору материалов и публикаций самого редактора, человеком, знающим и понимающим современное музыкальное и театральное искусство. Сброшюрованное как журнал, удобного формата, изящно оформленное и снабженное фотографиями музыкантов и театральных деятелей, это издание и сегодня вызывает несомненный интерес и достойно представляет старую одесскую периодику. Оно, как своеобразная библиотечная «машина времени», возвращает нас к началу двадцатого столетия. Тогда жили и творили мастера, ныне по праву занявшие места классиков в своих видах творчества, а в те годы они волновались перед премьерами и концертными выступлениями, писали новые

оперы и драматические сочинения, имели у публики успех или слышали лишь вежливые аплодисменты – одесситы всегда были искренни в зрительских эмоциях.

Нужно сказать, что и рецензии писались довольно жестко. Порой доставалось и известному дирижеру Прибику за «индифферентность маэстро по отношению к неточности строя инструментов его оркестровых музыкантов»… Или о молодом актере: «В его игре видны несомненные задатки сценического дарования – и только; подвергать же ее подробному разбору пока рано. Слабость исполнения им роли заключается не только во многих технических недочетах, но главным образом – в тусклости духовной физиономии героя». Единодушны были критики и зрители в оценке гастролей известного французского актера Коклена-старшего (1841-1909), показавшего в Одессе два акта из своего коронного спектакля «Сирано де Бержерак» и «Глупый водевиль» – «…сбор был полный, но коммерческая сторона совершенно поглотила артистическую вершину его творчества…». Традиционно доставалось «легкому жанру», в данном случае опереточной труппе г. Новикова, который «вместо улучшения репертуара и замены артистов, давно отпраздновавших

СЦЕНА и МУЗЫКА

Выходить еженедѣльно

— ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТЕАТРАЛЬНАГО СЕЗОНА —

№ 10–11. Одесса, Мартъ 1904 г. № 10–11.

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Современные драматическіе артисты.

Вѣра Федоровна Коммиссаржевская.

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКАЯ.

СЦЕНА и МУЗЫКА

Выходить еженедѣльно

— ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТЕАТРАЛЬНАГО СЕЗОНА —

№ 7. Одесса, 15-го Февраля 1903 г. № 7.

Современные музыкальные дѣятели и артисты.

Руджеро Леонкавалло.

Композиторъ РУДЖЕРО ЛЕОНКАВАЛЛО, авторъ оперы „Заза".

СЦЕНА и МУЗЫКА

Выходитъ еженедѣльно

— ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТЕАТРАЛЬНАГО СЕЗОНА —

№ 16. Одесса, Апрѣль 1904 г. № 16.

Екатерининская, 35.

Панорама ГОЛГОѲА

Современные музыкальные дѣятели и артисты.

Антонъ Дворжакъ.

Антонъ Дворжакъ

СЦЕНА и МУЗЫКА

Выходитъ еженедѣльно

— ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТЕАТРАЛЬНАГО СЕЗОНА —

№ 15. Одесса, Апрѣль 1904 г. № 15.

Екатерининская, 35.

Панорама ГОЛГОѲА

Памяти М. П. Старицкаго.

М. П. СТАРИЦКІЙ.

свой почтенный юбилей на сцене», выписал на гастроли известную исполнительницу цыганских романсов г-жу Вяльцеву, что моментально сделало театру полные сборы. Актуален также фельетон «Бродячие труппы» о наскоро сколоченных группах артистов разного дарования, которых мало беспокоило качество их спектаклей – они, говоря современным языком, просто совершали «чёс» по разным городам.

Тем доброжелательнее в газете «Сцена и музыка» относились к настоящему искусству и талантливым мастерам. Здесь были постоянные рубрики «За неделю», где давались обзоры оперных и драматических спектаклей, «Современные композиторы», анонсировались значимые юбилейные даты и концерты. Одесситы, например, имели возможность в те годы послушать «чародеев скрипки» – скрипачей-виртуозов чехов Яна Кубелика и Иосифа Карбульку, а также в зале «Унион» состоялся концерт известного немецкого скрипача Вилли Бурместера. С большим успехом прошли в Одессе гастроли «короля баритонов» Маттиа Баттистини. Газета поместила подробный профессиональный разбор спектакля «Риголетто» с его участием и положительный отклик на концерт мастера. Так же благосклонно был встречен концерт Федора Шаля-

пина в Новом купеческом биржевом зале.

Интересна рубрика «Современный оперный репертуар», где презентовалась тогда новая опера Франческо Чилеа «Адриенна Лекуврер», недавно написанная опера Руджеро Леонкавалло «Заза», комическая опера Лео Делиба «Король сказал», малоизвестная опера Цезаря Кюи «Мадемуазель Фифи» по Мопассану. В этой же рубрике находим любопытный материал о новой опере Джакомо Пуччини «Madame Butterfly». Приведем отрывок из статьи: «Премьера в Милане. Ожидался успех, подобный предыдущим его операм – «Манон Леско», «Богема», «Тоска». Но, увы! Опера не оправдала ожиданий публики, собравшейся в огромном количестве в зале театра La Scala, чтобы насладиться новым перлом талантливого композитора… Опера оказалась весьма слабою, и публика безо всякой жалости провалила ее. Давно в этом театре не было такого громкого фиаско. Темпераментная итальянская публика, не стесняясь ничем, показала свое недовольство автору». Ругали либретто, музыку (за повторы). Однако время рассудило иначе, и опера «Мадам Баттерфляй», как мы знаем, не сходит со сцен мира и принесла славу не одной талантливой певице…

Первую страницу одного из номеров газеты в 1904 году украсила фотография юной талантливой пианистки Валентины Лернер (1889-1960) и подробный рассказ о ее концерте в родном городе. Впереди ее ожидала удачная карьера, гастроли в Европе, жизнь в Берлине, США, во Флоренции. Граммофонные записи Тины Лернер и ее супруга Владимира Шавича были в разные годы переизданы в различных антологиях фортепианных дуэтов. Одесская газета зафиксировала тогда начальный творческий этап одаренной одесситки, родившейся в семье Осипа Лернера, еврейского писателя и историка, сотрудника редакции «Одесского вестника», антрепренера театра на идише «Труппа Лернера», и одной из первых женщин-литераторов на идише.

Безусловный интерес для исследователей украинского театра представляет рубрика «Современные артисты малорусской сцены». Здесь напечатан, например, материал о М.Л. Кропивницком, составленный по его автобиографическим заметкам, включающим, в том числе, и одесские страницы, освещались гастроли М.К. Заньковецкой – «талант разносторонний, пригодный для драмы и комедии, и легкой водевильной роли…». Писали об огромном успехе бенефи-

са Панаса Саксаганского. В газете также напечатан большой материал с продолжением «Современный малорусский театр и его деятели», в котором автор статьи П. Фортунатов анализирует достоинства и недостатки этого явления. Он подчеркивает, что мы имеем дело с «деятелями крупного сценического дарования, положившими основание всей драматической литературе малорусского театра и создавшими благодаря своему выдающемуся таланту целые школы».

С большой симпатией в газете поданы материалы и о других выдающихся современниках. В зону внимания попал Ливерий Антонович Саккети (1852-1916), специалист по истории и теории музыки и эстетики, музыкальный критик, автор учебников, по которым занималось и занимается не одно поколение музыкантов. Думается, все они оценили «ясность и литературность изложения, полнейшее беспристрастие в оценке разных теорий, живой и легкий стиль… Даже в изложении самых сухих технических вопросов Саккети умеет быть интересным и изящным…».

В 1904 году исполнилось десять лет со дня, когда известный оперный дирижер, композитор, педагог и прекрасный пианист Иосиф Вячеславович Прибик

СЦЕНА и МУЗЫКА

Выходитъ еженедѣльно

— ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТЕАТРАЛЬНАГО СЕЗОНА —

№ 19. Одесса, 27-го Августа 1903 г. № 19.

ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Музыкальнаго Общества

Одесское Музыкальное Училище

Екатерининская, 35.

Панорама „ГОЛГОѲА“

И. П. Котляревскій.

И. П. Котляревскій.

СЦЕНА и МУЗЫКА

Выходитъ еженедѣльно

— ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТЕАТРАЛЬНАГО СЕЗОНА

№ 28. Одесса, 15-го ноября 1903 г. № 28.

Екатерининская, 35.

Панорама „ГОЛГОѲА“

Современные музыкальные дѣятели и артисты.

Л. А. Саккетти.

Проф. Л. А. САККЕТТИ.

СЦЕНА и МУЗЫКА

Выходитъ еженедѣльно

№ 5. Одесса, Февраль 1904 г. № 5.

Екатерининская, 35.

Панорама „ГОЛГОѲА“

Современные артисты малорусской сцены.

М. Л Кропивницкій.

М. Л. Кропивницкій.

СЦЕНА и МУЗЫКА

Выходитъ еженедѣльно

въ теченіе театральнаго сезона.

№ 3. Одесса, Январь 1904 г. № 3.

Екатерининская, 35.

Панорама „ГОЛГОѲА“

Современные композиторы.

Франческо Чилѣа.

ФРАНЧЕСКО ЧИЛЕА.

(1855-1937) возглавил оркестр в Городском театре. От чествования маэстро отказался, но получил отличную статью от редактора газеты А. Мазаракия, в которой были отмечены несомненные заслуги дирижера, его добросовестность в работе, внимание к певцу, глубокое знание и понимание своего дела.

Один из материалов газеты подписан Владимиром Издебским (1882-1965). Сегодня это имя хорошо известно – скульптор, художник, издатель, журналист, импресарио, организатор двух «Салонов» (1909/10 и 1911 гг.) – масштабных международных художественных выставок, которые прочно вошли в историю изобразительного искусства XX века. В октябре 1903 года он был студентом Одесского художественного училища и предоставил газете обзор XIV выставки Товарищества южнорусских художников в Одессе. По этой статье уже можно было судить об образованности и одаренности ее автора, которого в последующие годы ждали столь значимые проекты.

Хотим познакомить вас с некоторыми публикациями из газеты «Сцена и музыка», раритетного одесского периодического издания.

Концертъ В. Мендіорозъ и М. Баттистини. Много публики привлекъ концертъ г-жи Мендіорозъ и г. Баттистини, состоявшійся въ большомъ залѣ Купеческой биржи. Не смотря на крайне плохую акустику этого роскошнаго зала, въ извѣстной степени невыгодно отразившуюся на вокальномъ исполненіи концертантовъ, пѣніе артистовъ очень понравилось слушателямъ и вызвало по адресу исполнителей продолжительныя и шумныя оваціи. Успѣху концерта способствовала его очень интересно составленная разносторонняя программа. Кромѣ многихъ оперныхъ арій, г. Баттистини превосходно и съ большимъ увлеченіемъ спѣлъ нѣсколько итальянскихъ и испанскихъ романсовъ.

Г-жа Мендіорозъ съ большимъ успѣхомъ исполнила нѣсколько оперныхъ арій и немѣцкія пѣсни Шуберта и Бема. Арію изъ оперы «Пиковая дама» и романсъ Чайковскаго «День ли царитъ» – артистка спѣла по русски, не обнаруживъ, впрочемъ, особенной правильности произношенія словъ русской рѣчи.

МАТТІА БАТТИСТИНИ.

Концертъ былъ законченъ дуэтомъ изъ оперы «Донъ-Жуанъ», который г-жа Мендіорозъ и г. Баттистини спѣли очень хорошо.

Съ большимъ вниманіемъ и умѣніемъ аккомпанировалъ пѣвцамъ нашъ талантливый оперный maestro г. Бернарди.

К—съ.

«Бродячія» труппы.

За послѣдніе годы развелось не мало, такъ называемыхъ, «бродячихъ» труппъ. Ловкій театральный дѣлецъ собираетъ труппочку изъ самыхъ посредственныхъ персонажей, кто съ борку, кто съ сосенки, прибавляетъ сюда гастролера съ именемъ и «дѣло» готово. Бюджетъ самый скромный, обстановка еще скромнѣе, въ результатѣ даже при плохихъ дѣлахъ никакого риску (б. ч. бродячіе артисты живутъ на товарищескихъ маркахъ).

Съ нынѣшняго великопостнаго сезона такихъ труппъ разъѣзжаетъ по

Россіи болѣе десятка. Во главѣ одной изъ нихъ стоитъ *В.Ф. Комиссаржевская*.

Въ настоящѣе время труппа, по слов. «Каз. Т.», съ названной артисткой во главѣ, разъѣзжаетъ по городамъ Поволжья; недавно она посѣтила Саратов.

Вотъ что пишутъ саратов. газеты о составѣ труппы Комиссаржевской:

«Наши славные гастролеры мало уважаютъ насъ, провинціаловъ. Да и авторами гастрольнаго репертуара они не особенно дорожатъ. Ну, скажите пожалуйста, что это за труппа, сопровождающая Савиныхъ, Комиссаржевскихъ, Далматовыхъ, Орленевыхъ? И когда-же будетъ конецъ этимъ разъѣздамъ по Россіи съ составомъ лицъ, безнадежно обучающихся сценической грамотѣ? Есть театральное Общество, есть театральное бюро. Они очень много заботятся о судьбѣ актерской среды. Было бы кстати присоединить сюда заботу объ авторахъ, о театральной публикѣ. Пора-бы наложить нѣкоторое запрещеніе на гастролированіе въ сопровожденіи учениковъ и бездарностей.

Ансамбль, содѣйствуюпий талантливой гастролершѣ, очень плохъ. Такъ плохъ, что и разбирать не стоитъ. Одинъ рычитъ и кричитъ, другая бормочетъ какіе то невнятные звуки, третій наглядно обучается употребленію шаблонныхъ жестовъ. И это труппа!!

XIV выставка товарищества Южно-Русскихъ Художниковъ въ г. Одессѣ.

На выставкѣ нѣтъ крупныхъ шедевровъ, нѣтъ того, что называется гвоздемъ выставки, нѣтъ вещи, которая бы властно приковывала вашъ взоръ, но зато есть много талантливыхъ работъ и, вообще, ее можно назвать выставкой этюдовъ, такъ какъ здѣсь совсѣмъ мало вполнѣ законченныхъ работъ.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе работы г. Костанди. Вотъ талантливый художникъ съ вѣчно юной душой, съ чуткимъ пониманіемъ красотъ природы. Какая жизнерадостность въ его вещахъ, изъ которыхъ каждая является маленькимъ шедевромъ. Нѣтъ мотивовъ грусти и скорби, нѣтъ пессимизма. Солнце, ясное, весеннее солнце, свѣтъ и радость разлиты щедрой рукой на маленькихъ полотнахъ г. Костанди.

Хороша вещь г. Эгиза «Billet doux». Молодая дѣвушка пишетъ записочку, вѣроятно, любовную. Обстановка комнаты и нарядъ дѣвушки переносятъ насъ въ доброе старое время; стиль, а въ особенности нѣжный и мягкій тонъ превосходно выдержаны художникомъ, – аксессуары тщательно выписаны, что хотя и не въ духѣ нашего времени, но тѣмъ самымъ еще болѣе гармонируетъ съ духомъ добраго стараго времени. Отъ картины вѣетъ милымъ прошлымъ, дѣтской чистотой и наивностью.

Обращаютъ также на себя вниманіе картины г. Головкова; онѣ сразу бросаются въ глаза своими рѣзкими, какъ бы непривычными для глазъ красками: нѣтъ полутоновъ, нѣтъ гаммы тоновъ, нѣтъ модуляцій.

Первое впечатѣніе получается, какъ будто отдѣльныя части картины не связаны и не гармонируютъ. Но эти картины, надо смотрѣть на разстояніи, тогда вы охватываете всю картину, рѣзкіе и яркіе тоны смягчаютъ другъ друга, взоръ вашъ очень скоро привыкаетъ и начинаетъ находить художественность, красоту и вѣрность природѣ.

Большое впечатлѣніе производить картина г. Головкова «У пристани», написанная очень сильно и смѣло.

Г. Нилусъ, дававшій всегда талантливыя вещи, не выставилъ въ этомъ году ни одного сильнаго полотна. Онъ измѣнилъ жанру и выставилъ нѣсколько пейзажей, между которыми есть недурные.

Хороши этюды г. Столицы, написанныя съ художественной простотой. Его «Оттепель» и «Дождливая пора», исполненныя въ сѣрыхъ неяркихъ тонахъ, полны настроенія. Грустныя ноты звучатъ въ этихъ мотивахъ, и это достигнуто безъ всякихъ символовъ, безъ всякихъ эффектовъ, безъ напоминанія о смерти, какъ, напримѣръ, у г. Нилуса. Вы видите передъ собой деревенскую хатку и два три стога соломы, одиноко брошенные среди совершенно пустой, покрытой снѣгомъ степи; ни одного звука, ни одного признака жизни – мертвое царство. Вы смотрите и начинаете себя чувствовать одинокимъ и покинутымъ всѣми.

Выдѣляются также художественной простотой и глубокимъ настроеніемъ картины г. Дворникова. Его картина «Сумерки» одна изъ лучшихъ изъ законченныхъ картинъ пейзажной живописи.

Совершенно особаго направленія талантъ г. Формаковскаго. Религіозное чувство и молитвенное настроеніе воплощаются имъ въ художественныхъ поэтическихъ образахъ; таковы его «Схимники» и «Три сестры». Не особенно удачны тѣ картины художника, гдѣ онъ выходитъ изъ рамокъ религіознаго творчества. Его картина «Горе Злосчастье» вызываетъ недоумѣніе публики, главнымъ образомъ благодаря неясному сюжету, который совершенно не подходитъ къ характеру творчества, художника.

Очень фантастичны, сказочны, но въ такой же степени непонятны большія картины г. Кандинскаго. Они похожи на ковры съ принцессами и рыцарями, отъ нихъ вѣетъ рыцарскимъ романомъ временъ Сервантеса съ приключеніями и похищеніями. Эти картины написаны мрачно, но въ этомъ ихъ своеобразная прелесть; кажется, что, если взойдетъ яркое солнце – оно разсѣетъ эти призраки далекаго прошлаго. Декоративные рисунки того же художника написаны оригинально, но мозаично. Лучшіе изъ нихъ «Старыя времена» и «Café», гдѣ эта пестрота и мозаичность вполнѣ гармонируютъ съ сюжетами. Все же у г. Кандинскаго много самостоятельности и оригинальности, чего нельзя сказать про г. Бальца. Его этюды написаны свѣжо и колоритно, но, смотря на нихъ, невольно вспоминаешь шедевры г. Костанди, и напрашивается далеко не выгодное сравненіе для г. Бальца. Это молодой художникъ, не лишенный таланта и чуткаго пониманія тоновъ въ природѣ, но неокрѣпшій и пока не совсѣмъ самостоятельный.

ДЛЯ ДАМЪ

къ

Бальному Сезону

САМЫЯ МОДНЫЯ

МИТЕНКИ лайковыя, шелковыя и **КРУЖЕВНЫЯ**, готовыя и по заказу на фабрикѣ

М. ТАЛИКОВСКАГО

Ланжероновская, 17. Телефонъ 1428.

МОЙКА ПЕРЧАТОКЪ.

* * **РЕКОМЕНДУЮ** * *

ТАБАКЪ и ПАПИРОСЫ

отличающіеся ПРІЯТНЫМЪ ВКУСОМЪ и ТОНКИМЪ АРОМАТОМЪ безъ ШВАРЫ.
Каждый попробавшій по одному разу убѣдится въ дѣйствительности.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

Т-во Ростовско-Донской Табачной Фабрики.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ Главный складъ по Преображенской улицѣ, противъ Херсонской, рядомъ съ Городскимъ садомъ.

Г. Поповъ выставилъ нѣсколько интересныхъ этюдовъ-маринъ.

Хорошіе оффорты и декоративныя панно г. Заузе.

Г. Финкельштейнъ не признаетъ никакихъ условностей письма и его широкій размахъ не знаетъ границъ, а поэтому въ своихъ работахъ онъ перешелъ границы художественности, и его дама на желтомъ фонѣ – весьма напоминаетъ плакатъ.

Г. Гольдштейнъ выставилъ недурныя работы «Столярная мастерская» и «Сапожники».

Г. Кузнецовъ выставилъ два портрета, которые можно назвать шедеврами, но нельзя сравнить съ лучшими изъ его произведеній. Постановка фигуръ очень характерна и во всемъ чувствуется кисть большого мастера.

Очень талантливо написанъ портретъ г. Ганскимъ г-жи Н. П—тъ. Обращаетъ на себя вниманіе портретъ г. Бодаревскаго «Красное солнышко», написанный очень ярко и красочно; солнечное освѣщеніе передано сильно и реально. Вещь очень эффектная, нравится публикѣ.

Изъ молодыхъ начинающихъ художниковъ рѣзко выдѣляются г. Колца и г. Лаковскій.

Колца выставилъ крымскіе этюды, поразительные по яркости, свѣжести, смѣло написанные, вполнѣ передающіе солнце юга. Очень нѣжно и мягко написана картина г. Лаковскаго «На барьерѣ», въ ней много лиризма, она дышетъ пробужденіемъ весны. Интересна по компановкѣ его картина «Въ пріемной комитета».

Что касается скульптуры, то ея на выставкѣ очень мало и въ качественномъ отношеніи она очень неинтересна.

Если одесская публика не привыкла къ хорошимъ скульптурнымъ произведеніямъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы жюри допускало на выставку такія слабыя и стоящія ниже всякой критики работы, какъ напримѣръ барельефъ работы г. Борсенко. Остается неизвѣстнымъ, какъ эта работа могла попасть на выставку.

Нельзя также понять, какъ такой извѣстный и талантливый скульпторъ, какъ г. Гинзбургъ, рѣшается выставлять такія слабыя и неинтересныя, въ смыслѣ исполненія, вещи – какъ статуэтка гр. Л.Н. Толстой. Въ другой скульптурѣ того же художника «В.В. Стасовъ» недурно вылѣплена голова и передано сходство, но другія части и вообще вся работа неудачна: рисунокъ очень слабъ, лѣпка почти дѣтская. Если эти работы сдѣланы художникомъ въ часы отдыха, послѣ утомленія отъ серьезнаго труда, то зачѣмь же выставлять ихъ на судъ публики, которая можетъ совершенно ошибочно думать, что въ художественномъ творчествѣ г. Гинзбурга произошелъ поворотъ назадъ, регрессъ, что художникъ сталъ слабѣе самого себя, что онъ выдохся.

Мраморъ г. Эдуардса для надгробнаго памятника задуманъ удачно, но нѣсколько слабъ въ рисункѣ.

Рядомъ дѣйствительно произведеніе искусства – это прелестная головка Святой Цециліи, того же скульптора; сразу чувствуется, что художникъ создалъ эту головку въ вдохновенную минуту. Головка живетъ и дышетъ кротостью и нѣжностью линій, чему много способствуетъ удачный выборъ матеріала. Все же скульптура на выставкѣ очень бѣдна и серьезныхъ работъ совсѣмъ нѣтъ, а новыя вѣянія въ скульптурѣ не находятъ себѣ здѣсь отклика. Въ общемъ выставка производитъ пріятное впечатлѣніе, я еще разъ напоминаю, что это скорѣе выставка этюдовъ, а не картинъ. Много молодыхъ не опредѣлившихся художниковъ, подающихъ надежды въ будущемъ.

В. Издебскій.

Концертъ г. Шаляпина. Состоявшійся 26-го февраля въ Новомъ купеческомъ биржевомъ залѣ концертъ г. Шаляпина привлекъ очень много публики и прошелъ съ большимъ артистическимъ успѣхомъ. Публика, безконечно вызывая пѣвца, просто неистовствовала и заставила г. Шаляпина спѣть чуть ли не вдвое противъ программы, причемъ болѣе всего понравились «Менестрель» Аренскаго и «Пророкъ» Римскаго-Корсакова.

Музыкальныя произведенія декламаціонно-драматическаго характера передаются г. Шаляпинымь превосходно, зато мелодичныя аріи и романсы лирико-элегическаго оттѣнка въ чрезмѣрно «свободной» интерпретаціи этого «любимца публики» производятъ на музыкальнаго слушателя почти отрицательное впечатлѣніе.

Въ концертѣ г-на Шаляпина принялъ участіе піанистъ-композиторъ г. Корещенко, авторъ оперы «Ледяной домъ», которому пьесы своего собственнаго сочиненія удаются значительно лучше, нежели безсмертныя произведенія Бетховена, Шопена и др.

А. В.

Путешествие

340 **Евгений Деменок**
Мои Виноградыы

Евгений Деменок

Мои Виноградьі

Конечно, никакие они не «мои». Я лишь один из тех счастливчиков, которым повезло на каком-то жизненном этапе оказаться в этом, пожалуй, лучшем пражском районе.

Вообще, фаворитов у меня трое – помимо Виноград это Карлин, так напоминающий местами родную Одессу, и Мала Страна, которая прекрасна своей ажурной барочностью и легкой атмосферой.

Но Виноградьі – это золотая середина. Центр города, но почти без туристов; удобное и приспособленное для жизни место, при этом до краев наполненное историей.

Вот это и является для меня самым важным. Все соседние с нашим домом улицы усеяны системой знаков – известных лишь мне или доступных всем; по ним я часто прокладываю свой путь, делая совершенно рутинные дела.

Я разделяю все прогулки на два условных круга – малый и большой. Как, например, малый и большой винные круги в Одессе. Или, если угодно, малый и большой круги кровообращения.

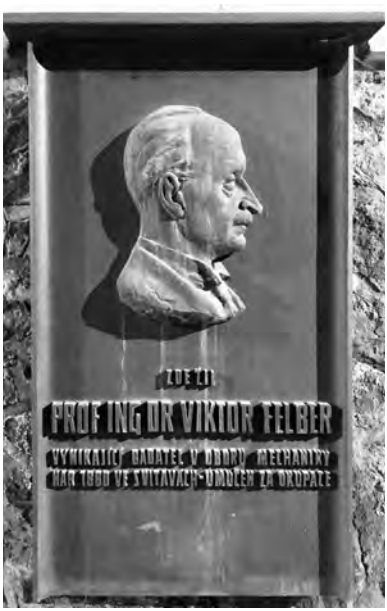
Когда я выхожу из дому в соседний вьетнамский магазин, обязательно смотрю на дом, что стоит напротив него, через перекресток наискосок. В 1900-х здесь была мастерская художника Войтеха Прейссига, одного из главных графиков Первой республики, друга Альфонса Мухи и создателя журнала «Česká grafika». Тут же выросла его дочь Ирена. Оба они после аннексии страны нацистами и образования протектората начали активно бороться с оккупантами. Прейссиг стал одним из организаторов выпуска нелегального журнала «V boj», жена с дочерьми помогали ему.

Первый номер журнала вышел в апреле 1939-го, а уже в ноябре того же года другой основатель журнала, Йозеф Шкалда, был арестован гестапо и приговорен к смертной казни. Его расстреляли в 1942 году в Берлине. Прейссиг с дочерью, продолжившие, несмотря ни на что, издавать журнал, были арестованы в 1940-м. Сам художник погиб в 1944 году в Дахау; его дочь Ирена была, как и Шкалда, расстреляна в 1942 году в Берлине. На доме номер семь по улице Ходской нет никакой таблички, она установлена на доме 944 по улице Jihovýchodní, где семья Прейссиг жила во время протектората, но для меня дом на Ходской навсегда связан с ними. А мемориальная доска Йозефу Шкалде установлена всего в двух кварталах ниже Ходской, на доме номер 14 по улице Будечской…

Когда я веду дочку на гимнастику на соседнюю Словенску, обязательно подхожу к вилле Ладислава Шалоуна, которую он построил себе после победы на конкурсе по созданию памятника Яну Гусу – памятник был слишком велик, и в прежней мастерской не хватало места. Говорят, тут, в подвале, Шалоун

проводил спиритические сеансы, на которых бывали чуть ли не все пражские знаменитости – Альфонс Муха, Эма Дестинова, Ян Кубелик, Франтишек Билек, Алоис Йирасек. Фисташково-золотой цвет фасада в солнечные дни выглядит великолепно, и в золотом свете, льющемся сквозь огромные окна, оказавшись внутри, можно просто купаться, а барельеф у входа с обнаженными мужчиной и женщиной сводит меня с ума своей утонченной эстетикой. Даже странно, как в таком радостном месте Шалоун создал огромную мрачную скульптуру восходящего на костер Гуса, которая стала, пожалуй, самым знаменитым его творением, – хотя я, по правде, больше всего люблю у него ростовой скульптурный портрет великого Мирослава Тырша, и каждый практически день, проезжая мимо, любуюсь созданными им же обнаженными женскими скульптурами на фасаде Центрального вокзала. Когда в Триесте у здания банка «Прага», построенного великим Освальдом Поливкой, я увидел две скульптуры Шалоуна, то радовался так, словно встретил в далеком краю старого знакомого. Шалоун часто сотрудничал с Поливкой – еще одним примером является фигура рабби Лева, знаменитого Махараля, создателя Голема, возле здания, построенного Поливкой пражской мэрии.

Тут же, на соседней Градешинской улице, куда я часто выхожу вечерами на короткие прогулки, стоит массивная, но неброская вилла великого архитектора Яна Котеры, лидера чешской модернистской архитектуры. Талантливый юноша, провинциал со строгим и цепким взглядом был быстро замечен бароном Иоганном Младотой из Солописка, камергером и владельцем нескольких замков. Вместе с инженером Фрейном барон профинансировал учебу Котеры в Венской академии изящных искусств – именно там тот познакомился с Йозефом Плечником и Адольфом Лоосом. Вернувшись в Прагу, Котера стал профессором созданной при Академии изящных искусств специальной архитектурной школы – его учениками были великие Йозеф Гочар и Павел Янак. Котера реализовал десятки проектов, среди которых здание юридического факультета Карлова университета, Музей Восточной Чехии в Градце Кралове, легендарный Моцартеум… Что говорить – великий Томаш Батя заказал постройку своей виллы в Злине именно ему. В доме Котеры, внешне даже невзрачном,



намеренно созданном без декоративных элементов, живут сейчас несколько семей. Знают ли они, кому обязаны своим жилищем? Понимают ли его уникальность?

Наискосок от Котеровой виллы, на доме номер девять, установлена мемориальная доска Виктору Фелберу – первому чешскому доктору технических наук, профессору технической механики, ректору Чешского технического университета в Праге. Доска эта, которую вряд ли замечают идущие или проезжающие по всегда немноголюдной улочке, вызывает целую цепочку воспоминаний о роковых событиях чешской истории.

Виктор Фелбер был человеком требовательным и неуживчивым, из-за чего досрочно вышел на пенсию. Случилось это в 1935 году, а спустя несколько лет, когда нацисты оккупировали Чехию, он стал участником Национального революционного комитета интеллигенции – вместе с Юлиусом Фучиком, Владиславом Ванчурой и многими другими. Участвовал в работе комитета и сын Фелбера Юлиус. 1 июня 1942 года, в один день с Владиславом Ванчурой, которого многие в то время считали лучшим чешским писателем, отец и сын Фелберы были расстреляны на полигоне в Кобылисах. Тогда, после покушения на Гейдриха, нацисты принялись убивать чешских интеллигентов – людей искусства, ученых, представителей церкви. Епископ православной церкви Горазд, признанный святым, был казнен там же.

Шок от казни известных на всю страну деятелей культуры, и в первую очередь Ванчуры, был сильнейшим. На это и был расчет – месть за Гейдриха должна была быть такой жестокой, чтобы

ни у кого больше не было даже мыслей о сопротивлении. Будущий нобелевский лауреат, поэт Ярослав Сейферт вспоминал: «Я слишком хорошо помню тот вечер. Владислав Ванчура был арестован и подвергался пыткам гестапо в течение нескольких недель. Мы сидели, дрожа, у радио, чтобы услышать новости о новых мерах нацистов и убийствах, которые они обещали. Когда имя Ванчуры прозвучало среди первых имен казненных, мы вскочили со стульев, словно выброшенные со своих мест от ужаса, и замерли, затаив дыхание. Владислав Ванчура! В этом имени отразилось все наше поколение, в нем была судьба всех нас. От этого имени вся наша страна была кроваво ранена».

Кровавых ран в ту войну было огромное множество. Дом номер один по той же Градешинской, что стоит наискосок от виллы Котеры, – бывшая вилла великого изобретателя и электроинженера Эмиля Колбена, друга Эдисона и Теслы, одного из главных чешских предпринимателей довоенного периода. По масштабу и размаху его можно сравнить разве что с Эмилем Шкодой и Томашем Батей. После окончания Чешского технического университета Колбен уехал в США, где работал главным инженером у Эдисона в легендарной «Edison General Electric Company». Но главной американской встречей стала для него встреча с Николой Теслой, который, кстати, изучал математику и физику в Карловом университете. Тесла вовлек Колбена в свои эксперименты с переменным током, и Колбен стал на всю жизнь его апологетом. Уйдя от Эдисона, Колбен, в отличие от Теслы, сохранил с ним прекрасные отношения – тот даже приехал в 1911 году по приглашению Колбена в Прагу. Сам Колбен, вернувшись в Богемию, основал свою знаменитую «Колбенку», электротехнический завод, и в 1907 году вместе с заводом Франца Рингхоффера открыл завод по производству автомобилей «Praga». Слава его была такой, что он был дважды лично принят императором Францем Иосифом. Уже в 1920-х корпорация Колбена объединилась с фирмой Ченека Данека – так появилась ČKD, главная чехословацкая машиностроительная компания. ČKD выпускала самолеты, танки, троллейбусы и даже посудомоечные машины. Все трамваи, известные нам с советских времен, выпущены именно ČKD.

В самом конце XIX века семья Колбенов переехала на Винограды, в эту самую виллу на Градешинской, которая называлась «красной» из-за цвета кирпича. В желтый цвет ее перекрасили совсем недавно, в 2014-м.

В середине 1930-х Колбену неоднократно предлагали уехать из Праги – он был евреем, а политика нацистов ни для кого не была секретом. Он раз за разом отказывался, полагая, что человека такого уровня не тронут. С ним оставались его дети и внуки – лишь одна из дочерей уехала в Британию. Увы, Эмиль Колбен жестоко ошибся. Сразу после прихода в Чехословакию нацисты заставили его продать все компании, а в июне 1943 года их с сыном, дочерью и внуком отправили в Терезин. Колбен сопротивлялся, и его просто вынесли из дома на носилках. Через три недели он умер.

Двадцать пять членов семьи Эмиля Колбена погибли во время Холокоста. Его брат и две сестры в Странчицах совершили

самоубийство, чтобы избежать отправки в концлагерь. Живым из Терезина вернулся лишь внук Колбена Йиндржих. И как цинично, что во время нацистской оккупации часть нынешней Колбеновой улицы называлась Kolbenwerkstraße…

О тех событиях напоминает сейчас лишь небольшая мемориальная доска на стене Колбеновой виллы.

Такие напоминания можно найти почти на каждой улице, каждом квартале. С коротких прогулок по «малому кругу» я обычно возвращаюсь домой по улице Lužická, на которой напротив дома с памятной табличкой «последнего адреса» украинского публициста и библиотекаря Петра Зленко, арестованного СМЕРШем в июле 1945 года и погибшего в Озерлаге, расположен дом с целыми девятью «камнями преткновения» у входа – оттуда в концлагеря были увезены семьи Сойка и Крафт. Вся семья Сойковых была убита в концлагере в Малом Тростенце; самому младшему из них, Петру, было всего четыре года… Два других Stolpersteine – кварталом ниже по нашей улице Ходской, у входа в дом номер три. Отсюда летом 1942 года увезли в Терезин Эмиля и Марту Гут. В 1944-м из Терезина их отправили в Освенцим, где они погибли, – типичный маршрут для пражских евреев…

Но Виноградыы – это целый мир, в котором, как в жизни любого из нас, трагическое переплетается с радостным и забавным.

Например, ровно в квартале от виллы Колбена, у входа в здание PRE на Dykova, установлен бюст еще одного великого чешского электроинженера, «чешского Эдисона» Франтишека Кржижика. В отличие от Колбена, Кржижик на всю жизнь остался приверженцем постоянного тока. Мы с друзьями шутим, что примирить их с Колбеном смогли бы, пожалуй, только австралийцы из группы AC/DC.

Ровно посредине между Колбеном и Кржижиком, напротив бывших Безручовых, а сегодня садов братьев Чапеков, расположен Husův sbor, молитвенный зал Чехословацкой гуситской церкви, колокольня которого с установленной на самом ее верху чашей доминирует над всеми окрестностями. Построил его в начале 1930-х великий Павел Янак, гуру функционализма, сотрудничавший одно время с Котерой и друживший с Йозефом Гочаром. Список спроектированных Янаком объектов впечатляет не меньше, чем наследие Поливки. Например, Главкув и Либеньский мосты – его рук дело, так же, как Palác Adria, Škodův palác или, например, целый район функционалистских вилл Osada Baba. Во время Пражского восстания в здании церкви работала радиостудия, которая с 7 по 9 мая транслировала новости и призывы о помощи восстанию. Сейчас об этом напоминает мемориальная доска.

Именно здесь, на стене гуситской церкви, в увитом плющом окошке с объявлениями я увидел прошлым летом цитату из «Ассизских хроник» Романа Брандштеттера, распечатанную на наполовину выцветшем, наполовину пожелтевшем от воды листе бумаги. Тогда я и понятия не имел, что это цитата именно из Брандштеттера, да и о нем самом, польском еврее, которому суждено было уехать в Палестину и именно там принять католичество, я никогда не слышал. Религиозная проза, а именно ее большей частью писал Брандштеттер, вообще находится на периферии читательского внимания, в «слепой зоне»: для верующих она чересчур светская, для атеистов – наоборот. Именно тут, в Праге, я узнал о ее существовании. Слышали ли вы, например, о Брюсе Маршалле, шотландском бухгалтере, аудиторе

и писателе, принявшем католичество и написавшем полтора десятка детективных и исторических романов, причем главными героями их являются чаще всего католические священники и бухгалтеры? Я тоже не слышал до тех пор, пока мне не рассказал о нем преподобный Бенедикт Худема, настоятель костела Святого Войтеха, где в 1874-1877 годах служил органистом Антонин Дворжак. В костел этот я попал совершенно случайно и был с первого взгляда очарован его камерностью и явно присутствующим Genius loci. Спустя год после первого визита, лежа в коронавирусном бреду, я вдруг понял, что должен прийти туда, познакомиться с настоятелем и начать помогать костелу – хотя бы тем, что буду убирать в нем. И действительно, первой просьбой настоятеля было пропылесосить ковры и залы на всех этажах. Скажу по секрету – интереснее всего пылесосить второй этаж, там есть орган и зал композитора Богуслава Ферстера.

Нет-нет, я был не один – по субботам в костеле собирается целая группа прихожан, помогающих содержать в порядке построенное еще в XIII веке и потом несколько раз перестроенное здание. Довольно странно присутствовать теперь на субботних завтраках с прихожанами, среди которых я единственный не являюсь католиком.

Бенедикт Худема смог собрать вокруг себя целый круг прекрасных молодых людей. Однажды он рассказал нам о своей любимой книге Маршалла «Plná slávy», и так я узнал о человеке, так похожем на меня, по крайней мере в роде занятий – литература и бухгалтерия. Ни одна книга Маршалла не переведена ни на русский, ни на украинский, в то время как на чешском они переиздаются регулярно.

Теперь она есть и в моей библиотеке.

Прозу же Брандштеттера, к счастью, начали переводить. И как созвучна она моему – по крайней мере сегодняшнему – настроению и способу смотреть на окружающий пейзаж сквозь призму истории…

«Человек, впервые приезжающий в Рим, должен привыкнуть к гегемонии прошлого, которая царит здесь повсюду. Когда мы смотрим на лазурное небо над римским форумом, оно кажется нам еще одним фризом капитолийского храма; покупая фрукты у неаполитанского лоточника, мы с удивлением находим в его лице сходство с помпейской скульптурой, которой только что восхищались в Национальном музее, а крестьянка из римской Кампании с ребенком на руках, в иератическом движении застывшая на повозке, напоминает изображение Божией Матери на апсиде собора Святого Марка в Венеции.

Бездонен колодец прошлого. Следы наших шагов на Виа Сакра путаются со следами римского прохожего, который шел этим же путем две тысячи лет назад, а запах моря на Капри оказывается тем же самым, который вдыхал умирающий Тиберий. Впрочем, мы быстро привыкаем к этому. И когда солнце заходит над Пинчио, нам кажется очевидным, что люди, кружащиеся среди пиний, и пинии, озаренные закатными лучами, созданы из воздушной ткани истории».

Вот еще:

«У каждого дома есть своя жизнь и своя душа. История домов не менее интересна, чем история государственных мужей или полководцев, о которых часто пишут толстые монографии. Бывают дома-долгожители, а бывают такие, которые умирают в молодом возрасте».

И еще:

«Существует связь между человеком и пейзажем. Тот же самый человек кажется нам другим на фоне близкой ему природы, гармонирующей с состоянием его души, и совсем по-иному он выглядит на фоне чуждого ему пейзажа. Между душой человека и родственной ему душой пейзажа существует тесная связь. Душа человека при этом раскрывается, как цветок под лучами солнца, открывает свою плодоносную сущность и являет себя во всей полноте. Природа – как родина, как дом и мать».

Такая же связь существует между человеком и городским пейзажем, городской энергетикой. Города, в которые влюблены одни, совершенно не нравятся другим. Прага в этом отношении город сложный и многослойный. Как-то мы заговорили об этом с Игорем Померанцевым. Я сказал, что Прага напоминает мне

симфонию – настолько различны и по эстетике, и по энергетике разные ее части, и речь даже не о «застывшей музыке» пражской архитектуры, а скорее об общем ощущении города. Игорь ответил тогда, что по сравнению с Одессой, которая, если продолжать разговор о соотношении городов и музыкальных форм, является, вне всякого сомнения, опереттой, Прага действительно гораздо более сложна, и своя энергетика есть у каждого района – можно выбрать себе по душе.

Ну что же, вернемся к «малому кругу». Построенный Янаком Husův sbor – одно из тех зданий, которыми гордятся Виноградьі. Вообще, Виноградьі начала прошлого века были Клондайком для талантливых и просто способных архитекторов.

Например, напротив дома на Ходской, в котором жили Гуты, стоит дом, построенный Эмилем Краличеком. Тем самым архитектором, который установил на Юнгманновой площади единственный в Праге кубистический фонарь, спроектировал стоящий на Вацлавской площади отель Zlatá Husa – тот, в котором несколько лет прожил Аркадий Аверченко, а еще построил кварталом выше великолепный дворец Рококо. Еще один шедевр Краличека – дом «Диамант», одна из икон пражской кубистической архитектуры, построенный им для семьи адвоката Хоффмейстера, чей сын Адольф стал выдающимся чешским графиком, переводчиком, драматургом. В гостях у Хоффмейстера-сына в «Диаманте» бывали Маяковский, Ле Корбюзье, Филипп Супо, а сам он дружил чуть ли не со всеми чешскими, европейскими и советскими знаменитостями, награжден орденом Почетного легиона, был послом Чехословакии во Франции и вообще влиятельнейшем культурным деятелем, пока не случился 1968 год…

Так вот, авторство Краличека некоторых знаковых пражских домов иногда оспаривается некоторыми специалистами, но по поводу дома «U Reichlu» на нашей Ходской никаких сомнений нет –

прямо на углу его красуется выбитая в камне надпись: «Проект архитектора Эмиля Краличека. Скульптор А. Ваигант».

Более того, два следующих дома по улице Словенской тоже построены Краличеком, на этот раз в соавторстве с Йозефом Веселы. Да уж, такой шанс для архитекторов выпадает раз в столетие, если не реже. Тот же Веселы построил на Виноградах добрый десяток домов, причем в тех случаях, когда он не был автором основного проекта, он осуществлял архитектурный надзор – как, например, при строительстве знаменитого Виноградского театра.

Даже в рамках «малого круга» – это, по сути, по два квартала в каждую от нашего дома сторону – жило немало знаменитостей. В соседнем с нами, тринадцатом номере по Ходской, на пятом этаже почти всю свою жизнь прожил Иржи Шлитр – композитор, написавший более трехсот песен, музыкант, основавший в октябре 1959 года вместе с Иржи Сухим знаменитый театр «Семафор», певец, вошедший в 1964 году в первую двадцатку списка «Золотой соловей», художник, проведший множество выставок. Именно Шлитр с Сухим первыми открыли Карела Готта, днем работавшего электромонтером в той же ČKD на Высочанах, а вечерами певшего в кафе «Влтава», именно они написали для него первые хиты, именно с «Семафора» началась его первая слава. «Oči má sněhem zaváté», услышав однажды, невозможно забыть. Из никому не известного исполнителя Готт сразу же стал лучшим в республике – и свое первенство не уступал уже никому. И все это благодаря Шлитру и Сухи.

«Дьявол с Виноград» – так шутливо назвал себя Шлитр в одной из песен – сам однажды «Oči má sněhem zaváté» с шуточной концовкой: «И что с того, что живу я сам – Прага, Виноградьі, Ходская, 13, пятый этаж без лифта…». Соседи за долгие годы так и не смогли с ним познакомиться – говорят, что приходил он домой за полночь, часто с разными девушками, а после его трагической гибели от утечки газа в постели с восемнадцатилетней возлюбленной выяснилось, что он не заплатил за снятый гараж в первом этаже дома, тот самый гараж, который сейчас завален хламом, изрисован граффити, и который снимают местные борцы с насекомыми, проще говоря, дезинсекторы…

Об уровне Шлитра говорит не только то, что он написал с десяток шлягеров, которые чешские исполнители поют до сих пор, но и то, что среди его многочисленных почитателей был, например, Ян Верих.

Тут же, на нашей улице, есть еще две местные достопримечательности. Во-первых, легендарное кафе «Bullerbyn», чьи создатели были вдохновлены повестью Астрид Линдгрен «Мы все из Бюллербю». Как так могло получиться – ведь это же одна из моих любимых книг, многажды перечитанная в детстве! Теперь имена Лассе, Боссе, Улле, Анны, Бритты и Лизы я читаю на стенах кафе. Оказывается, в Чехии повесть входит в программу литературы средних школ. Почему же мы вместо этого читали в школе «Преступление и наказание»?

Вторая достопримечательность – старейшая на Виноградах «Kozlovna», небольшая пивная, давно ставшая местом «для своих». Каждый день я вижу из своего окна одних и тех же мужчин и женщин. И даже в новогоднюю ночь все они тут – обязательно до часу ночи. Старая овчарка по имени Дат тоже приходит сюда вместе со своей хозяйкой и послушно лежит у дверей, обычно с семи до десяти вечера.

В нашем одиннадцатом номере по Ходской никто из знаменитостей пока не жил. Хотя две небезызвестные в Праге сто с лишним лет назад фамилии находятся у всех входящих в парадную прямо под ногами. Плитка, сделанная на фабрике легендарных Фердинанда Барты и Карела Тихого, украшает сейчас лучшие дома на Парижской – и наш виноградский дом.

Ну что же, можно, пожалуй, перейти от ближнего к моему дальнему виноградскому кругу.

Он связан уже не с прогулками, а с походами по делам – или в более приятные места, то есть пивные и рестораны.

Ровно в квартале от пивной «Lokal», куда я захожу не реже двух раз в неделю, на углу Корунни и Будечкской стоит вполне пристойный буржуазного вида дом со странной надписью «Kravin» над входом. Именно здесь на первом этаже находилась в 1911 году легендарная господа пана Звержины, в которой собирался исполнительный комитет созданной Ярославом Гашеком и его друзьями «Партии умеренного прогресса в рамках

закона». Манифест партии начинался такими словами: «Как только имперский совет был распущен, наш исполнительный комитет, резиденцией которого является «Коровник» на Краловских Виноградах, вынес постановление принять горячее участие в избирательной кампании, выдвинув своего кандидата; и в «Коровнике» вывесили следующий манифест…»

Именно тут, в «Кравине», в том же 1911 году Гашек зачитал «Доклад о недоброкачественных продуктах и суррогатах», прочел лекцию о национализации дворников; тут же было основано литературное кабаре «У братьев маккавеев», первой театральной постановкой которого стала одноактная пьеса Гашека «Чашка черного кофе», которую он написал на спор тут же, заключив пари о том, что сам сыграет в ней пять ролей.

Глядя сегодня на скучные вывески йога-студии, никак не украшающие окна славного когда-то «Кравина», трудно даже пред-

ставить, что именно здесь в день выборов в австрийский парламент, на которых Гашек был выдвинут как кандидат от нигде не зарегистрированной партии, происходили такие вот бурные события: «Мы чувствовали себя в «Коровнике», словно укротитель среди хищников. <…> Наш голос был гласом вопиющего в пустыне, вокруг которого рыкают львы; мы были словно благоухающий цветок, теснимый со всех сторон сорняками. Мы стояли, словно невинное дитя на крыше затопленного домика, вокруг которого бушует грязный и мутный поток. Мы чувствовали себя, словно заманенная в логово позора невинная девушка, окруженная сводниками. Мы ощущали примерно то же, что человек, случайно севший без брюк на ежа. А вокруг нашей крохотной крепости все гудело от возбужденных голосов политических реакционеров, соблазнившихся велькопоповицким пивом и голосовавших за Хоца, или смиховским пивом в трактире «У Либалов» и голосовавших за Виктора Дыка. По несчастному стечению обстоятельств на нашем избирательном участке подавалось виноградское пиво, наши агитаторы вынуждены были то и дело бегать в уборную, к этому и сводилась вся их агитация избирателей. И вот представьте себе все это вкупе: уборная, коровник, партия умеренного прогресса в рамках закона, кандидат с толстой физиономией, необычная политическая программа, короче, все это не могло окончиться ничем иным, кроме как, выражаясь красивым французским словом, – débácle, крахом».

Не помогли ни лозунги типа таких: «Избиратели, протестуйте избирательными бюллетенями против землетрясения в Мексике!», «Раздам среди своих избирателей триста билетов сербской государственной лотереи, на которые можно выиграть пятнадцать миллионов франков золотом», «Каждый наш избиратель получит карманный аквариум», ни плакат, гласивший: «Примем добродетельного молодого человека для клеветы на конкурентов». На выборах тогда победил кандидат национально-социальной партии Вацлав Хоц, но то, что Гашек выступил кандидатом именно от Виноград, а не от Жижкова, где ему установлен отличный конный

памятник работы Карела Непраша, так изящно пародирующий конный памятник Жижке, греет душу.

Гашек вообще был певцом Виноград. Помните эпизод из «Похождений бравого солдата Швейка», когда Швейк в полицейском участке беседует с милым интеллигентным господином, задержанным за сущий пустяк? Вот этот: «Словом, – продолжал несчастный подчиненный того начальника, который так великолепно справлял свои именины, – когда мы обошли с дюжину различных кабачков, то обнаружили, что начальник-то у нас пропал, хотя мы его загодя привязали на веревочку и водили за собой, как собачонку. Тогда мы отправились его разыскивать и под конец растеряли друг друга. Я очутился в одном из ночных кабачков на Виноградах, в очень приличном заведении, где пил ликер прямо из бутылки. Что я делал потом – не помню… Знаю только, что уже здесь, в комиссариате, когда меня сюда привезли, оба полицейских рапортовали, будто я напился, вел себя непристойно, отколотил одну даму, разрезал перочинным ножом чужую шляпу, которую снял с вешалки, разогнал дамскую капеллу, публично обвинил обер-кельнера в краже двенадцати крон, разбил мраморную доску у столика, за которым сидел, и умышленно плюнул незнакомому господину за соседним столиком в черный кофе. Больше я ничего не делал… по крайней мере не помню, чтобы я еще что-нибудь натворил… Поверьте мне, я порядочный интеллигентный человек и ни о чем другом не думаю, как только о своей семье».

И опять все дело происходило на Виноградах. Мало того, что это готовый сценарий для празднования дня рождения начальника отдела – у Гашека в этом эпизоде есть одно удивительное совпадение, опять же связанное с Виноградами. Когда выяснилось, что у разбушевавшегося ночью господина целых пять детей, причем старший из них – скаут, Швейк разразился такой тирадой: «Он скаут? – воскликнул Швейк. – Люблю слушать про скаутов! Однажды в Мыловарах под Зливой, в районе Глубокой, округ Чешских Будейовиц, как раз когда наш Девяносто первый полк был там на учении, окрестные крестьяне устроили облаву на скаутов, которых очень много развелось в крестьянском лесу. Поймали они трех. И представьте себе, самый маленький из них,

когда его взяли, так отчаянно визжал и плакал, что мы, бывалые солдаты, не могли без жалости на него смотреть, не выдержали… и отошли в сторону. Пока их связывали, эти три скаута искусали восемь крестьян. Потом под розгами старосты они признались, что во всей округе нет ни одного луга, которого бы они не измяли, греясь на солнце».

И надо же – ровно в квартале от «Кравина», в доме номер шестнадцать по Корунни почти всю свою жизнь прожил один из главных организаторов скаутского движения, прекрасный человек и замечательный писатель Ярослав Фоглар, чьи рассказы о «Быстрых стрелах» или «Тайну головоломки» читал в свое время чуть ли не каждый чешский подросток.

Вселенная Виноград постоянно и обильно пересекается со вселенной Гашека. И даже я, неофит, постоянно умудряюсь находить точки соприкосновения с этими вселенными. Вот лишь один пример – во дворе того самого дома на Фюгнеровой площади, куда я спустя двадцать семь лет после первого раза вновь пошел на бухгалтерские курсы, произошел вот этот замечательный эпизод из похождений Швейка:

«Вольноопределяющийся затих, потом начал вертеться под одеялом и наконец спросил:

– Вы спите, товарищ?

– Не спится, – ответил Швейк со своей койки, – размышляю…

– О чем же вы размышляете, товарищ?

– О большой серебряной медали «За храбрость», которую получил столяр с Вавровой улицы на Краловских Виноградах по фамилии Мличко; ему первому из полка в самом начале войны оторвало снарядом ногу. Он бесплатно получил искусственную ногу и начал повсюду хвалиться своей медалью: хвастал, что он самый что ни на есть первый инвалид в полку. Однажды пришел

он в трактир «Аполлон» на Виноградах и затеял там ссору с мясниками с боен. В драке ему оторвали искусственную ногу и трахнули этой ногой по башке, а тот, который оторвал ее, не знал, что она искусственная… и с перепугу упал в обморок. В участке столяру ногу опять приделали, но с той поры он разозлился на свою большую серебряную медаль «За храбрость» и понес ее закладывать в ломбард. Там его сцапали, и пошли неприятности. Существует какой-то там суд чести для инвалидов войны, и этот суд постановил отобрать у него эту серебряную медаль и, кроме того, присудил отобрать и ногу…»

Знал бы я, что трактир «Аполлон» находился как раз во дворе здания моих курсов, то, ей-богу, учился бы с двойным усердием!

Когда я иду по делам в нашу Виноградскую ратушу, а это происходит частенько, то вспоминаю ответ чиновника из юморески Гашека о том, как старухе Графнеровой отказали в просьбе принять ее в богадельню – ну как же, ей даже не исполнилось восьмидесяти восьми лет, из справки врача явствовало, что «она совершенно здорова, так как страдает только ревматизмом, воспалением почек, камнями в печени, катаром желудка, пороком сердца и другими пустячными недомоганиями», и радуюсь тому, что сегодняшние чиновники работают несколько более эффективно.

Вообще, конечно, связь с Гашеком у меня наитеснейшая – ведь его в свое время «зарезали» в Одессе пьяные матросы, причем зарезали не где-нибудь, а в нашем знаменитом «Гамбринусе», директором которого работает мой одноклассник. Тут, как говорится, никаких комментариев не требуется.

Помимо ратуши на площади Мира есть несколько важнейших мест. В здешнем неоготическом соборе Святой Людмилы венчались и Йозеф Чапек, и все тот же Гашек, в театре на Виноградах снимали один из самых моих любимых фильмов, «Иллюзионист», а в Народном доме выступали Маяковский и Бунин. Бунин выступил тут с докладом о творчестве Льва Толстого 23 октября 1936 года, но ничего о пражском вечере никогда не написал, разве что упомянул его в письме в редакцию «Последних новостей», в котором жаловался на отвратительное отношение к нему германских таможенников на обратном пути во Францию. Маяков-

ский же, выступавший тут 23 апреля 1927 года, наоборот, красочно описал свою поездку: «Большой вечер в «Виноградском народном доме». Мест на 700. Были проданы все билеты, потом корешки, потом входили просто, потом просто уходили, не получив места. Было около 1500 человек. Я прочел доклад «10 лет 10-ти поэтов». Потом были читаны «150 000 000» в переводе проф. Матезиуса. 3-я часть – «Я и мои стихи». В перерыве подписывал книги. Штук триста. Скучная и трудная работа…».

В отличие от Бунина, почитателей у него в Праге было множество. Зал этот – действительно на семьсот мест – по сю пору носит имя Маяковского.

Мы с друзьями тоже частенько ходим в Народный дом. Причина проста – сегодня в первом этаже находится бельгийская брассерия BRUXX, куда дважды в неделю привозят из Голландии свежие мидии и устрицы и где можно выпить отличное бельгийское пиво. Тем, кто в Праге впервые, я обязательно рассказываю о Маяковском – это придает трапезе более возвышенный, интеллектуальный характер.

В квартале оттуда, почти на углу Английской и Бальбиновой, до сих пор работает и прекрасно себя чувствует господа «У золотого литра», вход которой украшен мемориальной доской с надписью о том, что именно здесь (скорее всего, в 1906 году) была основана уже описанная выше «Партия умеренного прогресса в рамках закона». Почти напротив – отделение банка «Česká spořitelna», банка с самыми красивыми в Праге отделениями, почти каждое из которых является архитектурным шедевром. Отделение на Английской, войти в которое можно и с Югославской, украшено фресками Франтишека Якуба и Вацлава Кеймара, а проект самого помещения банка разработан великим Освальдом Поливкой. Неудивительно, что в роскошном холле возле фонтана всегда можно найти и взять себе на память иллюстрированную брошюру, посвященную истории создания этого отделения. У меня их уже с десяток.

Дойдя до угла Английской и Лондонской (в Одессе я регулярно оказывался на углу Тенистой и Солнечной, а в Праге выходят какие-то британские совпадения), я либо иду дальше, в кафе «Деминка» (ну что им мешает изменить в названии одну букву?), где

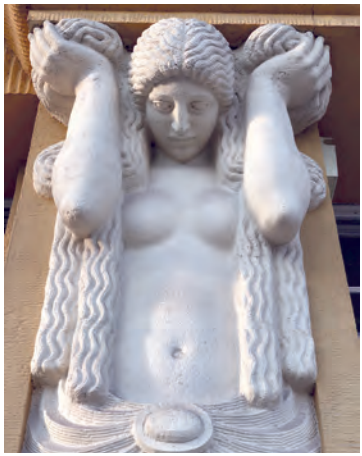
в свое время встречались Кафка с Гашеком, а я встречаюсь в основном с куриным шницелем, либо же поворачиваю налево, в бистро к давнему одесскому знакомому Юре Колеснику. А мимо отеля «Беранек», куда я раньше специально приезжал с другого конца города, чтобы со священным трепетом его сфотографировать, – еще бы, тут бывали Цветаева и Набоков, Горький и Северянин, Берберова и Ходасевич, а младший сын Виктора Васнецова Михаил наконец чудесным образом встретил вырвавшихся в 1925 году из Одессы и потом Москвы жену с сыном – я теперь пробегаю, торопясь в аптеку. Пробегаю, но все равно уважительно ему кланяюсь – разумеется, незаметно для окружающих.

Другой мой виноградский маршрут пролегает по улице Яна Масарика мимо бывшей президентской виллы, и дальше через чудесную Америцку площадь с фонтаном на Лондинску – туда я отвожу в детский сад дочку. От детского сада до знаменитой школы, в которой учились два чешских президента, всего квартал, но какой! В доме номер тридцать находился сто лет назад клуб «Русская беседа», в котором состоялось 20 ноября 1922 года первое публичное выступление Марины Цветаевой после ее приезда в Чехословакию. А в доме напротив (Londýnská 217/33) жил академик Владимир Андреевич Францев; именно он выдвинул в 1933 году на соискание Нобелевской премии по литературе Ивана Бунина.

Надо признаться, что ходить по нашим Виничным горам, засаженным в 1358 году по указу Карла IV виноградниками, да так, что «весь ландшафт к востоку от Праги, от Нусельского удоли до последнего склона Виткова, был засажен виноградной лозой», порой непросто, особенно после обеда с пивом. Добраться из точ-

BARTA&TICHY
Praha.

PAVEL SOYKA
PETR SOYKA
MARTA SOYKOVÁ



ки А в точку В часто можно разными маршрутами, и опытные ходоки выбирают те, что проходят по более ровным местам.

Одно из таких «ровных мест» и заодно третий маршрут «большого круга» – площадь Иржи из Подебрад, легендарная Джей-зипи – экспатам сложно выговорить чешское имя Иржи. Сюда я хожу на устраиваемые Александром Морозовым в «Пельменарне» лекции, на завтраки в «Cafefin» или «Le Caveau», на рынок за овощами, любуясь каждый раз не похожим ни на какой другой костелом Пресвятого Сердца Господня, шедевром словенца Йоже Плечника, который не только стал главным архитектором в Любляне, но и модернизировал по просьбе Масарика Пражский град. Плечник даже использовал некоторые обломки от собора Святого Вита в устройстве крипты.

Рядом, в садах Сватоплука Чеха, можно не только устроить отличный пикник, но и освежиться в жаркий летний день в только что построенных фонтанах. Если при этом читать цитаты из произведений Чеха, выбитых тут же в металле, то сам он, стоящий рядом, запечатленный в бронзе Яном Штурсой (жившим, кстати, тоже на Виноградах, на площади Мира), будет глядеть не так уж строго.

Ну а четвертый маршрут – это прогулка по лучшим в Праге Гавличковым садам. Тем самым, о которых многократно цитируемый Гашек писал так: «На окраине Виноградов, ближе к Вршовицам, и расположились те самые удивительные Гавличковы сады – бывшее владение немца Гребе, который вложил высосанные из чешского народа деньги в свое блестящее начинание и создал на склоне Нусельской долины самый прелестный парк в Праге. Сотни тысяч истратил он на это дело, чтобы потом его виллу и роскошные сады арендовала княжеская чета Виндишгрецов, и наконец виноградский магистрат выкупил этот парк у их наследников и сделал общественным достоянием, дабы всяк желающий мог вдоволь надышаться чудесным воздухом, погулять здесь, где ароматы цветов, запахи хвои и лиственных деревьев в разнообразнейших его уголках как бы переносят посетителя в мир настоящей природы, прочь от городского шума в сельскую тишь, чтобы каждый налюбовался (какое же это в общем невыразительное слово: *налюбовался*) тем, что сильнее всего действует на душу: зеленью деревьев, изумрудной травой, короче, тем,

что находит отзвук в сердцах истинных любителей природы, для которых лес – не сажени древесины, а луг – не центнеры сена. Чтобы люди могли послушать пение птиц, посмотреть на скалы, пещеры, фонтаны и пруды, хоть и искусственные, но выполненные так умело, что повторяют капризы природы в мельчайших подробностях».

И хотя в остальной части своего фельетона, который так и называется, «В Гавличковых садах», он в своей привычной язвительной, а в этом фельетоне еще и совершенно зощенковской манере высмеивает «их нравы», а точнее – нравы тогдашних обывателей, семей Павлоусковых и Боусковых, – восхищение лучшими в Праге садами скрыть все равно не может.

Как не смог и я, попав сюда впервые много лет назад и сразу решив, что хочу жить где-то рядом, а лучше – совсем рядом.

Сегодня в Гавличковых садах летом танцуют по выходным бачату и танго и смотрят театральные представления, зимой катаются на катке, а осенью происходит главное местное событие – Vinobrání na Grébovce, сбор винограда с растущих тут двенадцати тысяч кустов, последних кустов, растущих тут, на Королевских Виноградах, чья славная история включает в себя годы, когда они были отдельным самостоятельным городом, причем четвертым по численности городом в Богемии.

«Мои» Виноградыы – это и расположенные на месте старых виноградников Ригровы сады с потрясающим видом на Прагу и находящимся рядом, на Шопеновой улице, необычным домом Лайхтера, построенном по проекту Яна Котеры; и легендарный «Český rozhlas», куда меня иногда приглашают на запись; и даже деревянное фотоателье великого фотографа Йозефа Судека, перенесенное из Виноград на Малу Страну.

В общем, я мог бы смело перефразировать знаменитое высказывание Хемингуэя о Париже, отнеся его к Виноградам.

Ах, Одесса

364 **Александр Солодянкин**
Моя Слободка и дядя Боря Березкин с площади Звезды

371 **Вячеслав Вольф**
Новые туфли

374 **Лариса Маламуд**
Помолюсь как умею

Александр Солодянкин

Моя Слободка и дядя Боря Березкин с площади Звезды

Мир меняется. Совсем не в смысле, что раньше трава была зеленее. Наше поколение жило в трех разных эпохах: до факса, во время факса и после факса. Аналогично сказать про видеомагнитофоны, пейджеры и многое, многое другое.

В каждое время были свои открытия, удивления и… «тормоза». Если раньше бабушки судачили обо всем на скамейке перед подъездом, то теперь они телефонизировались и погружены в групповой чат и видеозвонки. Скамейки перед домами стали местом прибежища дворовых котов и случайно загулявших личностей, возвращающихся из гостей. Бабушки наблюдают с балконов и лоджий и тут же делятся новостями с давешними соседками по скамейке.

Так со временем и мне пришлось трансформироваться. Сначала укоротить дистанции ежедневных забегов. А потом и вовсе каждый выход из дома считать за событие. А поездка в город превратилась вообще в праздник.

Не знаю, как в других городах, но я всю жизнь езжу в Город. Сначала со Слободки, потом с судоремонтного поселка. Для каждого понятие Города свое. Так в детстве вечером ездили на «6-й район» за хлебом. Это был «6-й район» на Косвенной, а город начинался через две трамвайные остановки, по ту сторону Комсомольской. А с судоремонтного поселка минут пятнадцать троллейбусом до политеха, это в политех. А далее три остановки до вокзала, это уже Город. Наверняка у жителей Гимназической и обеих Арнаутских тоже есть свой Город, постепенно сужающийся в размерах и понятиях по мере приближения к Дерибасовской.

Более пятидесяти лет живя под самой крышей, чувствуешь себя по меньшей мере воздухоплавателем, когда на горизонте

в семь утра видишь, как взлетает киевский самолет. Мысленно в самолете готовишься к вечной бориспольской суматохе, чтобы потом через несколько часов оказаться в одной из европейских столиц. Апофеозом может служить воспоминание об одной из поездок, когда по пути в Киев загнул на память страницу в бортовом глянце, а через пару часов по пути в Европу оказался в том же самолете на том же самом месте, где и продолжил его чтение с отмеченной легким загибом уголка страницы.

А пролетающий в 7:45 прямо надо мной по дороге на работу жулянский Ан-24 просто уносит тебя в детство. Из нового дендропарка Победы в старый Дюковский, и тоже Победы. Заборы вокруг парка уже сняты, осталась только стена вдоль железки. На остальных участках о заборе напоминал невысокий бордюр из недоразобранного фундамента. Через проем в стене попадаем на импровизированное футбольное поле – пустырь между парком и железной дорогой. Четырьмя камнями обозначены двое ворот. И начинается футбол. Время исчисляется пройденными железнодорожными составами, сбитыми коленями и засохшей пылью вокруг пересохших ртов. Редкий футбольный матч оставался без приветствия машиниста зеленого луганского тепловоза, медленно и тяжело тянущего безразмерный состав с Заставы Первой на Сортировочную. После такого приветствия сам собою случался небольшой перерывчик, во время которого футболисты вслух считали вагоны. До спасительного крана во дворе оставалось еще несколько часов, а потом, напившись вдоволь, шли домой привести себя в порядок. После утоления жажды кушать совсем не хотелось. Домучив рожки с котлетой, начинали вечернее гуляние. Под рассказы старших пацанов «О королях Слободки» заодно уяснялась местная иерархия. В памяти остались разговоры про Бецала и Шанхая. Если Бецал был невысокий кучерявый парень, чем-то похожий на Яшку Цыгана из «Неуловимых», то Шанхай был высоким красивым парнем с длинными вьющимися волосами. За давностью лет рассказы про их «подвиги» отошли на задний план и покрылись местами патиной. Равно как и завершающие на ночь рассказы про черную руку, наводившие шорох на нас – малышню, и потом еще на многие поколения после. Это те герои, которые остались навсегда в нашем детстве.

Но самое острое чувство вечером, когда киевский самолет возвращается в Одессу и, включив фары, устало проползает на посадку буквально по крышам пятиэтажек. Игра воображения заставляет поверить в картинки его дневных путешествий. Благо разыгрываться воображению есть где.

Вечер заканчивается последним стамбульским рейсом, когда турок резко и очень красиво набирает высоту и уносится к красотам и прелестям средиземноморского «олл-инклюзива».

Умом понимаешь, что почти одновременно взлетающее МАУ (в разговорном обиходе – «МЯУ»), вечно загруженное подарками для прагматичных родственников, не может позволить себе такой лихой маневр, но красота – это великая сила, и не нам опровергать эти аксиомы жизни.

Все эти наблюдения чем-то напоминают героев «Безымянной звезды», прогуливающихся по станционному перрону во время прохождения скорого поезда «Бухарест – Синая». Поэтому постоянно стараешься уйти с этого перрона, а еще лучше – улететь. Улетать получалось, но, стоя на Монжуике и любуясь восхитительной панорамой, прорезанной неземными шпилями «Саграды», при виде пяти самолетов, одновременно по длинной дуге заходящих на посадку, почему-то сразу хочется домой на перрон провожать проносящуюся мимо жизнь в скором поезде…

Может, это просто старость подкралась незаметно. Или, как у Ахмадулиной, «…Хорош ты, град Петров, да надобно домой».

А при чем же здесь дядя Боря Березкин?

Постараюсь ответить.

Первые воспоминания в жизни связаны со Слободкой. На свадьбе сестры я со сверстницей лазаю под длинным, через всю комнату, столом под предостережения старших о битом стекле. Это уже потом выяснилось, что родился на Пересыпи, в начале Московской. Тяга к путешествиям с раннего возраста преследовала меня и звала в дорогу. В полуторагодовалом возрасте, согласно семейной легенде, через четыре двора я попутешествовал и нашел сестру у подруги. Не это ли истоки «испанской грусти», непонятной классику?

Итак, Слободка. Новые дома на площади Звезды. Обоих топонимов не найти на карте. Новые дома – это нечетная сторона

Студенческой улицы, застроенная двухэтажными домами. Это уже потом, в девяностые, давно уехав из этого патриархального райончика, узнал, что наши дома в округе до сих пор звались новыми. Для одноэтажной Слободки это были практически небоскребы. Название улице дал экипаж «вышки», откуда утром колонны курсантов отправлялись на занятия. Путь лежал через Фрунзе вверх по Курсантской лестнице на Дидрихсона. Курсантская лестница пестрела надписями о «любимых» курсовых офицерах.

Под вечер вектор движения курсантов сменялся на противоположный, причем отдельные из них не заканчивали движение у экипажа, а доходили до верхнего конца улицы и швартовались у Макара Анисимовича. Знаменитый председатель знаменитого колхоза Герой Соцтруда Посмитный открыл на так и не названной площади Звезды колхозный магазин, в котором в изобилии были плоды полей и огородов не только в твердом, но и в жидком виде.

Интереснее с площадью. Как мне кажется, это единственное место в Одессе, где одновременно сходятся (или расходятся, как лучи звезды) пять улиц: Маловского (бывшая Студенческая), Парковая, Рачкова (одно время Мориса Тореза – бедняга Торез свихнулся бы, выясняя, что общего у него с Одессой вообще и с этой улицей в частности), Нерубайская и Левадная.

Идеологическим центром площади служила афишная тумба высотой метра два-три, сделанная из отрезка большой толстой трубы. Внутри трубы пацанами был оборудован наблюдательный пункт. Жители Слободки узнавали из афиш и объявлений о культурных новостях города. А тумба была обязана пытаться приобщить жителей округи к прекрасному. Очень привлекали внимание афиши музыканта с экзотический фамилией Крыса, периодически гастролировавшего тогда в Одессе. Редкий прохожий оставлял без комментариев эту экзотику.

Сходящиеся в точку улицы были не похожи друг на друга. Утро начиналось в четыре часа звонками первых трамваев, идущих на работу на Пересыпь. И заканчивалось во втором часу ночи последними трамваями, плетущимися в депо. Иногда, правда, вагоновожатый торопился глубокой ночью, и тогда трамвайный грохот будил соседей. А пыль после долго не могла осесть. По трем из улиц ходил трамвай, причем на двух из них было выделенное

полотно, и только на Нерубайской, застеленной грубой брусчаткой, трамвай занимал практически всю проезжую часть односторонней улицы. В детстве захватывало дух от редких лихачей, врывавшихся «под кирпич». Ведь приближение трамвая было слышно всем, кроме обезумевшего лихача, пытавшегося сэкономить три минуты на объезде по соседним улицам. Студенческая была дорогой в город. Говоря шире, в большую жизнь. По ней ехали утром на работу, соседи по ней отправлялись на грузовиках, наполненных домашним скарбом, на новые квартиры. И, конечно, это была дорога к морю. Как покупаться в Лузановке, тогда единственном песчаном пляже в черте города, так и уйти в рейс. Соседями были в основном отставные военные моряки, но некоторые из них в то время еще проходили службу. В играх вместо солдатиков использовались гильзы как от патронов военного времени, найденные просто во дворе, так и современные гильзы, привезенные служивыми родителями с Севера, приехавшими в отпуск.

По Парковой ходили на Поселок ЗОР и в Мичуринский садик, где каждую осень по вечерам натрушивали орехи. С этим связаны запахи осени: специфический запах ореховой скорлупы на желтых от нее руках и тонкие вечерние пряные туманы от жженой прелой листвы. Запрет жечь листву стал выполняться гораздо позже.

Улица Рачкова – это дорога через Русский скверик, бывший кладбищем еще каких-то лет восемьдесят назад, в школу и больницы, построенные на Полевой улице, образованной чертой последнего порто-франко в нашем городе. Из школы, сделавшей не только меня человеком, запомнились семейные легенды учителей, рассказанные на классных часах. Про чуму, холеру, войну и еще про многое. Эти рассказы стали отправной точкой, неким побудительным мотивом для открывания нового про город и его нерядовых жителей.

А по Левадной все ходили на Слободку. Тут тоже работал некий стереотип по аналогии с Городом, о чем писал выше. Дорога на базарчик была целым путешествием с ритуалом: посидеть в жаркую погоду на низком грибке пожарной колонки, верхний козырек которой очень напоминал немецкую каску, которые в то время еще находили на свалках. Во взрослом возрасте я безуспешно пытался сесть на него, постоянно сваливаясь. Лет

двадцать назад он бесследно исчез, уступив место асфальту расширяемой проезжей части вместо грунтовки, пыль от которой при ветре поднималась красивыми вихрями над одноэтажными домиками, окна некоторых из них буквально врастали в землю. Покрашенные зеленой краской рамы частично восполняли недостаток живой зелени под окнами.

Только по Нерубайской дальше летнего кинотеатра никогда не бывали. Улица упиралась в Слободское кладбище. Это уже потом, будучи взрослым, узнал, что там покоилась жена Воронцова, но это уже совсем другая история.

Если с площадью Звезды немного прояснилось, то при чем же здесь все-таки дядя Боря Березкин?

Так вот, на безымянной площади всегда находился центр общения: продовольственный магазин, миниатюрный дом быта, уже упомянутая лавка, в обиходе коротко называемая «Посмитный», и молочная будка, или «тетя Аня». Главным среди них был, конечно, продмаг. Хотя слова «продмаг» в детстве я даже никогда и не слышал. Это был просто магазин. За долгую жизнь там сменилось уже три строения, а поколений продавцов и не счесть. В детской памяти остался мой первый магазин с округлыми витринами прямо из «Книги о вкусной и здоровой пище» еще сталинских времен. В основном тот момент, когда его развалили, и за развалкой стоял новехонький магазин с большими, сверкающими чистотой окнами. Покупатели ходили туда по остаткам пола старого магазина, а после его разборки мальчишки искали и находили диковинные дореформенные белые монеты, которые, в отличие от медяков, не продолжили хождение после 1961 года.

В магазине продавалась колбаса, сыр, крупы и консервы. Вероятно, и алкоголь, но в детской памяти это не зафиксировалось. По бокам продовольственного магазина наличествовало еще два окна: слева продавался хлеб, а справа – пиво-воды. Такое соседство объясняет любовь слободских мужчин к хлебу. Ведь сразу после его покупки можно было в соседнем окошке утолить жажду. Хлебом торговал дядя Боря. Это был крупный мужчина с крупными чертами лица и большой головой, которую только и было видно в маленьком прямоугольном окошке хлебной будки, которая была неотъемлемой составной частью магазина.

На нем всегда был надет белый жакет. Жакет на нем можно было увидеть, когда приезжала хлебная машина, и он выходил на улицу принимать ароматный товар. Запах свежего хлеба всегда рождал желание вгрызться всеми еще тридцатью двумя зубами в обалденно вкусную корочку. Так что домой приносил заметно обглоданную буханку, с перебитым аппетитом. Этот далеко не молодой человек своим неторопливым доброжелательным разговором внушал всем окружающим спокойствие и уверенность в качестве продаваемого хлеба.

Однажды дядя Боря говорил со своим собеседником, расположившимся где-то внутри его будки, на каком-то непонятном языке. Сразу молодежь, воспитанная на «Подвиге разведчика», «Мертвом сезоне» и «Щите и мече» (до знакомства со Штирлицем оставалось еще три-пять-семь лет), что-то заподозрила. На мой вопрос мама ответила, что это он говорит на своем языке. Простая русская женщина не знала названия этого языка, а до моего знакомства с особенностями местных национальностей, да и вообще с национальностями, оставалась еще уйма времени.

Это уже далеко потом я понял, что они обсуждали не предстоящую октябрьскую демонстрацию, а ход Шестидневной войны и связанные с этим последующие события. А вскоре вместо дяди Бори появился новый продавец.

На этом можно было бы и поставить точку. Но я понял, что не могу ответить себе на вопрос, когда в мою жизнь, мое сознание вошли национальности. И когда я понял, что чем больше национальностей, тем интереснее жить. Но твердо уверен, что каждому в жизни должен пораньше повстречаться свой дядя Боря, который заставит задуматься.

Слободка, Слободка… Ты со мной всю жизнь…

Вячеслав Вольф

Новые туфли

В далекие, можно сказать, уже былинные времена, когда могучий советский рыболовный флот бороздил все моря и океаны, случилась эта классическая история. Ее аналог можно услышать в исполнении известного юмориста – правда, там задействована гостиница и загранпоездка, однако суть та же. Флот действительно был могучий – это не преувеличение. Количество добываемой рыбы и всевозможных рыбопродуктов, включая креветок, кальмаров, рапанов, мидий, головоногих, водорослей (которые успешно косили на одесской банке) наконец, было огромным. Если умножить население страны, а это двести семьдесят миллионов, на 22 кг рыбопродукции на одного, такое задание поставила партия перед рыбаками, то получается, как говорил мой технолог Петрович, «малохольная цифра». Траулеры и плавбазы всевозможных размеров сновали между морями, проливами, океанами, портами. Кто в район промысла, кто обратно, кто на ремонт в родной СРЗ, кому повезло больше – в иностранный порт.

Герой этой коротенькой темы был простым матросом траловой команды или цеха, может, он был тралмастером или рыбмастером, а возможно, что и членом машинной команды. Это, в общем-то, неважно. Был он большим модником, то есть человеком, который в иностранном порту большое внимание уделял своему гардеробу, а в восьмидесятые года прошлого века это был важный момент. Тогда человек сразу приобретал другой вид, смысл и вес, когда являл собой картинку из журнала западной моды. По крайней мере первое время. Значит, траулер нашего героя только как пару дней вышел из порта Лас-Пальмас, что на Канарских островах, и полным бодрым ходом, насколько позволяла

уставшая после промыслового рейса машина, бежал в родную Одессу. На точке отправления, то есть на Лас-Пальмасе, кратко остановимся. Потому как если длинно, то это будет диссертация на тему «Особенности оплаты труда работников МРХ СССР валютой и ее влияние на экономическое развитие отдельных регионов капстран». Канарцам, конечно, повезло с местоположением их родины. До прорытия Суэцкого канала остров был последним приличным местом, где можно было провести ремонт и пополнить судовые запасы перед полудиким в смысле снабжения и судоремонта западным побережьем Африки или дальней дорогой до Бразилии, Аргентины и прочей Южной Америки. После того как открылся Суэцкий канал, и зашиковали египтяне, денежный поток от судозаходов заметно ослабел, хотя радостные моменты в виде арабо-израильских войн и соответственного закрытия канала иногда случались. Но то были короткие всплески. На помощь хиреющему острову пришел могучий советский Минрыбхоз. Достаточно вспомнить, что первое представительство этой монстрообразной организации открылось на острове за два года до возобновления дипотношений между СССР и Испанией, в которой тогда еще при власти был генерал Франко. И вот тут, как говорится, звезды сошлись! Огромное количество кораблей с большими экипажами и заработанной валютой, которую нельзя провезти в родной порт, – с одной стороны, и последний капиталистический порт по дороге домой – с другой стороны. Этот флеш-рояль дал мощный пинок экономическому развитию острова – засияли счастьем и достатком огни их ресторанов и магазинов!

Итак, вернемся на борт. А на борту – оживление, радостная суета и приподнятое настроение у всех. Хотя все по-своему, заняты. Начальники служб составляют заявки и отчеты, штурмана рисуют кальки для отработки ВМП (военно-морской подготовки) и попутно акты на списание всего, что только можно списать. Матросы и мотористы – на рабочем дне, а затем по интересам – солнечные ванны, упаковка подарков и отоварки, а также сэкономленного судового имущества (помним мудрую поговорку: моряк, на судне ты не гость, идешь домой – возьми хоть гвоздь!). Да и вообще, Средиземное море создает отличное настроение, особенно в хорошую погоду и особенно если движешься в восточном направлении курсом на родной порт.

Спортивная, по убеждению, часть экипажа и примкнувшая к ней часть жаждущих похудеть после малоподвижной сытой жизни занимались в основном волейболом. Устройство промысловых судов это позволяет. Деревянная палуба длиной в двадцать метров и шириной семь-восемь метров идеально подходила для этой игры. Для страховки между портальными мачтами натягивался тросик и к нему на толстой леске – мяч. Ну а вопрос сетки на наших судах отсутствовал как таковой. Итак, народ играет, судно идет полным ходом, наш герой в новых кожаных мокасинах за невменяемые в те времена деньги (в две месячные валютные части зарплаты) гулял в кормовой части. Наверное, представлял, как гуляет вечером в них по Дерибасовской, или, может, просто задумчиво смотрел на кильватерный след и курил вкусную американскую сигарету. Все было скучно до тех пор, пока ему в голову не прилетел волейбольный мяч. После «добрых» слов в адрес олимпийской сборной парохода по волейболу он решил их немного попугать потерей дефицитного (кстати, купленного за культфондовскую валюту) мяча. Сделать это он решил по-футбольному и попутно подчеркнуть преимущество этого любимого в Одессе вида спорта. Поставил мяч на палубу с мстительной мордой игрока «Черноморца», бьющего пенальти в ворота киевского «Динамо», и со всей дури лупанул по нему правой ногой в сторону борта. Да, мяч полетел за борт, но так как был привязан за леску, то не погиб в волнах Средиземного моря. А вот дорогой любимый испанский мокасин к леске привязан не был и под громкий фонтан мата скрылся за бортом. Длинная драматическая пауза. Но моряки не сдаются даже в таких ситуациях, даже когда эти волейбольные гады, твои соплаватели, кричат, ржут и всячески издеваются. Снимается вторая дорогая и любимая туфля и отчаянным броском отправляется в синие воды. Немного успокоившись, наш герой, подойдя к борту для помахать вслед своим невероятным туфлям, был убит второй раз, и наповал. На кранце* горделиво, хотя и слегка виновато стоял правый дорогой любимый, невредимый испанский мокасин. Занавес.

* Кранец – резиновый баллон для защиты борта судна от повреждений при швартовках.

Лариса Маламуд

Помолюсь как умею

Перед поездкой в Одессу Марина купила Шурику кулон. Выбрала его в узком темном магазине иудаики в Старом городе. Казалось, и магазин, и его сухопарый хозяин Эфраим застыли в семидесятых годах прошлого века, но именно сюда Марина приходила за подарками заграничным друзьям. Рассказывала, куда едет, кому хочет привезти сувенир, и хозяин всегда находил что-то подходящее.

– Подарок для брата, – повторил за Мариной Эфраим. – Тут нужно что-то особенное.

«Ты даже не представляешь, насколько особенное, – подумала Марина. Он сам по себе особенный, и у него тонкий вкус».

В юности она всегда советовалась с Шуриком по поводу нарядов.

Эфраим выложил на прилавок три синие бархатные подушки с несколькими десятками кулонов. Марина сразу увидела этот – золотой, лаконичный, без завитков и каменьев. Он удобно лег ей в ладонь и излучал тепло. Кулон был не слишком легким, не слишком тяжелым, не слишком блестящим, не слишком простым. Он был «не слишком», а как раз таким, какой придется по душе ее брату. Брат, в вечных джинсах и клетчатых рубашках, украшения не признавал. Ни цепочки, ни, боже упаси, перстни. Ну с перстнями-то ясно, ему при всем творческом названии профессии «театральный художник» много приходилось делать руками самому. Но простенький кулон חי* у него был, он купил

* חי – значение слова «хай» – жизнь. В гематрии (учении о буквах и числах в иудаизме) хай равен числу 18, которое является духовным числом в еврейской традиции. Его изображение часто носят в виде подвесок.

его себе в последний приезд в Израиль. Возможно, подумал, что шестиугольная звезда Давида будет чересчур вызывающе смотреться в сочетании с его славянской физиономией, а короткое слово «хай», означающее «жизнь», поможет в столь непростой, но любимой им жизни. Протянул сквозь ушко черный шнурок и надел на шею.

Марина удивилась, но промолчала. Не в его стиле было носить украшения, к тому же связанные с иудаизмом. В их доме это не было принято. Изредка, раз-два в год, папа доставал маген Давид** на золотой цепочке и свадебную фотографию своих родителей, клал на стол и несколько минут разглаживал ладонью пожелтевший снимок. Потом складывал обратно в деревянную шкатулку с вырезанными на крышке елочкой и солнышком и надписью «Карпаты» и ставил в книжный шкаф, всегда рядом с темно-зеленым томом Диккенса. Марина знала, что маген Давид передается в семье по отцовской линии еще от прадеда – васильковского бондаря. Чего Марина не знала, так это того, что папа за несколько месяцев до смерти надел маген Давид и уже не снимал. Так и положили в гроб. Она жила в Израиле, последние годы отца прошли без нее. На похороны не попала: тогда, двадцать пять лет назад, это было сложно. Получить срочную визу не смогла, полетела летом, через полгода, и привезла маму к себе. После этого в Одессу не ездила много лет, в отпуск старалась выбраться в Европу, наверстывала упущенное. Летала и ездила, смотрела и вдыхала, впитывала и пробовала Европу на вкус.

А потом решила поехать в Одессу, детям город показать. И поняла, как же она соскучилась. После той поездки жгучее, как перец халапеньо, желание оказаться прямо сейчас на Приморском бульваре или в Пале-Рояле настигало ее в самых неподходящих местах в абсолютно неподходящее время. В Одессе она по-другому дышала и двигалась, ела и пила то, что давно не позволяла себе во взрослой жизни – сочащийся бархатистым заварным кремом наполеон или пирамиду мороженого, политого шоколадом. После спектаклей они с братом шли в «Гамбринус», пили пиво и говорили, говорили. В Одессе жили люди, которые помнили ее еще

** Маген Давид – шестиугольная звезда, щит Давида.

девочкой, в Одессе жил единственный человек в мире, которого она могла назвать родным.

* * *

Марина прилетела накануне вечером. Шурик встретил ее вместе с другом. У него самого не то что машины, и прав-то никогда не было. Они отвезли ее в гостиницу, по дороге обменялись последними новостями и договорились встретиться в двенадцать. Марина остановилась в «Дерибасе», в самом центре. Позавтракала сырниками в «Компоте» напротив гостиницы и успела пробежаться по любимым местам. Поздоровалась с Пушкиным на бульваре, дошла до Дюка, повернула налево к памятнику Екатерине, сменившему скульптурную группу потемкинцев, прозванную в народе «Утюгом». Вернулась на место встречи, села в кафе и высматривала в толпе знакомую серебристую шевелюру.

– Приветик, – Шурик плюхнулся за столик, выставленный чуть ли не на середину Дерибасовской.

– Ты в своем репертуаре. Сижу уже полчаса как дура.

– Каждый сидит как умеет. Да ладно, всего на двадцать минут опоздал.

– Пользуешься моей слабостью к тебе.

– Капучино, пожалуйста, – сказал он белобрысому официанту в бордовом переднике. – И бутылочку минеральной. Тортик будешь? – это уже Марине. – Не хочешь – как хочешь.

– Не задабривай меня тортиком. Лучше бы научился приходить вовремя, – буркнула Марина.

– «Вы так печальны, дорогая, как будто горе есть у Вас», – густым баритоном пропел Шурик первую фразу из арии Елецкого в своей извечной шутовской манере. – Смотри, что принес. Никому раньше не показывал, – посерьезнев, он вытащил из холщовой торбы старомодную красную папку с завязками. Друг в Москве в архиве нашел.

Он достал сложенный вчетверо листок, развернул, придержал ладонью от налетевшего ветра и начал читать:

«Я, Смирнова Ангелина Ивановна, отказываюсь от родительских прав на Смирнова Александра Ивановича, родившегося, – го-

лос его дрогнул, но после заминки он продолжил, – родившегося двадцатого марта тысяча девятьсот…»

– Я знаю, когда ты родился – перебила Марина.

– «Тысяча девятьсот пятидесятого года в Москве», – заупрямился он. – Ивановича. Фантазии не хватило. Если бы по батюшке отчество дала, был бы я Хансовичем. Или Иштвановичем. Значит, сделали меня в июне. Звезды, соловьи, романтика… Где там деревенские девушки любовь крутили? На сеновале? – в его голосе появилась горечь, как от ломтика лимона, надолго забытого в чае.

– «У меня уже есть дочь пяти лет, и нет возможности содержать еще одного ребенка», – продолжил он, заученно проговаривая текст. – Мне разыскали в Москве эту дочь, сестрицу мою, стало быть, единоутробную. Зовут Елена. Надо же, как моя Алена, – он как будто удивился совпадению с именем дочери. – По телефону она сказала, что мать родила меня от военнопленного, то ли немца, то ли венгра. Мать работала ткачихой на Трехгорке, а она у бабки в деревне росла. Встречаться со мной эта Елена отказалась. Да и правда, о чем нам говорить? Нет, я бы расспросил ее про бабку, про мать. Кто такие, откуда, как жили и от чего умерли. Теперь-то уж чего… К ней у меня ничего нет. А знать полезно. Прихожу к врачу, спрашивает: «В семье диабет был?». А я что скажу? Не буду же всю бразильскую сагу пересказывать. А, слушай прикол. Кто-то из них, то ли бабка, то ли дед – чуваш. Получается, я на четверть русский, на четверть чуваш, наполовину европеец, а по паспорту – еврей. Обхохочешься…

– Папа с мамой тебе что-то говорили? Когда они ребенка в детдоме выбирали, узнавали, кто родители?

– Они меня не выбирали, это я их выбрал. Папа эту историю раз сто повторял. Они долго присматривались, иногда гуляли с детьми. Выбрали кого-то другого. Вообще девочку, кажется. Пришли документы оформлять, а я закричал: «Папа и мама пришли!». Вот они меня и взяли. Знаешь, мне в жизни повезло дважды, первый раз – когда я родился, второй – когда меня родители из детдома забрали.

– Знаю… Нам обоим с ними повезло.

– Ну, с тобой и им повезло. Умница-красавица, гордость и отличница. Не кота в мешке покупали. И с мамой твоей, царство ей небесное, дружили, и тебе уже двенадцать было. А со мной они нахлебались…

– Они тебя очень любили. И они, и бабушка с дедушкой… Смотри, что привезла, – Марина сменила тему и протянула Шурику серебристую коробочку. – «Хай», такой, как ты любишь, без наворотов, на тонкой цепочке. И кипу вязаную. Кадиш* нужно в кипе читать. Боже, как время летит! Скоро мамина годовщина.

– Не могу я читать Кадиш, какой из меня еврей? Помолюсь, как умею, – он вытянул из-под футболки нательный крестик и зажал его в кулаке.– И за рабу божию Ангелину…

* * *

Черный платок Марина не нашла. Взяла с собой другой, с крупным цветочным узором. Платок выдавал себя за изделие народных мастеров, хотя был фабричной дешевкой, купленной на турецком базаре. В зимние холода Марина набрасывала его на плечи.

Впрочем, черный ей и не нужен. Любой платок, повязанный под подбородком, удлинял ее и без того продолговатое лицо и придавал ему скорбное выражение.

Билет в Одессу она брала две недели назад. Хотела обернуться быстро, в пятницу туда, в субботу вечером обратно. Ей только повидаться. Не получалось, обратный рейс – в воскресенье. Что же, проведет с умирающим братом еще один день. Побудет с ним, поговорят, повспоминают. Может, посмотрят фотографии, может, выйдут на Соборную посидеть, если у него хватит сил.

Они были самыми близкими друг другу людьми, хотя ни капли общей крови в них не текло. Шурик – сын отдавшей его на усыновление подмосковной ткачихи и пленного немца, Марина – девочка из хорошей еврейской семьи. Хорошей, но куцей – мама и множество теней: папа, бабушка и дедушка. Папа превратился в тень по собственному желанию, а бабушку и деда увела в мир теней ранняя смерть. Когда вслед за ними ушла и мама, посторонние люди стали Марине родителями. Так у нее появился взрослый брат.

* Кадиш – поминальная молитва.

Шурик болел давно, но не лечился. Пил что-нибудь от болей в желудке и бежал дальше. Когда им удавалось поговорить по телефону, она присваивала себе роль их общей матери и ворчала:

– Ты к врачу ходил? Что сказали?

Он отшучивался и пытался делать вид, что все хорошо. Он всегда делал вид, что все хорошо. Надевал на себя маску веселого дурачка-недотепы, но она догадывалась о черной дыре в его душе, в которую он боялся упасть без возврата. Потом он пропадал на несколько месяцев. Вечно он пропадал – то гастроли в Италии, то занят постановкой «Мадам Баттерфляй». Жаловался на дрязги в театре и новое начальство, а она удивлялась. Он же такой славный, его все должны любить. Когда его не стало, Марина настаивала:

– Его всего любили.

Собеседник поддакивал:

– Да, да. Его все любили.

Полтора месяца назад Шурик позвонил и сказал, что все плохо. Марина сразу поняла, как действительно обстоят дела. Ужасно и безысходно. Она старалась говорить строго и конкретно. Шурик соглашался, пытался что-то делать, собирал документы для консульства, но обоим было ясно, что это уже ни к чему. Она торопливо повторяла:

– Приезжай, сразу пойдем к врачу, назначат лечение, ты сильный, ты справишься.

Она не представляла себе, как все будет, если он действительно доедет, но решила об этом не думать. Шаг за шагом, шаг за шагом.

Позвонила Алена. Сказала, что ночью у Шуры был инсульт. Иногда он приходит в сознание, слышит, что ему говорят, и сам может сказать несколько слов.

Через три часа Алена позвонила еще раз:

– Говорите, папа вас слышит, он сейчас в хорошем состоянии.

– Азохен вэй,** в хорошем состоянии, – Марина прижала телефон крепче к уху и забормотала, не дожидаясь ответа: – Я скоро приеду, Шурочка, жди меня, я очень тебя люблю, очень…

** Азохен вэй – писать следует «аз ох-н-вей», что дословно переводится как «Когда (хочется сказать) «ох» и «вей».

На кремацию Марина не успела. Шурик давно просил его тело сжечь, а прах развеять над морем. Не хотел никому усложнять жизнь: «Или будут тащиться через весь город двумя автобусами на Таировское и проклинать все на свете, или ругать себя за то, что давно у папы не были, теперь могилу и не найти, бурьяном заросла».

День был обычным – не морозным, не жарким, не ясным, не пасмурным. Так, ни то ни се – январь в приморском городе. Марина озиралась по сторонам, искала знаки, пыталась найти что-то, что придаст значительности событию, но все происходило казенно и буднично. Постояли в очереди. Алене под расписку выдали черную пластмассовую урну. Она поставила ее в захваченную из дому холщовую торбу. Не в руках же тащить. Деловито посовещались с таксистом. Решили ехать на Ланжерон. Не потому что покойный любил это место, не потому что гулял там с дочкой и внучкой в свой последний выход из дома, а потому что подъехать удобнее всего.

Людей на пляже было не много. Прогуливались, кормили чаек. Фотографировались туристы, приехавшие в Одессу на Новый год.

Они прошли в самый конец пирса, проверили направление ветра и выбрали момент, когда пирс опустел. Алена отвинтила крышку и опрокинула урну над морем. Поток воздуха подхватывал серо-серебристые хлопья, нес над волнами, но не поднимал. Они медленно ложились на воду перцем мелкого помола. Марина удивилась, что пепла так много. Сколько пепла остается после сожжения трупа взрослого мужчины?

Она достала из кармана ים, который долго сжимала в ладони. Рука стала потной, и еще несколько дней на ней оставался след от острого краешка. Марина бросила кулон в кучку пепла.

Пепел оседал в толще воды. И вдруг из-за облака вспыхнуло солнце. Море приняло прах брата. И его душу, искавшую и так и не нашедшую свое место на земле.

С пирса Марина пятилась на берег спиной. Так отходят от Стены плача. Шла медленно, чтобы не упасть в воду. Она старалась разглядеть место, куда легла кучка пепла с кулоном, но море накатило волну и утащило последние хлопья.

День сиял золотом бликов на гребешках упругих волн и синевой высокого неба. Такой сценой гордился бы любой театральный художник.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Молчание – знак несогласия 7

Юрий Михайлик
А она жива 9

Под звуки воздушной тревоги

Людмила Шарга
Мечты говорят о многом 14

Виктория Коритнянская
Ангелы с нами 16

Тая Найденко
В моем переводе 19

История, краеведение

Евгений Голубовский
Голландский след 22

Андрей Добролюбский
«Хаджибейские» казаки и «рыбаки» из Монкастро 27

Сергей Котелко
Первый дом Анатра в Одессе 38

Анна Голубовская
Татары шли вверх по Дальницкой 63

Тамара Каганович
Из тех, кто помнит мой город 73

Наталья Панасенко
Одесское окружение Корнея Чуковского: одноклассники 81

Павел Козленко
Фронтовой джаз 99

Феликс Кохрихт
Волонтер Пекарь 106

Проза

Арсенія Велика
Потаємний люк 116

Анна Михалевская
Дети Трещины 128

Григорий Барац
Война дворов 158

Игорь Паночишен
Катарсис 166

Леонид Лейдерман
Незабудка 178

Алена Жукова
Слоеный пирог 187

Никита Рыбаченко
Неудачник 198

Елена Андрейчикова
Вареные рачки 202

Витя Бревис
Ах, эта ночь... 204

Поэзия

Александр Кабанов
Война 206

Тая Найденко
Пятьсот дней войны 213

Максим Степанов
Мелодии 218

Анна Старко
Нові вірші 227

Искусство – жизнь – искусство

Тамара Михайличенко
Становление мастера 232

Феликс Кохрихт
Из гоголевской шинели ... 256

Инна Ищук
Украинский сказочник ... 261

Памяти Олега Сташкевича
Елена Каракина
«Интервенция» Олега ... 263
Юрий Хащеватский
На смерть Олега Сташкевича ... 269

Белла Кердман
Утро дожития ... 272

Виктория Коритнянская
Икона, типография Фесенко, оккупация, Одесса ... 281

Валерий Романов
Леонид Утесов в Эстонии ... 290

Евгений Голубовский
Гений здравого смысла ... 299

Публикации

Памяти Ильи Рудяка ... 304
Илья Рудяк
Хижина дяди Лёвы ... 306
Публикация Евгения Голубовского

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Сцена и музыка» ... 324

Путешествие

Евгений Деменок
Мои Виноградьі ... 340

Ах, Одесса

Александр Солодянкин
Моя Слободка и дядя Боря Березкин с площади Звезды ... 364

Вячеслав Вольф
Новые туфли ... 371

Лариса Маламуд
Помолюсь как умею ... 374

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 94

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 94

Издается с 2000 года

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 25.07.2023
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 100 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua